

Американская революция и образование США

Книга представляет собой исторический очерк революционно-освободительной борьбы североамериканских колоний Англии в 60-х - 70-х гг. XVIII века, а также войны за независимость 1776 - 1783 гг., результатом которых явилось образование буржуазной республики - Соединенных Штатов Америки. Главная тема книги - народ и американская революция. Основное внимание в ней сосредоточено на таких проблемах, как роль народных масс в борьбе за свободу, расстановка классовых сил в колониях, взаимоотношения различных групп и классов в ходе революционно-освободительного движения, а также - на проблеме 'прав человека', т. е. на вопросе о том, что же получил народ в результате революции. В работе использованы опубликованные документы и литература, а также материалы, полученные автором во время научных командировок в США и Францию.

- **О КНИГЕ**
- **ОБ АВТОРЕ**
- **ПРЕДИСЛОВИЕ**
- **Глава первая. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ**
- **Глава вторая. НАЧАЛО СОПРОТИВЛЕНИЯ**
- **Глава третья. РАЗВИТИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ**
- **Глава четвертая. ФЕРМЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**
- **Глава пятая. НАКАНУНЕ РАЗРЫВА С МЕТРОПОЛИЕЙ**
- **Глава шестая. ВОССТАНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ**
- **Глава седьмая. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ**
- **Глава восьмая. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1776-1781 ГГ.**
- **Глава девятая. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ США**
- **Глава десятая. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ**
- **Карты**
 - **Война за независимость английских колоний в Северной Америке 1776-1783 гг.**

Источник:

Фурсенко А.А. 'Американская революция и образование США' - Ленинград: 'Наука', 1978 - с.414

О КНИГЕ

А.А.ФУРСЕНКО

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ США

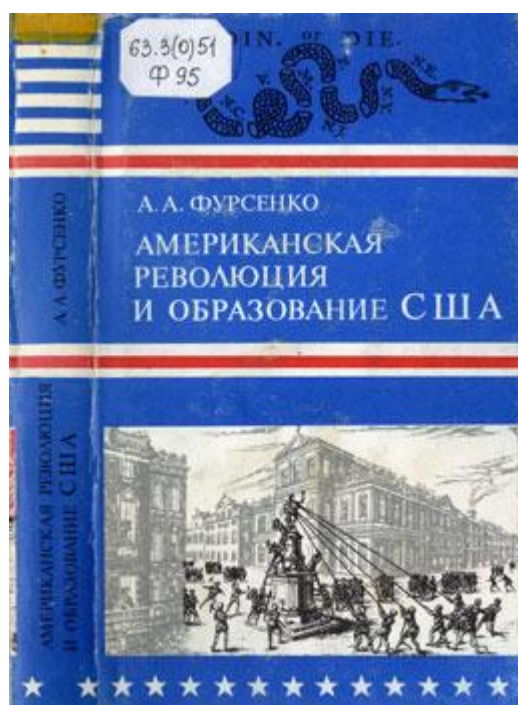
АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

А. А. ФУРСЕНКО 1978

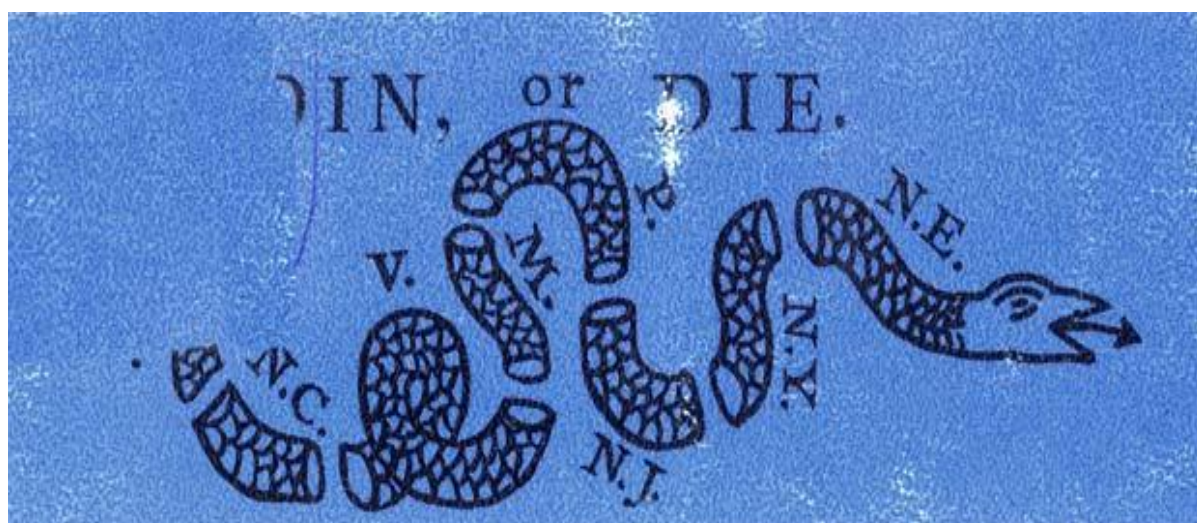
Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. И. РУТЕНБУРГА

Ленинград «Наука»

Книга представляет собой исторический очерк революционно-освободительной борьбы североамериканских колоний Англии в 60-х - 70-х гг. XVIII века, а также войны за независимость 1776 - 1783 гг., результатом которых явилось образование буржуазной республики - Соединенных Штатов Америки. Главная тема книги - народ и американская революция. Основное внимание в ней сосредоточено на таких проблемах, как роль народных масс в борьбе за свободу, расстановка классовых сил в колониях, взаимоотношения различных групп и классов в ходе революционно-освободительного движения, а также - на проблеме «прав человека», т. е. на вопросе о том, что же получил народ в результате революции. В работе использованы опубликованные документы и литература, а также материалы, полученные автором во время научных командировок в США и Францию.

Александр Александрович Фурсенко - Американская революция и образование США

Карикатура - «Объединимся или умрем»

Пожар Нью-Йорка в сентябре 1776 г.

Гравюра, изображающая участников демонстрации 10 июля 1776 г. в Нью-Йорке, низвергающих статую английского короля Георга III

Утверждено к печати Ученым советом Ленинградского отделения
Института истории СССР

Редактор издательства Е. Г. Дагин

Художник Л. А. Яиенко

Технический редактор И. М. Кашеварова

Корректоры Н. З. Петрова, Г. В. Семерикова и Г. И. Суворова

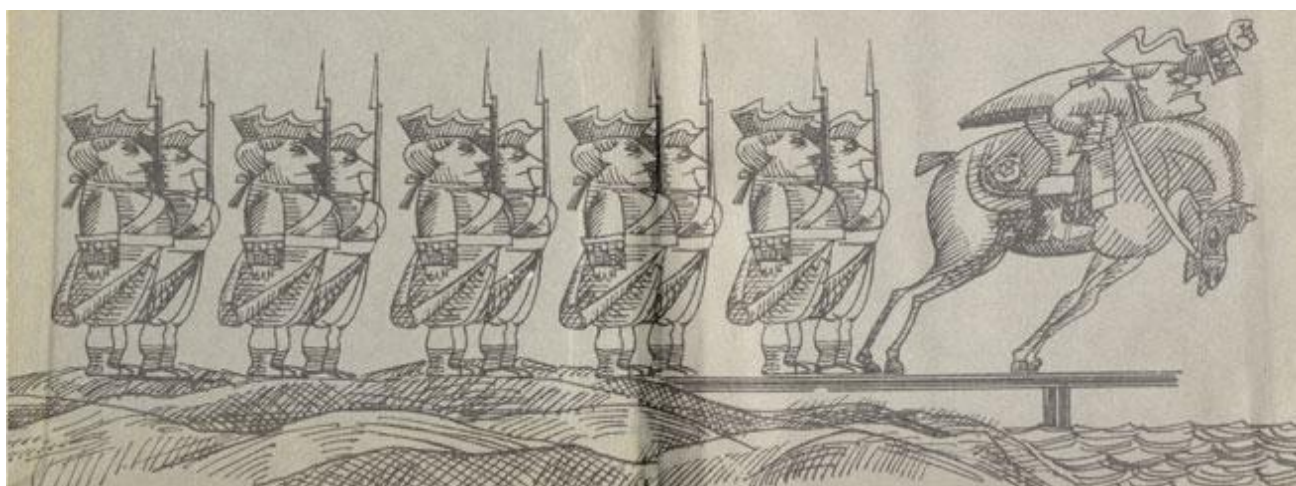
ИБ № 8633

Сдано в набор 28.02.78. Подписано к печати 05.06.78. М-31845. Формат 84x100 1/32- Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 13+1/2 печ. л. на меловой бумаге + 1 вкл. (1/8 печ. л.) = 20.72 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 24.6. Тираж 7200. Изд. № 7007. Тип. зак. № 185. Цена 7 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9линия, 12

*Британский отряд, остановленный 'Сынами свободы' поднятием моста через реку и сорвавшими таким образом карательную операцию англичан.
Карикатура худ. Э. Сореля*

ОБ АВТОРЕ

А. А. Фурсенко - доктор исторических наук, сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР. Он является автором работ по истории США, международной политике, русско-американским и советско-американским отношениям, а также экономической истории; участвовал в составлении публикаций документов по истории России в период империализма и выпустил исследования на эту тему. А. А. Фурсенко автор книг: «Борьба за раздел Китая и американская доктрина и открытых дверей» 1895 - 1900». М. - Л., 1956; «Американская буржуазная революция XVIII в.». М. - Л., 1960; «Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е гг. - 1918 г.». М. - Л., 1965; «Династия Рокфеллеров». Л., 1967 и 1970; «Критическое десятилетие Америки. 60-е годы». Л., 1974. Работы А. А. Фурсенко переводились на иностранные языки и публиковались за рубежом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая история начинается буржуазными революциями, среди которых важное место занимает американская революция XVIII в. Она завершилась крушением господства Англии в 13 североамериканских колониях и образованием буржуазной республики - Соединенных Штатов Америки. Ликвидируя старое и утверждая новое, революции создают условия для быстрого развития, в связи, с чем К. Маркс и называл их «локомотивами истории» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 86*). Революции - переломный момент в поступательном движении общества. Современная буржуазная наука, хотя и с оговорками, признает значение революционного фактора в истории. Рассматривая революции как «главный политический фактор нашего времени», американский социолог Х. Арендт заявляет, что «понять их (революции, - А. Ф.) - значит понять будущее» (*Arendt H. On revolution. New York, 1963, chap. I*). Однако трактовка Арендта, подобно точке зрения таких известных буржуазных теоретиков, как К. Бринтон, Б. Мур, П. Загорин и др., отличается крайней тенденциозностью (*Brinton C. The anatomy of revolution, New York, 1965; Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world. Boston, 1966; Zagorin P. Theory of revolution in contemporary historiography. - Political Science Quarterly, 1973, March*).

Прежде всего, они игнорируют либо вовсе отрицают тот факт, что революции знаменуют собой переход от одной социально-экономической формации к другой и что буржуазные революции являются лишь ступенью исторического развития, за которыми следуют революции более высокого типа - социалистические. Современная социология и историография на Западе противопоставляют буржуазные революции XVIII в., включая американскую, как якобы более передовые и демократические, революциям социалистическим. Такой подход противоречит фактам, нарушая принцип историзма и отрицая развитие человечества по восходящей линии.

Апологеты американской революции XVIII в. изображают ее как эталон демократического развития, заявляя, что именно в результате этой революции была завоевана беспрецедентная свобода, и народ получил беспрецедентные права. Свобода и права человека принадлежат к числу важнейших проблем, вокруг которых ныне ведутся острые идеологические споры. В. И. Ленин отмечал, что «для всякой революции» свобода - «это есть лозунг, который очень и очень существен» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 346*). Этот лозунг был написан и на знамени американской революции XVIII в. Однако для того чтобы судить о ее характере и результатах, важно определить, что она на деле дала народу, о какой свободе и для кого шла речь, насколько революционные лозунги и декларации были реально воплощены в «правах человека».

Этот вопрос приобрел особую актуальность в связи с 200-летним юбилеем американской революции, празднование которого сопровождалось публикацией большого числа книг и статей. По словам американской исследовательницы П. Майер, «день рождения дяди Сэма» ознаменовался невиданной литературной «экспансией» (*Maier P. Why revolution? Why democracy? -*

The journal of interdisciplinary history, 1976, v. VI, p. 711). Кроме исследований, на страницах общественно-политических журналов были помещены материалы о характере и влиянии событий тех лет на последующее развитие США. В этих публикациях значительное место отведено вопросу о демократических «свободах» и «правах человека». По этому поводу был прочитан также курс лекций видными профессорами, общественными и политическими деятелями США, сведенные впоследствии в единый том под названием «Американская революция продолжается» (*America's continuing revolution. Washington, 1975. 398 p*) Рекламируя это издание, журнал «Сатердей ревью» посвятил один из своих выпусков теме «Влияние Америки на мир. 1776 - 1976 гг.» (*America's impact on the world 1776 - 1976. - Saturday review, 1976, 13 September.*). Известный историк Г. С. Коммаджер выступил в этом выпуске журнала со статьей об американской революции как «идеале» для остального мира, а не менее известный политолог Э. Ф. Голдман назвал ее «мечтой» человечества.

Чтобы правильно оценить итоги американской революции, нужно определить, каковы были ее причины и движущие силы. Вся история свидетельствует о том, что главной движущей силой всякого революционного движения являются народные массы. Американская революция не представляет в этом смысле исключения. И в Америке исход революции решился в результате активного участия народных масс в революционной борьбе. Одна из основных целей предлагаемой монографии заключается в том, чтобы показать, как с развитием освободительного движения, а затем в ходе войны за независимость выросло и окрепло демократическое движение, как благодаря активности и героизму народных масс Америка завоевала свою независимость.

Американская революция протекала в рамках антиколониальной борьбы за свободу. В этом была ее специфика. Однако ее победа стала возможной только благодаря тому, что сопротивление политике метрополии приняло массовый характер. Освободительная борьба сочеталась с движением за социально-экономические преобразования и ликвидацию старых порядков во всех сферах жизни колоний. Это движение протекало в условиях разделения американского общества на разные социальные группы и классы, позиция которых определяла ее особенности, характер и результаты (*Аптекер Г. О классовом характере американской революции. - Проблемы мира и социализма, 1975, №7, с. 75 - 78.*). Центральная тема данной работы - рассмотрение революционно-освободительного движения в колониях в свете сложившегося там соотношения классовых сил.

Истории американской революции посвящено бесчисленное количество книг и статей, подавляющее большинство которых опубликовано в США. Можно с уверенностью сказать, что список работ по данной теме почти необъятен. В каталоге Библиотеки конгресса США насчитывается 125 тыс. названий исследований и документальных публикаций по истории американской революции. За последнее время и в советской литературе появился ряд работ, посвященных различным аспектам и общим проблемам истории войны за независимость США (*Общим проблемам этой темы посвящена коллективная монография: Война за независимость и*

образование США. Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1976.) . Не повторяя того, что уже сделано в нашей историографии, автор предлагаемой монографии сосредоточил внимание на указанных выше проблемах - роли народных масс в борьбе за свободу, взаимоотношении различных групп и классов в ходе освободительного движения и войны за независимость, а также на практической и теоретической реализации в американской революции «прав человека».

Хронологически данная работа касается преимущественно периода 1763 - 1783 гг., с начала освободительного движения против Англии до окончания войны за независимость, победа в которой знаменовала утверждение нового суверенного государства - Соединенных Штатов Америки.

Многие историки считают 1783 г. временем окончательной победы американской буржуазной революции, поскольку завоевание независимости было ее важнейшим итогом (*Севостьянов Г. Н. Некоторые проблемы истории американской революции. - Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 46*). С этим трудно не согласиться, хотя антиколониальная война отнюдь не исчерпывала целей революционного движения. Массы оставались недовольны своим положением, в «низах» продолжалось брожение, но оно протекало в другой форме, носило иной характер и уже далеко не в прежних масштабах. Изучение этой темы выходит за пределы данной монографии. Поэтому революционное движение послевоенного периода, вплоть до принятия федеральной конституции 1787 г., при помощи которой господствующие классы США - буржуазия и плантаторы стремились обуздать демократическое движение, характеризуется в ней лишь в самой общей форме. Об этом говорится в заключительной главе книги, только в связи с подведением итогов американской революции, в той мере, в какой это было необходимо для оценки ее результатов.

* * *

Приношу благодарность всем, кто содействовал написанию этой книги. Прежде всего - коллективу Ленинградского отделения Института истории СССР, сотрудникам сектора всеобщей истории, обсуждавшим данную работу и оказавшим мне помощь ценными советами. Моя особая признательность сотрудникам сектора А. Д. Люблинской, В. Н. Плешкову и В. А. Ушакову, а также заведующему кафедрой всеобщей истории Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена В. К. Фураеву и сотруднику сектора истории СССР периода капитализма Р. Ш. Ганелину, критические замечания, которых были чрезвычайно полезны и помогли завершить работу. Глубоко признателен И. И. Крупской и Н. Л. Корсаковой, оказавшим мне неоценимую помощь при подготовке рукописи к сдаче в печать. Наконец, считаю приятным долгом выразить признательность Центру исторических исследований Высшей школы практических наук (Франция) и Международному исследовательскому центру им. В. Вильсона (США) за помощь в работе над книгой при подборе и разыскании необходимого для нее материала.

Глава первая. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

Американский рабочий-механик. Фрагмент гравюры начала XIX в.

Со времени основания первых британских поселений в Америке до начала революционно-освободительного движения в 13 североамериканских колониях Англии прошло всего полтора столетия. Британские колонии были основаны на «свободных» землях, т. е. свободных от европейских поселений, но отнюдь не пустых, а населенных американскими аборигенами - индейцами, которые в результате колонизации были вытеснены со своих земель и большей частью истреблены. Крупнейший современный специалист по истории индейцев профессор Калифорнийского университета У. Джекобе отмечает, что традиционное изложение истории американских колоний дается таким образом, что аборигены просто игнорируются и история трактуется только с точки зрения интересов европейских поселенцев. «Если мы взглянем на тот же исторический процесс, чтобы попятить, что произошло с индейцами, - пишет он, - мы приходим к неизбежному выводу, что ранняя американская история сопровождалась захватом одним народом территории, которая была заселена другим». Джекобе напоминает, что европейские поселенцы беспощадно расправлялись с коренными жителями Америки (*Jacobs W. R. Dispossessing the American Indian. New York, 1972, p. 108. 152.*).

Колонисты заимствовали у индейцев сельскохозяйственные культуры, навыки ведения хозяйства и охоты, испытали на себе влияние индейской культуры. Индейцы оказали им помощь продовольствием при основании первых поселений. «Именно лесные индейцы, - пишет У. Джекобе, поддерживали контакт с американцами в годы, когда формировалась американская нация. Эти люди, находившиеся на стадии племенного развития, щедро снабжали зерном едва оперившихся поселенцев...

Практически они, видимо, спасли эти маленькие форпосты европейской колонизации от исчезновения» (*Ibid.*, p. 153.). Джекобе отмечает, что образ жизни и общественные отношения индейских племен содержали много поучительного, хотя и находились на примитивной стадии развития (*Ibid.*, p. 111.). В принципе же развитие североамериканских колоний Англии основывалось на общественных и экономических началах, как бы вывезенных из Европы. Ф. Энгельс указывал, что колонисты эмигрировали в Америку «с целью учредить чисто буржуазное общество» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 39, с. 128.).

Нельзя сказать, что ко времени революции Америка представляла собой окончательно сложившийся, развитый в социально-экономическом и политическом отношении организм и американцам лишь предстояло завоевать и утвердить свою независимость. Однако предпосылки создания независимого государства были налицо и американская революция явилась результатом того, что возникли объективные условия для сплочения колоний в единое государство. О причинах американской революции и ее значении написано немало книг и статей. Особенно интенсивно этот вопрос стал обсуждаться в последние годы в связи с возросшим интересом к истории американской революции и расширением исследований в этой области.

Наряду с работами общего характера, авторы которых стремятся рассмотреть происхождение революции в совокупности ее причин и предпосылок, появилась серия статей, рассматривающих отдельные аспекты предыстории революции, которым придается некое абсолютизирующее значение. Одни авторы рассматривают социальные причины происхождения революции, другие - экономические, третьи видят в ней прежде всего демократическое движение, четвертые - борьбу за независимость и освобождение от колониального гнета, пятые считают, что революция явилась следствием влияния освободительных идей и развития просвещения, шестые придают решающее значение роли и влиянию новых политических институтов, таких как законодательные ассамблеи и иные органы власти, и т. п.

Каждый из указанных факторов повлиял на американскую революцию. Каждый имеет прямое отношение к вопросу о ее причинах. Однако если говорить о предпосылках американской революции, то они могут быть поняты только при рассмотрении всех аспектов в совокупности. Ни один из них, как бы ни было велико его влияние на развитие революционной ситуации, не был решающим, определившим развитие событий.

Каковы же были истоки революции, как повлияли на нее различные факторы и в чем проявлялась их взаимосвязь? Начнем с экономического развития колоний, находившегося в тесном взаимодействии с факторами социального характера и заложившего фундамент, на котором возникла новая нация.

Американская экономика развивалась традиционным для колоний путем. Метрополия вывозила за океан свои промышленные изделия, получая от этого изрядный доход. Что же касается колоний, то их удел заключался в поставке главным образом сырья, служившего исходным материалом для британской промышленности. В соответствии с экономической доктриной того времени эти отношения строились на началах меркантилизма. Торговля с колониями являлась средством обогащения Англии, при обязательном условии благоприятного для нее торгового баланса, когда сумма вывозимых товаров превышала сумму ввозимого сырья.

Главное назначение британских колоний в Северной Америке заключалось в том, чтобы служить источником получения прибылей. Первые поселенцы начали лихорадочные поиски золота, которого с нетерпением ожидали учредители британских экспедиций за океан. Очень скоро, однако, обнаружилось, что залежи драгоценного металла на колонизируемой Англией территории отсутствуют. Тем не менее американские колонии стали для Британской империи поистине золотой жилой, поставляя в изобилии ввозившийся ранее из прибалтийских стран лес и иные материалы, остро необходимые для английского судостроения. Эта продукция доставлялась в основном из северных колоний, а объем ее поставок приобрел колоссальные размеры. Можно без преувеличения сказать, что британский флот того времени строился преимущественно из американских материалов. Некоторые из наиболее ранних поселений в колониях Мэн, Нью-Гэмпшир и Джорджия представляли собой нечто вроде лагерей дровосеков. Первыми грузами, которые колонисты отправили в 1608 г. из Джеймстауна, а в 1621 г. - из Нового Плимута, были главным образом доски и иные корабельные материалы. Другим важным видом промышленных изделий, которые Англия получала из колоний, был чугун, выплавка которого приобрела настолько крупные масштабы, что Америка ко времени революции стала одним из основных производителей чугуна в мире. Американский чугун имел исключительно важное значение для британской железодельной индустрии. В трюмах британских кораблей, совершавших рейсы через Атлантику, доставлялись и другие материалы, жизненно необходимые английской промышленности. Однако основным занятием американцев на протяжении всего колониального периода оставалось сельское хозяйство. Соответственно и основным предметом американского экспорта были сельскохозяйственные продукты. Средние колонии экспортировали пшеницу, южные - табак, рис, индиго.

Торговля была поставлена в жесткие рамки зависимости от метрополии в результате провозглашенных Англией Навигационных актов. Во-первых, принятые в 1651 г. и в последующие годы акты запрещали перевозить товары на иностранных судах. Разрешалось пользоваться только английскими или колониальными судами. Во-вторых, согласно Навигационным актам, колонии не имели права вести непосредственную торговлю с другими странами. Они могли продавать товары этим странам и покупать у них продукцию только при британском посредничестве. Каждое судно, груженное товарами из других европейских стран, обязано было пройти через Лондон, уплатив солидную пошлину.

Американский исследователь О. Дикерсон приходит к выводу, что установленные Навигационными актами правила вводили не только ограничения, но и давали колониям определенные преимущества (*Dickerson O. M. The Navigation acts and the American revolution. Philadelphia, 1951.*). Эту точку зрения разделяет и один из наиболее авторитетных исследователей экономических предпосылок революции Д. Эрнст, считающий, что колонии примирились с «эксплуатацией» их метрополией, так как «извлекали выгоду из (существующей, - А. Ф.) системы». Они широко пользовались британскими кредитами и получали сравнительно дешевые промышленные изделия, которые им поставляла «самая развитая торгово-промышленная экономика атлантического мира». Кроме того, колонисты (прежде всего это касалось имущих групп) были заинтересованы в том, чтобы их жизнь и собственность находились под охраной британской армии и флота. Более того, они считали, что сложившаяся система взаимоотношений с Англией налагала на нее «обязанность» поощрять, развивать и защищать экономику колоний (*Ernst J. «Ideology» and an economic interpretation of the revolution. - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Ed. by A. F. Young. De Kalb, 1976, p. 171.*).

Подобного рода рассуждения не являются бесосновательными, так как английская политика в отношении промышленности и торговли колоний, в особенности на первых порах, действительно способствовала развитию их экономики. Во-первых, быстро развивалось производство материалов, на которые Англия предъявляла повышенный спрос. Во-вторых, благодаря тому, что перевозка товаров могла производиться только на английских и колониальных судах, в Америке были созданы благоприятные условия для быстрого развития судостроения. Это влекло за собой также рост смежных отраслей производства, вело к развитию внутреннего судоходства, оказало влияние на рыбный промысел и т. п.

За колониальный период американское судостроение выросло в мощную отрасль промышленности, занимавшую видное место в мировом масштабе. Сооружение морских судов в Америке обходилось почти в два раза дешевле, чем в Европе, а качеством они были не хуже (*Shannon F. A. America's economic growth. New York. 1947, p. 90 - 91; Nettels C. P. Roots of the American civilization. New York, 1946, p. 246, 435.*). Поэтому значительная часть строившихся в Америке судов продавалась европейским странам, и прежде всего Англии. Построенные в колониях суда ко времени революции составляли почти треть британского флота. Они обслуживали три четверти трансатлантической торговли Англии (*Nettels C. P. Op. cit., p. 435*). Выросшая таким образом промышленность и связанная с ней торговля привели к появлению целой предпринимательской отрасли, на которой сколотила состояние одна из самых влиятельных имущих групп колониального общества.

Несмотря на установленную Англией регламентацию, важнейшим фактором экономического развития колоний был неуклонный рост их промышленного производства, расширение торговли, как внешней, так и межколониальной. Даже самые передовые отрасли промышленности не отличались в то время высоким уровнем развития. Диапазон

промышленного производства колоний был таков, что наряду с домашним ремеслом, когда в условиях практически натурального хозяйства изготавливалось буквально все необходимое (предметы домашнего обихода, одежда, орудия сельского хозяйства и т. п.), существовали и развивались специализированные мануфактуры раннекапиталистического типа.

Особенно интенсивно промышленное производство стало развиваться с начала XVIII в. Это связано было, с одной стороны, с тем, что во второй половине XVII в., в период революционных событий в самой Англии, контроль за положением дел в колониях явно ослабел, чем американцы не замедлили воспользоваться, а с другой стороны, - с их возросшим самосознанием и стремлением к экономической независимости. Говоря о периоде, непосредственно предшествовавшем началу освободительного движения, американские историки М. Игнал и Д. Эрнст отмечают, что «колониальные купцы стремились содействовать местному производству таких изделий, как шерстяная и льняная одежда, которые прямо конкурировали с тем, что они сами импортировали» (*Egnal M., Ernst J. A. An economic interpretation of the American revolution. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1972, v. 29, p. 20.*). Местное производство приносило хороший доход и освобождало купечество от необходимости прибегать к кредиту под высокий процент у английских торговых домов, что было неизбежно при покупке перевозимых в колонию британских товаров. Это относится также к изделиям из железа, торговлю которыми Англия длительное время считала своей монополией.

Колониальные купцы сравнительно легко преодолевали введенные метрополией запретительные меры, нередко при негласной поддержке местных властей, с которыми они находили общий язык, иногда просто игнорируя запреты. «Длительное время, - пишут М. Игнал и Д. Эрнст, - па британские правила просто не обращали внимания. Вопреки запретительным законам изготовленные в колониях шляпы, сапоги, скобяные изделия и мебель успешно конкурировали в Северной Америке и Вест-Индии с изделиями британского производства» (*Ibid., p. 19.*). Успех этого дела в значительной мере объяснялся умелыми действиями капитанов морских судов, ловко обходивших таможенные посты. Одним из итогов колониального развития было широкое распространение превосходно налаженной системы контрабанды, которая превратилась в процветающую отрасль американской экономики. Обходя британские запреты и ограничительные меры, колонии прибегали к самым различным способам. Не было такой лазейки, которую колониальные купцы не использовали бы для того, чтобы протолкнуть свой товар, например такой ставший в последующие времена широко распространенным прием, как фальсификация товаров, когда американское изделие продавалось под маркой английского и наоборот (*Ernst J. Op. cit., p. 177.*).

Независимо от воли и желания архитекторов британской политики внутреннее развитие колоний вело к результатам, которые противоречили интересам метрополии. Прибрежное морское судоходство, например, получившее широкое развитие по второй половине XVII в., было вначале целиком подчинено интересам английского импорта - экспорта. Но если

вначале оно служило исключительно интересам британской торговли, то по мере развития ремесла и сельского хозяйства в колониях ассортимент перевозок расширился за счет товаров местного производства, предназначенных для внутреннего потребления. К началу XVIII в., в частности, внутренняя торговля Новой Англии с остальными колониями по своему объему приближалась к объему ее торговли с метрополией (*Clark V. S. History of the States 1607 - 1860. Washington*).

Вначале межколониальная торговля состояла главным образом из продовольственных продуктов, но с конца XVII - начала XVIII в. значительный объем приобрели товары промышленного производства. В 1696 г. британское правительство учредило Торговую палату, основная задача которой заключалась в поддержании английской монополии на изготовление промышленных товаров. Однако Англия оказалась бессильна помешать промышленному росту колоний. Вопреки принятому в 1750 г. метрополией постановлению, запрещавшему производство листового железа, Новая Англия и Пенсильвания выпускали его в больших количествах и торговали изделиями из железа с другими колониями. Только Филадельфия отправила 4600 т полосового железа в другие колонии и Вест-Индию. Позднее в Пенсильвании стали производить сельскохозяйственные орудия, различные изделия из железа и инструменты. Еще более быстрыми темпами развивалась легкая промышленность. Хотя Англия запретила колониям производить шерстяные изделия, этот запрет нарушался. Широкий размах получило производство хлопчатобумажных тканей. Торговля одеждой из них велась в широких масштабах (*Ibid., p. 113 - 117.*).

К середине XVIII в. колонии, прежде поставлявшие исключительно сырье для метрополии, начали производство и сбыт готовых изделий. Это были только первые шаги, но они положили начало важному процессу, который приобрел необратимый характер. Чтобы представить, насколько ничтожных успехов на первых порах достигла колониальная промышленность, достаточно сказать, что в канун войны за независимость из 12 жителей Нью-Йорка 11 носили одежду британского изготовления и лишь один человек - колониального производства (*Miller J. C. Origins of the American revolution. Stanford, 1966, p. 8*). В сельской местности положение складывалось несколько иным образом, чем в городах. Но и там преобладали британские товары.

Успехи экономического развития Америки зависели от многих факторов. Рост собственного промышленного производства являлся лишь одним из них. Уже отмечалась важная роль морских перевозок для развития межколониальных связей, без которых был бы невозможен прогресс местного производства. Операции, связанные с морской торговлей, явились важнейшим источником накопления денежного капитала, как одной из форм первоначального накопления. Здесь главным образом создавались крупные состояния. Особенно важная роль в этом смысле выпала на так называемую «треугольную» торговлю, которая возникла еще в XVII в. Американский историк Э. Мире характеризует ее так: «Это был своего рода перпетуум-мобиле... Вест-Индия производила

патоку и сахар, из которых в Новой Англии изготавливали ром, в обмен на него покупали рабов в Африке, чтобы продать их в Вест-Индии и купить там еще патоки и сахара» (*Miers E. S. The American story. New York, 1956, p. 62.*) . Вокруг «треугольной» торговли образовался настолько прочный комплекс интересов, что она стала своеобразной отраслью колониального хозяйства.

Торговые отношения с Вест-Индией стали развиваться еще в начале XVII в. Одним из важнейших стимулов этих отношений было то, что за поставляемые Вест-Индии различные товары последняя платила американским купцам звонкой монетой, в которой купцы испытывали острую нехватку при внешнеторговых расчетах. Позднее отношения с Вест-Индией приобрели специфический характер как составная часть «треугольной» торговли. К тому, что уже было сказано по этому поводу, следует только добавить, что доставляемых из Африки рабов продавали не только в Вест-Индии, но и в американских южных колониях - Джорджии, Виргинии, Мэриленде, в Южной и Северной Каролине (*Вильямс Э. Капитализм и рабство. Пер. с англ М 1950, с. 68 и сл.*) . В итоге следует еще раз подчеркнуть, что «треугольная» торговля сыграла исключительно важную роль в экономическом росте колоний и обогащении американского купечества.

Не менее важными для прогресса колоний, расширения их рынка и экономического роста в конечном итоге были также развитие сухопутных средств сообщения, начавшийся выпуск бумажных денег и т. п. Можно констатировать, что к началу революции межколониальные связи приобрели такие масштабы, что в Америке начал складываться единый рынок, возникло некое экономическое сообщество, которое, правда, представляло собой пока лишь зародыш капиталистической экономики, определившей будущее становление государства после завоевания независимости.

Рассматривая экономическое развитие колониального общества и вытекающие из него предпосылки революции, необходимо отметить, что основным видом занятий американцев являлось сельское хозяйство. «Американское общество к моменту начала революции, - отмечает известный историк М. Дженсен, - было в подавляющем большинстве сельскохозяйственным. Вероятно, 90% из двух с половиной миллионов человек населения проживало на фермах и плантациях. Остальные 10% жили в маленьких городах и лишь немногих центральных городах, которые зависели от американских ферм и их благополучия». Дженсен оговаривается, что «американская экономика, конечно, не была чисто сельскохозяйственной», что быстро росли ремесло и промышленность. Однако, «несмотря на растущую диверсификацию американской экономики, сельское хозяйство оставалось основным занятием для большинства американцев» на протяжении всего этого периода (*Jensen M. The American revolution and American agriculture. - Agricultural history, 1969, v. 43, p. 107, 109.*).

Вопросы промышленности и торговли, а также ограничений, налагаемых метрополией на их развитие, и связанные с этим обстоятельства сыграли колоссальную роль в англо-американском

конflikте, завершившемся войной за независимость. Однако аграрные отношения и вытекающие из них проблемы явились не менее важной предпосылкой, определившей смысл, направление и характер американской революции.

Америка обладала бескрайними земельными пространствами, и с самого начала английской колонизации существовали благоприятные условия для развития сельского хозяйства по свободно-предпринимательскому пути, который в дальнейшем сформировался как американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Однако прежде чем это случилось, прошло немало времени.

Английская колонизация сопровождалась крупными земельными пожалованиями, которые предоставлялись придворной знати, политическим сторонникам короля, а также лицам, от которых корона зависела в финансовом отношении. Эти пожалования предоставлялись на началах феодального или полufeодального владения. Крупные поместья были основаны в южных колониях - Мэриленде, Южной и Северной Каролине, в средней полосе - Пенсильвании, Делавэре и Нью-Йорке, на севере - в Нью-Гэмпшире и Мэне. «Феодальные лорды-собственники, поминально признававшие себя вассалами английского короля, - пишет Г. П. Куропятник, - владели около 9/10 территории тогдашних колоний Англии в Северной Америке» (*Куропятник Г. П. Борьба за землю в колониальный период истории США. - Вопросы истории, 1974, № 8, с. 69.*). Вплоть до конца ХУП в., до того как в самой Англии в результате так называемой «славной революции» не произошли серьезные перемены, власть лордов-собственников оставалась довольно прочной.

Земли Нового Света, в особенности на Юге и в средней полосе, были плодородными, а климат - благоприятным. Но для того чтобы вести хозяйство и получать доход, нужны были рабочие руки. Прикрепить местное население - индейцев - к земле и заставить их на себя работать английские колонизаторы не смогли. Поэтому заселение Нового Света сопровождалось массовым импортом рабочей силы. Основную массу иммигрантов составляли бедняки. Не имея средств для переезда за океан, они заключали кабальные соглашения с купцами и судовладельцами, которые затем их перепродавали в Америке. Этих людей называли «законтрактованными слугами», которым предстояло работать в течение нескольких лет на тех, кто их покупал. «Законтрактованные слуги» составили почти половину англичан, эмигрировавших в Америку. В таких колониях, как Пенсильвания, Мэриленд и Виргиния, к концу колониального периода трое из четырех жителей в настоящем или прошлом были «законтрактованными слугами». Ввоз «законтрактованных» прекратился только с началом войны за независимость. Но до этого они были важнейшим источником пополнения рабочей силы, и большинство из них, естественно, оседало в сельском хозяйстве (*Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX в. Пер. с англ. М., 1949, с. 26, 28, 30; Miller W. The effects of the American revolution on indentured servitude. - Pennsylvania history, 1940, v. VII, p. 131 - 132.*).

Осуществляемая в таких больших масштабах эмиграция из Англии, однако, была не в состоянии удовлетворить потребность в рабочей силе. Поэтому уже в самом начале колониального периода в Америке стали эксплуатировать труд рабов - черных невольников, которых привозили из Африки. К началу революции негритянское население в Америке составляло около полумиллиона человек. Основная масса черного населения находилась в южных колониях - Виргинии, Мэриленде, Южной и Северной Каролине и Джорджии, где было развито крупное плантационное хозяйство по производству шедших главным образом на экспорт «коммерческих» культур - табака, риса и индиго (*Historical statistics of the United States. Colonial times to 1957. Washington, 1960, p. 756; Wells R. V. The population of the British colonies in America before 1776. Princeton, 1975, p. 265.*).

Аграрные отношения в колониях представляли собой сложный запутанный клубок. Сама Англия уже прочно вступила на путь развития капитализма, а в Америке она предприняла попытку насадить и закрепить старый порядок - феодализм. Известный советский американист А. Н. Шлепаков отмечает, что попытки внедрения феодальной собственности в колониях были «более настойчивыми и основательными», чем в самой Англии, где эта форма собственности «изживала себя». Король жаловал земли, оговаривая условия владения ими в специально изданных хартиях, призванных утвердить феодальные институты. Другой исследователь, А. С. Самойло справедливо отмечал, что, получив от короны земельные пожалования, английские собственники смотрели на трудящееся население колоний как на «наследственное, зависимое от феодальных землевладельцев, подчиненное их юрисдикции, прикрепленное к земле, обложенное феодальной рентой» и т. п. (*Шлепаков А. Н. США: социальная структура общества и его национальный состав. Киев, 1976. с. 22; Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. М., 1963, с. 228.*).

Переселившиеся в Америку лорды-собственники эксплуатировали труд «законтрагованных слуг» и черных невольников. Но наряду с последними на берегах Нового Света обосновались также свободные фермеры и ремесленники - люди с небольшим и средним достатком. Они отправлялись за океан в поисках земли обетованной, надеясь там найти свое счастье и разбогатеть. Иногда эмиграция была связана с политическими и религиозными мотивами, хотя по этим мотивам в Америку переехало значительно меньше людей, чем по причинам экономическим (*Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии. М., 1962, с. 38 - 40.*). Положение свободных поселенцев было иным, чем положение «законтрагованных», но если свободные оседали в колониях собственников, они обязаны были платить феодальную ренту (*Bond B. W. The quitrent system in the American colonies. New Haven, 1919; Куропятник Г. П. Феодальная рента в североамериканских колониях Англии.- В кн.: Американский ежегодник 1975. М., 1975, с. 5-16.*).

Феодальная фиксированная рента взималась со всех, кто селился на территории собственных колоний, принося значительный доход их владельцам. Правда, нередко поселенцы укрывались от сборщиков ренты, избегая платежей иногда в течение многих лет. Исследователи отмечают,

что особенно затруднительным стало положение американских «феодалов» в период революционных событий в Англии XVII в. Однако XVIII в. отмечен «возрождением феодализма» в Америке. «Историки допускают ошибку, - отмечают американские авторы Р. Бертоу и Д. Маррин, - когда они отвергают значение феодализма в Америке на том основании, что никто всерьез не намеревался возродить средние века». Этот вывод они подкрепляют данными об увеличении феодальных податей в период «возрождения» в XVIII в., вследствие чего доходы американских собственников достигали весьма внушительных размеров, превышая прибыли землевладельцев и купцов метрополии (*Berthoff R., Murrin J. M. Feudalism, communitarianism and the yeoman freeholder. - In: Essays on the American revolution. Ed. by S. G. Kurtz, T. H. Hutson. Chapel Hill, 1973, p. 267-268.*).

Данные эти не вызывают сомнений, но общий вывод американских исследователей и всех тех, кто его разделяет, едва ли можно считать верным. Каковы бы ни были успехи американских собственников-«феодалов» в отдельные годы или даже периоды, феодальные порядки в Америке были с самого начала обречены на провал. Как можно было их поддерживать, если всегда имелась возможность переменить место поселения, облюбовав себе ничем не худший участок земли и обосновавшись на нем? Подобного рода свободно захватные поселения так называемых скваттеров получили массовое распространение.

Борьба со скваттерами занимала важное место в политике метрополии и местных колониальных властей и с самого начала приняла характер острого классового конфликта. Она велась повседневно, выливаясь порой в жестокие схватки с применением оружия. В 1676г. в Виргинии вспыхнуло восстание под предводительством Н. Бэкона. Повстанцы одержали ряд крупных побед, захватили главный город колонии Джеймстаун и сожгли его. В конечном счете власти сумели подавить восстание и казнили его активных участников. По «бэ конисты», как называли фермеров - сторонников свободы землепользования и отмены несправедливой системы налогообложения, требовавшие демократизации экономических и политических порядков, оставили заметный след в колониальной истории Америки (*Бурлин Н. С. Восстание Бэкона в Виргинии. - Вопросы истории, 1973, № 6; Washburn W. E. The governor and the rebel. A history of Bacon's rebellion in Virginia. New York, 1972.*).

Под давлением обстоятельств, в результате упорной борьбы фермеров против феодальных институтов правительство Англии вынуждено было пойти на ряд уступок. Практически еще до революции провалились попытки насадить феодальные порядки в землепользовании Новой Англии. Важным успехом антифеодального движения в Америке было и крушение власти лордов-собственников. Большинство собственнических колоний, пожалованных в свое время королем отдельным лицам, перешло в руки короны. Из 13 американских колоний только 2 (Мэриленд и Пенсильвания) оставались во владении лордов-собственников, но власть их была уже далеко не такой полной, как в начале.

Хотя никаких реформ, пересматривающих систему земельных отношений, не последовало и продолжали действовать старые порядки,

налицо были признаки глубокого кризиса аграрной политики, которые определялись разрастающимся конфликтом по вопросу об отношении к уплате феодальной ренты и поддерживаемым Англией другим феодальным институтам, как система майората и т. д. Политика метрополии в аграрном вопросе затрагивала жизненные интересы фермерства - основной эксплуатируемой массы людей, составлявших ко времени революции подавляющее большинство населения страны. Она привела к обострению классовых противоречий и росту демократического движения.

Особенность положения, однако, заключалась в том, что в лагере врагов метрополии оказалась и значительная часть богатой верхушки колоний, плантаторов и землевладельцев, живших за счет эксплуатации низов. Как в сфере торгово-промышленной колониальной период сопровождался ростом первоначального накопления и образованием класса новых богачей, так и в области сельского хозяйства этот процесс привел к появлению крупных состояний, нажитых на ведении плантационного хозяйства и земельных спекуляциях.

Плантаторам не приходилось терпеть лишений, которые переживали бедные и средние землевладельцы. Они вели расточительный и богатый образ жизни. Но эта жизнь в огромной степени зависела от английских кредитов, а задолженность плантаторов британским торговым домам составляла астрономическую для того времени цифру. По данным Л. М. Хэккера, общий долг американских колоний Англии ко времени революции достигал 5 млн. ф. ст., из которых 5/6 приходилось на долю плантаторов. Один этот факт служил постоянным источником раздражения и ненависти в отношении британских кредиторов, которые из года в год все глубже и глубже затягивали плантаторов в сети долговой зависимости (*Hacker L. M. The triumph of American capitalism. New York, 1947, p. 129 - 132; Egnal M., Ernst J. A. Op. cit., p. 25; Шлепаков А. Н. Указ, соч., с. 26 - 27.*).

Экстенсивный характер ведения плантационного хозяйства требовал постоянной смены посевных площадей и связанного с этим перемещения на новые территории. Политика метрополии препятствовала переходу на новые земли. Это вызывало недовольство, перераставшее в ненависть к Англии. Такую же вражду к метрополии испытывали земельные спекулянты, обогащению которых за счет скупки и перепродажи новых земель препятствовали введенные Англией ограничения.

В конечном итоге британская аграрная политика вызвала недовольство и встретила сопротивление со стороны разных социальных групп. Это был серьезный фактор, который оказывал все возрастающее влияние на экономическую жизнь колоний и их взаимоотношения с метрополией. Кризису аграрной политики суждено было сыграть роль одной из важных объективных предпосылок надвигающейся революции (*См.: Куропятник Г. П. Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США. - Вопросы истории, 1976, № 8.*).

Таким образом, к середине XVIII в. в сфере экономики и социальных отношений североамериканских колоний Англии сложилась острая и

противоречивая обстановка, чреватая серьезными конфликтами. С одной стороны, политика метрополии привела к кризису, связанному со стремлением насадить в Новом Свете отжившие порядки, которые противоречили новым тенденциям развития буржуазных отношений. С другой стороны, благодаря развитию этих тенденций в колониях наметился прогресс, который привел к росту ремесла и мануфактур, усилению межколониальной торговли, формированию единого американского рынка. Появились достаточно сильные имущие группы, связанные с развитием американской экономики, действия которых пришли в резкое столкновение с политикой метрополии. Их интересы соединились с оппозицией демократических сил, что в конечном итоге оказало решающее влияние на развитие революционной ситуации.

Среди предпосылок американской революции важная роль принадлежала также политическим факторам. К середине XVIII в. все 13 американских колоний имели практически однотипную политическую организацию. В большинстве из них губернаторы назначались королем из представителей местной аристократии либо из королевских чиновников, присылаемых Лондоном. В колониях, где сохранилась власть собственников, последние назначали и губернаторов. Только две колонии Новой Англии - Коннектикут и Род-Айленд - сами избирали губернаторов, хотя избранное таким образом лицо становилось правомочным, только получив утверждение короля. Каждая колония имела свое законодательное собрание, которое вправе было издавать законы и постановления при условии, что они не будут противоречить законам метрополии. Контроль за деятельностью собраний был возложен на губернаторов. Но и губернаторы зависели от собраний, так как последние вотировали средства на управление колониями, включая жалованье губернаторам. На протяжении всего колониального периода между губернаторами и законодательными собраниями шла борьба, отражавшая обострение обстановки, связанной с ростом политического самосознания американцев. Делегаты законодательных собраний заметно активизировали свою деятельность. К середине XVIII в. они добились того, что их роль в политической жизни стала более значимой.

Это, однако, никак не дает основания для тезиса некоторых американских историков, отстаивающих положения так называемой школы «согласия» - «преемственности», представляющих дело так, что еще до войны за независимость колонии якобы добились беспримерных демократических свобод, сохранение которых и явилось целью революции.

Чтобы оценить эту концепцию, необходимо учесть эволюцию, которую претерпели взгляды буржуазных авторов на происхождение американской революции. После «националистов» (Д. Банкрофт, Д. Фиске), рассматривавших американскую революцию в отрыве от остального мира, появилась «имперская школа» (Г. Осгуд, Д. Бир, Ч. Эндрюс, Л. Джипсон), которая трактовала революцию как определенный итог в развитии Британской империи. Затем наступила эра «прогрессистов» (Ч. Бирд, А. Шлезингер, Д. Джеймсон, а позднее М. Дженсен), углубивших социально-экономический анализ американской революции, что представляло

определенный шаг вперед в развитии буржуазной историографии США. Эта линия и поныне продолжается последователями «прогрессистов» - так называемыми «неопрогрессистами» (Г. Нэш, Д. Т. Мейн, Р. Хофман, А. Янги др.), а также представителями «новых левых» (Д. Лемиш, С. Линдт др.). Однако господствующее положение в современной буржуазной историографии США все еще занимает утвердившаяся в 40 - 50-х гг. школа «неоконсерваторов» (Р. Браун, Д. Бурстин, Л. Харц, К. Росситер и др.), отстаивающая тезис «согласия»- «преемственности», в соответствии с которым история США представляла собой бесконфликтную эволюцию. Представители этой школы выступили с резкими нападениями на «прогрессистов» и их последователей за то, что те поставили американскую революцию в один ряд с историческими событиями Старого Света, приравняв ее к общим стандартам, в то время как она, по их мнению, была «исключительным явлением» (См.: *Wright E. Historians and the revolution.- In: Causes and consequences of the American revolution. Chicago, 1966; Green J. P. The reappraisal of the American revolution in recent historical literature. Washington, 1967; Sternsher B. Consensus, conflict and American historians. Bloomington - London. 1975. В советской литературе см. статьи: Болховитинов Н. Н. Некоторые проблемы историографии американской революции XVIII века. - Новая и новейшая история, 1973, № 6; Дементьев И. П. основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени. - Вопросы истории, 1976, № 11; Уткин А. И. Американская историография колониального периода. - В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971; Умайский П. Б. Проблемы первой американской революции. - Там же.*).

Ссылаясь на то обстоятельство, что американское общество лишено было резко выраженной стратификации, они утверждают, что историческое развитие Америки протекало якобы совершенно иным путем. Действительно, по сравнению с западноевропейскими странами разграничение классов и социальных групп было в колониях менее определенным, и можно говорить о значительно большей «мобильности» американского общества. Однако, несмотря на особенности исторического развития Нового Света, тезис «неоконсерваторов» не выдерживает критики. Решительное возражение вызывает положение консервативной школы о том, что стержневым элементом становления нового общества в Америке был бесконфликтный процесс, заключавший в себе неуклонный рост так называемого среднего класса. Отсюда делается вывод, будто американская революция была бесклассовой войной за свободу. Факты говорят о другом. В Америке существовало социальное неравенство, и оно усиливалось. А классовое расслоение и противоречия колониального общества, хотя и были менее выраженными, чем в Европе, явились важнейшими условиями возникновения революционной ситуации. В книге «Классы и общество ранней Америки» Г. Нэш, сравнивая общественное развитие с айсбергом, подчеркивал необходимость изучения не только его видимой поверхности, но и той основной нижней части, которая скрыта от глаз (*Nash G. Classes and society in early America. Engle-wood Cliffs, 1970, p. 13*). В этой книге и особенно в последующих исследованиях Г. Нэш показал неразрывную связь процесса классовой дифференциации в крупнейших колониальных городах - Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке - с ростом социального протеста низов: «... растущие классовый антагонизм и политическая сознательность наряду с экономическими переменами были отличительной чертой жизни городов к концу колониального периода» (*Nash*

G. *Social change and the growth of prerevolutionary urban radicalism*. - In: *The American revolution. Explorations in the history of American radicalism*, Ed. by A. F. Young. De Kalb, 1976, p. 30.). Исследования других американских историков показали, что аналогичные процессы протекали в сельской местности, где также усилилось имущественное неравенство и обострились классовые конфликты. Касаясь положения американских колоний накануне революции, А. Янг, составитель и редактор одного из самых серьезных коллективных исследований на эту тему, а также автор послесловия к нему, отмечал, что факты дают «убедительное доказательство» существования «общества, в котором классовые различия, классовое сознание и классовый антагонизм имели важное значение» (Young A. F. *Afterword*, *ibid.*, p. 449.).

Подобного рода подход в корне противоречит тезису школы «согласия» о бесконфликтном развитии США. Правда, ее представители в последнее время значительно модифицировали свои построения, но суть их от этого не изменилась. Наглядным примером этого являются труды профессора Гарвардского университета Б. Бейлина (Bailyn B. 1) *The Ideological Origins of the American revolution*. Cambridge, 1967; 2) *The origins of American politics*. New York, 1967; 3) *The ordeal of Thomas Hutchinson*. Cambridge, 1974). Это один из самых влиятельных в США современных специалистов по истории войны за независимость. Именно ему было поручено выступить с докладом «Основные направления в последних работах об американской революции» на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (Bailyn B. *Lines of force in recent writings on the American revolution*. San Francisco, 1975.). Бейлин отрицает свою причастность к какой-либо школе, заявляя, что придерживается независимой позиции. Но на практике он солидаризируется с представителями школы «согласия», отстаивает их основные положения и критикует тех, кто оспаривает последние. Особенность подхода Бейлина состоит в том, что он абсолютизирует идейную сторону войны за независимость, отводит ей ведущую роль и решительно отрицает значение социально-экономических факторов и классовых конфликтов. Бейлин и его единомышленники заявляют, что политические свободы в США утверждены были бесконфликтным путем, а не в результате борьбы демократически настроенных масс.

Но это противоречит историческим фактам и результатам работы многих ученых, изучавших роль народных масс и социально-экономические аспекты американской революции. Не случайно в докладе Бейлина не упоминались исследования таких историков, как М. Дженсен, Д. Т. Мейн, Г. Нэш, М. Зукерман, А. Янг и др. Не случайно также и то, что докладчик обрушился с резкой критикой на труды Д. Леммиса, выступившего с призывом показать активную роль низов - «молчаливых» участников революционных преобразований (Lemish J. *The American revolution seen from the bottom up*. - In: *Towards a new past. Dissenting essays in American history*. Ed. by B. J. Bernstein. New York, 1969, p. 3 - 45.). Однако, отвергая концепцию Леммиса, Бейлин не привел сколько-нибудь убедительных аргументов. Бездоказательной была и его критика работ Д. Хенретты (Henretta J. *Economic development and social structure in colonial Boston*. - *William and Mary quarterly*, 3d ser., 1965, v. 22.) и А. Куликова (Kulikoff A. *The progress of inequality in revolutionary Boston*. - *William and Mary quarterly*, 3d ser., 1971, v. 27.) , посвященных росту имущественного неравенства и социальному расслоению населения Бостона. Бейлин безапелляционно заявлял, что

выводы Хенретты и Куликова не имеют значения, так как страдают-де неполнотой. Но даже те частичные данные, которые разыскали Хенретта и Куликов, позволили выявить существенную разницу в положении различных общественных групп Бостона, растущую роль богатой верхушки в принятии политических решений. Эти выводы нашли дальнейшее развитие и подтверждение в опубликованных позднее работах Г. Нэша.

Для понимания характера американской революции и ее предпосылок рассматриваемая проблема имеет принципиальное значение. Ибо, если принять точку зрения представителей школы «согласия», считающих, что американское общество было бесклассовым и развивалось бесконфликтным путем, что имела место «преемственность» «прав» и «свобод» дореволюционного и послереволюционного периода, в таком случае возникают вопросы, а была ли, собственно говоря, в Северной Америке революция вообще, произошли ли в результате нее какие-либо демократические преобразования или дело свелось к своего, рода консервации уже существовавших институтов? Эти вопросы имеют непосредственное отношение к проблеме политических предпосылок революции.

Ко времени начала освободительного движения в колониях их политическая система представляла собой сложное и многообразное явление. В каждой существовали свои особенности и порядки, как и нормы избирательного права. В американской литературе немало написано о «феномене Новой Англии» - политической системе, которая явилась якобы прообразом «свободного мира». Широко известна книга Р. Брауна «Демократия среднего класса и революция в Массачусетсе», заложившая фундамент школы «согласия» (*Brown R. Middle-class democracy and the revolution in Massachusetts 1691 - 1780. Ithaca, 1955.*). На основе выборочных подсчетов Браун пришел к выводу, что еще до революции избирательным правом пользовалось 95% взрослого мужского населения Массачусетса. Однако исследовательские методы Брауна вызвали серьезные сомнения.

По справедливому замечанию критически настроенных в отношении теории «согласия» исследователей, требующих внимательного изучения процессов социально-экономического развития и классовых противоречий колониального общества, подход Брауна нарушил историческую перспективу, сместил акценты и исказил реальные причинно-следственные связи. Автор претендует на весьма широкие обобщения, основываясь на изучении довольно узкой темы о демократии в колонии Массачусетс. При этом, как показали проведенные исследования, осуществленные историками-специалистами, статистические расчеты Брауна, призванные доказать наличие демократических свобод в Америке, не выдерживают критики. Оппоненты подчеркивали, что свои умозаключения Браун построил лишь на материале 50 завещаний, в то время как их сохранились тысячи. Для примера Браун выбрал два восточных графства Массачусетса, оставив в стороне остальные семь, где избирательным правом пользовалось значительно меньшее количество мужского населения - в некоторых случаях всего лишь около 40% (*Cary J. Statistical method and the Brown thesis on colonial democracy. - William and Mary quarterly, 3d ser.. 1963, v. 20, p. 252 - 259.*). Но самое

главное - даже не в этом. Несостоятельность построений Брауна и его единомышленников заключается не столько в статистической неубедительности, сколько в том, что вся проблема демократизации оказалась сведенной к оторванным от социально-политических условий того времени математическим выкладкам.

Основываясь на вновь полученных данных, относящихся к главному городу Массачусетса Бостону, Д. Уорден решительно отверг выводы Брауна. Вслед за Хенреттой и Куликовым Уорден пришел к выводу, что Бостон переживал обострение социально-экономических противоречий. А это, по его словам, сопровождалось укреплением позиций «элиты» и ростом недовольства «низов». «Бостон XVIII в., - пишет Уорден, - не был нирваной «демократии среднего класса», испытав на себе все последствия «роста имущественного неравенства» (*Warden G. B. Inequality and instability in eighteenth century Boston: A reappraisal. - The journal of interdisciplinary history. 1970. v. VI, p. 586 - 587.*) .

Особенно же очевидна несостоятельность выводов Брауна относительно характера политических порядков Массачусетса в свете данных, приведенных в работе профессора Пенсильванского университета М. Зукермапа, посвященной положению городов Новой Англии XVIII в. (*Zuekerman M. 1) The social context of democracy in Massachusetts. - In: William and Mary quarterly, 3d ser., 1968, v. 25; 2) The peaceable kingdom. New England towns in the XVIII-th century. New York, 1970.*). Говоря о политических институтах Новой Англии, нельзя не признать огромной роли, которую играли там так называемые городские митинги. Для представителей школы «согласия» это один из аргументов в пользу «вечного» существования демократии. В митингах, регулировавших политическую жизнь городов Новой Англии, участвовали не только те, кто был наделен правом голоса, но и те, кто его не имел. В конце XVII в. избирательное право в Массачусетсе было предоставлено только свободным гражданам, владевшим землей или иной собственностью, но фактически оно распространялось и на тех, кто ею не владел. Часто считается, замечает Зукермап, что наличие права голоса, участие в голосовании - «это достаточный показатель демократии» (*Zuckerman M. The social context, p. 527.*) . Известный специалист в области ранней американской истории К. Брайденбо также останавливается на этом обстоятельстве, отмечая, что «средний» житель Новой Англии, «участвуя в городских митингах, слышал бесчисленное множество раз о своих правах и свободах» (*Bridenbaugh C. The Spirit of 76. The growth of American patriotism before independence 1607 - 1776. New York. 1975, p. 148.*) . Однако важно разобраться, в чем заключался социальный смысл широкого участия жителей Новой Англии в избирательном процессе, в частности при обсуждении вопросов на городских митингах.

Д. Хэрдер, поместивший содержательный очерк в уже упомянутом сборнике под редакцией А. Янга, отмечает, что из 15 тыс. человек, населявших Бостон в 60-е гг., четверть жителей были взрослыми белыми мужчинами, имевшими право участвовать в городских митингах. Все они платили налоги. Но 30%, составлявшие беднейшую часть из них, платили налоги, не имея облагаемой налогом собственности; другие 30% владели 8.5% собственности, третьи 30 - 25.6%, а остальные 10%

налогоплательщиков захватили в свои руки две трети (65.9%) всего богатства ((*Hoarder D. Boston leaders and Boston crowds, 1765- 1776. - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism, p. 237*) . По данным Г. Нэша, число жителей Бостона, облагавшихся налогом по признаку владения собственностью, в 1771 г. по сравнению с 1735 г. сократилось с 3600 до 2600 человек (*Nash G. Social change and the growth of prerevolutionary urban radicalism, p. 9.*), т. е. было еще меньшим, чем полагает Хэрдер. Что же касается избирательного права, позволявшего участвовать в выборах местной ассамблеи и иных органов власти, то Нэш и Хэрдер сходятся на том, что по самой оптимистической оценке таким правом в Бостоне обладало не более 1500 человек (*Hoerder D. Op. cit., p. 238.*) . Анализируя политические порядки Бостона, Хэрдер пришел к выводу, что они «сочетали в себе представительный и иерархический элементы», оговорив при этом, что «представительство» вовсе не означало «демократию» (*Ibid, p. 237.*).

Тема эта обстоятельно рассмотрена М. Зукерманом. Он отмечает, что в 1630 г. основатели поселения в бухте Массачусетс открыто провозгласили себя противниками демократии и отнюдь не разделяли «идеалов демократии среднего класса». Они были сторонниками олигархического порядка. Но это не помешало им и их последователям привлекать взрослое мужское население к участию в обсуждении различных вопросов жизни этого поселения, а затем и других отпочковавшихся городов. Сохранение общественного порядка в значительной мере зависело от решения городских митингов. На этом основании Зукерман утверждает, что общественный порядок в городах Новой Англии основывался больше на согласии, нежели на принуждении. Правильнее было бы сказать, что согласие, которого добивались на митингах отцы города, являлось средством принуждения. Смысл широкого привлечения населения к участию в обсуждении насущных проблем общины состоял в том, чтобы направить настроение большинства в нужное русло и заставить его поддерживать устойчивый общественный порядок. Можно согласиться с Зукерманом, что городские митинги не были просто неким демократическим собранием, а реальным инструментом поддержания мира и равновесия между различными имущественными группами - иными словами, средством охраны прав собственности и собственников (*Zuckerman M. The social context, p. 525, 527.*).

Вопреки утверждению Р. Брауна и его последователей в колониях существовали серьезные ограничения на право участия в выборах, а в особенности на право быть избранным. В Новой Англии накануне революции к участию в выборах допускалось лишь взрослое мужское население. В колониях существовал довольно высокий имущественный ценз. Смысл его заключался в том, чтобы не допустить к голосованию и принятию политических решений самую бедную и обездоленную, а следовательно, и наиболее недовольную часть населения. Все, кто был нужен для принятия совместных решений, участвовали в их обсуждении, а все, кто мешал этому, исключались. Никакой правовой основы в этом смысле не существовало. Царил форменный произвол. Одному арендатору предоставляли право голоса, другому, нередко находящемуся точно в таком же положении, в нем отказывали. Решающее значение в данном случае

имело слово земельного собственника, на участке которого проживал арендатор (*Ibid.*, p. 530 - 533). . В результате тщательно проведенного специального исследования другой американский историк - уже упоминавшийся Дж. Лемиш - пришел к выводу, что при обсуждении вопросов торговли и судоходства городские митинги неизменно исходили из интересов небольшой кучки купцов, пренебрегая интересами широкой массы моряков (*Leraish J. Jack Tar in the streets: merchant seamen in the politics of revolutionary America. - William and Mary quarterly. 3d ser. 1968. v. 28, p. 387.*) . Это лишь одно из свидетельств того, что демократия городских митингов носила фиктивный характер, являясь орудием обеспечения господства имущей верхушки над основной массой населения.

Между господствовавшей на городских митингах верхушкой и основной массой их участников существовали глубокие противоречия и разногласия. Если они и не приобрели характер остро выраженного конфликта, то в значительной степени благодаря тому, что представители низших слоев не были надлежащим образом организованы и политически подготовлены. «Толпа, - отмечает Д. Хэрдер, - была не в состоянии четко сформулировать свои требования и общие принципы на уровне, соответствующем городским митингам, которые находились в руках более образованных людей». Памфлеты, разъясняющие конституционную теорию и принципы Британского сообщества, по его словам, были «малодоступны» массе участников городских митингов (*Hoerder D. Op. cit.*, p. 239. 240. 252.) . Этот аргумент звучит достаточно убедительно, в то время как заявление критика Хэрдера - известного американского историка Э. Моргана, представляющего школу «согласия», о том, что «неясно, какие общие принципы, кроме враждебности по отношению к богатым, могли сформулировать массы» (*Morgan E. S. The American revolution: who were «the People».* - *The New York review of books, 1976, 5 VIII, p. 30.*) , совершенно несостоятельно. Если бы среди тех, кто действительно представлял интересы низших слоев населения, нашлись люди, способные организовать, теоретически обосновать и развить подобного рода принципы, положение могло выглядеть иначе.

Один из основных аргументов сторонников теории «согласия» заключается в том, что такие органы политической власти в колониях, как низшие палаты законодательных собраний, о которых выше шла речь, уже накануне революции якобы представляли собой демократические учреждения, и задача заключалась лишь в том, чтобы отстоять их свободу. Американский историк Д. П. Грин утверждает даже, что эта задача была одной из основных в революции (*Green J. P. The role of the lower houses of assembly in XVIII century politics. - Journal of Southern history, 1961. v. 27, p. 474.*) . Однако и этот тезис не выдерживает критики. Д. Т. Мейн доказал, что подавляющее большинство делегатов законодательных собраний были представителями имущих классов, составлявших лишь 10% населения (*Main J. T. 1) Government by the people. The American revolution and the democratization of the legislatures. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1966. v. 23, p. 393; 2) The sovereign states. 1775 - 1783. New York, 1973. chap. 4.*). Соборы таких колоний, как Нью-Йорк и Нью-Джерси, Мэриленд и Виргиния, Северная и Южная Каролина, а также Нью-Гэмпшир, носили олигархический характер (*Main J. T. Government by the people, p.*

397 - 405.) . Дж. Лемиш справедливо отметил, что даже при наличии права голоса колонистам в большинстве случаев была закрыта дорога к участию в управлении и к административным должностям. Также верно и то, что некоторая демократизация низших палат законодательных собраний к середине XVIII в. не означала установления народного правления. Не случайно между народом и законодательными собраниями происходили постоянные столкновения по вопросу о гражданских правах (*Lemish J. The American revolution seen from the bottom up, p. 9*).

Вопреки утверждению сторонников теории «согласия», задача революции заключалась как раз в том, чтобы демократизировать законодательные органы власти. И если говорить о политических предпосылках революции, эта задача принадлежала к числу наиболее важных, хотя ее реализация и была возможной, естественно, лишь в рамках буржуазной демократии.

Марксистская наука рассматривает американскую революцию как революцию, в которой борьба за освобождение от колониальной зависимости тесно переплеталась с внутренней революционной борьбой за экономические и политические преобразования. Американская революция оказалась неразрывно связанной с процессом формирования новой нации во всех его многообразных проявлениях, как материальных, так и идейных. Поэтому, говоря о предпосылках революции, необходимо подчеркнуть такой важный факт, как подъем национального самосознания. Это был процесс, в ходе которого складывалась новая идеология и культура.

Как и в сфере экономики, где развитие осложнялось пережитками старого, в области идеологии новые передовые идеи пробивали себе путь в борьбе с отжившими, реакционными теориями. Вплоть до начала XVIII в. в американской культуре господствовали клерикалы, насаждавшие нравственно-религиозный фанатизм. Это сковывало формирование общественной мысли и развитие общей культуры. В литературе и музыке преобладали произведения религиозного жанра. Светская тематика считалась предосудительной и даже наказуемой. Нередко практиковались «охоты за ведьмами» и преследования за «чародейство». Первоначально в руках церкви были сосредоточены почти все учебные заведения, хотя наряду с теологией в них преподавались также математика, физика, астрономия, география и другие естественнонаучные предметы (*Туганова О. Э. Формирование национальной культуры США. - Вопросы истории. 1977, № 4, с. 63, 65 - 60.*).

С середины XVIII в. в развитии культуры и общественной мысли колоний происходят серьезные перемены, которые были прямым следствием роста среднего сословия и формирования национальной буржуазии (*Там же, с. 64.*) . К этому времени ведущее положение в духовной жизни общества приобретают уже иные мотивы. Широкое распространение получают идеи буржуазного просветительства, успешно развивается светское образование, наука, литература и искусство. Если в начале XVIII в. в колониях было только три колледжа - Гарвардский в Массачусетсе, основанный в 1636 г., Уильяма и Мэри в Виргинии (1693 г.) и Иэльский в Коннектикуте (1701 г.), то к середине столетия в колониях появились еще

шесть: Принстонский и Рутгерский в Нью-Джерси, Филадельфийский в Пенсильвании, Королевский (переименованный позднее в Колумбийский) в Нью-Йорке, Брауна в Род-Айленде и Дартмутский в Нью-Гэмпшире (*Wright L. B. The cultural life of the American colonies. New York, 1962. p. 116 - 124.*) . Обучались в этих колледжах не только жители той колонии, в которой находился колледж, но и соседних и даже далеко отстоящих колоний. Влияние церкви на обучение в колледжах в это время заметно ослабло. В отличие от Европы, где борьба с духовенством осложнена была тем, что оно являлось крупнейшим землевладельцем и занимало прочные экономические позиции, в североамериканских колониях Англии духовенство этими позициями не обладало. К тому же церковь была раздроблена на многочисленные враждующие секты, и это облегчало борьбу с нею.

Буржуазное просветительство, будучи идеологией поднимающегося капитализма, имело для того времени прогрессивное значение. Середина и вторая половина XVIII в. характеризуются широким распространением грамотности, печатной продукции и библиотек. Быстро развивается типографское дело, в Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке появляются десятки книжных магазинов. В 1754 г. в Нью-Йорке открывается первая публичная библиотека, а через несколько лет в колониях уже существовала целая сеть библиотек, служивших важными центрами просвещения. Немалую общественно-просветительскую роль сыграла и журналистика. Привозимые из Англии и печатавшиеся в самих колониях различного рода альманахи, а также газеты и журналы оказали сильное влияние на развитие образованности и роста общественно-политического сознания. В 1765 г. в колониях издавалось 43 газеты. Большинство из них печаталось в северных и центральных колониях, где уровень образованности среди массы населения и интерес к политическим новостям был относительно более высоким, чем на Юге (*Ibid., p. 146 - 153, 242 - 246; Туганова О. Э. Указ, соч., с. 67.*).

Первыми очагами культурного развития в Америке являлись Виргиния и Новая Англия. Однако в силу различных социально-экономических и общественно-политических условий культурное развитие этих колоний пошло разными путями. В Виргинии, как и вообще на Юге, где преобладали олигархические порядки, культурные ценности становились уделом сравнительно узкого круга лиц из состава имущих классов, причем культура была в значительной степени «импортированной» - привезенной из метрополии. Иначе складывалась культурная эволюция в Новой Англии с ее сильно выраженными чертами общинной жизни. Это давало сильный импульс формированию самобытных национальных традиций. «Образовательный и культурный уровень поселенцев Новой Англии, - отмечает О. Э. Туганова, - для своего времени был весьма высок» (*Туганова О. Э. Указ, соч., с. 60.*). Американское просвещение неразрывно связано с именами таких блестящих ученых и мыслителей, как Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон, которым предстояло сыграть выдающуюся роль в борьбе колоний за независимость.

Бенджамин Франклин Худ. Ч. Пил

Сын небогатого ремесленника, Франклин в юности работал в типографии. В своей «Автобиографии» он писал: «...по происхождению я не был ни богат, ни знатен, и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности» (Франклин В. *Избранные произведения. Пер. с англ. М., 1956, с. 418.*) . Но уже в молодом возрасте Франклин прославился на весь мир опытами в области электричества и изобретением громоотвода. Исследования Франклина о природе молний нанесли удар по религиозным представлениям. Ученый широкого диапазона и вместе с тем выдающийся общественный деятель, Франклин стремился соединить свои теоретические изыскания с практикой, с конкретными задачами общественной жизни. Он выступил с критикой распространенного в американских колониях религиозного фанатизма и пропагандировал научное естествознание. Он критиковал церковь с позиции для того времени прогрессивного умеренного философского течения - деизма, которое хотя и не отрицало существования бога, но содержало в себе

черты атеизма. Сам Франклин отмечал в «Автобиографии», что воспитанный в строгих религиозных правилах, он все же в дальнейшем решил не посещать публичные собрания своей религиозной общины, «сделав воскресенье днем занятий». Объясняя свое решение, Франклин писал, что цель богослужений «скорее состояла в том, чтобы сделать нас пресвитерианами, чем в том, чтобы сделать нас хорошими гражданами) (Там же, с. 480, 481.) . Как видно, быть хорошим гражданином американский просветитель считал важнее, чем соблюдать религиозные догматы.

Наряду с естественными науками и философией Франклин занимался политической экономией и историей. И в этих областях он выступил как передовой ученый и общественный деятель. Франклин идеализировал буржуазные отношения, рассматривая прибыль, получаемую купцами и промышленниками, как справедливое вознаграждение за вложенный капитал. Однако в области экономической науки Франклин высказал гениальные догадки, в частности в отношении природы стоимости, которую он считал необходимым измерять количеством затраченного труда. Впоследствии это положение Франклина получило высокую оценку Маркса (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 60, прим. 17а.*) . Перу американского ученого принадлежал и целый ряд исторических сочинений, в которых он с позиций буржуазного демократизма критиковал тех, кто интересовался лишь «великими» - историей войн и полководцев, а не историей «мельчайших существ» - простых поселенцев Америки (*Франклин В. Указ, соч., с. 104, 105.*) . Франклин много и настойчиво занимался пропагандой идеи просвещения. Еще в 1727 г. он основал в Филадельфии так называемую «Хунту» (или «Клуб кожаных фартуков») - кружок ремесленников и торговцев, который занимался изучением философии и политики. На базе организованного Франклином кружка в 1743 г. было создано Американское философское общество, первым президентом которого был избран Б. Франклин, а спустя 54 года этот пост занял Т. Джефферсон. Кроме того, Франклин организовал первую в Америке больницу и академию, а также создал общественную библиотеку (*Баскин М. П. Вениамин Франклин. - В кн.: Франлин В. Указ, соч., с. 38 - 42.*).

Приверженность идеям просвещения у Франклина сочеталась с критикой системы рабовладения. Он доказывал, что труд раба неэффективен и что его использование требует значительно больших капиталовложений, чем использование труда наемного рабочего (*Там же, с. 37 - 38.*). Наконец, важно подчеркнуть, что Франклин явился одним из пионеров национально-освободительного движения. Он показал себя сторонником объединения колоний и расширения их прав. Франклину принадлежит первый проект союза североамериканских колоний, который он предложил конгрессу представителей колоний в Олбэни в июне 1754 г (*Documents of American history, p. 43 - 45. - Конгресс в Олбэни был созван английской администрацией для выработки мер в связи с надвигающейся войной с Францией. Франклин участвовал в этом конгрессе как представитель от Массачусетса.*).

Проект Франклина предусматривал создание общеколониального правительства во главе с генеральным президентом, назначенным и оплачиваемым короной. Законодательная власть должна была

принадлежать Верховному совету, избираемому каждые три года. В ведении центрального правительства должны были находиться внешняя торговля, армия, флот и налоговая политика. Согласно проекту Франклина, право объявления новых налогов принадлежало исключительно собранию народных представителей - Верховному совету. Франклин, как и передовые мыслители Западной Европы, выступал против обложения налогами без согласия представителей колоний. Это было требование поднимающейся буржуазии, направленное на защиту буржуазной свободы и собственности. В дальнейшем, с началом освободительного движения в колониях, вопрос о налогах занял одно из центральных мест в конфликте колоний с Англией, и выдвинутый тогда колонистами лозунг «никаких налогов без представительства» по существу уже содержался в проекте Франклина. Мотивируя необходимость принятия своего плана, Франклин писал, что «союз колоний абсолютно необходим для их сохранения», «для их взаимной защиты и безопасности и для расширения британских поселений в Северной Америке» (Белявская И. А. Б. Франклин - деятель национально-освободительного движения американского народа. - Вопросы истории, 1956, № 10, с. 33. - Жизнь и деятельность Б. Франклина в советской историографии подробно освещены также в работах: Радовский М. И. Вениамин Франклин. М.-Л., 1965; Иванов Р. Ф. Франклин. М., 1972.).

План Франклина предусматривал усиление самостоятельности колоний, но исходил из того, что они остаются в составе Британской империи. Только позднее, с развитием революционного движения, Франклин изменил свою точку зрения и стал сторонником полного отделения от Англии с провозглашения независимости. Но уже тогда, в ранние годы, его взгляды выражали рост национального самосознания. Видимо, поэтому план Франклина был отвергнут Англией (Предложенный Франклином план был расценен в Лондоне как попытка противопоставления колоний метрополии. Правда, обнаружилось, что план этот не вызывает энтузиазма и в самих колониях из опасения, что проведение его в жизнь слишком усилит центральную власть и тем самым ослабит привилегии отдельных колоний.). 21 сентября 1765 г. в филадельфийской газете «Констительюшенал курант» был помещен рисунок Франклина, который считается первой американской политической карикатурой, - разрубленная на 13 частей змея, под каждой из которых название колонии, а общая надпись над рисунком - «Объединимся или умрем». На протяжении всей своей жизни Франклин последовательно выступал за сплочение колоний в единый союз.

Выразителем национального самосознания американского народа был и Томас Джефферсон, выходец из среды земельной аристократии. Разносторонне образованный человек, Джефферсон, как и Франклин, много сделал для пропаганды идей просвещения. Идеалом Джефферсона была республика мелких земельных собственников. Тружеников земли он называл «избранным богом народом». Джефферсон приветствовал революции, влияние которых он сравнивал с влиянием кризиса на организм человека во время болезни, и считал необходимым их периодическое повторение (Захарова М. ТТ. О генезисе идей Томаса Джефферсона. - Вопросы истории, 1948, № 3, с. 45, 49. - Подробное описание жизни и деятельности, а также характеристика общественно-политических взглядов

Т. Джефферсона даны в кн.: Севостьянов Г. П., Уткин А. П. Томас Джефферсон. М., 1976.). Он примыкал к левому, революционному крылу просветительства, выражая интересы фермерства и демократически настроенной части буржуазии.

Подобно Франклину, Джефферсон испытал большое влияние французских просветителей и философов английской буржуазной революции (См.: Согрин В. В. К идейным истокам войны за независимость. - Вопросы истории, 1975, № 6.) . В произведениях этих деятелей, как и в произведениях многих других американских писателей и публицистов того времени, можно без труда обнаружить влияние Руссо п Монтескье, Кондорсе п Вольтера, Бэкона п Локка, Гаррингтона, Мильтона п др. Особенно импонировала буржуазии североамериканских колоний философия Джона Локка с его доктриной «естественного права» на «жизнь, свободу п собственность». Философия Локка, с одной стороны, развивала и обосновывала идею права на революцию, а с другой - пропагандировала классовый компромисс (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 37, с. 419.) . Выдержки из сочинений Локка, равно как и из произведений других прогрессивных философов того времени, популяризировались в альманахах и памфлетах и даже приводились в проповедях пасторов, когда в них затрагивались политические вопросы.

Проблема влияния идей «просвещения» на американскую революцию - одна из важных тем в американской историографии. Исследователи консервативной школы, разделяющие точку зрения сторонников теории «согласия» - «преемственности», начисто отрицают революционный характер взглядов американских просветителей. Они изображают просвещение в Америке как совершенно особое явление, испытавшее на себе влияние европейского просвещения, но в корне от него отличное (Koch A. (ed.). *The American enlightenment. Introduction. New York, 1965, p. 20.*) . В наиболее развернутом виде эта точка зрения изложена в опубликованной недавно монографии американского историка Г. Мэя, основной вывод которой сводится к тому, что Америка по сути дела никогда не знала «революционного просвещения», а если и была привержена в какой-либо форме просветительским идеям, то это были идеи «умеренного» или в крайнем случае «скептического» просвещения (May H. *The enlightenment in America. New York, 1976.*) . Такая точка зрения вызвала вполне резонное несогласие Д. Маккоя, автора рецензии на книгу Г. Мэя, опубликованной на страницах «Уильям энд Мэри Куортерли», самого авторитетного журнала по ранней американской истории. Д. Маккой решительно отвергает выводы Мэя, как не выдерживающие критики. В целом, по его словам, книга Мэя носит рыхлый характер и не содержит убедительной аргументации (William and Mary quarterly, 3d ser., 1977, v. 34, p. 314 - 316.).

Подводя итоги состоянию американской культуры ко времени войны за независимость, необходимо подчеркнуть, что она уже имела собственное, ясно выраженное лицо, хотя по уровню развития все еще находилась па невысокой ступени. Это определялось трудными условиями материальной жизни колонистов и пестротой компонентов, из которых складывалась культурная жизнь нарождающейся американской нации. Как уже отмечалось, в разных районах культурное развитие протекало

неодинаково. Практически каждая колония развивалась по-своему. Только спустя несколько десятилетий в Америке сложилась единая национальная культура, хотя и по сей день она сохраняет свои региональные особенности (Туганова О. Э. Указ, соч., с. 62. 4 А. А. Фурсенко.).

К началу освободительного движения против Англии в колониях уже явственно проступали черты самобытной американской культуры, хотя ее фундаментом служила европейская и прежде всего английская культура. В этом нет ничего удивительного, ибо большинство колонистов были выходцами из Англии. К тому же на протяжении всего колониального периода и в последующем продолжался интенсивный импорт британской культуры. Господствующие классы, в особенности плантаторы Юга, подчеркнуто старались подражать англичанам. Поэтому, как уже отмечалось, культура южных колоний в значительной мере была «импортированной». Южане пользовались в быту почти исключительно предметами английского производства, которые получали в обмен на продукцию своих плантаций. Плантатор обставлял дом английской мебелью, носил английское платье и парик, читал английские романы, посылал детей учиться в Англию. Большое влияние оказывала английская культура также на другие колонии и на всю массу колонистов. Вместе с тем национальная американская культура испытывала влияние культуры других европейских стран, особенно Франции, Испании и Голландии, выходцы из которых также принимали участие в заселении североамериканского материка.

Материальные условия жизни колонистов и трудности, с которыми им пришлось столкнуться при освоении почти девственного континента, серьезно тормозили культурное развитие колоний. Все силы поселепцы отдавали нелегкой работе по освоению нового континента. Это благоприятствовало «импорту» европейской культуры. С другой стороны, особенности трудовой жизни и всего жизненного уклада за океаном порождали самобытные черты и явления, что привело, в частности, к развитию художественной народной культуры - в мастерстве изустного рассказа, народных песнях и произведениях ремесленников. «Ремесла, в том числе и художественные, - пишет О. Э. Туганова, - очень рано достигли своего расцвета... Люди много перемещались по Америке в XVII и XVIII вв., а вместе с ними распространялись и ремесла. Кочевал также по стране изустный рассказ». Занимательные истории о животных и природе новой страны, о ее покорении человеком - таковы были сюжеты этих рассказов, которые со временем стали записываться и послужили одной из основ национальной американской литературы (Там же, с. 63.).

Важным компонентом новой культуры явились заимствования из древней культуры аборигенов континента - индейцев, а также ввезенных в Америку африканских невольников. Г. Аптекер отмечает, что «наличие и деятельность населения африканского и индейского происхождения» оказали «весьма значительное влияние» на все развитие Америки (Литекер Г. Колониальная эра. Пер. с англ. М., 1961, с. 22.) . Индейские слова и названия перешли в словесный обиход поселенцев. Мифология индейцев оказала влияние на американский фольклор, а индейская тема стала одной из

классических тем национальной литературы американцев (*Народы Америки. Т. I. Под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева. М., 1959, с. 90; История американской литературы. Т. I. М., 1947, с. 10; Туганова О. Э, Указ. соч. с. 61; Jacobs W. R. Op. cit., p. 111.*). Что же касается негров, то они внесли значительный вклад в развитие художественных ремесел, а также оказали сильное влияние на поэзию и музыкальное творчество (Туганова О. Э. Указ, соч., с, 67 - 68, 71 - 72.).

Формирование национальной культуры и развитие просвещения в Америке носили сложный и многообразный характер. Следует еще раз подчеркнуть, что решающее значение в этом процессе имели условия материальной жизни колонистов, под воздействием которых в конечном итоге определялись степень и характер влияния английской культуры, складывались черты и особенности новой американской культуры, «...было неизбежно, - отмечает американский историк Т. Д. Уортенбекер, - что культурные течения из Англии, ударяясь об американский берег, должны были подвергаться глубоким переменам, и это отражалось различным образом в каждой сфере (культуры, - А. Ф.) в зависимости от того, каким был берег» (*Wertenbaker T. J. The golden age of colonial culture. Ithaca, 1961. p. 151; Wright L. B. Op. cit. chap. 3.*).

Наконец, остается сказать, что, хотя население колоний по своему национальному составу было далеко не однородным и наряду с англичанами, представлявшими лишь около двух третей населения, были французы, немцы, голландцы, испанцы и др., основная масса населения пользовалась английским языком. Язык этот успел приобрести здесь некоторые особенности как вследствие определенного выговора, отличающегося от английского, так и вследствие появления новых слов, заимствованных из языков других иммигрантов, а также индейцев. «Вы говорите не по-английски и не по-шотландски, - заявлял англичанин одному из приезжих американцев, - ваш язык отличается от того и от другого, и я заключаю, что этот язык американский» (*Аптекаер Г. Указ. соч.. с. 176; Шлепаков А. И. Указ, соч., с. 71 - 74.*).

Таким образом, к середине XVIII в. в североамериканских колониях Англии налицо были признаки складывания новой нации. В разных колониях по-разному сказывалось влияние идей просвещения на развитие культуры и их воздействие на ход социально-экономической жизни и общественно-политических отношений. Бесспорно, однако, что повсюду ко времени начала национально-освободительного движения был достигнут значительный прогресс, выявилась определенная общность в развитии культуры и просвещения, что наряду с прочими факторами являлось важной предпосылкой буржуазной революции.

Многие современники, наблюдая за развитием американских колоний, начинали понимать, что разрыв колоний с Англией неминуем. Английский писатель Оливер Голдсмит писал в 1762 г., что колонии переживают бурный рост и что таким образом «разрушается» их зависимость от Англии. А французский путешественник, посетивший Америку в 1765 г., отмечал, что «эта страна не может быть долго подчинена Великобритании, как и любой другой находящейся на расстоянии державе». «Ее размеры, - писал

он, - так велики, ежегодный прирост населения так значителен и она имеет такое количество всего необходимого для ее собственной обороны, что ни одна нация никому не кажется более подготовленной к независимости» (Аптекер Г. Указ, соч., с. 166. *affix the STAMP.*). История показала, что эти слова были пророческими. Североамериканские колонии Англии стояли на пороге освободительной буржуазной революции.

Глава вторая. НАЧАЛО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Плакат против гербового сбора

Освободительное движение североамериканских колоний Англии, за которым последовала война за независимость, началось активным сопротивлением политике метрополии в середине 60-х гг. XVIII в. Некоторые исследователи считают эти события лишь предысторией американской революции (Maier P. *From resistance to revolution. Colonial radicals and the development of American opposition to Britain, 1765 - 1776. New York, 1972, p. XI - XV.*). В советской и американской марксистской литературе они рассматриваются как органическая часть буржуазной революции, завершившейся отделением колоний от Англии (Фостер У. З. *Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., 1953, с. 165; Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962; Севостьянов Г. Н. Некоторые проблемы истории американской революции. - Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 46.*).

Вооруженное восстание вспыхнуло лишь в 1775 г., а независимость была провозглашена в 1776 г. Однако то, что предшествовало этим радикальным сдвигам в освободительном движении, нельзя рассматривать лишь как подготовительный этап. События 60-х - ачала 70-х гг. были органически, неразрывно связаны с освободительной борьбой и преобразованиями американской революции. Именно в эти годы произошло становление революционных сил, были выработаны организационные формы и методы революционной борьбы.

Освободительное революционно-демократическое движение в колониях заняло около 20 лет. Оно было непосредственно связано с победой Англии в Семилетней войне (1756 - 1763 гг.), вслед за которой, вытеснив из Канады главных соперников - французов, англичане попытались ввести в своих колониях, расположенных вдоль Атлантического побережья Северной Америки, более строгий режим. Был принят ряд постановлений, рассчитанных на то, чтобы укрепить в них власть Англии. Это вызвало серьезное недовольство за океаном. Но впервые решительное сопротивление британская политика встретила после принятия закона о гербовом сборе. Вспыхнула массовая кампания протеста, положившая начало движению, которое в конечном итоге привело к войне за независимость.

22 марта 1765 г. британский парламент одобрил закон о гербовом сборе, который был принят после незначительных дебатов. Никто даже не предполагал, что эта мера может вызвать серьезные последствия. Правительство Дж. Гренвиля, ставшего главой кабинета благодаря своей репутации опытного финансиста, предлагало этот закон в качестве средства облегчения тяжелого положения британского казначейства. Государственный долг Англии достигал к этому времени колоссальной суммы - 340 млн. ф. ст. С окончанием Семилетней войны расходы значительно сократились. Но и в мирное время имперская политика требовала больших затрат. Только содержание регулярных войск в Северной Америке обходилось ежегодно в 350 - 400 тыс. ф. ст. По расчетам британского казначейства, введение нового налога должно было принести 60 тыс. ф. ст. дохода. Это позволило бы правительству Англии тратить меньше собственных средств на содержание полицейского аппарата в колониях (*Miller J. C. Origins of the American revolution. Stanford. 1966, p. 110 -116.*).

Согласно закону о гербовом сборе налогами облагались все печатные издания, юридические документы - брачные контракты, торговые соглашения, бумаги о наследстве, всякого рода официальная документация. До сих пор в пользу метрополии взимались лишь косвенные налоги, с изданием закона о гербовом сборе была сделана попытка ввести прямое налогообложение. Идея введения подобного рода налогов обсуждалась еще задолго до Семилетней войны. Но тогда она не получила поддержки. Теперь к этой идее вернулись, и с 1 ноября 1765 г. закону о гербовом сборе предстояло вступить в силу. Чтобы не вызвать раздражения колонистов, решено было не посылать английских чиновников для взыскания гербового сбора, а возложить эту обязанность на специальных уполномоченных, назначенных из состава колониальной администрации. Желая, однако, предотвратить возможность уклонения от уплаты налогов, впервые вводимых в таком широком масштабе, правительство Англии предоставило право контроля за соблюдением нового закона британским вице-адмиралтейским судам, нарушив таким образом прерогативы местных судов присяжных.

По справедливому замечанию американского историка Д. Миллера, принятием закона о гербовом сборе правительство Англии, видимо, не желая того, отступило от своей традиционной политики «разделяй и

властуй», которая позволяла ему играть на противоречиях между различными группами населения колоний (Ibid., p. 129.). Закон о гербовом сборе задевал буквально каждого кителя колоний, и результат такой меры не замедлил сказаться.

Известие о предстоящем введении новых палогов вызвало в Америке бурное негодование. Законодательная ассамблея Виргинии первой специально обсуждала этот вопрос. В ее составе сформировалась группа молодых депутатов, оппозиционно настроенных по отношению к господствовавшей верхушке богатых плантаторов. Среди молодых депутатов выделялся только что избранный в состав ассамблеи 29-летний Патрик Генри, уже хорошо известный в Виргинии адвокат, с чьим именем был связан громкий процесс 1761 г., на котором он выступил против дискриминационных мер английского правительства по так называемому «делу Парсона». Сам Генри принадлежал к той части виргинских землевладельцев, которая не могла быть названа бедной, но и не была богатой. Он представлял джентри - мелкопоместных землевладельцев глубинных, внутренних районов колонии, недовольных засилием богатой верхушки Атлантического побережья. Генри был блестящим оратором, манера выступлений которого в высшей степени импонировала большинству таких же, как он, джентри - депутатов виргинской ассамблеи. В этом, по словам американского исследователя Р. Изака, заключался «секрет популярности П. Генри» (*Isaac R. Preachers and patriots: popular culture and the revolution in Virginia.- In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Ed. by A. F. Young. De Kalb, 1976, p. 152 - 153.*) , одного из выдающихся деятелей американской революции.

29 мая 1765 г. Генри внес на рассмотрение виргинской ассамблеи резолюцию, смысл которой заключался в том, что только сами виргинцы могут вводить новые налоги и что решение английского парламента о гербовом сборе является незаконным (*Henry W. W. Patrick Henry, life, correspondence and speeches. V. I. London - New York, 1891, p. 80 - 82.*) . Защищая свое предложение, Генри сказал в своей речи: «Тарквинин и Цезарь каждый имели своего Брута, а Карл I - Кромвеля, Георг III...», - в этом месте оратор сделал драматическую паузу. В тот же момент раздался крик: «Измена, измена!». Генри невозмутимо продолжал: «Георгу III следовало бы из этого извлечь урок» (*Ibid., p. 86 - 87*) .

Не только выступление, но и предложенная Генри резолюция против введения гербового сбора встретили резкую оппозицию консервативной части виргинской ассамблеи. Она была принята на следующий день 30 мая 1765 г. лишь незначительным большинством голосов и в урезанном виде; был опущен раздел о том, что Англия вообще не имеет права облагать колонии налогами (*Meade R. D. Patrick Henry. Patriot in the making. Philadelphia - New York, 1957, p. 174; Campbell N. D. Patrick Henry. Patriot and statesman. New York, 1969. p. 59.*) . Выступление Генри произвело большое впечатление. Будущий автор Декларации независимости, тогда 22-летний Томас Джефферсон, слушая эту речь, был потрясен ораторским искусством Генри. «Я стоял у входа в зал заседаний, - вспоминал впоследствии Джефферсон, - и слышал блестящее выступление г-на Генри, который отличался талантом

популярного оратора. Он действительно обладал этим талантом в огромной степени. Такого другого оратора мне больше не приходилось слышать. Мне показалось, что он говорит, как писал Гомер» (*The autobiography of Thomas Jefferson. Ed. by D. Malone. New York, 1959, p. 22.*). Представители королевской власти в Виргинии иначе оценили это выступление. В официальном докладе королевскому правительству Англии губернатор Виргинии Факье квалифицировал язык выступления Генри как «неприличный». Он писал, что этот молодой адвокат, который и месяца не пробыл депутатом ассамблеи, «повел за собой всех молодых депутатов». Губернатор объяснял принятие предложенной Генри резолюции тем, что ко времени его выступления ассамблея заканчивала работу и многие депутаты разъехались по домам (*Mead e R. D. Op. cit., p. 174.*). Видимо, это действительно было так, но резолюция была принята, разослана в другие колонии и опубликована в газетах, способствуя развитию антибританских настроений.

Рукописное наследие Генри скудно. Сохранились лишь немногие документы, написанные его собственной рукой. Нет и подлинного текста его речи против закона о гербовом сборе. Одни исследователи объясняют это тем, что по скромности характера Генри не придавал значения тому, чтобы сохранить следы своей деятельности для потомства (*Ibid., p. 167*). Другие - тем, что, будучи искусным оратором, буквально покорявшим своих слушателей, он не оставлял текста речей, так как они не могли передать весь пафос его устных выступлений (*Isaac R. Op. cit., p. 152.*). Как бы то ни было, с точки зрения самого Генри, его выступление против закона о гербовом сборе имело особое значение. Поэтому на склоне лет, составив завещание, он приложил к нему текст принятой по его предложению 30 мая 1765 г. резолюции и на ее обороте описал события тех дней. В этом описании Генри отмечал, что резолюция виргинской ассамблеи «положила начало оппозиции акту о гербовом сборе и плану обложения Америки налогами британским парламентом» (*Henry W. W. Op. cit, p. 81 - 82.*).

Действительно, решение виргинской ассамблеи, принятое по предложению П. Генри, было важным шагом в развитии антибританского движения. «Резолюция виргинской ассамблеи, - писал главнокомандующий британскими силами в Америке генерал Т. Гейдж, - послужила сигналом к всеобщему протесту на континенте» (*Т. Гейдж - Т. Конвею, 23 сентября 1765 г. - The correspondence of general Thomas Gage with the secretaries of State 1763 - 1775. v. I. Ed. by C. E. Carter. New Haven, 1931, p. 67.*). А по словам американского историка середины XIX в. Х. Григсби, эта резолюция была «первым серьезным ударом» по господству Англии в североамериканских колониях (*Grigs by H. B. The Virginia convention of 1776. New York - London. 1855, p. 7.*).

Ни одна другая законодательная ассамблея не приняла резолюции подобно виргинской. Но, как отмечал генерал Гейдж, остальные колонии «аплодировали» виргинцам «как защитникам и ревнителям американской свободы», одобряя их решение в своих речах и публичных выступлениях. В колониях началась кампания против закона о гербовом сборе с целью не допустить его исполнения. Кампания эта приняла такой резкий характер, что уже в самом начале генерал Гейдж предвидел, что она «может привести к отмене закона» (*The correspondence of general Thomas Gage, v. I. p. 67..*).

Несколько дней спустя после принятия виргинской резолюции законодательная ассамблея Массачусетса предложила создать межколониальный конгресс для обсуждения положения в связи с принятием закона о гербовом сборе. Она избрала своих делегатов на этот конгресс и отправила приглашения другим колониям прислать своих представителей в Нью-Йорк 7 октября 1765 г. (*Morgan E. S. and H. M. The Stamp Act crisis. New York, 1965, p. 139.*).

Из тринадцати колоний на конгресс в Нью-Йорк прибыли представители девяти. Обсуждение в колониях вопроса об участии в конгрессе и выборы делегатов происходили в острых столкновениях. Нью-Гэмпшир, Северная Каролина, Джорджия, Виргиния не были представлены, хотя и прислали сообщения о своей солидарности. Южная Каролина, Коннектикут и Нью-Йорк послали делегатов, но не дали им полномочий подписывать какие-либо документы. При обсуждении в ассамблее Пенсильвании вопроса о посылке делегатов решение было принято лишь большинством в один голос - 15 против 14 (*Ibid., p. 139 - 148; Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 138..*).

Разногласия обнаружились и в ходе заседания конгресса, продолжавшегося две недели. Большинство присутствовавших придерживалось умеренных взглядов. Выступив против закона о гербовом сборе и настаивая на сохранении прежних прав колонии, они не отвергали власти короля и парламента. Некоторые делегаты, в частности К. Гедсден из Южной Каролины, настаивали на том, чтобы, проявив лояльность в отношении короля, игнорировать парламент, принявший ненавистный закон о гербовом сборе. Однако эта точка зрения была отвергнута. Конгресс принял декларацию о правах и жалобах британских колоний в Америке, а также направил обращение к королю и парламенту (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 142 - 144, 147 - 148.*). Выработка этих документов проходила с большим трудом. Делегат от Делавэра Ц. Родней заметил, что двухнедельные дебаты на конгрессе были «одним из самых трудных дел», в которых ему когда-либо приходилось участвовать. «Трудность» этой задачи и состояла в том, чтобы заявить о «правах и привилегиях колоний», не отвергая «прерогатив короны и власти парламента» (Ц. Родней - Т. Роднёю, 20 октября 1765 г. - *In: Letters to and from Caesar Rodney 1756 - 1784. New York, 1970, p. 26.*). Однако принятое конгрессом заявление содержало недовольство политикой метрополии и отстаивало принцип «никаких налогов без представительства» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 150 - 152.*).

В свое время английская буржуазия сама выдвинула этот лозунг, выступая против абсолютизма Стюартов. Теперь требование «никаких налогов без представительства» было подхвачено в колониях и использовано в борьбе против политики Англии. Это был не столько вопрос о налогах, сколько вопрос о власти. Поставив под сомнение право парламента, в котором колонии не были никак представлены, облагать их налогом, колонисты тем самым ставили под сомнение вообще власть парламента над собой.

Еще за год до издания закона о гербовом сборе бостонский адвокат Джеймс Отис, по инициативе которого был созван конгресс в Нью-Йорке и который сам был избран делегатом от Массачусетса, выступил с памфлетом «Права британских колоний», где впервые в решительной форме осудил попытки парламента вводить новые налоги (*Otis J. Rights of the British colonies asserted and proved. - In: Pamphlets of the American revolution, v. I. Ed. by B. Baylin, p. 419 - 470.*) . Причиной выступления Отиса послужили предпринятые Англией первые попытки внести изменения в систему взимания податей в колониях.

В мае 1764 г. городской митинг Бостона избрал специальную комиссию, которая выработала инструкции делегатам массачусетской ассамблеи с поручением выступить на заседании конгресса против британской политики. Этот документ обвинял английское правительство в нарушении конституционных норм, отмечая, что политика метрополии «лишает нас дарованного хартией права управлять собою и налагать на себя подати», «наносит удар по нашей привилегии быть британцами, от которой мы никогда не отказывались и которой пользуемся наравне с нашими согражданами - жителями британских островов. Если же нас облагают податями, в какой бы форме это ни делалось, - заявляли бостонцы, - в то время как мы не имеем законных представителей в том органе, который принимает по этому поводу решение, то не низводят ли нас из положения свооодных граждан до жалкой роли рабов-данников?» (*Этот документ был опубликован Д. Отисом в приложении к его памфлету (Otis J. Op. cit., p. 471 - 474.)*).

Идея совместного выступления колоний по вопросу о налогообложении родилась также задолго до созыва конгресса 1765 г. Созванный в мае 1764 г. городской митинг Бостона обратился к законодательной ассамблее Массачусетса с призывом добиться согласованных действий с другими колониями. Затем ассамблея разослала колониям циркулярное письмо с просьбой поручить их представителям в Англии «объединиться, чтобы заявить самый серьезный протест против налоговой политики парламента» (*Otis J. Op. cit., p. 474.*). Сообщая британскому правительству об этой акции, губернатор Массачусетса Ф. Бернارد выразил серьезную озабоченность. «Хотя с первого взгляда это может показаться случайной мерой, преследующей частные цели, - писал он, - я имею все основания считать, что действительная цель глубже, чем это выглядит на поверхности. Опасаюсь, что собираются воспользоваться случаем..., чтобы найти почву для объединения демагогов разных правительств в Америке, дабы они могли организовать оппозицию всем приказам Великобритании, которые не согласуются с их представлениями о правах человека. Возможно, я слишком подозрителен. Скоро увидим, так это или нет» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit, p. 138.*).

Созыв конгресса 1765 г. и принятые им решения подтвердили опасения Бернарда. При формулировании Декларации прав и жалоб британских колоний 42 участника конгресса выработали общую платформу по вопросу введения новых налогов. В выступлениях делегатов, тексте резолюции и последующих документах, связанных с ее обсуждением, политика Англии была подвергнута критике, как нарушавшая естественные

права человека. Принятые конгрессом обращения к королю и парламенту были тем не менее выдержаны в верноподданнических выражениях (*Howard G. S. Preliminaries of the revolution. New York - London, 1905, p. 155 - 157.*). Однако, заявляя о лояльности и готовности подчиниться британским законам, делегаты конгресса исходили из того, что некоторые внутренние дела, такие, как введение налогов, порядок судопроизводства и т. п., должны оставаться прерогативой колониальных ассамблей. «Американцы не считали, - пишут супруги Морган в своем известном исследовании, - что любой закон является приемлемым. Например, те законы, которые ликвидировали права суда присяжных или какое-либо другое общеуказанное конституционное право, выходили за пределы полномочий парламента» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit, p. 150 - 151.*). Большинство делегатов конгресса придерживалось именно такой точки зрения. Два представителя отказались поставить свою подпись под решением конгресса, посчитав его чрезмерно радикальным. Это были президент конгресса Т. Раглз, входивший в состав делегации от Массачусетса, и делегат от Нью-Джерси Р. Огдей, спикер законодательной ассамблеи колонии. И тот, и другой в скором времени полатились за это удалением из состава колониальных ассамблей (*Ibid., p. 147.*).

Под воздействием развернувшегося массового движения ассамблей вынуждены были радикально изменить свою позицию, решительно выступив против английской политики. 25 октября в день закрытия конгресса в Нью-Йорке, еще до того, как стали известны его решения, массачусетская ассамблея приняла декларацию, гласишшую, что «в основе британской формы правления лежат определенные права, которые основываются на воле бога, естественном праве и являются всеобщим правом всех людей», что жители Массачусетса «раз и навсегда наделены неотъемлемыми правами вместе со всеми людьми и что никакой общественный закон, если он не противоречит божьей воле и естественному праву, не может лишить их этих прав» (*Ibid., p. 152.*). Постановление ассамблеи звучало решительнее постановлений конгресса. Аналогичным образом развивались события и в других колониях. Поэтому решения конгресса были без колебаний ратифицированы ассамблеями всех колоний, за исключением виргинской, где ратификации воспрепятствовал губернатор (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 139.*). Но по сути это ничего не меняло. Принятая 30 мая 1765 г. по предложению П. Генри резолюция полностью предвосхищала решения конгресса в Нью-Йорке.

Решения конгресса в Нью-Йорке были важным юридическим актом, фиксировавшим, пока в очень осторожной форме, готовность колоний объединенными усилиями противостоять политике метрополии. «Я всегда придерживался той точки зрения, - писал после окончания конгресса К. Гедсен, - что мы все должны стремиться к тому, чтобы твердо стоять на общих принципах естественного и неотъемлемого права, что все мы, как люди и как потомки англичан, чувствуем и знаем, что у нас есть для этого основания... Сейчас нет жителей Новой Англии, Нью-Йорка и т. д... Все мы - американцы. Для того чтобы подтвердить наши неотъемлемые, общие с англичанами права, достаточно сослаться на полученные нами хартии» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 146.*). Не все разделяли подобного рода подход.

Инициатор созыва конгресса Д. Отис, зарекомендовавший себя еще с начала 60-х гг. противником британской налоговой политики, в своей практической деятельности проявлял непоследовательность. В 1769 г. в результате травмы головы он заболел психически. Некоторые исследователи считают, что и до того Отис был не вполне здоровым человеком. Они отмечают резкие колебания в его политических взглядах (*Ibid.*, p. 141). Во всяком случае он был человеком весьма неуравновешенным. С одной стороны, Отис выступал с критикой политики метрополии, а с другой - активно поддерживал власть британской короны (Белявская И. А. Джеймс Отис и его роль в подготовке войны за независимость. - В кн.: Американский ежегодник 1975. М., 1975, с. 171 - 185.). Если первое обеспечило ему широкую популярность, то второе наносило его репутации серьезный ущерб. В 1765 г. Отиса едва не забаллотировали на выборах, где он получил голосов меньше, чем кто-либо из всех избранных (*Jensen M. The founding of a nation. A history of the American revolution 1763 - 1776. New York - London, 1968, p. 107.*). Впоследствии Джон Адамс вспоминал, что в Бостоне все тогда говорили об Отисе как о «подлеце, изменнике и предателе» (*Ibid.*). Вначале он предложил созвать конгресс против закона о гербовом сборе, а затем, перед отъездом на конгресс, заявил, что «если британское правительство не пришлет в ближайшее время войска для поддержания мира в этой колонии (Массачусетсе, - А. Ф.), то они (колонисты, - А. Ф.) перережут друг другу глотки» (*Morgan E. S. and II. M. Op. cit., p. 141.*) . По словам американского историка Миллера, Отиса постоянно «мучили сомнения из-за его привязанности к Британской империи». «Всякий раз, когда он делал шаг вперед по скользкой дороге к восстанию, - пишет Миллер, - его тут же одолевали угрызения совести» (*Miller J. C. Sam Adams. Pioneer in propaganda. Stanford, 1936, p. 96.*) . Однако в действительности дело было не в личных переживаниях Отиса, а в особенностях политической платформы тех, кто, подобно Отису, осознав необходимость перемен, стремился в то же время сохранить основы прежнего порядка.

Для тактики господствующего класса - купцов и юристов, которых сильно задевал закон о гербовом сборе, двойственность в подходе к вопросу о взаимоотношениях с Англией была весьма характерной. Но для одних деятелей, как для Отиса, примыкавшего к более консервативному течению, она была характерна в большей степени, для других, более радикально настроенных, - в меньшей. Недаром Отис, узнав о решении виргинской ассамблеи, осуждающей введение закона о гербовом сборе, назвал его «изменническим» (*Jensen M. The founding of a nation, p. 108.*) . Позиция же политических деятелей типа Генри, по инициативе которого принята эта резолюция, была более радикальной. И Отис, и Генри выдвинулись в первые ряды политических деятелей своих колоний, но по своему подходу к решению важнейших вопросов они существенно отличались друг от друга. Поэтому едва ли обоснован вывод Т. Джонсона о том, что Отис и Генри играли одинаковую роль в начале освободительного движения (*Johnson Th. H. The Oxford companion to American history. New York, 1966, p. 604.*) . Действительно, оба они достаточно определенно выступали против гнета метрополии и власти королевских чиновников, но представляли разные

течения в патриотическом движении, по-разному понимали его цели и методы. Решения городских митингов, колониальных ассамблей и межколониального конгресса в Нью-Йорке, направленные против закона о гербовом сборе, являлись важным шагом в антибританском движении, но ни одна из этих акций не имела бы значения, если бы за ее спиной не стояло неуклонно набиравшее силу народное движение. Попытка введения закона о гербовом сборе привела к массовым выступлениям протеста, вызывая к жизни новые формы демократического движения. Как отмечает американский историк М. Дженсен, с этого времени важным фактором общественного развития становится «толпа» - массовые стихийные выступления низов, сыгравшие в американской революции огромную роль (*Jensen M. The American people and the American revolution. - The journal of American history, 1970, v. LVII, p. 12.*).

Несмотря на принятие виргинской резолюции и созыв межколониального конгресса, вопрос о введении гербового сбора оставался открытым. Его судьба и была решена выступлениями масс, сделавших практически невозможным осуществление закона. «Новая политика - политика улицы, - отмечает представитель «новых левых» Д. Лемиш, - пришла на смену старой политике - политике дебатов в залах ассамблеи» (*Lemish J. The American revolution seen from the bottom up. - In: Towards a new past: dissenting essays in American history. Ed. by B. J. Bernstein. New York, 1968, p. 20.*).

«Политика улицы» началась с массовой демонстрации 14 августа 1765 г. в Бостоне против сборщика новых налогов Э. Оливера. Когда губернатор колонии Бернард информировал членов состоявшего при нем совета, что толпа вздернула на дерево чучело, изображавшее Оливера, никто не воспринял его сообщение всерьез, посчитав это лишь «ребячьей забавой» (*Jensen M. The founding of a nation, p. 109.*). Но к вечеру того же дня толпа разгромила здание, предназначенное для конторы по взиманию гербового сбора, сожгла чучело Оливера и напала на его дом. Попытка губернатора прибегнуть к помощи милиции не увенчалась успехом. Командир милицейского отряда сообщил, что многие из его подчиненных сами приняли активное участие в демонстрации и поэтому он бессилен что-либо предпринять (*Ibid*). На следующий день, 15 августа, Оливер вынужден был заявить, что слагает с себя обязанности сборщика налогов. Вдохновленные этим успехом участники демонстрации на протяжении последующих двух недель совершили нападение на дома нескольких таможенных и судебных чиновников (*Longley R. S. Mob activities in revolutionary Massachusetts. - New England quarterly, 1933, v. 6, p. 108 - 109.*).

Одной из самых ненавистных фигур в Массачусетсе был бывший губернатор Т. Хатчинсон, занимавший ко времени принятия закона о гербовом сборе пост вице-губернатора и верховного судьи колонии. Считали, что Хатчинсон был инициатором целого ряда мер, которыми британское правительство ущемляло право колонистов. Широко распространился слух, что закон о гербовом сборе был также принят по его совету. В связи с этим во время демонстрации 14 августа ее участники осадили дом Хатчинсона и потребовали, чтобы он поклялся, что «никогда не писал в Англию в пользу закона о гербовом сборе» (*Bailyn B. The ordeal of*

Thomas Hutchinson. Cambridge, 1974, p. 68.) . Хатчинсон держался высокомерно. С какой стати, считал он, высокопоставленный королевский чиновник должен отвечать на вопросы «всякому, кто творит беззаконие»? (*Ibid., p. 69.*) Однако его высокомерие было сурово наказано.

В ночь на 26 августа разъяренная толпа напала на особняк Хатчинсона и разгромила его до основания, оставив лишь кирпичную кладку наружных стен, не поддававшуюся разрушению. «Хатчинсон и его семья, - пишет американский историк Б. Бейлин, - едва успели выскочить па улицу из-за стола, за которым они ужинали. Повстанцы выломали топорами двери. Масса людей хлынула во внутренние покои, сдирая настенную обивку и украшения, кромсая мебель и ломая стены комнат. Сад был сравнен с землей. Подверглись разгрому библиотека и архив Хатчинсона» (*Ibid., p. 35.*).

Симпатии американского историка целиком на стороне Хатчинсона, которому посвящена его книга. Что же касается участников демонстрации 26 августа, то их «решимость» была, по его словам, так же примечательна, как и их «жестокость». Бейлин отмечает, что «люди разных политических убеждений» в разных колониях были потрясены «жестокостью, которой не знали цивилизованные страны» (*Ibid., p. 35 - 36.*) Действительно, события 26 августа многих напугали. Но прежде всего это относилось к имущей части населения и властям (*Jensen M. The founding of a nation, p. 110 - 111.*). Ссылаясь на губернатора Массачусетса Бернарда, Бейлин заявляет, что массовые выступления «превратились в волну грабежей», «в стремление ликвидировать различие между богатыми и бедными» (*Bai1yn B. Op. cit., p. 37.*). В его изображении участники демонстраций против гербового сбора - это толпа грабителей и насильников. Правда, Бейлин вынужден признать, что за массовыми выступлениями в Бостоне стояли новые политические силы. «Политическая оппозиция, - пишет он, - была в своей основе новой оппозицией, и Хатчинсону суждено было стать ее жертвой» (*Ibid., p. 39.*).

Однако этого признания явно недостаточно. Следуя своим теоретическим установкам, Бейлин игнорирует социально-экономический аспект событий 14 и 26 августа 1765 г. и не видит проявления классовых противоречий в массовых выступлениях. Между тем поднявшаяся с началом кампании против гербового сбора мощная волна народных демонстраций может быть понята только с учетом этих обстоятельств. Д. Хэрдер в исследовании, которое опубликовано в сборнике работ под редакцией Д. Янга, отмечает, что массовые выступления в Бостоне носили «классовый характер» (*Hoerder D. Boston leaders and Boston crowds, 1765 - 1776. In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism, p. 244.*). Это положение подробно рассматривается в опубликованной там же работе Г. Нэша, подчеркивающего, что демонстрации 14 и 26 августа в Бостоне имели «внутреннюю» подоплеку (*Nash G. Social change and the growth of prerevolutionary urban radicalism. - Ibid., p. 26.*). Акцентируя внимание на этой стороне дела, Нэш показывает, что выступления низов против гербового сбора, хотя и носили стихийный характер, были подготовлены всем ходом предшествующего развития - ростом богатства, с одной стороны, и усилением бедности, - с другой, обострением классовых противоречий и накопившимся

недовольством среди беднейших слоев населения, постепенным развитием их политического сознания (*Ibid.*, p. 8 - 19.).

Сообщая о событиях 14 и 26 августа в Лондон, губернатор Массачусетса заявлял, что усматривает в них попытку «общего уравнивания и устранения различий между богатыми и бедными». Цитируя это донесение, Д. Хэрдер отмечает, что «рудименты классового сознания», нашедшие выражение в опустошительных набегах на дома богатых чиновников, грозили вылиться «в более широкое наступление на высший класс и господствующую элиту» (*Hoerder D. Op. cit.*, p. 242.) . Он считает, в частности, что выступление против Хатчинсона и разгром его особняка не были случайностью, ибо бывший губернатор колонии вызвал глубокую ненависть среди широкой массы беднейших слоев населения (*Ibid.*, p. 243.). Независимо от Д. Хэрдера, Г. Нэш пришел к тому же выводу, тщательно проанализировав действия Хатчинсона и резонанс, который они вызывали со стороны колонистов. «Для рядовых бостонцев, - пишет Г. Нэш, - Т. Хатчинсон являлся фигурой, на которую издавна смотрели, как на человека, претендующего на то, что служит всем, тогда как в действительности он проводил политику, которая неизменно была выгодна богатым и ущемляла интересы бедных» (*Nash G. Op. cit.*, p. 20.). По его инициативе были приняты меры против выпуска «дешевых денег», которых требовали должники. Он добился утверждения акцизного налога, настаивал на роспуске городского митинга Бостона. Хатчинсон подвергся критике за дискриминацию в отношении бедных. В 50-х гг. ему подпустили «красного петуха», в собравшейся около пылающего дома толпе приговаривали: «Горж, гори ясно!». «Только принимая во внимание давнюю ненависть, которую простые люди Бостона питали к Т. Хатчинсону и его клике, - пишет Г. Нэш, - можно понять выходящую за пределы обычного реакцию жителей Бостона на закон о гербовом сборе в августе 1765 г., когда были подвергнуты систематическому разрушению дома Хатчинсона и других богатых консервативно настроенных бостонских чиновников. Это также относится к пониманию хода революционных политических акций в городе в последующие годы» (*Ibid.*, p. 27.).

Хотя традиционно считается, что нападения на дома Э. Оливера и Т. Хатчинсона явились выражением массового протеста против закона о гербовом сборе, можно присоединиться к выводу Г. Нэша, считающего, что это было «самое яростное нападение на частную собственность в истории английских колоний» и что здесь «толпа» шла «гораздо дальше», чем в протестах против «политики парламента» (*Ibid.*, p. 28.). Не случайно события 14 и 26 августа так напугали бостонских богачей, что они стали прятать ценные вещи в домах своих знакомых - представителей менее состоятельного сословия (*Ibid.*).

Массовые выступления против гербового сбора в Бостоне подали пример другим колониям. «Наши братья в Бостоне, - гласило письмо, опубликованное в нью-йоркской газете и перепечатанное затем в Филадельфии и Портсмуте, - заслужили более чем когда-либо расположение всех колоний в Америке». При этом выражалась надежда,

что «благородному примеру» бостонцев последуют все колонии (*Maier P. Op. cit., p. 54.*).

Вскоре после августовских «беспорядков» в Бостоне генерал Гейдж отмечал, что «в настоящее время все спокойно и, кажется, что на смену шторму пришла тишина» (*Т. Гейдж - Т. Конвею, 23 сентября 1765 г. - The correspondence of general Thomas Gage, v. I, p. 68.*) . Однако, вопреки утверждению Гейджа, «шторм» продолжался. Другие колонии последовали примеру Бостона. И там состоялись демонстрации с требованием, чтобы уполномоченные по взиманию гербового сбора отказались от своих обязанностей. Естественно, что без аппарата по практическому осуществлению гербового сбора новый закон не мог быть реализован. Поэтому принудительное устранение тех, кто должен был проводить налоговую политику в жизнь, явилось, по определению одного из современников, «самой действенной мерой», вследствие чего «топор переломился у самого основания» (*Maier P. Op. cit., p. 54.*).

Во всех колониях под давлением массовых требований сборщики налогов слагали с себя полномочия, публично отрекаясь от своих должностей и подписывая соответствующие обязательства. Демонстранты уничтожали привезенную из Англии гербовую бумагу или отправляли ее обратно. Тех, кто сопротивлялся, подвергали насилию и унижениям, раздевая донага, вымазывая смолой и вываливая в перьях. В таком виде их привязывали к дереву или водили по городу под улюлюканье толпы. Эти демонстрации происходили по-разному в разных местах, по повсюду атмосфера была сильно накалена.

Уполномоченным по сбору налогов в Виргинии был назначен полковник Мерсер. Это назначение застало его в Лондоне. По прибытии в Америку он был встречен разъяренной толпой, которая требовала его отставки. Мерсер попросил совета у губернатора. «Он обратился ко мне с вопросом, - писал потом последний, - что ему делать. А я спросил, боится ли он за свою жизнь. Если «да», то мне трудно советовать. Если «нет», то честь и интересы дела требуют оставаться на своем месте... Он ушел от меня в состоянии нерешительности, что же все-таки делать» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 201*) . На следующий день Мерсер вынужден был принять решение. Толпа, собравшаяся перед его домом в Уильямсбурге, требовала немедленного ответа, и он заявил, что отказывается от исполнения должности. Его качали и под аккомпанемент трубных звуков пронесли на руках по улицам города. Ночью звонили колокола, Уильямсбург был расцвечен иллюминацией. Народ праздновал победу. А Мерсер тем временем укладывал вещи и с первым же судном отплыл в Англию, сославшись на неотложные дела (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p 132 - 133.*).

Подобно виргинскому уполномоченному, назначенный на пост чиновника по взиманию гербового сбора в Нью-Гэмпшире Д. Мезерв узнал о своем назначении, находясь в Англии. Когда корабль, на котором он прибыл в Америку, подошел к бостонской гавани, его уведомили, что прежде чем сойти на берег, следует заявить об отставке. Подозревая, что

Мезерв привез с собой гербовую бумагу, собравшаяся на берегу толпа угрожала уничтожить судно. В течение двух дней корабль простоял на рейде под охраной британского военного фрегата и только после того, как бостонцы убедились, что гербовой бумаги на судне нет, оно смогло подойти к причалу. Мезерв к этому времени уже сообщил об отказе исполнять свою должность, по колонисты потребовали подтвердить еще раз прежнее заявление об отставке, оказав ему более чем прохладный прием. «Хотя он согласился со всеми их требованиями, - пишут супруги Морган, - он уже не мог спать спокойно и всякий раз ночью клал рядом с собой оружие» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 199 - 200.*).

Чтобы спасти себя от гнева толпы, уполномоченные по сбору налогов бежали в отдаленные поселения, скрывались за стенами британских военных фортов или на борту военных кораблей. В Род-Айленде таможенные чиновники прятались на британском фрегате «Синьет», стоявшем на рейде Ньюпорта, но вынуждены были в конечном итоге подчиниться требованиям толпы и заявить об отставке (*Ibid., p. 196 - 199.*). Назначенный сборщиком в Мэриленде З. Худ отказался уступить. Тогда разъяренная толпа разгромила его дом, сожгла изображающее его чучело и угрожала убить его самого. Перепуганный чиновник бросился в Нью-Йорк, чтобы укрыться за стенами британского военного форта. Он так спешил, что загнал насмерть лошадь. Добравшись до форта, Худ обнаружил, что и там неспокойно. Он просил послать к берегам Мэриленда военное судно, на котором собирался обосноваться и оттуда руководить сбором налогов. Судна ему не дали, и Худ решил скрыться в небольшом поселении вдали от Нью-Йорка. Но до него добрались и там, вынудив все же отречься от своей должности (*Ibid., p. 199; Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 132.*)

1 ноября 1765 г. в день, когда закон о гербовом сборе должен был вступить в силу, состоялись новые демонстрации. Одетые в траур участники шествий инсценировали похороны свободы. Дома были обвиты черным крепом, звонили в колокола (Davidson Ph. G. Sons of Liberty and stamp men. - North Carolina Historical Review, 1939, v. 9, p. 44.). После 1 ноября во всех колониях прокатилась волна массовых выступлений с требованием, чтобы сборщики гербового сбора снова подтвердили свой отказ от должности. Их заставляли публично приносить клятву и только после этого отпускали с миром. В Бостоне уже заявивший ранее о своей отставке Э. Оливер был принужден толпой явиться под «дерево свободы», на котором было вздернуто его чучело, и под присягой обещать народу, что не станет исполнять обязанности сборщика нового налога. Лидер бостонских патриотов Джон Адамс отметил в своем дневнике, что эта процедура была «исключительно унижительной и убийственной» (*The Adams papers. Ser. 1, v. 1. Ed. by L. H. Butter-field. Cambridge, 1961, p. 265.*). Аналогичным мерам подверглись назначенные метрополией чиновники по взиманию гербового сбора и в других колониях (Davidson Ph. G. Op. cit., p. 46.).

Впрочем, и после того как колонисты добились повторных заверений от тех, кому предстояло осуществлять новый закон, что они отказываются от должности сборщиков налогов, в Америке с неослабевающей силой продолжались демонстрации против закона о гербовом сборе. Особенно

острый характер приобрели массовые выступления в Нью-Йорке, где они связаны были с требованием уничтожить привезенный из Англии и хранившийся в военном форте запас гербовой бумаги. Возмущение толпы было подогрето агрессивным поведением командира форта майора Джеймса, заявившего, что он «затолкает гербовую бумагу в глотку колонистам». Около трех тысяч человек подошли к воротам форта. Британские войска, охранявшие форт, могли без труда расстрелять участников демонстрации из пушек, однако не сделали ни одного выстрела (Miller J. C. *Origins of the American revolution*, p. 142 - 143; Maier P. *Op. cit.*, p. 67 - 69.). Командующий британскими силами генерал Гейдж отмечал, что потери демонстрантов «обернулись бы яростью в менее защищенных местах, началось бы открытое восстание и город в значительной части был бы разрушен». В итоге Нью-Йорк и остальные колонии оказались бы во власти «всей этой черни и разъяренных гневом людей» (Т. Гейдж - Т. Конвею, 8 ноября 1765 г. - In: *The correspondence of general Thomas Gage*, v. I, p. 73.).

Выступления против гербового сбора, размах массового движения в колониях, взрывы недовольства, грозившие вылиться в восстание против существовавших порядков, - все это служило причиной растущей тревоги среди королевской администрации, представители которой стали склоняться в пользу умиротворения и отмены гербового сбора. С другой стороны, и представители имущих классов, принявшие участие в антибританских выступлениях, стали испытывать беспокойство, опасаясь, как бы движение низов не перехлестнуло границ, за пределами которых невозможно будет оказывать на него воздействие.

Представители имущих групп, как отмечал генерал Гейдж, охотно использовали массовые выступления и даже поощряли их, чтобы предотвратить претворение в жизнь закона о гербовом сборе и помешать выпуску гербовой бумаги. Они это делали также в целях бойкота английских товаров. Однако в тех случаях, когда выступления масс становились неуправляемыми и угрожали «личным интересам и интересам собственности», «они стремились сдержать их» (Т. Гейдж - Т. Конвею, 21 декабря 1765 г. - *Ibid.*, p. 78 - 79.).

Лидеры освободительного движения из числа имущих групп были застрельщиками кампании протеста против гербового сбора. Но, как верно отметил Д. Хэрдер, их инициатива «скоро обернулась спонтанными выступлениями (масс, - А. Ф.) с протестом против социального и экономического положения» в самих колониях (Hoerder D. *Op. cit.*, p. 240.) . В этом, по словам Г. Нэша, проявилась с самого начала «хрупкость союза между трудящимися жителями города и их партнерами из буржуазии». «Бостонская толпа, - пишет он, - пошла гораздо дальше, чем это входило в расчеты и намерения таких лидеров «кокуса», как Д. Отис и С. Адамас» (Nash G. *Op. cit.*, p. 29. - «Кокус» - своеобразный политический клуб, объединявший представителей элиты.) . Поэтому сразу после событий 14 и 26 августа 1765 г. они высказались против дальнейших массовых действий. На спешно созванном городском митинге была проведена резолюция, осуждающая применение насилия и разрушение собственности. Руководители движения стремились сузить рамки массового протеста и затормозить рост

политической активности низов. Будучи серьезно озадачены неспособностью удержать «толпу», они обратились к губернатору Бернарду с предупреждением, что не могут контролировать действия низов (*Hoerder D. Op. cit., p. 246.*).

Говоря о слабых сторонах массового движения, Д. Хэрдер верно отметил, что оно не имело собственных руководителей, способных сформулировать политические требования масс. Из этого, однако, не следует, что массовое движение не имело политических целей. По мере развития освободительного движения, сопровождавшегося выступлениями против высших чиновников, политическое сознание масс росло. «Толпа», выходя из-под контроля лидеров, действовала под знаком собственных устремлений, в соответствии со своими классовыми интересами. «Независимые действия», которые продемонстрировали в этих выступлениях массы, свидетельствовали, по словам Д. Хэрдера, о появлении у них «зачаточной формы классового самосознания» (*Ibid., p. 240 - 242.*).

П. Майер отмечает контраст между «умеренностью» лидеров и «экстремизмом» масс (*Maier P. Op. cit., p. 66.*). Наряду с купцами и юристами среди руководителей кампании против гербового сбора были также рабочие и ремесленники: кожевник Э. Мэкинтош и мастеровой У. Джонсон, оба в Бостоне, и т. д. Однако представители имущих групп приняли меры, чтобы нейтрализовать деятельность этих лиц. По свидетельству губернатора Бернарда, «два самых богатых купца» в Бостоне вели переговоры с Мэкинтошем и уговорили его вступить в соглашение о поддержании порядка в городе, «чтобы сохранить мир и предотвратить смуту». В результате во время массовых демонстраций в начале ноября 1765 г. Мэкинтош и его окружение, являвшиеся до того душой массовых выступлений, на этот раз обеспечили, по словам Бернарда, «самый образцовый порядок» (*Ibid., p. 69 - 70; Jensen M. The founding of a nation, p. 147.*).

Тактика руководителей движения заключалась в том, чтобы всеми средствами помешать развитию массовой борьбы. Об этом красноречиво свидетельствуют газетные публикации, появившиеся в ноябре-декабре 1765 г. в нью-йоркской и бостонской прессе, выступившей с призывом «удержать неорганизованное большинство от смуты и беспорядков», прекратить массовые демонстрации после того, как станет ясно, что закон о гербовом сборе отменен (*Maier P. Op. cit., p. 66.*) . Судьба этого закона решилась до того, как стал известен рескрипт короля о его отмене. Уже отмечалось, что к моменту вступления в силу его некому было осуществлять: в результате массовых выступлений аппарат по сбору новых налогов был дезорганизован. Запасы гербовой бумаги, привезенной из Англии, были либо уничтожены, либо блокированы. Но не менее важным обстоятельством, решившим судьбу закона, стало то, что под влиянием массовых выступлений и представители королевской администрации, и имущие группы, участвовавшие в движении протеста, пришли к общему заключению о необходимости срочных мер по поддержанию экономической устойчивости и социального мира. Были предприняты шаги по

постепенному восстановлению торговли, а также прежней системы судопроизводства без взимания гербового сбора.

Формальной договоренности по этому поводу достигнуто не было, но де-факто она состоялась. Это выразилось, в частности, в возобновлении торговых сделок, разрешении кораблям с грузами из колоний беспрепятственно отправляться в плавание без уплаты гербового сбора. Таможенная служба была вынуждена открыть крупнейшие торговые порты Бостон, Филадельфию и Чарльстон. Губернатор Массачусетса объяснял решение бостонских таможенных властей стремлением избежать новых «беспорядков», о подготовке которых они якобы получили точное уведомление. Филадельфийским властям не было известно об организации каких-либо конкретных выступлений. Они просто исходили из того, что «люди не станут сидеть спокойно, взирая па то, как страдают их интересы, как разоряются они сами и их семьи» (*Ibid., p. 72.*). Представители королевской администрации осознали необходимость уступок. «Британские чиновники начали уступать, - пишет Д. Лемиш, - они были встревожены возможностью «восстания бедных против богатых», возможностью объединенных действий безработных ремесленников и постоянно растущего числа неуправляемых моряков, наводнивших колониальные порты и не находивших способа выбраться оттуда» (*Lemish J. Op. cit., p. 21.*). Д. Хэрдер существенно дополняет Д. Лемиша: решение выпускать суда без гербового сбора было принято в результате переговоров между представителями колониальной администрации и руководителями патриотического движения из числа имущих групп в целях поддержания классового мира и предотвращения новых «беспорядков» (*Hoerder D. Op. cit., p. 246.*).

В Бостоне, Чарльстоне и других американских портах скопилось большое число судов. Их простои были чреватые большими убытками для купцов, а поведение массы скопившихся на берегу моряков угрожало общественному спокойствию. Решение этого вопроса и было найдено посредством негласного компромисса между британской колониальной службой и купечеством. Корабли уходили в море с молчаливого согласия таможенных чиновников, которым ничего не оставалось, как скрывать на это глаза. Хотя генерал Гейдж сообщал в Лондон, что военно-морские силы принимают меры для пресечения подобного рода действия (*Maier P. Op. cit., p. 72 - 73*), их усилия оказались тщетны.

Одновременно с возобновлением торговых операций начали функционировать и судебные учреждения. В связи с этим газета «Пенсильвания джорнэл» отмечала, что вместо «волнений и мятежей» необходимо восстановить общественный порядок путем политических решений. Она заявляла, что не будет нарушения «ни естественных законов, ни законов страны», если «люди мирно соберутся вместе» и потребуют, чтобы суды снова начали функционировать. В Нью-Йорке, Массачусетсе, Род-Айленде и других колониях возобновление деятельности судебных и иных органов в целях поддержания «традиционной деловой активности» (*business as usual*) было санкционировано официальными либо полуофициальными решениями законодательных ассамблей и иных органов

власти. Королевская администрация вынуждена была согласиться с этим решением (Т. Гейдж - Т. Конвею, 21 декабря 1765 г. - *The correspondence of general Thomas Gage, v. I, p. 78.*).

Кампания против гербового сбора позволила руководителям извлечь определенный урок, оказавший влияние на формирование их тактики на последующих этапах. Вместе с тем бесспорно также то, что кампания эта продемонстрировала растущую консолидацию народных масс, ставших важнейшей движущей силой патриотических выступлений. Об этом наглядно свидетельствует деятельность первых массовых революционных организаций «Сынов свободы», возникновение которых пришлось на конец 1765 - начало 1766 г. (*Becker C. L. History of political parties in the province of New York, 1760 - 1776. New York, 1909, p. 35, 43.*). Создание «Сынов свободы» было, по верному замечанию американского историка Ф. Дэвидсона, «первым важнейшим шагом» организованной оппозиции гербовому сбору (*Davidson Ph. G. Op. cit., p. 38.*). Появление «Сынов свободы» знаменовало этап в развитии политического самосознания масс.

П. Майер объясняет происхождение слов «сыны свободы» американской традицией, приводя выдержки из колониальных газет и документов, относящихся к середине XVIII в. (*Maier P. Op. cit., p. 81 - 82.*). Однако более вероятной является общепринятая версия о том, что патриотические организации получили свое наименование в результате выступления А. Барре, представителя оппозиции в британском парламенте, с похвалой отозвавшегося о действии «этих сынов свободы», как он назвал американцев, оказавших сопротивление английской политике (*Boatner III M. M. Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966, p. 1017.*). Речь Барре стала широко известна в колониях летом 1765 г. Вначале «сынами свободы» именовали всех, кто участвовал в антибританских выступлениях. Позднее это название прочно закрепилось за патриотическими организациями, возникшими независимо друг от друга в разных американских колониях.

Рождение этой организации, координирующей и направляющей действия патриотических сил, порождено было самим развитием движения. Вскоре после создания «Сынов свободы» были предприняты попытки объединить их усилия в общеамериканском масштабе. Идея такого объединения возникла в разных колониях в конце ноября - начале декабря 1765 г (*Becker C. Op. cit., p. 35, 43.*). Это объясняется тем, что, с одной стороны, подошел срок введения гербового сбора и необходима была консолидация сил сопротивления, а с другой - обусловлено было окончанием работы межколониального конгресса против гербового сбора, сам факт созыва которого, какими бы умеренными ни были его решения, способствовал радикализации движения против политики Англии. Наибольшей активностью отличались действия «Сынов свободы» в Нью-Йорке, Бостоне и Чарльстоне. Каждый из этих городов был крупным торговым центром, и не случайно, что именно там образовались наиболее боеспособные организации. Не случайно, видимо, и то, что из Нью-Йорка, где проходил конгресс против гербового сбора, прозвучал первый призыв к объединению и организовался специальный комитет для связи с другими колониями. Была установлена связь с Филадельфией и Новой Англией.

Энергично действующие «Сыны свободы» всячески инспирировали усиление деятельности более пассивных организаций, например в некоторых южных колониях. «Радикалы, - пишет Ф. Дэвидсон, - поддерживали между собой тесный контакт, чтобы колеблющиеся колонии действовали с ними заодно» (*Davidson Ph. G. Op. cit., p. 42.*) . Первоначально отношения между «Сынами свободы» в разных городах и колониях поддерживались путем переписки, шедшей обычной почтой. Опасаясь, однако, перлюстрации и нежелательной огласки своей деятельности, «Сыны свободы» организовали затем собственную систему связи, осуществлявшуюся при помощи тайных агентов с соблюдением правил строжайшей секретности (*Jensen M. The founding of a nation, p. 145f.*).

«Сыны свободы» были демократической организацией, возникшей на гребне массовых выступлений и выражавшей устремления радикально настроенных представителей движения (*Ibid.; Davidson Ph. G. Op. cit., p. 38 - 41.*) . Со времени своего возникновения эта организация приняла активное участие в патриотической кампании, стремясь расширить свое влияние в массах и используя всевозможные меры для отпора британской политике. К числу таких мер принадлежит, в частности, и решение о бойкоте английских товаров. Первые попытки бойкотировать британский импорт были предприняты еще в 1764 г., но кампания бойкота приобрела всеобщий характер лишь с осени 1765 г. (*Schlesinger A. M. The colonial merchants and the American revolution. New York, 1939, p. 63 - 65, 76 - 79.*) . Автор одного из первых памфлетов против гербового сбора юрист из Мэриленда Д. Дюлани предлагал просто сократить потребление ввозимых в Англию товаров путем усиления промышленного производства их в Америке, чтобы тем самым нанести удар по политике метрополии (*Dulany D. Considerations on the property of imposing taxes in the British colonies. - In: Pamphlets of the American revolution, v. I, p. 650.*). Кампания бойкота развивалась, однако, иным путем. В октябре 1765 г. нью-йоркские купцы приняли решение отказаться от британского импорта. К этому решению присоединились филадельфийские и бостонские купцы, а затем и купечество целого ряда других портов (*Jensen M. The founding of a nation, p. 129 - 130.*) . Газеты активно поддержали эту акцию, а решающая роль в ее практическом осуществлении выпала на долю «Сынов свободы». Они строго следили за тем, чтобы никто не нарушал решения о бойкоте, и сурово преследовали тех, кто не подчинялся. Благодаря действиям «Сынов свободы» кампания приобрела широкий характер. Ввоз из Англии резко сократился, и целый ряд британских предприятий вынужден был прекратить работу (*Schlesinger A. M. Op. cit., p. 82 - 83.*).

Бойкот больно ударил по интересам торгово-промышленных кругов Англии, способствуя росту недовольства внутри самой метрополии. В парламент стали поступать петиции, в которых купцы и предприниматели Лондона, Бристоля, Ливерпуля, Манчестера и других городов просили пересмотреть политику в отношении колоний, учитывая их значение для сбыта английской промышленной продукции, а также их роль в поставке сырья. «Мы и так получаем все, что у них есть,- говорилось в одном из памфлетов того времени. Можно ли получать больше?» (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 150.*) . Ссылаясь на «несчастливые 'Обстоятельства», в которых оказались британская торговля и промышленность, лондонские

купцы обращались к парламенту с просьбой пересмотреть прежнее решение. «Мы обращаемся к палате общин, - гласила петиция, - чтобы спасти себя и свои семьи от неминуемого разорения, чтобы предотвратить превращение многих промышленников в бремя для общества..., чтобы обеспечить могущество всей нации, расцвет ее торговли, рост доходов мореплавания, составляющего оплот королевства, чтобы все это находилось в состоянии неуклонного развития, чтобы колонии были крепко привязаны к метрополии по внутренней склонности, из-за соображений долга и выгоды» (*Documents of American history, v. I. Ed. by H. S. Com-mager. New York, 1948, p. 60.*). В правящих кругах Англии наметился раскол. Это был непосредственный итог демократического движения, развернувшегося в колониях, важной движущей силой которого являлись «Сыны свободы».

Организация эта цементировала и направляла патриотическое движение против гербового сбора. Одним из важнейших результатов было падение престижа и реальной власти королевской администрации, действия которой были скованы массовыми выступлениями против политики метрополии и бойкотом английских товаров. Продолжали действовать органы местного самоуправления, законодательные ассамблеи и городские митинги. Но они по целому ряду причин также оказались ограниченными в своей деятельности. «Сыны свободы», как правило, не выступали против законодательных ассамблей и городских митингов. Иногда они действовали по прямому согласованию с ними. Но, будучи ничем не связана, новая организация проявила себя как более дееспособная, быстро принимающая решения и оперативно их исполняющая. Если попытаться очертить круг вопросов, которыми занимались «Сыны свободы», то это и меры по недопущению введения гербового сбора и бойкоту английских товаров, и пропагандистская кампания против Англии в местных газетах, и преследование врагов патриотической кампании, и меры военного характера, призванные защищать колонистов от возможных репрессий.

«По мере падения престижа регулярных властей «Сыны свободы» постепенно приобретали реальную власть, - отмечают супруги Морган. - Они действовали, конечно, более круто, чем это рискнули бы сделать официальные власти: вскрывали частную переписку, подвергали цензуре прессу, безжалостно терроризировали своих врагов. Они захватили власть, которая прежде принадлежала королевской администрации, и готовы были удерживать ее любыми средствами до тех пор, пока не будет достигнута поставленная ими цель - ликвидация гербового сбора» (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 255.*) . По сути дела «Сыны свободы» оказались новой складывающейся формой революционной власти, которой предстояло проделать сложную эволюцию в ходе освободительной борьбы колоний.

Оценивая значение этой организации для последующего развития, следует подчеркнуть важность установленных ею межколониальных связей. На данном этапе они носили зачаточный характер, но представляли собой один из самых существенных элементов, которому принадлежало будущее. Особого внимания в этом смысле заслуживает заключенное между ними военное соглашение (*Champagne R. The military association of the Sons of Liberty. - New York society historical quarterly, 1957, v. 41, p. 338 - 339.*) .

«Сыны свободы» твердо стояли на том, что не допустят введения гербового сбора. Они заявляли, что «никакая сила на земле» не сможет обратить их в рабство, а в случае, если такая попытка будет предпринята, ответят силой на силу (*Maier P. Op. cit., p. 94.*). Поэтому, когда в декабре 1765 г. появилось сообщение о том, что из Англии посланы войска для умирения участников патриотических выступлений, представители Нью-Йорка и Коннектикута заключили соглашение об оказании взаимной военной помощи при первом надлежащим образом подтвержденном сообщении, которое должно было исходить «по крайней мере от шести представителей «Сынов свободы»» (*Champagne R. Op. cit., p. 343 - 344.*).

В этом случае «все силы» договаривающихся сторон должны были предоставляться тому, «кто будет или может быть подвергнут опасности в результате гербового сбора» (*Ibid.*). Нет ничего удивительного, что инициатива военного соглашения принадлежала именно Нью-Йорку и Коннектикуту. В Нью-Йорке находились штаб-квартира и основной контингент британских войск. Обе эти соседние колонии в случае карательных мер оказались бы первыми жертвами. В результате подписанных соглашений каждая из них должна была послать на помощь другой несколько тысяч вооруженных людей. В случае опасности Нью-Йорку обещала поддержку и другая соседняя колония - Нью-Джерси. По оценке британского командования, объединенные военные отряды в помощь Нью-Йорку могли достигнуть около 50 тыс. человек (*Ibid., p. 254.*). «Сыны свободы» Нью-Йорка обещали также поддержку другим колониям, чтобы «отразить любую возможную попытку уничтожить или подвергнуть опасности свободу в Америке» (*Jensen M. The founding of a nation, p. 151.*). Они отправили письмо Массачусетской организации, а затем из Нью-Йорка были разосланы обращения с призывом создать межколониальный орган по координации усилий «Сынов свободы». Идея объединения обосновывалась необходимостью организации вооруженного сопротивления политике метрополии. В Коннектикуте был проведен съезд представителей местных организаций «Сынов свободы», предложивший свергнуть королевского губернатора и разогнать его сторонников. Откликнулись на этот призыв и южные колонии. «Сыны свободы» Виргинии и Мэриленда обещали поддержку своим «братьям» (*Champagne R. Op. cit., p. 346 - 348.*). Колониальные газеты решительным образом поддержали усилия «Сынов свободы», которых они называли «единственными защитниками прав и свободы Америки», подчеркивая безотлагательную необходимость объединения колоний в интересах более эффективного отпора британской политике (*Jensen M. The founding of a nation, p. 152.*). В апреле 1766 г. по инициативе нью-йоркской организации было выдвинуто предложение созвать межколониальный конгресс «Сынов свободы», который было намечено провести в случае отказа Англии пойти на уступки (*Ibid.*).

По масштабам деятельности и влиянию на массовое движение «Сыны свободы» играли беспрецедентную роль в общественной жизни колоний. Они объединяли в своем составе рабочих и ремесленников, а также купцов и юристов. «Господствующие позиции, - как отмечает Г. Апте-кер, - занимали левые, круг которых, как правило, совпадал с людьми малого достатка, - и организация была одной из ведущих сил, толкавших колонии

к независимости» (Аптекаер Г. Указ, соч., с. 88.). Это положение заслуживает особого внимания, так как в последнее время в американской историографии предпринята попытка пересмотреть оценку «Сынов свободы», инициатива создания которых и основная роль в их деятельности приписываются представителям имущих групп.

Особой тенденциозностью в этом отношении отличается монография П. Майер, в которой возникновению и деятельности «Сынов свободы» посвящен обширный раздел (Maier P. *Op. cit.*, chap. 4.). В книге приведен интересный материал о действиях организации. Но истолкование этого материала вызывает решительное возражение. Вслед за супругами Морган, авторами специального исследования о кампании против гербового сбора (Morgan E. S. and H. M. *Op. cit.*, p. 232.). П. Майер утверждает, что «Сыны свободы» были своего рода марионетками в руках имущих групп. Этот вывод делается на том основании, что руководство организации состояло главным образом из купцов и юристов и что последние стремились направлять ее деятельность. Эти факты бесспорны, но недостаточны для доказательства выдвинутого тезиса. Неубедительна и попытка П. Майер доказать «верхушечный характер» «Сынов свободы» ссылкой на то, что организация эта постоянно стремилась расширить свою опору в массах.

В действительности «Сыны свободы» были массовой организацией, возникшей в результате инициативы снизу. Именно широкая масса колонистов, пробудившаяся к активности с началом патриотического движения, придала ему изначальный толчок и питала его дальнейший рост. Безусловно прав Д. Лемиш, выступивший против распространенной теперь в США концепции, в основе которой лежит тезис о том, что революционно-освободительное движение в колониях было обязано своими успехами группе выдающихся деятелей из состава «элиты», направлявших активность масс. «Господствующие классы [upper classes] , - пишет Д. Лемиш, - едва ли были в состоянии управлять, дергая за веревочки в ходе восстаний против гербового сбора». Он отмечает, что такое отношение к «толпе», отрицающее ее самостоятельные интересы, «игнорирует способность народа думать за себя» (Lemish J. *Op. cit.*, p. 20.).

Иной вопрос, что среди руководителей движения и, в частности «Сынов свободы», действительно преобладали представители имущих групп. Но те, кто стоял во главе, не всегда поспевали за событиями и постоянно испытывали давление масс. Они вынуждены были учитывать их настроения и интересы. Из этого, конечно, не следует, что руководители «Сынов свободы» не проводили собственной линии. Они, как уже отмечалось, с одной стороны, охотно использовали выступления масс, чтобы добиться отмены гербового сбора, а с другой - постоянно прилагали усилия, чтобы притормозить их активность, удержать их в определенных рамках во имя сохранения «закона и порядка». Бесспорно, что в ходе патриотического движения из среды имущих классов выдвинулись руководители, для которых опыт деятельности «Сынов свободы» явился политической школой. Из этой организации вышли многие активные участники борьбы за независимость. Но бесспорно также, что,

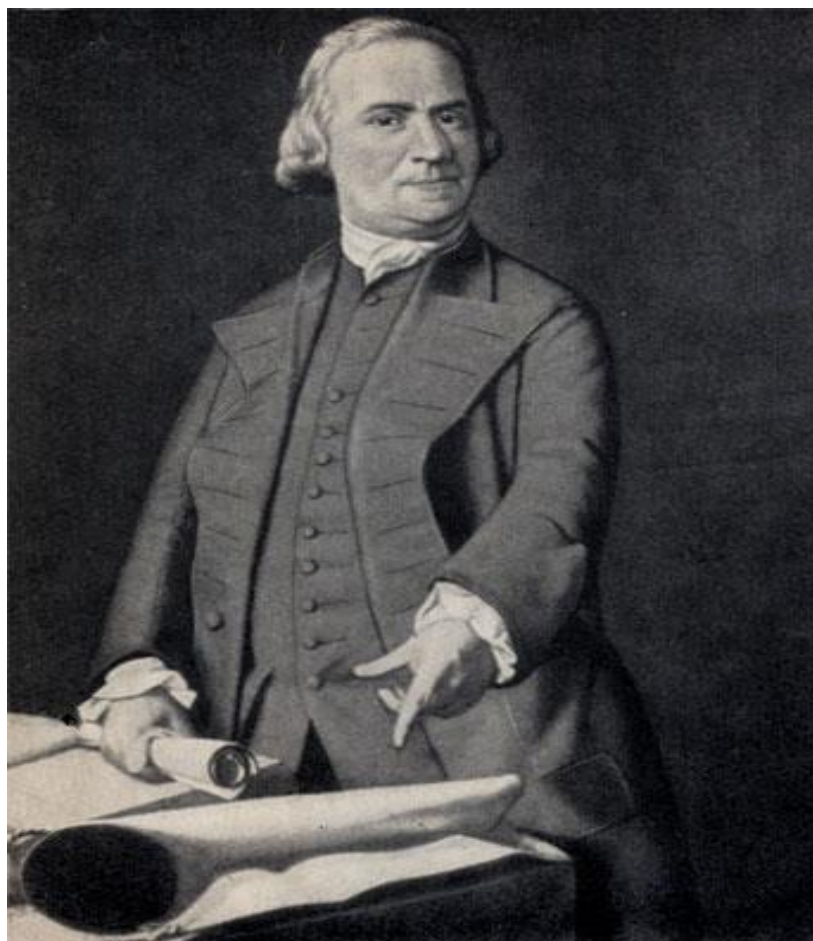
приспосабливаясь к условиям патриотического движения, эти люди последовательно отстаивали «вой классовые интересы».

Американский историк Г. Уорден опубликовал исследование о бостонском «кокусе», представлявшем интересы местной «элиты» (*Warden D. B. The caucus and democracy in colonial Boston. -New England quarterly, 1970, v. 43, p. 19 - 45.*). Он показал, что «кокус» имел непосредственное влияние на «Сынов свободы», что активные участники «кокуса» входили в состав руководства «Сынов свободы». На этом основании Уорден делает вывод, что «кокус» являлся частью демократической системы и что в Бостоне сосуществовали «элитизм» и «демократизм» (*Ibid., p. 45.*). Однако для такого вывода тоже нет оснований. «Кокус» стремился распространить свое влияние на разнообразные общественно-политические институты, начиная с городских митингов и кончая пожарными командами. Сам Уорден признает, что это была «политическая машина» (*Ibid., p. 19.*) При ее посредстве осуществлялось господство имущих групп. «Кокус» стремился прибрать к своим рукам и «Сынов свободы», чтобы установить контроль за деятельностью этой организации путем внедрения в ее ряды в качестве руководителей своих наиболее видных представителей. В какой-то мере эту цель удалось осуществить.

Все это, однако, не дает оснований ни для вывода о том, что «Сыны свободы» возникли в результате усилий элиты, ни для того, чтобы проводить знак равенства между интересами руководителей организации и массой ее участников. Д. Лемиш верно отмечал, что, «выходя на улицу», парод «преследовал политические цели». «В этом смысле, - пишет он, - «восстания» были прекрасно организованы и выражали ясную цель. Когда руководство теряло контроль над действиями толпы, толпа подвергала нападению тех, кто по логике вещей являлся ее врагом». Поясняя свою мысль, Лемиш замечает, что одно дело руководить действиями народа, а другое - манипулировать им как марионеткой (*Lemish J. Op. cit., p. 20.*).

Вместе с тем остается фактом, что «Сыны свободы» действовали в условиях господства буржуазных отношений. Представители имущей верхушки, вошедшие в число лидеров этой организации, оказывали постоянное воздействие на ее позицию. Характер деятельности «Сынов свободы» в связи с этим был сложным, неоднозначным и далеким от тех прямолинейных схем, которыми они наделены в трудах буржуазных историков. Не только по своему происхождению, но и во всех последующих действиях организация оставалась подлинно демократической (*Зубков А. Ю. Борьба против закона о гербовом сборе - начальный этап освободительного движения в колониях. - В кн.: Американский ежегодник 1975. М, 1975, с. 31 - 34.*) . Какова бы ни была тактика имущих групп, природа «Сынов свободы» существенно не изменилась. Активность народных масс и их инициатива оставались той силой, которая двигала действиями организации. С другой стороны, представители имущих групп, входившие в состав руководства, бесспорно оказывали на нее влияние, используя выступления масс в своих интересах и сдерживая их «экстремизм», когда это удавалось (*Hoerder D. Op. cit.. p. 240 - 241.*) .

Действия этих людей отличались достаточной гибкостью, что позволило им сохранять свое влияние в руководстве. Более того, руководители «Сынов свободы», включая представителей имущих классов, по мере развития движения заметно эволюционировали. Их позиция существенно полевела, в результате чего люди ориентации Д. Отиса постепенно отходили от (руководства, а деятели типа Сэмюэля Адамса утверждались в нем. Касаясь этого факта, Д. Хэрдер отмечает, что усиление роли С. Адамса в руководстве «Сынами свободы» объясняется не «радикализмом» его взглядов, а тем, что он умел «лучше отвечать» на требования масс (*Ibid.*, p. 251.) . В действительности, однако, сыграло свою роль и то, и другое. Для эволюции революционно-освободительного движения было характерно, что деятели консервативного направления покидали сцену, а те, кто держался более радикальных взглядов (*Ibid.*, p. 240.) , на ней оставались, хотя верно и то, что их радикализм был обращен главным образом во вне, а во внутренних вопросах они оставались «консерваторами». Позиция этих людей тем не менее больше импонировала народу. Они лучше улавливали настроения масс, проявляя большую гибкость, что позволяло добиваться определенных результатов. Забегая вперед, отметим, что в ноябре 1767 г. и в марте 1768 г. благодаря усилиям руководства «Сынов свободы» удалось предотвратить проведение демонстраций, грозивших новыми актами насилия и покушением на частную собственность (*Ibid.*, p. 248.).

Сэмюэл Адамс Худ. д. Копли

В результате беспрецедентной в истории (колоний вспышки возмущения, сопровождавшейся активными массовыми действиями, закон о гербовом сборе провалился. Этому провалу способствовала также оппозиция в самой Англии. Не только петиция купечества, заинтересованного в торговле с Америкой, но и резкая критика со стороны вигов - депутатов парламента, заставили правительство отступить. Партия вигов, возглавляемая Уильямом Питтом Старшим, решительно высказалась за отмену гербового сбора, опасаясь, как бы введение жестких мер в отношении колоний не оказалось прологом к установлению абсолютистской монархии в Англии и не привело к утрате парламентом его привилегий. В ходе состоявшихся в парламенте дебатов Питт произнес несколько речей, признанных впоследствии вершиной его ораторского искусства. Питт не участвовал в голосовании, когда принимался закон о гербовом сборе, так как был в то время болен. Теперь он взял реванш, обрушив на партийных противников тори всю силу своего красноречия.

Характеризуя британскую политику в отношении колоний после окончания Семилетней войны, английский историк Э. Робсон отмечал, что основной ее чертой была «глупость». «Джордж Гренвиль, - писал он, - который в качестве первого лорда казначейства заложил фундамент новой политики в 1763 - 1765 гг., был типичным представителем британского понимания колониальной проблемы в свете юридических норм и обычаев, далеких от реальности. Лишенный воображения и гибкости, упрямый и надменный, Гренвиль был типичным формалистом, а его идеи напоминали образ мысли бухгалтера» (Rohson E. *The American revolution*. London. 1955, p. 44.). Однако «бухгалтер» длительное время пользовался расположением двора и только осенью 1765 г. вынужден был падать в отставку по обстоятельствам, не связанным с гербовым сбором (*Morgan E. S. and H. M. Op. cit., p. 327 - 328.*). В ходе дебатов в парламенте Питт избрал Гренвиля в качестве мишени для нападок, заявив, что каждый шаг его правительства был «вредным от начала до конца». Соглашаясь с тем, что метрополия имеет верховную власть над колониями, Питт подверг сомнению право Англии облагать колонии налогом без их одобрения. «Они - подданные этого королевства, наделенные одинаковыми с вами естественными правами всех людей и особыми правами англичан, - заявил он. - Американцы - сыновья, а не побочные дети Англии!» (*The parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. V. XVI Ed. by T. S. Hansard. London, 1810, els. 97 - 100.*).

Судьба закона о гербовом сборе в британском парламенте была предрешена. Король Георг III стал склоняться в пользу оппозиции. Чтобы закрепить успех, партия вигов, представлявшая интересы торгово-промышленных кругов, инспирировала поток петиций в парламент с жалобами со стороны купечества на плачевное состояние британской экономики (*Ibid., els. 133 - 135.*). К тому, что уже было сказано по этому поводу, следует добавить, что в случае введения гербового сбора все деньги, которыми располагали колонисты, ушли бы на оплату налога. Между тем купечество само претендовало на эти средства. «Купцы, - пишет по этому поводу Миллер, - не хотели, чтобы парламент запуская свою лапу в карман колонистов, потому что их собственные руки были уже там, старательно выгребая то небольшое количество звонкой монеты, которое

американцы в состоянии оказались накопить» (*Millor J. C. Origins of the American revolution, p. 150.*).

В петициях и устных выступлениях перед членами палаты общин представители делового мира жаловались на ущерб, который они терпят от закона о гербовом сборе. В течение нескольких дней парламент заседал по 8 - 10 часов. Было заслушано около 40 свидетельских показаний (*Sosin J. M. Agents and merchants. British colonial policy and the origins of the American revolution, 1763 - 1775. Lincoln, 1965, p. 78 - 79.*) . Некоторые из них были подготовлены заранее, как например выступление предводителя лондонского купечества Трекотика и американского представителя в Лондоне - знаменитого ученого, а впоследствии выдающегося политического деятеля и дипломата Бенджамена Франклина.

Выступая в палате общин, Франклин заявил, что американцы в состоянии сами производить все, что они покупали у Англии. Они уже добились больших успехов в изготовлении одежды и через три года смогут удовлетворить собственные потребности. Конечно, английские ткани дешевле американских, но если закон о гербовом сборе не будет отменен, колонисты ограничатся товарами домашнего производства. Вот краткая выдержка из ответов Франклина в нижней палате:

«Вопрос: Что было раньше предметом гордости американцев?

Ответ: Находить удовольствие в английской моде и британских товарах.

Вопрос: А чем теперь гордятся американцы?

Ответ: Тем, что они донашивают свою старую одежду, пока не смогут производить новую» (*The parliamentary history of England, v. XVI, London, 1813, cl. 160.*) .

Большая группа британских и американских купцов, а также промышленников в течение нескольких дней не покидала кулуаров парламента, составив своего рода лобби, оказавшее прямое давление на парламент. Наконец, предложение Питта было поставлено на голосование и в 2 часа ночи 22 февраля 1766 г. принято подавляющим большинством голосов. Когда результаты голосования стали известны ожидавшим в коридоре купцам, сообщение об этом было встречено ликованием. Глава кабинета Рокингэм докладывал королю, «что радость в кулуарах палаты общин, заполненных видными представителями купечества Лондона и других промышленных районов страны, была беспредельной» (*Jensen M. The founding of a nation, p. 173.*) . Они действительно могли торжествовать победу и, как только 18 марта 1766 г. король утвердил решение парламента об отмене закона, поспешили сообщить в колонии, что благодаря их усилиям закон о гербовом сборе перестал существовать. Одновременно британское купечество обратилось с призывом к американцам прекратить демонстрации и подчиниться распоряжениям властей (*Ibid., p. 181.*).

В мае 1766 г. сообщение об отмене гербового сбора стало известно во всех американских колониях. Первое известие об этом было доставлено на прибывших из Англии торговых судах, а затем распространено по каналам связи «Сынов свободы». «Радость по этому поводу, - сообщал генерал Гейдж, - была беспредельно велика» (*Т. Гейдж - Т. Конвею 28 мая 1776. - In: The Correspondence of general Thomas Gage, v. I, p. 92.*) . Решено было отпраздновать это событие и отмечать его впредь ежегодно. Законодательные ассамблеи приняли благодарственные петиции королю и Питту, устраивались торжественные богослужения в церквах, под колокольный звон и пушечные выстрелы состоялись праздничные шествия в городах. Отпраздновали и день рождения короля, на которого большинство колонистов с самого начала взирало как на «своего доброго покровителя».

Даже в разгар кампании против гербового сбора, критикуя действия парламента, «Сыны свободы» возлагали надежду на то, что король исправит допущенные ошибки и восстановит справедливость. В петициях Георгу III они верноподданно просили принять меры против «несправедливых сил и узурпаторов». Какой бы резкой ни была критика английской политики, в отношении короля всегда делалась оговорка. На собраниях «Сынов свободы», во время массовых митингов и демонстраций, а также в газетных публикациях отмечалось, что король «не знает правды», что «его ввели в заблуждение», что все это козни врагов Англии - французских агентов либо (результат «предательских» действий министров (*Maier P. Op. cit., p. 101 - 105.*)). В подобного рода заявлениях проявлялась, с одной стороны, наивность и политическая незрелость движения, а с другой - стремление сохранить открытой дверь для переговоров и соглашения. Даже более радикальные представители «Сынов свободы» в ту пору еще не помышляли о разрыве с метрополией.

Американский историк Д. Миллер утверждает, что если бы Англия не отменила закона о гербовом сборе, а попыталась, как того хотелось партии Гренвиля, силой провести его в жизнь, война за независимость началась бы не в 1775 - 1776гг., а десятью годами раньше (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 139.*) . Трудно сказать, как развивались бы события. Несомненно только одно: патриотическое движение еще было в самом начале своего пути, и войне с Англией предшествовало целое десятилетие, насыщенное напряженной борьбой, в ходе которой колонии проделали сложную эволюцию, достигнув гораздо более высокого уровня политической зрелости.

Хотя закон о гербовом сборе был отменен, британский парламент принял в то же время постановление, закреплявшее господство метрополии в североамериканских колониях. Внося предложение об отмене гербового сбора, Питт одновременно заявлял о необходимости оговорить в самых решительных выражениях верховные права (Метрополии в отношении колоний (*The parliamentary history of England, v. XVI, cl. 108.*)). Принятый по его предложению Акт о верховенстве был почти слово в слово заимствован из соответствующего документа, изданного в 1719 г. в отношении Ирландии (*Documents of American history, v. I, p. 60 - 61.*)).

Отменой гербового сбора правительство Англии рассчитывало умиротворить колонии и пресечь дальнейшее развитие антибританских настроений. Но этим расчетам не суждено было сбыться. Отпраздновав отмену гербового сбора, американцы вовсе не собирались принять коленопреклоненную позу благодарности. Именно так писал об этом очевидец событий, сторонник метрополии П. Оливер в своей истории американской революции. «Это не было праздником благодарности, а торжеством победы, - отмечал он. - Америка нашла теперь способ удовлетворения собственных жалоб, не апеллируя к высшей власти. Она почувствовала собственное превосходство» (*Peter Oliver's origin and progress of the American rebellion. A tory view. Ed. by D. Adair and J. A. Scmtz. Stanford, 1967, p. 56.*) . В действительности дело было не в превосходстве, а в том, что прежде разделенные и соперничающие друг с другом колонии после межколониального конгресса в Нью-Йорке, совместного бойкота английских товаров, успешных операций «Сынов свободы» впервые по-настоящему поняли смысл объединенных действий и ощутили собственную силу. В этом заключается важнейший урок кампании против гербового сбора, которая открыла дорогу к войне за независимость американских колоний. Это был лишь первый шаг, но он положил начало.

Глава третья. РАЗВИТИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Народ, протестующий против британской политики.

Гравюра 60-х гг. XVIII в.

Вернувшись домой после собрания бостонского комитета «Сынов свободы», обсуждавшего, как отпраздновать отмену гербового сбора, Джон Адаме записал в своем дневнике: «Боюсь, как бы их не постигло

разочарование» (*The Adams papers. Ser. I, v. I. Ed. by L. H. Butterfield. Cambridge, 1961, p. 294.*) . По глубокому убеждению руководителей «Сынов свободы» Род-Айленда и Массачусетса Р. Даунера и Сэмюэля Адамса, отмена гербового сбора была лишь маневром и не означала отказа от «злых намерений». В июле 1766 г. Даунер в обращении к местной организации «Сынов свободы» отмечал: «То, что не смогли провести в жизнь незамаскированной открытой атакой на наши свободы, будут делать при помощи секретных махинаций, путем уловок и хитростей» (*Maier P. From resistance to revolution. Colonial radicals and the development of American opposition to Britain 1765 - 1776. New York, 1972, p. 148.*). В декабре 1766 г. этой же темы более конкретно коснулся С. Адамс. «Предположим, - писал он, - что через некоторое время, ссылаясь лишь на необходимость регулирования торговли, стали бы изыскивать источники дохода в колониях. (Будет ли иметь значение, как это назовут, гербовым сбором или актом о регулировании торговли Америки?)» С. Адамс - К. Гедсдену, 11 декабря 1766 г. - *The writings of Samuel Adams, v. I. Collected and ed. by H. A. Gushing, New York - London, 1904, p. 110.*).

Расстрел англичанами демонстрации в Бостоне 5 марта 1770 г. Гравюра П. Ривера

Вопрос, звучавший в то время риторически, несколько месяцев спустя приобрел вполне реальный смысл. В июне 1767 г. по предложению Чарлза Тауншенда, министра финансов и политического союзника Д. Гренвиля, парламент одобрил несколько законов, получивших по имени их автора название Актов Тауншенда.

Если закон о гербовом сборе означал попытку ввести прямое налогообложение, то новые постановления должны были компенсировать английскую казну путем косвенного обложения, введением пошлин на некоторые товары широкого потребления. В ходе обсуждения этой меры в парламенте Тауншенд и Гренвиль отмечали, что британское правительство вынуждено нести большие расходы по управлению колониями. Только содержание войск обходилось в 350 - 400 тыс. ф. ст. ежегодно. Введение пошлин, таким образом, мотивировалось необходимостью сократить это бремя, хотя пошлины вводились сравнительно небольшие и предполагалось, что общая сумма их составит не более 35 - 40 тыс. ф. ст. в год (*Thomas P. Charles Townshend and American taxation in 1767. - English historical review, 1968, v. 83. p. 35, 44.*). Мера эта, однако, носила не только экономический характер. Во-первых, по замыслу ее инициаторов, она призвана была подтвердить власть Великобритании в Америке. Во-вторых, помимо средств на содержание войск, из денег, которые должны были поступить от сбора новых налогов, предполагалось выплачивать жалованье губернаторам и другим королевским чиновникам, чтобы ликвидировать таким образом их зависимость от местных законодательных ассамблей, до этого вотиравших средства на их содержание.

Всего было принято три акта. Один из них в целях регулирования торговли предусматривал извлечение дохода путем обложения ввозимых в колонию товаров - красок, бумаги, стекла и чая. Одновременно с законом о доходах, вводившим новые пошлины, было принято еще два акта, которые также имели прямое отношение к вопросу о дальнейшей судьбе колоний. В целях укрепления аппарата колониального управления был издан акт о создании Высшего таможенного управления со штаб-квартирой в Бостоне, которое наделялось широкими полномочиями. Наконец, согласно третьему акту, объявлялось о роспуске законодательной ассамблеи Нью-Йорка в наказание за то, что она опротестовала принятый в 1765 г. Квартирный акт о размещении в колониях британских войск и отказалась его выполнять (*Ibid., p. 33; Chaffin R. J. The Townshend Acts of 1767. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1970, v. 27, p. 109 - 119.*).

Американский историк М. Дженсен верно отмечает, что Акты Тауншенда были бессмысленны и тщетны в своих попытках. Они противоречили британским интересам, так как подрывали условия развития торговли с Америкой, приносившей метрополии около 2 млн. ф. ст. в год чистого дохода (*Jensen M. The founding of a nation. A history of the American revolution 1763 - 1776. New York- London, 1968, p. 332.*). Дженсен отмечает некомпетентность и отсутствие у английских законодателей реального представления о жизни колоний. Невежество некоторых членов парламента простиралось так далеко, что когда одному из них был задан вопрос, где находится Филадельфия, он ответил: «Кажется, на острове Суматра» (*Ibid., p. 221.*).

Эпизод этот звучит анекдотически. Остается, однако, фактом, что многие из тех, кто голосовал за Акты Тауншенда, плохо представляли себе истинное положение дел в Америке. При голосовании в палате общин 188 голосов было подано «за» и 98 «против» (*Chaffin R. J. Op. cit., p. 117.*). Три года спустя бывший губернатор колонии Массачусетс Т. Хатчинсон писал одному из своих друзей о том, что все трудности в колониях возникли из-за «неблагоразумия» британских властей. «Один бог только знает, - отмечал он, - когда прекратятся ужасные последствия этой ошибки» (*Bailyn B. The ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge, 1974, p. 98.*). Но Хатчинсон писал об этом уже после того, как стало ясно, какую реакцию в колониях вызвали Акты Тауншенда. При обсуждении их в парламенте, как это было и с гербовым сбором, мало кто отдавал себе отчет, какие возможны последствия (*Chaffin R. J. Op. cit., p. 121.*).

В Лондоне не понимали того, что происходит в колониях. Отчасти это объяснялось постоянной дезинформацией, которая исходила от королевских чиновников в Америке. Тенденциозно освещая политические события, значение которых они были едва ли в состоянии понять, представители королевской администрации играли провокационную роль. Впрочем, их сообщения звучали в унисон настроениям британского колониального ведомства, чиновники которого не понимали и не желали понимать логики освободительного движения в Америке. Цель заключалась не в том, чтобы понять, а в том, чтобы отвергнуть. Но имя достижения этой цели, имевшей важное значение для интересов британской империи, английское правительство считало допустимыми все средства. Исходя из этого, оно и действовало. Но цель оказалась недостижимой, а средства негодными. Английские власти были бессильны сдержать напор освободительного движения в Америке.

Во время дебатов в парламенте, предшествовавших принятию Актов Тауншенда, Д. Гренвиль выступил с предложением заставить губернаторов, членов советов при них и депутатов законодательных ассамблей принести своего рода присягу верности метрополии, подписавшись под Актом о верховенстве. Этот проект не получил поддержки большинства и не был принят парламентом (*Jensen M. Op. cit., p. 226.*). Видимо, в Англии многие осознали невозможность и бессмысленность данной меры. Это стало особенно очевидно после провозглашения Актов Тауншенда: попытка их проведения в жизнь вызвала в колониях резкую оппозицию (*Bailyn B. Op. cit., p. 122.*).

Обсудив новые меры британского правительства, законодательная ассамблея Массачусетса по инициативе С. Адамса и Д. Отиса приняла 11 февраля 1768 г. циркулярное письмо-обращение к другим колониям с призывом объединиться и оказать сопротивление актам метрополии (*Miller J. C. Sam Adams. Pioneer in propaganda. Stanford, 1969, p. 122.*). Как явствовало из этого документа, получившего широкий резонанс, действия парламента по введению новых налогов и пошлин касались всех американцев. Поэтому законодательным ассамблеям всех колоний следовало «действовать в согласии друг с другом», отправив королю петиции с жалобой на парламент. В обращении Массачусетс-ской ассамблеи вновь поднимался

вопрос о положении колонистов, гарантированном конституцией, и о естественных правах всех людей. Американцы пользуются «основными установлениями» британской конституции», гласило обращение, и «основное, неизменное естественное право, записанное в британской конституции, как главный закон», заключается в том, что ни один человек не может быть лишен собственности без его согласия. Более того, американцы, как свободные граждане, независимо от дарованных отдельным колониям британских хартий, могут «отстаивать это свое естественное и конституционное право». Обращение Массачусетской ассамблеи объявляло Акты Тауншенда нарушением прав колонистов. Оно не отвергало возможности введения новых налогов, но при обязательном условии, что налоги эти будут вводиться с санкции колониальных ассамблей (*The writings of Samuel Adams, v. I, p. 184 - 188.*). По словам английского историка Э.Робсона, ассамблеи «требовали себе не только всех привилегий палаты общин, но и гораздо большего» (*Robson E. The American revolution. London, 1955, p. 58.*). В направленном другим колониям циркулярном письме массачусетская ассамблея заявляла, что введение новых пошлин, а также создание таможенного управления и принятый ранее Квартирный акт есть не что иное, как покушение на свободу народа (*The writings of Samuel Adams, v. I, p. 184 - 188.*).

Обращение Массачусетса встретило решительную поддержку других колоний. Тогда же, весной 1768 г., законодательные ассамблеи всех колоний, за исключением пенсильванской, где возобладала умеренные настроения, заявили о своей солидарности. Особенно значительной была реакция виргинской ассамблеи. Ее делегаты не только заявили о поддержке обращения массачусетской ассамблеи, но и направили в свою очередь письмо к другим колониям, которое по своему содержанию носило даже более радикальный характер. Если массачусетская ассамблея призывала объединить усилия, направляя выражение протеста английскому правительству, то виргинцы настаивали на необходимости объединенных действий, «рука об руку», чтобы «противостоять морам», которые, по их мнению, имеют непосредственной целью их «порабощение» (*Jensen M. Op. cit, p. 251 - 252.*).

Еще в пору парламентского обсуждения Актов Тауншенда, мотивируя необходимость принятия закона, представители правительства высказывались в самых осторожных выражениях, чтобы не вызвать раздражения в колониях. В Лондоне помнили выступления против гербового сбора и боялись повторения массовых демонстраций. Нигде, ни в одной колонии, кроме Джорджии, колониальная администрация практически так и не сумела провести в жизнь постановления этого закона. Как ни странно, губернатор Джорджии Д. Райт, обеспечивший в течение короткого времени осуществление закона, используя для этой цели британские войска, заслужил не похвалу, а замечание со стороны правительства Англии. Государственный секретарь лорд У. Шелберн заметил ему, что поддержание престижа короны имеет большое значение, но что делать это следует так, чтобы не вызывать недовольства. «Долг губернаторов его величества, - указывал государственный секретарь, - заключается в том, чтобы вести себя, не вызывая беспочвенного недоверия

или подозрения, которые могут возникнуть при попытке поддержать справедливое и достойное исполнение прав на свободу, принадлежащей пароду» (*Maier P. Op. cit, p. 144.*).

Сообщение о циркулярном письме массачусетской ассамблеи другим колониям вызвало в Лондоне приступ ярости. Лорд У. Хиллсборо, которому вплоть до 1775 г. предстояло играть ведущую роль в политике британского колониального ведомства (*Wick wire F. B. British subministers and colonial America 1763 - 1783. Princeton, 1966, p. 139.*) , потребовал, чтобы губернатор Массачусетса добился отмены ранее принятой резолюции. В случае отказа ассамблеи губернатору было предписано распустить ее. Одновременно с этим в адрес губернаторов других колоний были посланы письма с критикой массачусетской резолюции. В этих письмах Хиллсборо характеризовал обращение Массачусетса как «самое опасное мятежное настроение, рассчитанное на то, чтобы смутить умы его (короля, - А. Ф.) верноподданных в колониях, создать незаконный союз, разжечь и возбудить открытую оппозицию, отвергающую права парламента, подорвать истинные принципы конституции». Он выражал надежду, что губернаторы сумеют убедить колониальные ассамблеи отнестись к резолюции Массачусетса с «презрением, которого она заслуживает» (*Jensen M. Op. cit., p. 253.*) . Однако письмо Хиллсборо и поведение королевских представителей, действовавших по его инструкциям, вызвали в колониях совсем иную реакцию (*Ibid., p. 254 - 258; Miller J. C. Origins of the American revolution. Stanford, 1966, p. 262.*).

Заседание массачусетской ассамблеи открылось 21 июня и продолжалось неделю. Оно протекало бурно и сопровождалось резкими выступлениями против британских властей. Ассамблея решительно отказалась пересматривать свое прежнее решение, направив по этому поводу ответное письмо лорду Хиллсборо (*Массачусетская ассамблея - У. Хиллсборо 30 июня 1768 г.: The writings of Samuel Adams, v. I, p. 219 - 229.*).

Предложение аннулировать ранее принятую резолюцию было отвергнуто подавляющим большинством голосов - 92 против 17. Оценивая итоги голосования, Т. Хатчинсон превозносил добродетели тех, кто осмелился высказаться «против» (*Bailyn B. Op. cit., p. 121 - 122.*), но в колониях слагали легенды о тех, кто проголосовал «за», и сама по себе цифра «92» стала символом стойкости и сопротивления. После отказа массачусетской ассамблеи подчиниться губернатор издал приказ о ее роспуске. Однако депутаты собрались снова и обратились с просьбой к королю убрать губернатора. Что же касается обращения Хиллсборо к другим колониям, то и там оно не встретило поддержки. Более того, если до его получения в колониях еще были колебания по поводу того, как реагировать на призыв массачусетской ассамблеи, то после выступления Хиллсборо наступил резкий перелом. «Ни один шаг», по мнению С. Адамса, «не объединил колонии больше, чем циркулярное письмо Массачусетса», в особенности после того, как «лорд Хиллсборо отправил свое послание» (*Miller J. C. Sam Adams, p. 131.*) . Одна за другой законодательные ассамблеи заявили о солидарности с Массачусетсом. Когда письмо Хиллсборо попало в руки Дж. Вашингтона, известного лояльным отношением к метрополии, он заявил,

что готов с оружием выступить против Англии (*Freeman D. S. George Washington - Planter and Patriot, v. III. New York. 1951, p. 211.*).

К концу 1768 г. в той или иной форме все американские колонии заявили о своей солидарности с Массачусетсом, отвергнув обращение Хиллсборо и выразив уверенность в необходимости установления межколониальных связей в целях отстаивания совместных интересов. Таким образом, инструкции Хиллсборо послужили прямо противоположной цели: они сыграли роль катализатора в процессе усиления антибританского движения.

События, происходившие в залах законодательных ассамблей, имели прямую связь с тем, что происходило на улицах. Они были решительно поддержаны участниками массовых выступлений, которые к середине 1768 г. приобрели достаточно внушительную силу. «Мне кажется, - писал в отчаянии Т. Хатчинсон, - что народ пришел в состояние полного безумия» (*Bailyn B. Op. cit., p. 122.*). Большую роль в организации патриотических сил, как и в период движения против гербового сбора, играла массовая организация «Сынов свободы». Особенность рассматриваемой антибританской кампании заключалась в том, что ее усилия были сосредоточены на организации бойкота английских товаров. Решение использовать бойкот как основное средство борьбы против политики метрополии учитывало уроки кампании против гербового сбора. С одной стороны, сосредоточив внимание масс на этом вопросе, руководители «Сынов свободы» из числа имущих классов рассчитывали отвлечь низы от внутренних проблем, обратив их недовольство во вне на борьбу с метрополией, в безопасном для себя направлении. С другой стороны, для Англии бойкот являлся особенно болезненной мерой. Торговля с колониями была чувствительным нервом британской экономики.

Инициатива и на этот раз принадлежала Массачусетсу. В августе 1767 г. «Бостон газетт», резко критикуя Акты Тауншенда, предложила «положить конец ввозу всех английских товаров». Этот призыв не был поддержан всем купечеством. Против него выступила газета «Бостон пост», выражавшая интересы крупного капитала колонии, и в частности купцов, заинтересованных в торговле с Англией. Ссылаясь на то, что экономическая сила Бостона заключалась главным образом в богатстве купечества, которое пострадало бы от введения бойкота, газета спрашивала: «Кто те люди, которые называют себя патриотами и пытаются отравить умы народа?». «Бостон пост» утверждала, что бойкот английских товаров причинит вред всем слоям населения. При этом газета подвергла резким нападкам лидеров патриотического движения, которых она называла «совершенно новыми и странными политическими деятелями». «Они, - писала газета, - состоят главным образом из тех, у кого нет никакой собственности. Им нечего терять. Поэтому они не подвергаются никакой опасности. Их единственная цель в жизни - это анархия и беспорядок». Это выступление получило решительный отпор на страницах «Бостон газетт», которая обвинила противников бойкота в саботаже дела свободы, назвав их «волками в овечьей шкуре». Что же касается утверждения «Бостон пост», что состоятельные люди против бойкота, то в этом, по разъяснению «Бостон

газетт», не было «ничего необычного» богатые - это и «угнетатели», и «тираны в своей основе», и «самые низкие негодяи», в то время как бедные обладают «великими достоинствами». «Эти самые темные и презируемые люди, - писала газета, - защищали свободу своей страны». «Бостон газетт» настаивала па том, что решение британского правительства о роспуске ассамблеи Нью-Йорка и оплате жалованья чиновников колониальной администрации из средств от сбора таможенных пошлин является посягательством на свободу Америки. Британская политика нарушала торговые интересы колоний, и выход, по мнению «Бостон газетт», был только один - бойкотировать английские товары (*Jensen M. Op. cit., p. 266 - 267. 108.*).

Обвинения, с которыми выступила «Бостон пост», были направлены и в адрес представителей имущих слоев - лидеров «Сынов свободы». Объясняется это тем, что их тактика была далеко не для всех приемлема и не всем понятна. В связи с этим сторонникам бойкота пришлось столкнуться с серьезными трудностями. На первых порах они терпели неудачу, не сумев добиться одобрения своих предложений городским митингом Бостона и законодательной ассамблеей Массачусетса. Но в январе 1768 г. два с лишним десятка городов колонии Массачусетса одобрили соглашение об отказе покупать британские товары. Вскоре их примеру последовали остальные города колонии. В конечном итоге тактика руководителей «Сынов свободы» получила поддержку. В марте группа ведущих купцов Бостона во главе с Джоном Хэнкоком, Даниэлом Малькольмом и Джоном Роу выработала соглашение об отказе от ввоза и потребления английских товаров, под которым поставило свои подписи большинство массачусетских купцов. Эт соглашение было обусловлено присоединением к нему двух соседних колоний Нью-Йорка и Пенсильвании (*Ibid., p. 270 - 272; Schlesinger A. M. The colonial merchants and the American revolution. New York, 1939, p. 114 - 115.*).

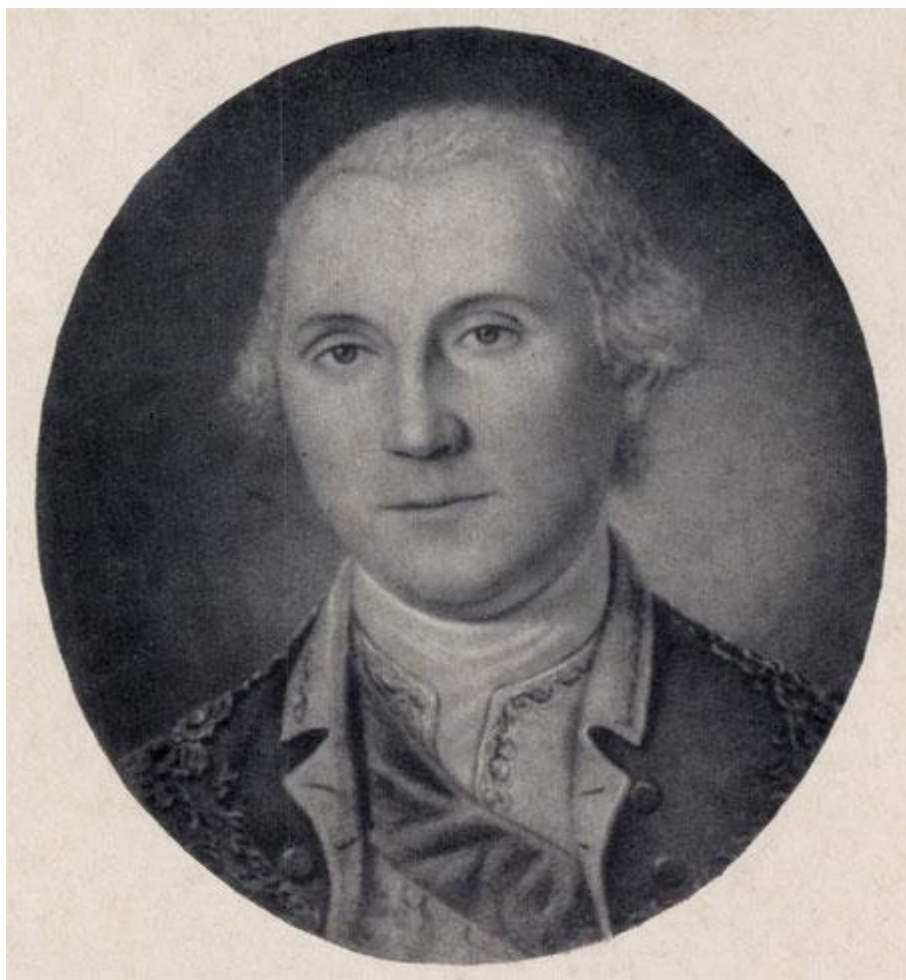

Джон Хэнкок Гравюра XVIII в.

В августе 1768 г., не дождавшись присоединения Нью-Йорка и Пенсильвании, Бостон вынужден был пересмотреть мартовское соглашение и выработал новое сроком на один год (*Documents of American history, v. I. Ed. by H. S. Commager. New York, 1948, p. 67 - 68.*) . Вскоре, в августе же, к нему присоединился и Нью-Йорк. Нью-йоркское купечество подписало соответствующее соглашение, оказавшееся даже радикальней бостонского. Срок действия нью-йоркского соглашения не был ограничен одним годом, а рассчитан на весь период до отмены Актов Тауншенда. После 1 ноября 1768 г. запрещенные к ввозу товары подлежали конфискации и хранению в общественных складах. Нью-йоркское соглашение гласило, что тот, кто в нарушение подписанного документа не откажется торговать с Англией, будет «считаться врагом этой страны (Америки, - А. Ф.)» (*Schlesinger A. M. The colonial merchants and the American revolution, p. 124.*).

Более длительной борьба за присоединение к кампании бойкота английских товаров была в Пенсильвании. Несмотря на призыв выработать соглашение, аналогичное тем, что уже вступили в силу в Массачусетсе и Нью-Йорке, пенсильванское купечество занимало выжидательную позицию, продолжая уповать на то, что правительство Англии внемлет разуму и отменит Акты Тауншенда. Филадельфийские купцы в письмах своим лондонским контрагентам заявляли, что если британское правительство не сделает этого, они вынуждены будут присоединиться к кампании бойкота. В ноябре 1768 г. в Лондон была отправлена петиция с призывом отменить Акты Тауншенда, подписанная более чем 200 филадельфийскими купцами. Однако надежды на добрую волю властителей метрополии не сбылись, и в марте 1769 г. Филадельфия последовала примеру Бостона и Нью-Йорка. Соглашение о бойкоте, подписанное филадельфийскими купцами, так же как и в Нью-Йорке, было рассчитано на период действия Актов Тауншенда. Оно могло быть отменено только при условии согласия всех, кто его подписал (*Jensen M. Op. cit., p. 286.*). Присоединение Филадельфии имело большое значение. После этого три крупнейших торговых порта на севере - Бостон, Нью-Йорк и Филадельфия - оказались в одном строю активных участников бойкота британских товаров.

С некоторым запозданием разворачивалась кампания за присоединение к бойкоту в южных колониях. В Виргинии и Мэриленде инициатива соглашения об отказе покупать английские товары принадлежала плантаторам (*Maier P. Op. cit., p. 115.*). Одним из приверженцев этого соглашения в Виргинии был Джордж Вашингтон (*Freeman D. S. Op. cit., p. 212 - 213.*). Представители виргинских состоятельных кругов, подписавшие соглашение 18 мая 1769 г., обязались не приобретать поступавшие из Англии предметы роскоши (вино, деликатесы, ювелирные изделия, модные костюмы), а также инструменты, кожаные изделия и т. п. Самым важным в виргинском соглашении был отказ от ввоза африканских невольников. Впоследствии этот пункт был поддержан патриотами Южной Каролины (*Jense M. Op. cit, p. 303 - 304; Walsh R. Charleston's Sons of Liberty. Columbia, 1968, p. 49.*).

Джордж Вашингтон Худ. Ч. Нил

В соглашении, подписанном в марте 1769 г. в Мэриленде, ничего не говорилось о торговле рабами. Но в отличие от Виргинии в этой колонии предусматривались санкции в отношении тех, кто не пожелал присоединиться к соглашению. Они именовались «врагами свободы Америки», и с ними надлежало обращаться «с презрением, которого они заслужили» (*Jensen M. Op. cit., p. 305 - 306.*). Последним крупным портом на юге, присоединившимся к кампании бойкота, был Чарльстон, подписавший соглашение об отказе торговать с Англией в августе 1769 г. Это соглашение было плодом совместных усилий плантаторов, юристов и ремесленников, предпринятых вопреки воле значительной части купечества Южной Каролины (*Walsh R. Op. cit., p. 46 - 50.*).

Американские историки уделяют большое внимание обстоятельствам, связанным с происхождением и претворением в жизнь кампании бойкота английских товаров. Интерес к этой теме вполне обоснован, ибо такого рода средство борьбы, впервые использованное в качестве орудия противодействия закону о гербовом сборе, в кампании против Актов Тауншенда приобрело особое значение. Бойкот явился шагом в развитии освободительного движения колоний. «Когда развернулось движение отпора, - пишет Г. Аптекер, - колонисты смогли опереться на опыт борьбы против закона о гербовом сборе и на организационные формы, созданные для этой борьбы. Вот почему движение за отказ от ввоза английских товаров приобрело еще более широкие размеры, причем и на этот раз

инициатива его исходила от левого крыла в колониальном движении протеста» (Аптекер Г. *Американская революция 1763-1783. Пер. с англ. М., 1962, с. 95.*).

В литературе существуют разные оценки характера и движущих сил этой кампании. Выяснение этого вопроса имеет прямое отношение к пониманию роли и места различных групп в освободительном движении колоний. В свое время известные исследователи Ч. М. Эндрюс и А. М. Шлезингер утверждали, что инициатива соглашения об отказе торговать с Англией принадлежала купечеству и что лидеры патриотического движения, прежде всего руководители «Сынов свободы», перехватили эту инициативу, чтобы стать во главе движения (*Andrews Ch. M. Boston merchants and the nonimportation movement. - Publication of colonial society of Massachusetts, v. XIX; Schlesinger A. M. The colonial merchants and the American revolution.*). Справедливо критикуя эту концепцию, современный исследователь М. Дженсен приходит к противоположному выводу. Он заявляет, что не купцы, а лидеры патриотического движения выступили зачинателями бойкота английских товаров, заставив купечество присоединиться к начатой ими кампании угрозой полного отказа покупать у них что бы то ни было и «даже физическим насилием» (*Jensen M. Op. cit., p. 265.*). Верная в принципе точка зрения Джексона нуждается в поправке, которая следует из им же приведенных фактов.

Нельзя отделять лидеров патриотического движения от купечества, многие видные представители которого, как например Д. Хэнкок и Э. Кук в Бостоне, К. Гедсден в Южной Каролине, А. Сире и Д. Лэмб в Нью-Йорке, возглавляли организации «Сынов свободы». Их участие в патриотическом движении, как уже отмечалось, было обусловлено, с одной стороны, стремлением поставить под контроль выступления масс, а с другой непосредственно живой заинтересованностью в организации эффективного отпора Англии, посягнувшей на часть их доходов. В разгар кампании бойкота «Бостон газетт», выступившая в свое время ее инициатором, обратилась с призывом, достаточно красноречиво характеризующим позицию сторонников бойкота: «Не нужно толпы, не нужно мятежей, не троньте ваших самых ненавистных врагов и их собственности. Берегите свои деньги, и вы сохраните свою страну». В унисон этому призыву выступал и С. Адамс. «Никаких толп, никаких беспорядков, никаких мятежей», настаивал лидер бостонских «Сынов свободы» (*Hoerder D. Boston leaders and Boston crowds, 1765 - 1776. - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Ed. by A. F. Young. De Kalb, 1976, p. 247.*).

В свете сказанного важно отметить, что купечество не представляло собой однородной массы. Помимо того, что оно состояло из разных имущественных групп, следует иметь в виду, что в пределах различных групп происходило размежевание по вопросу об отношении к метрополии. Для исследователя американской революции проблема размежевания сил, определения того, кто принадлежал к какому лагерю, является одним из наиболее существенных и наиболее сложных вопросов. Трудность решения этого вопиоса одинаково относится ко всему периоду освободительно-революционного движения. «Купцы, как группа, - отмечает Дженсен, - были задеты Актами Таун-шепда, но они боялись возрождения активности

масс и ее неизбежного результата - выступлений толпы, которые так напугали «людей собственности» в 1765 г.» (*Jensen M. Op. cit., p. 265.*). Это верно, но следует еще раз подчеркнуть, что именно благодаря усилиям купечества в северных колониях были подписаны соглашения об отказе ввозить и покупать английские товары. Поэтому критически оценивая в целом концепцию американской исследовательницы П. Майер, умаляющей роль народных масс в освободительном движении, следует согласиться с ее выводом о том, что бойкот английских товаров на севере был организован при активном участии купцов. Неторговые слои населения, как это показано ею на примере Массачусетса, вовлекались в кампанию бойкота не сразу, а постепенно (*Maier P. Op. cit., p. 116.*). Правда, и купечество далеко не сразу присоединилось к созданным для проведения бойкота ассоциациям. Некоторые его представители так и не подписали соглашения. По оценке Т. Хатчинсона, только к апрелю 1770 г. семь восьмых массачусетских городов одобрили бойкот английских товаров (*Ibid., p. 117.*). П. Майер объясняет сдержанное отношение части купечества к бойкоту тем, что он был невыгоден им экономически. Она отмечает, что даже ремесленникам, страдавшим от конкуренции британских товаров, бойкот приносил убытки (*Ibid., p. 119.*) Действительно, в этом заключалась одна из причин сдержанного отношения купцов, как и иных групп населения, к бойкоту.

На юге, как уже отмечалось, инициативная роль в организации бойкота принадлежала не купечеству, а господствующему классу южных колоний - плантаторам. Они также несли экономические потери от бойкота, но и они последовали примеру купцов северных колоний. Чем же объяснить в таком случае инициативу господствующих богатых групп населения в организации антианглийской кампании? Только нажимом снизу и боязнью неконтролируемых выступлений масс? Безусловно, данный фактор и здесь сыграл свою роль. Однако в этом была лишь одна из причин. Что же касается других мотивов, то они носили более общий характер. Они связаны были с процессами, определявшими борьбу за то, кто будет руководить антибританским движением, в чьих руках окажется политическое руководство оппозиционными слоями и кому впоследствии будет принадлежать власть в стране. По сути дела это был центральный вопрос, перед которым все остальное отступало на задний план либо являлось его производным.

Подобная постановка вопроса вовсе не отрицает того факта, что в осуществлении кампании бойкота огромную роль сыграли низы, их выступления и постоянный нажим, который они оказывали на руководителей патриотических сил из состава имущих групп. Логика освободительного движения, приобретавшего революционную окраску, заключалась в том, что, сделав шаг вперед, лидеры патриотов вынуждены были двигаться дальше, если они не хотели быть смытыми волной народного протеста. Активизировалась деятельность «Сынов свободы», снова вспыхнули массовые демонстрации, сопровождавшиеся нападением на дома ненавистных чиновников и уничтожением их имущества. Правда, благодаря предупредительным мерам удалось избежать таких бурных массовых бунтов, как в первых выступлениях против гербового сбора

(*Hoerder D. Op. cit., p. 248 - 251.*) . Но в целом антибританская кампания получила достаточно широкий размах.

Какими бы робкими ни были первые шаги по заключению соглашений против торговли с Англией, постепенно под ними подписалась значительная часть купечества. «Сыны свободы» и вся масса участников патриотического движения бдительно следили за соблюдением бойкота, и это привело к тому, что бойкот оказался эффективной мерой. Импорт английских товаров в северных и центральных колониях сократился за один год более чем в два с половиной раза. Если в 1768 г. Новая Англия ввезла британских товаров на 419 797 ф. ст., то в 1769 г. - только на 207 993 ф. ст. В Нью-Йорке эти суммы составляли соответственно 482 930 и 74 918 ф. ст., в Пенсильвании - 432 107 и 199 916 ф. ст. Несколько иначе протекала кампания бойкота на юге. Наиболее эффективно контроль за торговлей британскими товарами осуществлялся в Чарльстоне, где импорт за год сократился с 365 до 202 тыс. ф. ст. Но в Виргинии, Мэриленде и Северной Каролине картина была иной. Там ввоз английских товаров в 1769 г. оставался примерно на том же уровне, что и в 1768 г. В Виргинии и Мэриленде он в 1770 г. даже существенно увеличился - с 488 до 717 тыс. ф. ст. (*Coman K. Industrial history of the United States. New York, 1923, p. 101; Jensen M. Op. cit., p. 355 - 357.*).

М. Дженсен отмечает, что эффективный контроль за проведением в жизнь кампании бойкота оказался возможен только в больших городах, где имела политическая организация, опиравшаяся на массовое движение (*Jensen M. Op. cit., p. 357.*). Это, конечно, так. Но к этому следует добавить, что в северных колониях, где было больше крупных городов, в значительной степени была развита и промышленность, позволявшая хотя бы в минимальных размерах удовлетворять местные нужды, в то время как на юге потребность во ввозе промышленных изделий была гораздо острее.

Из приведенных цифр видно, что даже колонии, наиболее последовательно проводившие кампанию бойкота, не могли полностью отказаться от ввоза английских товаров. Это объясняется, с одной стороны, тем, что имели место нарушения достигнутой договоренности или товар ввозился теми, кто не подписал соглашения, а с другой - тем, что ряд товаров (в разных колониях это было по-разному) был исключен из так называемого «черного списка». Поэтому, несмотря на то, что ввоз из Англии резко сократился, он все же не прекратился совсем и составил в 1769 г. довольно солидный объем - 1654 тыс. ф. ст. (по сравнению с 2378 тыс. ф. ст. в 1768 г.). Согласно данным Д. Хэрдера, в некоторых случаях условия бойкота сознательно нарушались по договоренности между богатыми купцами, чтобы полученную выручку использовать для различных мер по поддержанию экономического положения мелких собственников и бедных слоев населения. Именно они, а не купечество, несли основное бремя лишений, хотя и являлись самыми ревностными сторонниками бойкота. Филантропические жесты, о которых говорит Д. Хэрдер, имели вполне прозаическую цель - не допустить создания взрывоопасной обстановки, которая была чревата внутренними

беспорядками и выступлением масс против имущей верхушки (*Hoerder D. Op. cit., p. 256.*).

Кампания бойкота серьезно отозвалась на состоянии американской экономики, приведя к застою как торговли, так и ряда отраслей промышленности. Но она имела и другую сторону: отсутствие импортных изделий стимулировало развитие местного ремесла. Патриотические организации внимательно следили за тем, чтобы соглашение о бойкоте не нарушалось. Даже состоятельным слоям общества, привыкшим к потреблению товаров западноевропейского производства, а также к присылаемым из Европы предметам роскоши, пришлось отказаться от некоторых своих привычек. Купцы и студенты колледжей стали носить платье грубого американского сукна вместо одежды из тонких импортных тканей (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 270 - 274.*). Некая модница из нью-йоркской аристократии жаловалась в частном письме, что приходится подвергаться «чувствительным испытаниям..., отказываясь от очарования одежды и одеваясь в непривлекательную грубую материю (которую может носить только деревенская девушка) вместо богатой парчи и изящного атласа» (*Robson E. Op. cit., p. 53 - 54.*) . Жаловались на бойкот и британские купцы, которых развернувшаяся в Америке кампания больно ударила по карману. Бойкот английских товаров на этот раз проводился в значительно более широких масштабах, чем в период кампании против гербового сбора. Это вызвало не только озабоченность в английских торгово-промышленных кругах, но и откровенное озлобление. Поведение колоний расценивалось как открытый вызов. Писали о том, что бойкот ставит целью разорить британскую промышленность, превратить Англию в пустыню и что в этом смысле Америка стала более опасным для британской короны противником, чем ее традиционная соперница в международных делах Франция (*Miller J. G. Origins of the American revolution, p.276.*).

Тревоги английских торгово-промышленных кругов возросли в связи с тем, что в колониях возникли мастерские и мануфактуры по производству товаров, ранее ввозившихся из Англии, а также по переработке колониального сырья, прежде вывозившегося в метрополию. Американский историк Д. Миллер отмечал, что «почти за десять лет до того, как американцы стали думать о политическом отделении от метрополии, в колониях получила широкое распространение идея экономической независимости». «Акты Тауншенда, - писал он, - способствовали росту настроения в пользу самообеспечения... То была первая основанная на договоре (о бойкоте, - А. Ф.) попытка колонистов освободиться от пеленок, в которые они были завернуты британской колониальной политикой» (*Miller J. C. Sam Adams, p. 193.*) . По мнению С. Адамса, для Англии не было «ничего страшней», чем зрелище «колонистов, толпами направляющихся на предприятия, чтобы производить все, в чем они нуждались» (*Ibid., p. 198.*).

Для судеб американских колоний и развивавшегося там освободительного движения, однако, не менее важными были и политические последствия кампании бойкота британских товаров. Можно присоединиться к П. Майер, считающей, что создание ассоциаций для осуществления бойкота и подписание соответствующих соглашений несло в

себе определенную политическую тенденцию, связанную с уже начавшимся в колониях процессом формирования новой политической власти. Вероятно, преувеличением является вывод, что комитеты по осуществлению бойкота, будь то ассоциации, «Сыны свободы» или иные организации, «все более и более прибегали к действиям, которые обычно составляют привилегию суверенного государства» (*Maier P. Op. cit, p. 135.*). Бесспорно, однако, что организации по наблюдению за бойкотом подвергали проверке накладные и прочие документы торговых фирм, выясняя и определяя осуществление последними принятых решений и применяя санкции против нарушителей. В Мэриленде были приняты меры по регулированию цен, чтобы пресечь спекуляцию. Заседания комитетов по наблюдению за осуществлением бойкота английских товаров в Массачусетсе, Мэриленде и Виргинии проходили так, будто это были на конституционной основе созданные органы власти. Положение и авторитет этих органов укреплялись по мере роста численности сторонников бойкота, а также в результате накопленного ими опыта. Естественно, что влияние комитетов проявилось не сразу, а постепенно.

По-настоящему их значение сказалось лишь к 1770 г., т. е. спустя более полутора лет после начала кампании бойкота. Представители королевской администрации в Массачусетсе жаловались на то, что комитет по наблюдению за проведением бойкота в Бостоне присвоил себе роль своего рода комитета по делам торговли, рассматривая ввоз британских товаров как контрабанду. Т. Хатчинсон отмечал, что, в то время как покупка голландского чая считалась «законной», продажа английского чая рассматривалась как «высшее преступление». Тех, кто нарушал соглашение о бойкоте, обвиняли в предательстве. Один из лидеров бостонских патриотов Б. Кент квалифицировал нарушения бойкота как «высшую измену против его величества народа». Действия нарушителей соглашения противоречили общим интересам и потому, по словам представителя виргинской организации К. Харнета, были «нарушением самых дорогих прав народа». Защищая действия бостонских патриотических организаций по применению санкции в отношении нарушителей бойкота, С. Адамс сравнивал их цели с целями законных органов власти. Он говорил, что во всех государствах интересы отдельных лиц подчинены общественной воле. Тот, кто не подчиняется воле своих сограждан, ставит себя вне общества. Хотя в Америке, отмечал С. Адамс, воля и интересы общества «не записаны в качестве законов», они существуют как таковые и должны осуществляться путем непосредственного действия (*Ibid., p. 136 - 138.*).

Эти рассуждения С. Адамса, выражавшего интересы радикально настроенных слоев американской буржуазии, недвусмысленно свидетельствовали о росте политического самосознания участников патриотического движения. Рост подобных настроений и практические меры бойкота английских товаров вызывали растущую тревогу в Лондоне. Британское правительство не надеялось, конечно, снискать себе расположение колонистов, провозглашая Акты Тауншенда, но оно не ожидало и такой резкой оппозиции. Вопрос о политике по отношению к колониям стал центральным среди забот английского кабинета. Регулярно

подогреваемое донесениями своих чиновников и агентов о настроениях колонистов и атмосфере, царящей в Америке, правительство Англии решило усмирить недовольных принятием репрессивных мер, используя для этого войска и военно-морской флот.

Еще в 1765 г. британское правительство приняло так называемый Квартирный акт, согласно которому Англия решила держать в колониях постоянное войска. Первоначально войска были размещены главным образом на «границе», являясь как бы барьером между индейскими племенами и колонистами в целях предотвращения столкновений между ними. Однако численность войск, размещенных в крупных городах и населенных пунктах, была ничтожной: вокруг Нью-Йорка было расквартировано лишь около 100 человек, в Ол-бени - 50, в Чарльстоне - 20 (*Shy J. Toward Lexington. The role of the British army in the coming of the American revolution Princeton, 1975, p. 250 - 251.*) . Постепенно дислокация британских войск, насчитывавших в общей сложности около 7 тыс. человек, изменилась. Еще при обсуждении Квартирного акта высказывалось мнение, что английские войска понадобятся не столько как заслон против индейцев, сколько в качестве силы, способной держать колонистов в «надлежащем подчинении» (*Ibid., chap. II.*) . По мере развития движения протеста эта точка зрения возобладала.

Вскоре после отмены гербового сбора лидеры патриотов выразили недовольство по поводу того, что Англия продолжает держать значительные коптингенты войск в колониях. Подразделения, которые находились на границе, стали перемещаться из западных районов на восточное побережье, ближе к большим городам - центрам антибританского движения, вблизи которых теперь расположились крупные части, насчитывавшие по нескольку сот человек. Перемещение войск вызвало протесты патриотов. Руководитель «Сынов свободы» в Род-Айленде С. Даунер резонно ставил вопрос, не собирается ли Англия доказать свое «доброе» отношение к колонистам путем увеличения числа своих войск и агентов, «размещая чиновников и солдат в каждом уголке страны?» (*Maier P. Op. cit., p. 147.*). Аналогичным образом высказывался по этому поводу С. Адамс, считавший расквартирование английских войск в Нью-Йорке после отмены закона о гербовом сборе «во всех отношениях опасным» (*С. Адамс - К. Гедсдену, 11 декабря 1766г. - In: The writings of Samuel Adams, v. I, p. 108 - 111.*).

Британское правительство придерживалось другого взгляда. Вместо того чтобы отозвать войска и успокоить недовольных, оно при первых признаках новых беспорядков в колониях решило привести в действие армию и флот, чтобы заставить смириться непокорных американцев. Но логика развития событий была такова, что каждый подобный шаг метрополии лишь усугублял трудности.

Еще в мае 1768 г. по просьбе губернатора Бернарда к бостонскому порту был прикреплен 50- пушечный фрегат «Ромни» и две военные шхуны. Одновременно с этим было усилено патрулирование американских вод другими британскими военно-морскими судами. Это делалось для того, чтобы поддерживать действия нового таможенного ведомства в колониях и

пресечь торговлю то варами, не оплаченными пошлиной. Корабли с таким грузом, уклонявшиеся от уплаты пошлин, подлежали захвату, а их груз - конфискации. Чтобы сделать эту меру эффективной, английское правительство постановило, что захваченный подобным образом груз подлежит распределению в качестве добычи поровну между таможенным чиновником, задержавшим груз, губернатором колонии, куда прибыло судно, и короной, которой полагалось отчислить третью часть стоимости конфискованного товара. С введением морского патрулирования Тайный совет в Англии дополнил этот порядок новым правилом. Если незаконный груз захватывался в открытом море военным судном, он распределялся поровну между командой захватившего его корабля и короной. По понятным причинам мера эта внесла раздор в среду британских представителей в Америке: ни таможенное ведомство, ни губернатор не желали мириться с тем, что конфискованный груз доставался теперь не им, а королевской казне и команде морских судов (*Jensen M. Op. cit., p. 274 - 277.*).

На этой почве происходили серьезные разногласия и резкие столкновения между представителями различных британских служб, которыми умело пользовались купцы-контрабандисты. Приступая к своей деятельности, вновь созданное таможенное управление констатировало, что за предыдущие два с половиной года было захвачено 6 судов с контрабандой, но только одно из них было конфисковано. 3 судна были освобождены «толпой», а с двух снят арест в результате решения судебных инстанций (*Ibid., p. 280.*).

Контрабандисты не умили своей активности. Они действовали все более решительно, совершая под носом британских властей дерзкие операции в обход принятых постановлений. В феврале 1768 г. известный бостонский контрабандист Д. Малькольм обратился к таможенной службе с просьбой не облагать пошлиной его судно, груженное вином. Просьба Малькольма была отвергнута. Тогда он приказал капитану не подходить к Бостону, став на якорь в нескольких милях от берега. Ночью груз был доставлен на берег, а затем на повозках, сопровождаемых вооруженными людьми, перевезен в склады Малькольма. Утром капитан судна явился в таможенное управление и заявил, что пришел порожним рейсом с о. Ямайки. Весь город знал, что это неправда. На бортах судна еще не просох след более глубокой осадки, ясно свидетельствующий о том, что оно было только что разгружено. Но власти оказались бессильны что-либо предпринять. «Ни один таможенный чиновник, - писал Т. Хатчинсон, - не мог и подумать, чтобы попытаться конфисковать груз, а если бы он и захотел это сделать, никаких шансов на успех не имел». В Провиденсе (Род-Айленд) сборщик пошлин был вымазан в дегте и вывален в перьях. В другом городе той же колонии - Нью-порте - в результате столкновения с британскими военными моряками один человек был убит, и разъяренная толпа сожгла таможенное судно (*Howard G. E. Preliminaries of the revolution 1763 - 1775. New York - London. 1905, p. 194 - 195.*).

Недовольство нарастало изо дня в день и сопротивление усиливалось. «Контрабандисты, которые составляли основную часть купечества в городах нескольких колоний, - отмечал современник тех событий П.

Оливер, - считали, что в их интересах необходимо объединиться, дабы силой воспрепятствовать осуществлению Актов. Бостон стал во главе этого сражения» (*Oliver P. Origin and progress of the American rebellion. Stanford. 1967, p. 61*). . Особой дерзостью отличались действия «короля» бостонских контрабандистов Джона Хэнкока. Это был один из руководителей местной организации «Сынов свободы», руководитель бостонской милиции, человек амбициозный и решительный. По прибытии британских таможенных чиновников в Бостон представители королевской администрации пытались уговорить Хэнкока выстроить милицейские части, чтобы устроить своего рода церемонию встречи. Эта просьба была отвергнута. Хэнкок держался вызывающе. Он наотрез отказался бывать на официальных приемах, хотя ему и посылались на них приглашения. С чиновниками таможенного управления у него происходили постоянные стычки.

В апреле 1768 г. таможенники пытались досмотреть прибывшее в Бостон судно «Лидия», которое принадлежало Хэнкоку. Однако судовладелец не допустил досмотра и удалил таможенников, приказав разгружать судно (*Jensen M. Op. cit., p. 280 - 281.*) Двумя месяцами позже произошел более серьезный инцидент. К этому времени к Бостону были прикреплены британские военные суда. 10 июня таможенные чиновники задержали принадлежавшее Хэнкоку судно «Либерти», груженное контрабандным товаром. Под конвоем фрегата «Ромни» оно было доставлено в бостонский порт.

Это породило волнения среди жителей города, чьи симпатии неизменно были на стороне тех, кто участвовал в антибританском движении, какими бы интересами они ни руководствовались. Лидер бостонских контрабандистов Хэнкок стал известной и популярной фигурой, захват принадлежащего ему судна вызвал в Бостоне демонстрации и беспорядки.

Когда задержавшие «Либерти» таможенные чиновники сошли на берег, там уже ожидала большая толпа, закидавшая их камнями и палками. Трое получили серьезные ранения. Не ограничившись этим, толпа направилась в город и выбила окна в домах таможенников и других британских чиновников. Было разгромлено здание таможни и на виду у всех сожжен бот, принадлежавший таможеннику, который участвовал в задержании «Либерти». Умеренное крыло руководства «Сынов свободы» стремилось сдержать массовое недовольство. Чтобы избежать эксцессов периода кампании против гербового сбора, был созван городской митинг под председательством Д. Отиса. Никаких радикальных решений принято не было (*Hoerder D. Op. cit, p. 249 - 251.*) . Участники митинга одобрили резолюцию с требованием к губернатору убрать английское военное судно. Но последний, любезно приняв делегацию «Сынов свободы» и даже угостив ее вином, отговорился, что не имеет власти над британскими военно-морскими силами.

Было составлено воззвание, в котором говорилось, что захват «Либерти» - это часть плана, рассчитанного на закабаление колоний, что в скором времени следует ожидать прибытия новых военных судов и

контингентов войск. М. Дженсен предполагает, что принятие этого документа было вызвано слухами о том, что таможенные чиновники обратились в Лондон с просьбой прислать дополнительные воинские подкрепления (*Jensen M. Op. cit., p. 281 - 283.*). Что же касается представителей таможенной службы, то они после задержания «Либерти», будучи заранее предупреждены руководством «Сынов свободы» о грозящей им опасности со стороны «толпы» (*Hoerder D. Op. cit., p. 250.*), бежали на борт фрегата «Ромп», а затем в течение нескольких месяцев отсиживались в британском форте Кэстль Уильям (*Oliver P. Op. cit., p. 69.*).

Получив известие о событиях в Америке, английское правительство действительно приняло решение о посылке в колонии новых воинских контингентов. Нескольким отрядам было отдано распоряжение высадиться в Бостоне. Бостонский городской митинг обсуждал и этот вопрос, приняв резолюцию протеста. Решение бостонцев гласило, что они «будут даже при крайней опасности для своей жизни и имущества отстаивать и защищать свои права, свободу, привилегии» и что «как налоги не могут быть введены, кроме как по их (колонистов, - А. Ф.) собственному свободному волеизъявлению, так и размещение регулярных войск в колониях не может происходить без их согласия» (*Howard G. E. Op. cit., p. 196.*). Было выдвинуто предложение немедленно вооружить население, раздав мушкеты, находившиеся в бостонской ратуше. Однако верные своей тактике руководители «Сынов свободы» предложили этого не делать, опасаясь, что дело грозит пойти слишком далеко. Они заявили, что оружие может попасть не в те руки и что следует раздать его, когда наступит «подходящий момент» (*Jensen M. Op. cit., p. 294.*).

Положение было серьезным, и в этом отдавали себе отчет обе стороны. В преддверии надвигающейся опасности и та, и другая сторона старались избегать крайностей. Губернатор Массачусетса имел возможность вызвать войска, получив на это санкцию ассамблеи и состоявшего при нем Совета. Однако ассамблея этого никогда бы не сделала. К тому же она была распущена за отказ подчиниться приказам лорда Хиллсборо, а члены Совета при губернаторе боялись это сделать, опасаясь за собственные жизни. Губернатор мог и сам обратиться к главнокомандующему британскими силами в Америке, и тот обязан был немедленно прийти ему на помощь. Но губернатор не решался на этот шаг. В письмах в Лондон Бернард говорил о необходимости подавить силой выступления колонистов, но предпочитал, чтобы инициатива посылки войск исходила от британского правительства (*Ibid., p. 289 - 290. 126.*).

Хиллсборо приказал генералу Гойджу отправить войска в Бостон. Однако приказ этот вступал в силу лишь в случае просьбы Бернарда. Когда последний узнал об этом от главнокомандующего, то категорически отказался обратиться с такой просьбой. Только после того как в Лондон прибыл один из таможенников, избитых после задержания «Либерти», и рассказал о том, что представители таможенной службы были практически изгнаны из Бостона и вынуждены укрываться за стенами военного форта, живописуя при этом ужасы массовых выступлений, британский кабинет был созван на экстренное заседание. Однако и теперь решение о посылке войск

было принято при условии, что Гейдж получит соответствующий запрос от Бернарда, Спустя некоторое время Гейдж получил безоговорочный приказ отправить войска в Бостон (*Ibid.*, p. 290.) .

Руководители патриотического движения давно предостерегали, что против них могут быть направлены войска. Они резко критиковали Квартирный акт 1765 г. и санкции против Нью-Йорка. Посылка военных судов в бостонскую гавань и последовавший затем инцидент с судном «Либерти» подлили масла в огонь. Лидеры патриотов обвиняли королевских чиновников, прежде всего Бернарда и Хатчинсона, в том, что они ответственны за применение английским правительством военной силы (*Ibid.*, p. 292; *Howard G. E. Op. cit.*, p. 194.) . Вскоре после инцидента с «Либерти», выступая перед собравшейся на улице толпой, С. Адамс бросил призыв вооружаться. «Если мы мужчины, то поведем себя, как мужчины, - говорил он. - Возьмемся за оружие, добьемся свободы и захватим всех королевских чиновников». Он заявил, что в случае посылки войск в Бостон на помощь городу придет 30 тыс. колонистов (*Miller J. C. Sam Adams*, p. 144.) . Радикально настроенная «Бостон газетт» поддержала этот призыв, заявив, что действия Англии, облагающей колонии незаконными налогами, распустившей законодательные ассамблеи и готовящейся отправить дополнительные войска в Америку, свидетельствуют о том, что метрополия растоптала ею же самой дарованные колониям хартии. В этих условиях, по словам газеты, колонистам ничего не остается, как провозгласить независимость (*Jensen M. Op. cit.*, p. 293.) .

Известие о посылке свежих войск в Америку обсуждалось на тайном совещании «Сынов свободы». «Мы возьмем в руки оружие и будем сражаться до последней капли крови», - заявлял С. Адамс (*Miller J. C. Sam Adams*, p. 145.) . Было принято решение обратиться к жителям «пограничных» селений - западных районов колонии - с призывом прислать свои отряды, чтобы помешать высадке британских войск. Наконец, городской митинг Бостона принял, как уже указывалось, постановление, объявлявшее незаконными решения английских властей. Попытка немедленного вооружения населения потерпела неудачу, хотя сторонники такого рода действий, чтобы не бросать открытого вызова метрополии, мотивировали необходимость принятия соответствующей резолюции ссылаясь на то, что якобы имеется угроза нападения со стороны Франции (*Howard G. E. Op. cit.*, p. 190.) . Предпринятые вслед за тем шаги по созыву законодательной ассамблеи для обсуждения создавшегося положения кончились безуспешно. Этому помешал Бернард, отказавшийся санкционировать возобновление деятельности распущенной по приказу из Лондона ассамблеи. 12 сентября по предложению С. Адамса был созван городской митинг Бостона, а вслед за тем инициативный комитет в составе Д. Хэнкока, С. Адамса, Т. Кашинга и Д. Отиса призвал провести в Бостоне 22 сентября конвент представителей городов и графств Массачусетса (*Miller J. C. Sam Adams*, p. 149 - 158.) . Конвент этот собрался и принял резолюцию протеста (См.: *The writings of Samuel Adams*, v. I, p. 243 - 244.) . Правда, практически только этим и ограничилась его деятельность. Но самый факт созыва конвента - «еще одного нового орудия революционной борьбы» (*Аптекер Г. Указ, соч.*, с.

96.) - имел большое значение. Его созыв был тем более важным, что аналогичные конвенты открылись в других колониях.

На конвент в Массачусетсе собрались делегаты почти ста городов. Однако представители ряда городов и округов отказались в нем участвовать. Кроме того, делегаты с Запада, в отличие от тех, кто прибыл из районов атлантического побережья, проявили сдержанность и далеко не во всем собирались следовать за «Сынами свободы». К тому же и те, кому принадлежала инициатива созыва конвента, в решающий момент стали склоняться к умеренным действиям. Этому способствовала также позиция нью-йоркской организации «Сынов свободы», отказавшейся поддержать своих бостонских собратьев (*Miller J. C. Sam Adams, p. 159 - 160.*). В результате конвент ограничился решением об отзыве Хатчинсона и Бернарда, необходимости возобновления деятельности законодателей ассамблеи и обсуждения на ней сложившейся ситуации. 28 сентября два полка английских солдат под дулами наведенных на Бостон орудий восьми английских военных кораблей беспрепятственно высадились на берег. В этих условиях при отсутствии единства в позиции делегатов конвента и двойственном поведении лидеров «Сынов свободы» делегатам ничего не оставалось, как разъехаться по домам.

Таким образом, правительство Англии, отбросив сомнения, сделало шаг, на который оно длительное время не решалось. А патриоты, заявлявшие о своей решимости воспрепятствовать силой высадке английских войск, в последний момент отступили. Однако Англия не одержала победы, а патриотические силы не потерпели поражения.

Принимая решение о расквартировании войск в Бостоне, правительство Англии отнюдь не преодолело колебаний. При обсуждении в парламенте предложенных правительством мер они подверглись критике со стороны оппозиции в лице Э. Берка и А. Барре. Но не только представители оппозиции выразили свое несогласие с предложениями правительства. Решительные возражения они вызвали со стороны бывшего губернатора Массачусетса Т. Паунелла. Последний обвинил правительство в том, что оно извратило смысл происходящих в Америке событий, и предостерег, что применение силы приведет к «разрыву навсегда» (*Jensen M. Op. cit., p. 298 - 299.*) Даже Д. Гренвиль, положивший начало новому курсу метрополии попыткой введения в колониях гербового сбора, теперь выражал сомнение в правильности британской политики. Он отмечал, что «только сила ничего не сделает», необходимо придерживаться «системы, твердости и умеренности» (*Ibid., p. 298.*). Все это заставляло представителей британской администрации проявлять известную осторожность. Сделав шаг вперед, они то и дело оглядывались назад. Поэтому после высадки войск в Бостоне британский военачальник полковник Делримпл вступил в переговоры с Хэнкоком и другими лидерами патриотического движения. Британские власти в конечном итоге вынуждены были назначить нового губернатора вместо Бернарда, бежавшего в Англию из страха, что «Сыны свободы» учинят над ним расправу.

С прибытием британских соединений в Бостон Хатчинсон торжественно отмечал, что их появление произвело «ужасное» воздействие на патриотическое движение и что «Сыны свободы» хранят «глубокое молчание» (*Shy J. Op. cit., p. 305.*). Однако последующие события показали, что кратковременный шок оказался всего лишь затишьем перед бурей. Один из руководителей «Сынов свободы» в Бостоне Т. Кашинг еще до прибытия английских отрядов предсказал в частном письме: «Ничто не способно так быстро воспламенить народ. Ни одна другая мера... не смогла бы так решительно подтолкнуть его к революционным действиям, которые в конечном итоге окажутся вредными для Великобритании» (*Ibid., p. 303.*). То, о чем писал Кашинг, нашло свое полное подтверждение. Хотя присутствие войск в Бостоне и сдерживало антиправительственные действия, оно в то же время служило источником постоянных недоразумений, неизбежно возникавших между местным населением и британскими солдатами. В январе 1770 г. эти конфликты привели к столкновениям в Нью-Йорке, а в марте к кровавой бойне в Бостоне.

5 марта 1770 г. британское правительство, еще не зная о событиях в Бостоне, внесло в парламент предложение об отмене Актов Тауншенда. Предлагалось сохранить только пошлину на чай, чтобы символически подчеркнуть власть и права метрополии в отношении колоний. Раздавались голоса и в пользу полной отмены пошлин. Бывший губернатор Паунелл, опираясь на поддержку лондонского купечества, предлагал безоговорочно отменить Акты Тауншенда. Впервые он выступил с этим предложением еще в 1769 г., мотивируя свою позицию тем, что в противном случае Англия может потерять колонии совсем. Однако Паунелл не получил поддержки большинства (*Sosin J. M. Agents and merchants. British colonial policy and the origin of the American revolution 1763 - 1775, p. 120 - 125.*).

Правительство Англии спешило отступить, надеясь еще спасти положение. Однако оно хотело избежать откровенной уступки, мотивируя намерение отменить Акты тем, что они стали Англии «неудобны» (*Ibid., p. 126.*).

С осени 1768 г. усилился бойкот британских товаров, ставший особенно жестким на протяжении последующих полутора-двух лет. Кампания бойкота больно задевала интересы английских торгово-промышленных кругов, хотя американские купцы также несли большие убытки (*Miller T. C. Origins of the American revolution, p. 308 - 309.*). Кроме того, как уже отмечалось, колониальное купечество было крайне обеспокоено развитием внутривнутриполитической обстановки в Америке, боясь, как бы вызванное бойкотом общее ухудшение экономического положения не привело к взрыву массового недовольства. Поэтому правительство Англии считало, что, отменив Акты Тауншенда, оно сумеет привлечь на свою сторону американское купечество - эту влиятельную прослойку колониального общества.

Всем этим расчетам, однако, не суждено было осуществиться. Много воды утекло с 1763 г., и никому не дано было вернуть былое вновь. Политика метрополии переживала кризис, остановить который было

невозможно. Средства, используемые британским правительством, чтобы выйти из кризиса, вели к его дальнейшему углублению. Освободительное движение, существовавшее в 1763 г. лишь в самых зачаточных формах, к 1770 г. представляло собой серьезную силу, определявшую политическое лицо и судьбу колоний в будущем. Эти обстоятельства невозможно было ни игнорировать, ни отменить.

В результате протестов в колониях, а главное ввиду практической невозможности провести в жизнь свои планы британское правительство однажды уже вынуждено было отступить, отменив в марте 1766 г. закон о гербовом сборе. Но этот урок не пошел на пользу. Отмена закона о гербовом сборе привела к кратковременному спаду освободительного движения. «Сыны свободы» заранее провозгласили, что как только Англия откажется от своей политики, они заявят о самороспуске, и, действительно, с отменой гербового сбора их деятельность в значительной степени была свернута.

Правительство Англии сделало из этого неверный вывод. Оно решило, что может снова вернуться к прежнему курсу. Одобрив план министра финансов Тауншпда, который являлся давним сторонником введения в американских колониях жесткого режима (*Chaffin R. J. Op. Cit., p. 93-95*), оно совершило грубую ошибку. С новой силой вспыхнуло освободительное движение. «Сыны свободы» возглавили антибританскую оппозицию, действовавшую на этот раз в условиях межколониальной солидарности. Английская политика по отношению к колониям в 1763 - 1770 гг. ставила своей целью обуздать недовольных и положить конец движению протеста. Она привела к противоположным результатам. Англия разбудила силы сопротивления, которые в ином случае могли еще долго не проявиться. В колониях сформировалось и получило широкий размах массовое демократическое движение. Выдвинулись и приобрели известность новые люди - политические лидеры, возглавившие борьбу против старой власти. За время агитационной кампании против Актов Тауншенда патриотическое движение стало более зрелым. Если на начальном этапе критика действий британской политики нередко сводилась к чисто конституционным спорам и протестам против законов, принятых неосведомленными и введенными в заблуждение правителями, то по мере развития движения в выступлениях патриотов появились новые черты. Они критиковали Англию за деспотическое правление.

В апреле 1771 г. британское правительство издало постановление об отмене Актов Тауншпда. Даже сравнительно небольшая сумма таможенного сбора, на которую рассчитывала метрополия, оказалась нереальной. Вместо 35 - 40 тыс. ф. ст. в год удалось собрать в 1768 г. 13 тыс. ф. ст., в 1769 г. - 5, а в 1770 г. - лишь 2.5 тыс. ф. ст. (*Jensen M. Op. cit., p. 331*). Акты Тауншенда нанесли Англии серьезный экономический и политический ущерб, подорвав ее власть в колониях и торговлю с ними. Отмена Актов Тауншпда была вполне оправдана. Но мера эта оказалась запоздалой и лишеной в известном отношении ожидаемого эффекта. Колонисты потеряли веру в добрые намерения метрополии. Всем памятно было, что после отмены гербового сбора последовали Акты Тауншпда.

Никто не мог быть уверен, что английское правительство не изобретет нового способа обложить колонии, тем более что сохранилась пошлина на чай и правительство оставило за собой право вводить новые налоги в случае необходимости.

Однако главным было даже не это. Если бы правительство Англии вовсе отказалось вводить в Америке новые налоги, оно мало чего могло достигнуть. Освободительная борьба уже отнюдь не сводилась к вопросу о налогах. Она приобрела гораздо более глубокое значение, свидетельством чему и были события в Бостоне, которые произошли в тот день, когда правительство Англии внесло в парламент предложение об отмене Актов Тауншенда (*Gipson L. H. The coming of the revolution. New York, 1954, p. 202.*).

После высадки британских войск в Бостоне атмосфера в городе постоянно накалялась. Британские солдаты бесчинствовали: грабили лавки, занимались мародерством, насиловали женщин. Это осложняло и без того напряженную обстановку (*Shy J. Op. cit., p. 308 - 310.*) . Появляться на улицах солдатам стало небезопасно. На них нападали и их избивали. Любая полицейская акция со стороны британских войск грозила послужить поводом для взрыва. «Я не считаю, что мои люди не допускают ошибок, - жаловался полковник Делримпл. - Но стоит только ударить одного жителя за то, что он оскорбил солдата, как весь город поднимается словно по тревоге и ни одному слову, которое солдат пытается произнести в свое оправдание, не верят» (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 295.*) . В октябре 1768 г. во время марша британского отряда по улицам толпа забросала его камнями, и солдаты поспешили ретироваться в казармы. Вся зима 1769/70 г. прошла в напряженном ожидании столкновения. Обстановка в Бостоне была настолько накалена, что, по словам полковника Делримпла, ему приходилось жить «в постоянном страхе» перед восстанием (*Shy J. Op. cit., p. 313.*) . Чтобы разрядить атмосферу, британское командование решило сократить численность находящихся в Бостоне войск. Однако это не изменило положения. В ночь на 5 марта 1770 г. разнесся слух, что готовится нападение на таможню. Туда был послан небольшой отряд британских войск, из которых был составлен охранительный заслон. В городе царил возбуждение, народ высыпал на улицы. Вокруг солдат собралась толпа. «Вон, проклятые негодяи! Жалкие мошенники, раки, кровавые спины! Стреляйте, если смеете!», - кричали из толпы, размахивая палками. Кольцо, окружавшее британский отряд, сжималось. Солдаты выставили ружья вперед. Возбуждение нарастало. Когда одного из солдат ударили дубинкой, раздалась команда: «Огонь!». Три человека были убиты на месте, двое смертельно ранены, несколько человек получили небольшие ранения (*Ibid., p. 317 - 319; Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 296 - 297.*) .

Толпа разбежалась, но город огласился набатным звоном колоколов и барабанным боем. Раздался призыв: «К оружию!». События принимали грозный оборот. Говорили о том, что британское командование разработало план уничтожения сторонников патриотического движения. Эта версия получила широкое распространение и была подтверждена местной прессой. Появились слухи, что стреляли также из окоп таможенного управления находившиеся там чиновники. Британские власти обвинялись в

преднамеренном убийстве пениинных людей (*Schlesinger A. M. Prelude to independence. The newspaper war on Britain 1704 - 1776. New York, p. 23.*) . Первое же сообщение, помещенное в местной газете, было озаглавлено «Кровавая работа в Бостоне». Неделю спустя «Бостон газетт» писала: «Улицы Бостона уже залиты кровью невинных американцев! Отвратительная рука, служившая дьявольским оружием тиранов, повинна в кровопролитии! Американцы, эта кровь зовет к отмщению!» (*Ibid., p. 109.*).

Командование британских войск и королевская администрация были сильно напуганы. Но беспокойно чувствовали себя и лидеры патриотического движения. Во всяком случае они приняли меры к тому, чтобы добиться умиротворения. Это касалось прежде всего вопроса о выводе британских войск, которого потребовал созданный 6 марта городской митинг Бостона. С. Лдамс передал решение городского митинга исполнявшему обязанности губернатора Т. Хатчинсону. Тот согласился, обещая, что солдаты полка, принимавшего участие в кровопролитии, немедленно покинут Бостон и в городе останется лишь один полк для несения полицейской службы. Однако городской митинг Бостона потребовал убрать из города все войска. Посетивший Хатчинсона С. Адамс сообщил ему об этом в ультимативной форме: «Если откажетесь, рискуете собой. Участников митинга три тысячи, и они теряют терпение. Тысячи людей уже находятся в Бостоне и окрестностях. Вся страна пришла в движение. Наступает ночь. Мы ждем немедленного ответа. Либо оба полка, либо ничего!». Это требование было принято, и все английские войска незамедлительно выведены из города (*Miller J. C. Sam Adams, p. 180 - 182.*) .

В дополнение к этому, чтобы разрядить обстановку, Хатчинсон приказал арестовать командира отряда капитана Престона и солдат, стрелявших по толпе у таможенного управления, отдав их под суд. Отвечая па требования сотен людей, собравшихся у его резиденции, Хатчинсон обещал, что будет проведено «тщательное беспристрастное расследование» (*Bailyn B. Op. cit., p. 158 - 159.*) . В донесениях по этому поводу, отправленных в Лондон, он писал, что события 5 марта - «самая ужасная вещь, какая только могла случиться». Жители Бостона, по его словам, пришли в «совершенное неистовство», и колония находится «па грани гражданской войны». Считая положение исключительно серьезным и не находя из пего выхода, Хатчинсон просил правительство принять его отставку (*Ibid., p. 157.*) .

Что же касается лидеров патриотического движения, то их усилия по предотвращению возможных беспорядков в связи с событиями 5 марта не ограничились переговорами с королевской администрацией. На судебном процессе над Престоном и его солдатами, обвиненными в расстреле мирных жителей, после некоторых колебаний согласились выступить Дж. Адамс и известный бостонский юрист Д. Квипси, которые взяли па себя защиту подсудимых. Как бы это ни было парадоксально, именно лидеры патриотов, как отмечает уже упоминавшийся историк Д. Хэрдер, «помогли солдатам, которые стреляли по толпе, нанять в качестве защитников Дж. Адамса и Д. Квнниси». «Как представители элиты бостонских вигов, - пишет Хэрдер, -

оба они принадлежали к числу самых решительных противников действий толпы» (*Hoerder D. Op. cit., p. 260.*).

В итоге различного рода процедурных проволочек Верховный суд Массачусетса решил на несколько месяцев отложить судебное разбирательство. Это имело значение, так как ко времени процесса в ноябре - декабре обстановка до некоторой степени разрядилась. Требование сурового наказания подсудимых уже не было таким настоятельным, как в первые недели после кровопролития, когда считалось само собой разумеющимся вынесение смертного приговора. После же того как Дж. Адамс и Дж. Квинси взяли на себя роль адвокатов, положение еще более упростилось. Их репутация активных участников патриотического движения успокоила участников антибританских выступлений. Что же касается властей, то они возлагали большие надежды на то, что под прикрытием авторитета Адамса и Квинси удастся предотвратить расправу над виновниками расстрела 5 марта.

По неподтвержденной версии, Адамс пригрозил отказаться от своей роли защитника солдат, если в ходе разбирательства, как это было запланировано, суд повел бы дело так, что виновниками инцидента были бы представлены прежде всего бостонцы, спровоцировавшие якобы весь конфликт и стычку с солдатами (*Zobel N. B. Newer light on the Boston massacre. - Proceedings of the American antiquarian society, 1968, April, p. 122.*). Независимо от этого, однако, своим участием в процессе Адамс и Квинси содействовали вынесению мягкого приговора. Капитан Престон и четверо солдат были полностью оправданы. Двое солдат признаны виновными в непредумышленном убийстве. В наказание за это им выжгли на руке клеймо и было объявлено, что их увольняют из армии. Все подсудимые были освобождены из тюрьмы и благополучно отплыли в Англию (*Boatner III M. M. Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966, p. 94.*).

Роль Адамса и Квинси в защите виновников кровопролития в Бостоне и вынесении последним при их непосредственном участии оправдательного приговора вызвала сильное недовольство среди массы участников антибританского движения. Репутация Адамса и Квинси в их глазах была поколеблена. Существует немало версий относительно истинной причины поведения защиты. Одна из самых распространенных гласит, что, вопреки своим убеждениям патриотов, Адамс и Квинси добивались лишь формального торжества закона. Этот пример используется для того, чтобы доказать, что во все времена «в Америке превыше всего была справедливость» (*Zobel N. B. Op. cit., p. 119.*). В действительности Адамс, Квинси и их единомышленники из числа руководителей патриотического движения были заинтересованы в том, чтобы ликвидировать очаг недовольства, вызванного событиями 5 марта и грозившего перерасти в серьезные беспорядки (*Hoerder D. Op. cit., p. 260.*). Эта заинтересованность и была подлинным мотивом оправдательного приговора участникам расстрела. Однако массовое недовольство стремительно разрасталось и событие, вошедшее в американскую историю под названием «бостонской бойни», как это признавал сам Адамс, послужило сильным толчком в последующем движении колоний на пути к независимости.

«Бостонская бойня» способствовала углублению революционного кризиса в колониях. Кровь, пролитая ее жертвами, звала к отмщению. Вооруженное выступление против Англии еще не могло состояться, но теперь оно стало па повестку дня. В освободительной борьбе колоний начинался новый этап.

Попытка введения Актов Тауншенда и последовавшие затем события окончились для Англии полным провалом. Положение в колониях стало для нее практически неуправляемым. Объясняя неудачи британской политики, историки нередко ссылаются на ошибки отдельных государственных деятелей - короля Георга III, его министров Гренвиля, Тауншенда и др. Особая вина возлагается на главу американского департамента английского колониального ведомства лорда Хиллс-боро, который, пользуясь расположением короля, действительно играл важную роль в формировании политики метрополии. «Ни один историк, - отмечает американский исследователь Д. Шай, - никогда не сказал доброго слова о Хиллсборо». В этом, по его мнению, повинен Б. Франклин, характеризовавший в свое время английского политика как «самодовольного, глупого, упрямого и неуравновешенного человека» (*Shy J. Op. cit., p. 292 - 293.*). Трудно сказать, до какой степени прав был Франклин и все, кто затем следовал его оценке. Каковы бы ни были личные качества Хиллсборо и других государственных деятелей, причина провалов британской политики заключалась не столько в их личных недостатках, сколько в порочном характере колониальной системы Англии, в игнорировании специфических условий североамериканских колоний, в недооценке значение развернувшегося там освободительного движения и непонимании того факта, что движение это черпало свою силу в поддержке народа.

Глава четвертая. ФЕРМЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Американский фермер. Рисунок из 'Пенсильвания альманах'. 1765 г.

Кампания против гербового сбора и рост освободительного движения, вызванного Актами Таушненда, выдвинули на поверхность силы, которые до того находились как бы под спудом. Аналогичным было положение с фермерским движением, принявшим широкий размах в те же годы, хотя по своему характеру и происхождению оно, как увидим, отличалось от массовых выступлений в городах. Внутреннее положение в американских колониях было чрезвычайно сложным и характеризовалось острой борьбой, которая определялась в значительной мере пестротой социального состава населения, состоявшего из различных классов, слоев и групп. С развитием освободительного движения в него вливались новые силы, из которых формировался лагерь патриотов, или, как их стали называть по аналогии с Англией, вигов. Сторонники короны составляли опору враждебного освободительному движению лагеря - тори. Губернаторы, судьи, таможенные чиновники и прочие чины колониальной администрации пользовались важными привилегиями, которые прочно привязывали их к метрополии. Весь класс земельной аристократии, владевшей землей на правах феодального пожалования, был обязан метрополии своим существованием. Вместе с тем условия политической борьбы после 1763 г. привели к расколу в рядах земельных собственников. Наглядным примером этому было жестокое соперничество между крупнейшими землевладельцами колонии Нью-Йорка Ливингстонами и Делансе. В интересах привлечения голосов избирателей и завоевания большинства в местной ассамблее они приняли участие в политической полемике и борьбе между патриотами и сторонниками короны, переходя из одного лагеря в другой в зависимости от обстоятельств. В 1769 г. законодательная ассамблея, в которой господствовали Ливингстоны, была распущена и назначены новые выборы. Представители семейства Делансе, используя аргументы патриотов, обрушились на политику Ливингстонов, критикуя их за поддержку закона о гербовом сборе, вотиравание средств на содержание британских войск и т. п. После победы на выборах Делансе изгнали представителей Ливингстонов из местных органов власти. Но их собственная политика во многом продолжала линию, проводимую прежде Ливингстонами. Делансе поддерживали ассигнование средств на содержание английской армии и в целом проводили довольно лояльный курс в отношении метрополии. Этим воспользовались Ливингстоны, чтобы с патриотических позиций атаковать семейство Делансе (*Jensen M. The founding of a nation. A history of the American revolution 1763 - 1776. New York, 1968. p. 335-339; Young A. The democratic republicans of New York. The origins, 1763-1797. Chapel Hill, 1967, p. 9-10.*). Каждая из групп придерживалась прагматических установок, действуя на беспринципной основе. Их позиция менялась, как флюгер, в зависимости от обстоятельств борьбы за власть. Такая тактика была довольно характерной для политической борьбы того времени, а также и в последующем. Она стала традиционной и дожила до наших дней.

Противоборство между различными группами земельной аристократии имело параллели и среди других групп, в частности купечества. Определенная часть купцов, зависевшая от рынка метрополии и не заинтересованная в контрабанде, была враждебно настроена к освободительному движению. Пайщики Английского банка, владельцы акций Ост-Индской и других английских компаний, часть владельцев судов,

застрахованных британскими страховыми обществами, - все они были прочно привязаны к метрополии. Кроме того, находясь в составе Британской империи, колонии, как уже отмечалось, пользовались рядом привилегий в торговле, и это определяло проанглийские настроения среди части купечества. С другой стороны, политика ограничений, проводимая короной, наносила ущерб интересам этих кругов. Поэтому даже представители купечества, связанные с английским капиталом, приняли участие в кампании бойкота. Бесспорно и то, что, подобно земельным собственникам Нью-Йорка, колониальное купечество учитывало повороты и зигзаги политической борьбы. Трудно согласиться с английским историком Робсоном в том, что единственным мотивом вступления купечества в антибританскую кампанию было стремление «поставить под контроль радикальные элементы» и приобрести таким образом определенные политические гарантии перед лицом бурно растущего патриотического движения (*Robson E. The American revolution. London, 1955, p. 76.*) , хотя бесспорно соображение это играло свою роль. «Каждый купец, - писал Робсон, - который боялся анархии и был заинтересован в ограждении интересов своих растущих предприятий, был слишком расположен в пользу закона, порядка и торговли, чтобы быть сбитым с толку стремлением к свободе, особенно к такой свободе, как ее понимали низшие классы, услугами которых они пользовались для увеличения своего собственного богатства» (*Ibid., p. 76.*) . С этими доводами трудно не согласиться, ибо верно, что купцы представляли собой в принципе консервативную силу. Однако интересы этой группы населения в еще большей степени, чем интересы земельных собственников, тяготели к самостоятельному экономическому развитию колоний.

Наконец, говоря о сторонниках консервативного лагеря, составлявшего опору британской политики в колониях, хотя и в данном случае безусловную, следует назвать некоторую часть плантаторов и духовенство англиканской церкви. Таковы были в общих чертах силы, на полную или частичную поддержку которых Англия могла рассчитывать в борьбе с освободительным движением.

Что же касается сил патриотов, то они объединили в своих рядах всех недовольных политикой метрополии, всех противников привилегированного сословия, которое насаждалось короной в Америке и олицетворяло старый колониальный режим. Главной опорой этого лагеря были низы и средние слои городского населения - ремесленники и мелкие торговцы. Большую роль в ходе освободительного движения и последующей революционной борьбы сыграли фермеры. Они стремились устранить свою зависимость от земельных собственников, нередко сопровождавшуюся феодальными повинностями. Особенно радикальными настроениями отличались те, кто захватывал землю в порядке скваттерства.

К лагерю патриотов примыкали и имущие группы, представлявшие умеренное крыло движения. Это были прежде всего те, кто выражал интересы находившейся в процессе формирования национальной буржуазии, занятой в промышленности колоний, развитии межколониальных связей и внутреннего рынка. Активная роль

принадлежала той части купечества, которая оказалась связанной с развитием национальной американской экономики. В 60 - 70-х гг. были сделаны первые шаги по пути создания подобия банковской организации. Возникли временные группы взаимного страхования, объединившие значительную часть колониального купечества (*Рочестер А. Американский капитализм 1607 - 1800. Пер. с англ. М., 1950, с. 102.*) . К этому же лагерю примыкали купцы-контрабандисты. К умеренному крылу принадлежали и земельные спекулянты, которых по живому резал британский указ 1763 г., запрещавший занимать земли за Аллеганями. Их недовольство разделяли многие плантаторы, заинтересованные в расширении своих владений за счет западных земель. Кроме того, недовольство плантаторов подогревалось их растущими из года в год долгами метрополии. В связи с этим Дж. Вашингтон писал даже, что, «сомнений нет, все наше достояние так или иначе уже уплывает в Великобританию» (*Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962, с. 48.*).

Расстановка сил, их соотношение в период освободительного движения и последующей борьбы за независимость, позиция различных классов и социальных групп, мотивы их поведения - от того как трактуются эти вопросы, зависит освещение истории американской революции. Хотя со времени описываемых событий прошло более двух столетий, вопросы эти не утратили своей остроты и продолжают оставаться предметом горячих споров между представителями различных школ в историографии. Их правильное решение возможно только при условии учета всей совокупности факторов, определявших роль народных масс и соотношение классовых сил в борьбе за свободу. Не случайно американские историки-марксисты уделили этой проблеме значительное внимание в своих трудах.

Господствующее в современной буржуазной историографии США направление «неоконсерваторов» придерживается «элитарной» концепции происхождения американской революции, согласно которой основная роль в ее подготовке и осуществлении принадлежит горстке руководителей освободительного движения, «отцов-основателей» США; при этом отрицается решающая роль народных масс. Как уже отмечалось, краеугольным камнем теории «неоконсерваторов» является тезис «согласия» - «преемственности», ставящий целью доказать бесконфликтный характер американской истории. Между тем в последние годы тезис этот подвергся серьезной критике в самой буржуазной историографии США. В результате опубликования сборника статей под редакцией А. Янга, а также работ Д. Лемиша, Г. Нэша, Д. Мейна и др. появилось целое направление в науке, серьезно подорвавшее положение школы «согласия». Значение указанных исследований заключается в том, что в отличие от идеализированных построений школы «согласия» они приводят ценный материал, свидетельствующий о неуклонном росте имущественного неравенства, прогрессирующем социальном расслоении и усилении классовых противоречий колониального общества. Об этом уже говорилось применительно к политическим предпосылкам революции, а также при характеристике массовых выступлений и тактики имущих групп в период борьбы против гербового сбора и Актов Тауншепда, прежде всего в отношении революционно-освободительного движения в городах. Не менее

показательным в этом смысле было и фермерское движение, которое приобрело в канун революции весьма активный характер и в своей основе представляло классовый конфликт непреходящего значения. «Фермеры-повстанцы, - отмечает американский историк М. Кей, - в конечном итоге вели борьбу против находившихся у власти богатых эксплуататоров» (*Kay M. L. M. The North Carolina regulation, 1766 - 1776: A class conflict, - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Ed. by A. F. Young. De Kalb, 1976. p. 73*). .

Представители «новых левых» верно отмечали, что одним из существенных пороков в изучении американской революции является концентрация внимания на деятельности «великих белых мужей», оставивших после себя обширное литературное наследие. Что же касается «молчаливых» участников революции - народных масс, то к ним и их роли в движении историки не проявили долитого внимания (*Lemish J., Alexander J. K. The White Oaks, Jack Tar and the concept of the «Inarticulate». - William and Mary quarterly, 1972, 3d ser., v. 29, p. 129- 134; L e m i s h J. The American revolution seen from the bottom up. - In: Towards a new past: dissenting essays in American history. Ed. by B. J. Bernstein. New York. 1969, p. 29.*) . Это относится в равной мере и к революционным действиям городских низов, и к выступлениям фермеров.

Подавляющее большинство населения колоний (90 - 95%) было занято сельским хозяйством, мелкие и средние фермеры составляли около половины белого населения колоний. (*Main J. T. The social structure of revolutionary America. Princeton, 1965, p. 273 - 274.*) Уже одни эти цифры могут объяснить, почему аграрный вопрос имел такое важное значение. Однако суть заключалась не только в численной стороне дела. Конфликт между бедными и средними фермерами, с одной стороны, богатыми землевладельцами и в целом господствующей верхушкой колоний, с другой, как уже отмечалось, отражал наличие социальных противоречий в колониальной Америке и был важной объективной предпосылкой американской революции.

Фермеры являлись подлинной опорой демократического движения. Наиболее радикальными па-строениями отличались жители «пограничных» районов. У «пограничников» был свой счет к господствующей верхушке колоний, и они, по справедливому замечанию Ф. Шэннопа, еще «задолго до революции знали все аргументы восстания» (*Schannon F. A. America's economic growth. New York, 1947, p. 97.*) .

Большинство американских историков, к сожалению, игнорирует социальное значение конфликта между фермерами Запада и господствующей верхушкой Атлантического побережья. Этот конфликт нередко представляется как «межрайонный», «географический», вследствие чего умаляется факт имущественного и правового неравенства населения, нивелируются классовые противоречия американской революции. Примером подобного рода подхода может служить концепция Э. Моргана, объясняющего фермерские выступления противоречием между новыми поселениями Запада и старым истэблшментом Востока. Являясь сторонником теории «согласия», но не имея возможности отрицать наличие конфликта, Морган стремится принизить его значение. «В целом, - заявляет

он, - нет достаточных оснований говорить о классовом конфликте в период революции» (*Morgan E. S. Conflict and consensus in the American revolution. - In: Essays on the American revolution. Ed. by S. G. Kurtz, J. II. Hutson. Chapel Hill, 1973. p. 297.*) . Морган готов признать наличие такого конфликта позднее, после революции. По его словам, кульминационным пунктом революционного «согласия» была конституция 1787 г., лишь после ее принятия «социальные, политические и экономические перемены» спровоцировали рост классовых противоречий. (Ibid.) Бесспорно, принятие конституции вызвало обострение социально-политической борьбы в Америке. Однако в целом схема Моргана искажает логику исторического развития. В исследовании М. Кея приведены убедительные доказательства того, что фермеры Запада выступали против господствующих имущих классов, «независимо от того, где они жили - на Востоке или на Западе». Фермеры «никогда не смотрели на этот конфликт как на межрайонный» (*Кей М. Л. М. Op. cit., p. 73 - 75.*) .

Причины фермерского движения коренятся в классовых противоречиях между бедными и богатыми. Население «внутренней страны» решительно протестовало против действий имущей верхушки восточного побережья. Однако фермеры-бедняки Запада так же решительно выступали против плантаторов и земельных спекулянтов западных районов (Ibid.). Фермерское движение тех лет практически проходило в стороне от массовых ан-тибританских выступлений городских низов. Однако фермерское движение и городские выступления имели много общего в своей направленности, характере и методах борьбы. В некоторых же колониях, как это было в Массачусетсе, фермерское движение оказалось непосредственно связано с выступлениями городских масс. Объективно фермерское движение явилось составной частью единого революционно-освободительного процесса борьбы американских колоний за демократию и независимость.

Лозунгом всего патриотического движения было требование «никаких налогов без представительства». Оно приобрело универсальное значение в Америке, как в массовых городских антибританских кампаниях, так и в фермерских выступлениях. Этот лозунг был одинаково актуальным, как в движении протеста против колониальной политики метрополии, так и при решении внутри-колониальных проблем. В частности, он воплотил в себе старые требования реформы налогообложения и справедливого представительства в колониальных законодательных собраниях. Эти требования звучали еще в выступлениях XV в. (восстаниях Бэкона 1676 г. в Виргинии и Лейслера 1689 г. в Нью-Йорке). В фермерских выступлениях середины XVIII в. настойчиво выдвигалось требование выпуска «дешевых» бумажных денег и отмены налогов. Ко всему этому после 1763 г. присоединилось широкое возмущение мероприятиями английского правительства, разместившего свои войска на «границе» и запретившего переселение на западные земли.

Фермерские выступления 60-х - начала 70-х гг. носили явно выраженный революционный характер. Их по праву можно считать первой большой классовой битвой американской революции. Они возникли почти одновременно в нескольких колониях. Урегулирование существующих

проблем, как это понимали участники фермерских выступлений, включало в себя право пропорционального представительства в местных органах власти, введение справедливой системы налогообложения, ликвидацию феодальных институтов первородства и неотчуждаемости имущества, а также отмену платежей в качестве фиксированной ренты (*Аптекер Г. Колониальная эра. Пер. с англ., М., 1961, с. 76 - 79.*) .

Наибольшего размаха фермерские выступления достигли в Северной и Южной Каролине, а также в Нью-Йорке. В Северной и Южной Каролине его участники выступали за «урегулирование» существующих несправедливостей и получили название «регуляторов». Население «внутренней страны» быстро увеличивалось, и ко времени войны за независимость здесь проживало около половины всех жителей колоний и 80% их белого населения. Период подъема движения «регуляторов» совпал с бурным потоком колонизации на Запад. «Пограничники» селились в предгорных районах. Почва здесь была плодородной, климат благоприятным. Небольшие и средних размеров фермы усеяли склоны и плато холмистой местности. Образ жизни поселенцев этого края существенно отличался от образа жизни зажиточных слоев восточного побережья. Люди жили в хижинах с земляным полом, спали на соломенных подстилках, ездили верхом без седла. Фермерское хозяйство в значительной степени было натуральным. «Пограничные» поселения отделялись от населенных пунктов восточной части плотной полосой сосновых лесов протяженностью от 80 до 160 км (*Jensen M. Op. cit. p. 28, 30.*) .

Особо острая обстановка сложилась в Северной Каролине. Связь «внутренней страны» с торговыми центрами, где фермер мог реализовать свою продукцию, была затруднена. Между тем власти требовали уплаты налогов звонкой монетой. Порядок и размер взыскиваемых податей устанавливались произвольно. По признанию губернатора Северной Каролины Трайона, «шерифы присваивали более половины общественных денег..., собранных ими в качестве налога» (*Bassell J. S. The Regulators of North Carolina (1705 - 1771). - Annual report of the American historical association. 1894. New York, 1895, p. 152.*) .

Беззаконие и грабительские действия местных властей вызывали массовое недовольство. В июне 1765 г., еще до начала массового движения «регуляторов», колониальная ассамблея Северной Каролины получила петицию-жалобу на «плачевное состояние» жителей графства Гренвиль. В ней излагались трудности финансового положения и говорилось о необходимости проведения реформ. Петиция была составлена в умеренных выражениях. Она даже призывала колонистов оставаться «осторожными», «рассудительными», «не делать ничего сгоряча», не выступать «против существующих законов». В ней перечислялись случаи притеснения колонистов и нарушения законности представителями власти на местах (*Henderson A. The origin of the Regulation in North Carolina. - American historical review, 1915 - 1916, v. 21. p. 324 - 332.*) . Результатом этой жалобы были гонения на тех, кто ее подписал. Их обвиняли в клевете, автора же петиции привлекли к суду и посадили в тюрьму (*Bassett J. Op. cit... p. 161.*) .

Такое положение создалось не только в графстве Гренвиль. Аналогичные выступления имели место в соседних графствах. Здесь фермеры заявили об отказе платить налоги. Однако выступления эти не только по были связаны между собой каким-либо образом, но их участники ничего не знали даже о том, что происходит в других графствах (*Ibid.; Jensen M. Op. cit., p. 30.*) .

Начало движению «регуляторов» положило выступление фермеров графства Орандж в октябре 1765 г. с призывом к представителям власти организовать встречу для обсуждения назревших проблем. Хотя первоначально администрация намеревалась принять участие во встрече, затем это решение было пересмотрено. Прибывших на нее представителей фермеров объявили мятежниками. Характерно, что это первое выступление «регуляторов» не только совпало по времени с движением против акта о гербовом сборе, но и солидаризировалось с организацией «Сыны свободы», руководившей антибританской кампанией. В петиции «регуляторов» закон о взимании гербового сбора назывался «величайшим злым умыслом». «В то время как «Сыны свободы» выступают против британского парламента в защиту истинной свободы, - гласила петиция, - не дадим колониальным чиновникам подвергать нас несправедливому угнетению в нашей собственной колонии». В другой части того же документа говорилось, что дело, за которое борются «Сыны свободы», это - борьба против «тирании» (*Bassett J. Op. cit., p. 162.*). Таким образом, «регуляторы» недвусмысленно заявляли о своей солидарности с «Сынами свободы». Однако следует присоединиться к выводу одного из первых исследователей движения «регуляторов» Д. Бассета: движение это практически не было связано с антибританскими выступлениями в городах (*Ibid.*) . Один из руководителей «регуляторов» Северной Каролины Г. Хазбенд поддерживал связь с Б. Франклином, получая через него и других активистов антибританской кампании памфлеты, критикующие действия метрополии, размножал их и распространял среди жителей «внутренней страны». Эти памфлеты бесспорно подогревали недовольство, стимулируя рост оппозиционных настроений (*The Regulators in North Carolina. Papers (далее - Papers). Ed. by W. S. Powell, 1 K. Huhta, T. J. Tarnham. Raleigh, 1971, p. 16.*) . Однако многое из того, что глубочайшим образом задевало интересы городского населения Атлантического побережья, сравнительно слабо затрагивало жителей «внутренней страны». Поэтому, несмотря на общность объективных предпосылок фермерских выступлений и массовых городских кампаний протеста, на практике они проходили изолированно, независимо друг от друга.

Движение «регуляторов» не имело последовательной программы. Его участники требовали «урегулирования» общественного недовольства и ликвидации злоупотреблений властью. Как уже отмечалось, речь шла об упорядочении системы налогообложения, более справедливом представительстве в судах и местных органах власти. Выступления «регуляторов» в Орандже были поддержаны соседним графством Апсон, где также «более чем очевидным» было заспание «олигархии чиновников». Если в 1766 - 1767 гг. «регуляторы» ограничивались петициями и жалобами в адрес властей по поводу существующего положения, то с 1768 г. начался

новый этап в развитии движения - время активных действий. Была создана «ассоциация», члены которой решили не платить налогов, освобождать всех, кто будет заключен в тюрьму за неуплату налога, силой захватывать собственность, отобранную в погашение долгов и т. п. (*Ibid.*, p. XVIII.) Вслед за Ансопом к «регуляторам» Орап-джа присоединились фермеры графства Роуан. Эти три графства и составили оплот движения «регуляторов». Жители семи соседних графств сочувствовали движению, но не приняли в нем активного участия. Что же касается Оранджа, Ансона и Роуана, то по подсчетам М. Кея из 8 тыс. облагаемых здесь налогом жителей «регуляторов» поддерживало от 6 до 7 тыс. человек (*Key M. L. Op. cit.*, p. 73.).

Губернатор Северной Каролины Трайон и другие представители власти осудили выступления «регуляторов» как противозаконные и мятежные. Были приведены в боевую готовность милицейские вооруженные части. В то же время сотни людей вступили в отряды «регуляторов». Многие из них были вооружены. Власти колебались, применять ли силу. Трайон заявил представителям графства Ансон, что готов рассмотреть их жалобы, если те откажутся от сопротивления и обязуются в последующем соблюдать приказы администрации. В то же время против графства Орандж готовилась карательная экспедиция. Губернатор рассчитывал разобщить силы «регуляторов», частично уступив одним и жестоко усмирив других. Переговоры и шедшие параллельно военные приготовления тянулись около полугода (*Bassett J. Op. cit.*, p. 173 f.).

В сентябре 1768 г. отряды «регуляторов», насчитывавшие по разным оценкам от 800 до 3700 человек, подошли к г. Хиллсборо, где находился полуторатысячный милицейский корпус под командованием Трайоуа. Обе стороны проявили колебания и нерешительность. Результатом был мирный исход (*Key M. L. M. Op. cit.*, p. 90 - 91.). Ни одну из сторон этот исход не мог удовлетворить. Положение фермеров несколько не улучшилось, а власть не стала более прочной. Движение «регуляторов» разрасталось, и губернатор решил распустить законодательные собрания. Однако в результате новых выборов представители «регуляторов» вошли в состав законодательных собраний, а усиление в них оппозиции превратило собрания в арену острых политических дебатов. Более 250 человек подписали петицию, представленную на рассмотрение законодательного собрания графства Ансон. В этом документе, составленном, по-видимому, Г. Хазбедом, в наиболее полной форме были изложены требования «регуляторов» (*Bassett J. Op. cit.*, p. 186 - 187.) . Они заключались в следующем: 1) все выборы должны производиться путем тайного голосования; 2) налоги должны взиматься в соответствии с имущественным положением жителей колонии; 3) разрешается выпуск бумажных денег с предоставлением денежных ссуд под земельные участки; 4) пересматривается система оплаты судей и чиновников с переводом их на жалованье вместо гонорара; 5) производится справедливое распределение земельных участков, чтобы избежать злоупотреблений, в результате которых лучшие участки попадают в руки немногих богатых людей, а худшие достаются беднякам; 6) декларируется отмена феодальных повинностей в виде фиксированной ренты и выдачи земельных пожалований; 7) объявляется полная свобода церковных обрядов для представителей всех религиозных течений; 8) рекомендуется

назначение Б. Франклина либо какого-нибудь другого известного патриота представителем интересов Северной Каролины при королевском дворе в Англии (*Documents of American history, v. I. Ed. by H. S. Commager, 1958, New York, p. 68 - 70.*).

Эта петиция более чем какой-либо другой документ показывает понимание «регуляторами» задач революционно-освободительного движения североамериканских колоний против политики метрополии. «Некоторые из предложенных реформ, - отмечает Бассет, - предусматривали коренные перемены в управлении, а то, что в качестве возможного агента был назван именно Франклин, показывает, что была сделана попытка установить тесную связь с патриотическим движением» (*Ibid., p. 187.*). Подобные петиции, хотя и не так полно выражавшие программу фермерских выступлений, - некоторые из них касались лишь частных вопросов - были направлены законодательным собраниям других графств, окружным судьям и губернатору Трайону (*Papers, p. XVIII.*) .

Почти два года - с 1768 по 1770 - прошли в «петиционной» кампании. Эта кампания протекала негладко и далеко не всегда мирно (*Bassett J. Op. cit., p. 187 f.*) Податели петиций настаивали на рассмотрении их требований и принятии практических мер. Толпы недовольных собирались у зданий судов, от которых «регуляторы» требовали рассмотрения своих жалоб. Отказ властей от решения требований «регуляторов» вызвал ряд столкновений. Были разгромлены здания судов, избиты судьи и чиновники. Дома самых ненавистных высокопоставленных деятелей, ведавшего сбором налогов зятя губернатора Э. Фаннинга, а также судьи Р. Ген-дерсона, были сожжены. При попытке ареста двух «регуляторов» в графстве Доббс один колониальный чиновник был убит (*Papers, p. XXI; De Mond R. O. The loyalists of North Carolina during the revolution. Hamden, 1964, p. 40 - 43.*) .

В середине декабря 1770 г. губернатор Северной Каролины предложил законопроект о борьбе с мятежами, который был внесен на рассмотрение законодательной ассамблеи. Законопроект давал право окружным прокурорам возбуждать в судах высшей инстанции обвинение в участии в мятеже, объявлять вне закона неявившихся на суд и предоставлял губернатору право мобилизации вооруженных отрядов для борьбы с мятежниками. Поскольку большинство ассамблеи принадлежало к оппозиции, сочувствовавшей к требованиям «регуляторов», рассмотрение законопроекта было отложено. Вместо этого депутаты предложили рассмотреть проект реформ, устраняющих возможность злоупотребления властью. Однако, ссылаясь на то, что волнения продолжают воспользоваться известием о том, что крупный отряд «регуляторов» движется на столицу, губернатор настоял на ассигновании денежных средств для осуществления мер по защите города на незамедлительном одобрении отложенного законопроекта о мятежах, получившего название «кровавого акта» (*Boatner III M. M. Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966. p. 928.*).

Специальным рескриптом было создано большое жюри, составленное, по словам Трайона, «из самых уважаемых лиц» - представителей

колониальной аристократии. Члены этого жюри «с признательностью и единодушием» приняли предложение Трайона, заявив о своей готовности возглавить вооруженные силы, чтобы разгромить повстанцев. Они также подписали воззвание, которым декларировали создание «ассоциации», направленной на защиту «закона и порядка» (*Bassett J. Op. cit., p. 197.*). Губернатор отдал распоряжение о срочной мобилизации вооруженных отрядов милиции.

Собрав необходимые силы, Трайон предпринял военную экспедицию во «внутреннюю страну» (*Papers, p. XXII.*). 16 мая 1771 г. его отряды, насчитывавшие около тысячи человек пехоты, небольшой отряд кавалеристов и артиллерийское подразделение, атаковали лагерь «регуляторов» на р. Аламансе. Численно силы фермеров были превосходящими - около двух тысяч человек, но были плохо вооружены. Они не имели ни артиллерии, ни достаточного количества ружей. Главное же заключалось в том, что они оказались совершенно беспомощны в военном отношении, так как все их силы состояли из небольших разрозненных отрядов, не имевших ни общего военного руководителя, ни руководителя вообще. Среди повстанческих отрядов находился Г. Хазбенд, но как только был получен ультиматум губернатора с требованием немедленного роспуска отрядов и присяги на верность властям, когда стало ясно, что нет шансов на мирное решение, Хазбенд спешно покинул лагерь повстанцев (*Bassett J. Op. cit, p. 202-204; Boatner III M. M. Landmarks of the American revolution. Harrisburg, 1973, p. 333 - 334.*).

После интенсивной артиллерийской подготовки отряды Трайона перешли в наступление. Хотя небольшие группы стрелков, укрывшись за деревьями, оказали сопротивление, основная масса «регуляторов» была смята и обращена в бегство. По прошествии двух часов сражение при Аламансе закончилось победой «сил порядка». Несколько человек было арестовано. Один из них был тут же повешен. Через некоторое время состоялся суд, приговоривший к смерти еще 12 человек. 6 из них в «наказание» другим были подвергнуты публичной казни, остальных помиловали, чтобы не вызывать излишнего ожесточения (*Bassett J. Op. cit., p. 204 - 205.*).

В самой Северной Каролине выступления «регуляторов» не были поддержаны патриотическими силами, но в Массачусетсе и Пенсильвании, ставших к началу 70-х гг. важнейшими центрами революционно-освободительной борьбы, газеты поместили статьи, солидаризировавшиеся с движением фермеров (*Maier P. From resistance to revolution. Colonial radicals and the development of American opposition to Britain 1765 - 1776. New York, 1972, p. 197; Kay M. L. M. Op. cit., p. 103, 122.*).

Колониальные власти опасались, что массовые репрессии могут спровоцировать дальнейшее развитие движения протеста, с которым администрация не сумеет справиться. Эти соображения определили и тактику властей в соседней колонии - Южной Каролине, где также развернулось движение «регуляторов». В «пограничных» районах этой колонии не было ни избирательных участков, ни школ, ни судов.

Недовольство подогревалось тем, что жители «внутренней страны» были лишены элементарной безопасности. На «границе» процветали разбой и воровство. Крали коней и имущество, поджигали дома, убивали мужчин и насиловали женщин. Фермеры жестоко страдали от набегов бандитских шаек и обращались к властям с просьбой принять меры по поддержанию порядка, гарантировав безопасность их жизни и имущества. Важной причиной недовольства было также то, что фермеры «внутренней страны» вынуждены были платить высокие подати, по размеру ничуть не уступавшие налогам владельцев богатых плантаций риса и индиго в плодородных районах прибрежной полосы (*Подробное описание движения «регуляторов» Южной Каролины дано в исследовании: Brown R. M. The South Carolina regulators. Cambridge, 1963.*) .

Под влиянием усиления общей политической активности в колониях «регуляторы» Южной Каролины стали более настойчиво требовать удовлетворения своих жалоб. Губернатор арестовал руководителей движения и направил для усмирения повстанцев отряды милиции. Оказалось, что в их составе находились те самые воры и насильники, против которых обращены были жалобы фермеров. Впрочем, колониальная администрация довольно быстро поняла ошибочность этих действий. Властям пришлось освободить арестованных руководителей движения, отозвать вооруженные отряды милиции и удовлетворить некоторые требования «регуляторов». Таким путем было приостановлено развитие конфликта и удалось избежать вооруженного столкновения, как это случилось в Северной Каролине (*Jensen M. Op. cit., p. 29; A1den R. The South in the revolution 1763 - 1789. Baton Rouge, 1957, p. 151 - 152.*).

Движение «регуляторов» в Северной и Южной Каролине имело одинаковое происхождение. Что же касается исхода конфликта, то различие не было существенным, хотя в Южной Каролине и удалось избежать вооруженного столкновения. Практически ни в первом, ни во втором случае основные требования фермеров не были удовлетворены. Это предопределило поведение и роль, которую суждено было сыграть «регуляторам» и в целом фермерству в американской революции.

Движение «регуляторов» в Северной и Южной Каролине - двух расположенных по соседству южных колониях - в сущности представляло собой один очаг недовольства. Однако эти выступления нельзя рассматривать как локальное явление. Движение «регуляторов» имело значение для всех американских колоний. Этот факт с полной определенностью подтвердился аналогичными действиями фермеров в центральных колониях - Пенсильвании и Нью-Йорке.

Выступление пенсильванских фермеров было первым выступлением такого рода. К началу 60-х гг. в «пограничных» районах Пенсильвании проживало столько же жителей, сколько в прибрежной полосе. Однако количество представителей от западных графств в законодательной ассамблее было вдвое меньше, чем от восточных. В январе 1764 г. недовольство политикой колониальных властей вылилось в поход отряда «парней из Пакстона» («пограничного» поселения) на столицу колонии

Филадельфию. Это выступление не получило своего развития, так как высланные навстречу парламентарии обещаниями уступок уговорили «пограничников» вернуться назад (*Hindie B. The march of the Paxton Boys. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1946, v. 3, p. 461 - 486.*).

Иной оборот приняли события в Нью-Йорке. Если о движении «регуляторов» Северной Каролины можно сказать, что оно было крупномасштабным и самым продолжительным в период освободительной борьбы колоний против Англии, начавшейся после 1763 г., то аграрные волнения в Нью-Йорке продемонстрировали во всей остроте глубину конфликта между фермерами и теми, кто по воле короны пытался насадить в Америке исторически отжившие феодальные отношения. Конфликт в Нью-Йорке протекал в иных «географических» рамках. И здесь существовало противоречие Восток-Запад, но ожесточенные столкновения происходили повсеместно, на всей территории колонии. Фермерское движение в Нью-Йорке получило и иное наименование - «левеллеров» («уравнителей»). Но по сути своей выступления фермеров в разных колониях были однородными (*Mark I. Agrarian conflicts in colonial New York, 1711 - 1775. New York, 1940, p. 15.*).

Феодальные порядки в той или иной форме существовали в разных колониях, но в Нью-Йорке они, как справедливо полагают исследователи, мало отличались от европейского феодализма (*Ibid., p. 62, 75.*) . В этом, видимо, была одна из причин того, что в период революции Нью-Йорк являлся оплотом метрополии и власть британской короны здесь пала в последнюю очередь.

Колония Нью-Йорк была сравнительно малонаселенной. Будучи разделена на крупные феодальные поместья - маноры, она в меньшей степени, чем другие, подверглась колонизации мелких фермеров. Правда, и в Нью-Йорке земля захватывалась в порядке скваттерства, в особенности это касалось полосы районов, граничивших с Новой Англией, Пенсильванией и Нью-Джерси на Западе (*Lynd S. Class conflict, slavery and the United States constitution. New York, 1967, p. 27.*) . Конфликт в этих районах усугублялся деятельностью земельных спекулянтов, для которых феодальная регламентация являлась серьезным препятствием. В итоге аграрный конфликт в Нью-Йорке приобрел чрезвычайно сложный характер. Именно в Нью-Йорке, как ни в одной другой колонии решение этого конфликта требовало революционных преобразований, ибо противоречия здесь носили настолько острый, антагонистический характер, что разрешить их не могла никакая реформа.

Что же представляли собой на практике феодальные порядки в Нью-Йорке (при всей условности употребления этого термина применительно к Америке) и каким образом они приходили и столкновение с интересами фермерства? Все самые плодородные и благоприятные для ведения сельского хозяйства земли в устье р. Гудзон принадлежали крупным земельным собственникам. Огромные поместья Ливингстонов, Филпсов, Ван Кортландов, Ван Ренселлеров и других были дарованы английским королем своим приближенным как феодальное пожалование. Существовала

определенная форма вассалитета. Собственники владений платили ежегодную дань королю - своему сюзеру. Она носила, правда, символический характер. Например, Ван Кортланды, владевшие 86 тыс. акров земли, платили ежегодно 40 шиллингов, Филиппсы за 156 тыс. акров - 4 ф. ст. 12 шиллингов, Ливингстоны за 150 тыс. акров - 28 шиллингов, Ренселлеры за 1 млн. акров - 50 бушелей пшеницы и т. д. (*Ibid.*, p. 60.) В то же время сами они собирали несравненно большую дань с тех, кто арендовал у них землю. Например, Филиппсы в 60-х гг. сдавали в аренду около 10 тыс. акров и ежегодно получали около 200 ф. ст. арендной платы и фиксированной ренты (*Ibid.*, p. 71.) . Если учесть, что количество фермерских семей, арендовавших у них землю, равнялось 50, то получается, что каждый арендатор платил Филиппсам столько же, сколько они сами платили королю. Иными словами, то, что взыскивалось с одного фермера, позволяло владельцу выплатить дань своему сюзеру-королю. Остальное было чистой прибылью.

Не только порядок взимания платежей - одновременно арендной платы и фиксированной ренты, но и система аренды земли в Нью-Йорке давали повод для недовольства. «Гнет этих (нью-йоркских, - А. Ф.) лендлордов, отличавшихся безудержной алчностью, - пишет по этому поводу Г. Аптекер, - был особенно нестерпимым, потому что владения их представляли собой патронаты, т. е. фактически феодальные маноры; крестьяне, обрабатывающие землю, не могли и мечтать о том, что они когда-либо станут ее собственниками или собственниками того, что было сделано на ней с целью повышения продуктивности, не говоря уже о том, что они находились в непосредственном подчинении у магнатов-землевладельцев также и в отношении судопроизводства и политического представительства» (Аптекер Г. *Колониальная эра*, с. 77.) .

Приобретение фермерами земли в полную собственность было исключено существующими правилами. Можно было только арендовать ее. Земля сдавалась лишь на короткие сроки, в некоторых случаях всего на два-три года. Возобновление аренды не гарантировалось. В тех случаях, когда владелец хотел отделаться от нежелательных беспокойных поселенцев, он делал это без труда, отказываясь возобновить соглашение об аренде на новый срок. Практика такого рода отказов вошла в систему и широко использовалась для пресечения любых проявлений недовольства. Никакими правами фермеры-арендаторы не обладали. Избирательное право было предоставлено лишь земельным собственникам либо лицам, владевшим собственностью в 40 ф. ст. и более. Согласно утверждению американского историка Ч. Уильямсона, это давало возможность участвовать в голосовании немногим менее половины населения (*Williamson Ch. American suffrage: from property to democracy. 1760 - 1860. Princeton, 1968, p. 27.*). Более убедительным, однако, представляется вывод И. Марка о том, что «значительная часть взрослого белого мужского населения не имела права участвовать в выборах», а те, кто имел это право, были поставлены в такие условия, что вольно или невольно способствовали «дальнейшему усилению крупных земельных собственников» (*Mark I. Op. cit., p. 93.*). В результате в состав ассамблеи, как правило, избиралась богатая верхушка колонии. По данным Марка за 1750 - 1776 гг., более двух третей депутатов ассамблеи

состояли из владельцев крупных земельных поместий (*Ibid.*, p. 93.) . К аналогичному выводу пришел в своих исследованиях и один из наиболее авторитетных специалистов по данной проблеме Д. Т. Мейн. Произведенный им анализ имущественного состава ассамблеи, избранной в 1769 г., показывает, что 43% депутатов владели собственностью, оценивавшейся в 5 тыс. ф. ст. и более, столько же депутатов имели от 2 до 5 тыс. ф. ст., а остальные - от 500 до 2 тыс. ф. ст. (*Main J. T. Government by the people. The American revolution and the democratization of the legislatures. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1966, v. 23, p. 394.*)

Такая же картина наблюдалась и во всех остальных звеньях власти. Губернаторами были только крупные собственники. Губернаторский совет состоял из земельной аристократии, хотя и был дополнен в 1758 г. несколькими представителями купечества. В связи с этим Мейн справедливо заметил, что в совете безраздельно господствовала «элита», или «высший класс» (*Main J. T. Social origins of a political elite. The upper house in the Revolutionary era. - Huntington library quarterly, 1964, v. 27, p. 155.*). Чиновники местного правительства подбирались по принципу родства и по рекомендации земельных собственников. Судебные должности, если не передавались по наследству, то во всяком случае предоставлялись с учетом родственных и деловых связей. Семьи богатых собственников были связаны между собой родством (*Lynd S. Op. cit., p. 27 - 28.*) . «Крупные земельные собственники, - отмечает И. Марк, - усиливали свой контроль над экономической и политической жизнью, используя сложные матримониальные связи» (*Mark I. Op. cit., p. 87.*) .

Таким образом политическая власть в Нью-Йорке оказалась сосредоточена в руках земельной олигархии, установившей свою ничем не ограниченную власть (*Lynd S. Op. cit, p. 27.*) . Британская корона сознательно насаждала и активно поддерживала этот порядок. Вся система рассчитана была на то, чтобы воздвигнуть прочный барьер, закрывающий путь проявлениям какого-либо недовольства.

Сильным ударом по этой системе явилось восстание фермеров 1766 г. Первыми поднялись арендаторы Фшишпсов в графстве Датчес во главе с Уильямом Прендергастом, затем фермеры Ван Кортландов в графстве Уестчестер и арендаторы Ливингстопов в Датчесе. Сначала это были десятки повстанцев, потом сотни и даже тысячи. В течение нескольких месяцев восстание приобрело такие масштабы, что превратилось в серьезную угрозу собственности и власти в Нью-Йорке. Так же, как и в Северной и Южной Каролине, это движение не имело четко очерченной программы. Главные требования повстанцев заключались в предоставлении им гарантированного права пользования землей: в одних случаях долгосрочной аренды, в других - свободного владения, отмены долговых обязательств и феодальных повинностей. Определенная часть фермеров рассчитывала, что их требования могут быть решены путем обращения в суд. Однако большинство было настроено воинственно и не верило в добрую волю властей.

Прендергаст и его сподвижники выступили за равенство прав на землю для всех. Они заявляли, что не нужно строить иллюзий - суд не восстановит справедливости, ибо ему безразличны интересы бедняков. «Бедный человек всегда испытывал насилие со стороны богатого», - говорил Прендергаст. Провозглашенное повстанцами «естественное право бедного на равное владение землей с богатым» пользовалось широкой поддержкой. «Несколько сот арендаторов, - говорилось в одном из тогдашних сообщений, - присоединились к левеллерам. Они готовы лишиться владения одних и предоставить в собственность землю другим без уплаты ренты или налога» (*Mark I. Op. cit., p. 136. 140; Lynd S. Op. cit., p. 27.*). Фермерские выступления в Нью-Йорке были поддержаны в соседних графствах колотит Нью-Джерси и Коннектикута, где несколько тысяч человек подписали петицию с требованием отмены долгов, а отряды бедняков в этих колониях также участвовали в демонстрациях и нападениях на суды.

Фермеры поджигали усадьбы собственников, угрожали расправой судьям и чиновникам. В тех случаях, когда предводителей повстанцев захватывали и сажали в тюрьму, удержать их в заключении было непростым делом. Слух о пленении повстанческих вожakov распространялся мгновенно. Толпа вооруженных фермеров окружала тюрьму и силой освобождала их из-под стражи. Нападения фермеров на тюрьмы в Нью-Йорке были таким же распространенным явлением, как в Северной Каролине в разгар движения «регуляторов» (*Papers, p. XIX, XX.*). Силы повстанцев, однако, и в Нью-Йорке были плохо организованы. Выступления фермеров носили стихийный характер. Между тем колониальные власти приняли спешные меры. В район волнений были отправлены регулярные части британской армии. Прендергаст с ближайшими сподвижниками был схвачен и заключен в тюрьму. Наиболее активные участники фермерских выступлений предстали перед Верховным судом. Из 9 человек, разбиравших их дело и участвовавших в вынесении приговора, не было ни одного беспристрастного лица. Все они принадлежали к числу крупнейших земельных собственников. Здание, где в течение двух недель происходил суд, было оцеплено плотным кольцом регулярных частей. 60 - 70 участников были приговорены к тюремному заключению, денежным штрафам и иным видам наказания (*Mark I. Op. cit, p.*).

Суд над Прендергастом продолжался 24 часа. Обвиняемый мужественно и стойко защищался. Приговор был скорым и беспощадным: повесить, затем обрубить веревку и казнить вторично четвертовать, вырезать внутренности, сжечь их. отрезать голову, разрубить тело на части и развеять прах.

Постановление суда подлежало утверждению короля, но из Лондона через некоторое время пришел приказ помиловать Прендергаста. Многим тогда жест британского монарха показался странным. Однако в решении короля был заложен элементарный расчет - расколоть оппозиционные силы (*Ibid., p. 146 - 148.*). К этому следует добавить, что среди колониальной администрации далеко не все считали оправданной суровую расправу над участниками фермерских выступлений, в особенности учитывая тот факт, что активисты антибританских кампаний бойкота оставались

безнаказанными. Помощник губернатора К. Колден так и писал тогда, что, хотя он «далек от мысли оправдывать» повстанческие действия фермеров, но не может не отметить «разницы» в подходе к участникам фермерских выступлений и к тем, кто «в течение нескольких месяцев» участвовал в «самых опасных восстаниях» против власти короля и парламента «без какой-либо попытки подавить их, а скорее при активной общественной поддержке» (*Ibid.*, p. 151.) . То же самое в сущности отмечал и командующий британскими войсками генерал Гейдж, полагавший, что движение против «гербового сбора» породило фермерские выступления. Гейдж считал, что земельные собственники не заслуживают сострадания в связи с понесенными ими потерями из-за фермерских восстаний, ибо в свое время они не оказали должного отпора участникам антибританских выступлений. «Им поделом любой убыток, если они его понесли, - писал Гейдж в Лондон, - так как это дело их собственных рук. Сначала они посеяли среди народа семена подрывных действий и научили его выступать против закона. То, что происходит сейчас, - лишь следствие того, что можно было легко предвидеть после буйства по поводу гербового сбора» (*Т. Гейдж - Т. Конвею, 24 июня 1766 г. - The correspondence of general Thomas Gage with the secretaries of State 1763 - 1775. v. I. Ed. by C. E. Carter. New Haven, 1931, p. 95.*) .

Амнистируя Прендергаста, британское правительство, как отмечалось, преследовало далеко идущие цели. Этим целям оно осталось верным и впоследствии, уже после начала войны за независимость. Известный пробританскими настроениями крупный нью-йоркский купец Джон Уотс спустя два с лишним года после начала войны даже рекомендовал английскому правительству воспользоваться недовольством фермеров, чтобы привлечь их на свою сторону. Он советовал издать королевский указ, освобождающий арендаторов от феодальных повинностей, объявить их свободными собственниками, при условии, что те принесут королю присягу и с оружием в руках выступят против землевладельцев, изменивших короне (*Mark I. Op. cit., p. 13.*).

Движение «регуляторов» - «левеллеров» в Америке не получило широкого распространения, ибо за Аллеганями на Западе лежали огромные пространства свободных, еще неколонизованных земель. Никакой, даже самый сложный аграрный конфликт в Америке не достигал такой остроты, как это было в странах Старого Света, ибо там при любом перераспределении земель крестьяне продолжали страдать от земельной тесноты. В Америке Запад был и в колониальный период, и в дальнейшем в течение более чем ста лет своего рода отдушиной при всякого рода столкновениях и классовых конфликтах. Показательно, что непосредственным результатом поражения фермерских выступлений в Нью-Йорке, Северной и Южной Каролинах было переселение фермеров на новые западные земли (*Boatner III M. M. Landmarks of the American revolution, p. 334.*). Это бегство на «свободные» земли происходило стихийно. Но объективно заселение Запада, учитывая, в частности, британский запрет селиться за Аллегань, представляло собой акт революционного значения.

Фермерские выступления 60-х - начала 70-х гг. при всех своих особенностях по существу мало чем отличались друг от друга, выражая

протест против колониальных порядков, экономического угнетения и политического бесправия. Несмотря на специфику социально-экономического, географического и политического положения Нового Света, фермерские выступления в Америке имели много общего с крестьянскими выступлениями в Европе. И тем, и другим в полной мере присущи были черты, характерные аграрным мелкобуржуазным движениям. Они были широкими по своим масштабам, но стихийными и плохо организованными.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что отличительной чертой крестьянского движения является его стихийный характер. Вместе с тем он подчеркивал, что «стихийный элемент» представляет собой не что иное, как «зачаточную форму сознательности». Указывая на наличие в крестьянстве революционных элементов, он писал, что «и примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности» (*Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. П. с. 29 - 30.*) . Эти ленинские определения имеют прямое отношение к характеристике фермерских выступлений в Америке.

Фермерские отряды не раз прибегали к оружию. Однако в массе повстанцев постоянно жила вера в «добрых» правителей. В 1765 г. фермеры графства Грепвиль, жалуясь на «самые злостные и нетерпимые злоупотребления», заявляли тем не менее, что по подвергают сомнению ни форму правления, ни существующие законы, а выступают лишь против «дурных действий» чиновников (*Papers, p. XVII.*). В Северной и Южной Каролинах, Пенсильвании и Нью-Йорке податели жалоб п петиций апеллировали к «доброй воле» властей в надежде на то, что именем короля будет восстановлена справедливость (*Lynd S. Op. cit, p. 28.*) .

Развиваясь параллельно с ростом антибританского патриотического движения, фермерские выступления проходили обособленно. Наряду с тем, что уже было сказано по этому поводу, одна из причин такого положения заключалась в том, что лидеры патриотического движения, прежде всего те из них, кто принадлежал к зажиточным слоям восточного побережья, отнюдь не собирались объединяться с фермерами Запада и даже поддерживали карательные меры властей. В Северной Каролине, например, те самые лица, которые командовали карательными отрядами в годы войны за независимость, находились на руководящих должностях в американской армии. В Нью-Йорке один из активных участников «Сынов свободы» входил в состав судебной коллегии, рассматривавшей дело Препдергаста.

Мы уже видели, что в Лондоне понимали потенциальную опасность объединения фермерского движения с патриотическими силами и делали все возможное для того, чтобы не дать им объединиться. Ради этого британская корона иной раз проявляла снисхождение к повстанцам, не доводя дела до казней и рекомендуя местной администрации проявлять сдержанность. Надо сказать, что в какой-то мере ей это удалось, так как в годы войны за независимость некоторые участники фермерских выступлений 60-х - начала 70-х гг. устранились от участия в конфликте, а кое-кто даже выступал на стороне Англии (*De Mond R. O. Op. cit., p. 48 - 50.*) .

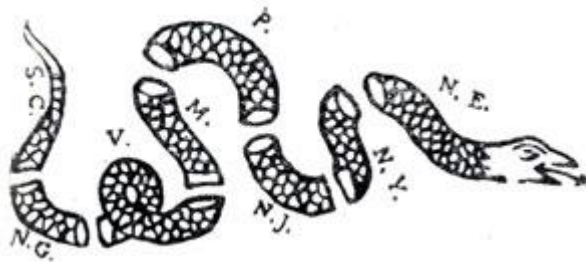
Представители буржуазной историографии США, умаляющие значение социального размежевания сил и классовых истоков американской революции, пытаются доказать, будто фермеры в своем большинстве выступали на стороне консервативного лагеря. Подобного рода вывод не подтверждается фактами (См.: Аптекер Г. *Американская революция*, с. 84 - 85).

История свидетельствует об обратном: большинство участников фермерских выступлений приняли активное участие в революции на стороне вигов и лишь ничтожно малое число - на стороне тори. Так, например, было установлено, что из обнаруженных 888 имен «регуляторов» Северной Каролины 323 активно участвовали в войне за независимость. Из них 289 на стороне революции и только 37 против (*Alden J. R. Op. cit., p. 162.*). К аналогичному выводу пришел Р. М. Браун, исследовав соответствующие данные по Южной Каролине. «Большинство «регуляторов» Южной Каролины, - пишет он, - стали позднее вигами и во время революционной войны сражались за Америку против Англии и южпокаролинских тори» (*Brown R. M. Violence and the American revolution. - In: Essays on the American revolution, p. 107.*). То же самое относится к участникам фермерских выступлений в Нью-Йорке (*Lynd S. Op. cit, p. 33.*).

Подводя итоги сказанному, следует решительно подчеркнуть, что фермерские выступления 60-х - начала 70-х гг. явились одним из важнейших факторов демократического движения в колониях. Этот вывод имеет принципиальное значение, так как определение места и значения фермерского движения как активной революционной силы дает возможность правильно понять расстановку сил в колониях. У. З. Фостер отмечал, что мелкие фермеры, составлявшие большинство населения колоний, оказали «основное» влияние на ход революционной борьбы (*Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 175.*).

Британский командующий генерал Гейдж, оценивая соотношение сил освободительного движения в Массачусетсе за несколько месяцев до начала вооруженного восстания, писал, что «не бостонская чернь, а землевладельцы и фермеры» являются главным источником «ярости» (*Т. Гейдж - У. Дартмуту, 2 сентября 1774 г. - The correspondence of general Thomas Gage, v. I, p. 371.*). Следует, однако, помнить, что в отличие от других колоний в Массачусетсе городское и сельское движения были связаны теснее и выступали согласованнее. Фермерское движение в Массачусетсе развивалось под сильным влиянием местной организации «Сынов свободы», руководитель которой С. Адамс неоднократно обращался к фермерам за поддержкой, призывая их активно участвовать в патриотической кампании. Это стремление к сближению между двумя потоками освободительного движения - сельского и городского - имело большое значение для исхода борьбы за независимость.

Глава пятая. НАКАНУНЕ РАЗРЫВА С МЕТРОПОЛИЕЙ

Американская карикатура, символизирующая обострение конфликта между колониями (змея) и метрополией (дракон). Гравюра начала 70-х гг. XVIII в.

В Америке отношение к отмене Актов Тауншенда в отличие от реакции на отмену гербового сбора было гораздо более сдержанным. Не было ни восторгов, ни прежнего оптимизма, что этот шаг приведет к коренному пересмотру британской политики. Вместе с тем отмена Актов Тауншенда была воспринята как уступка со стороны английского правительства. В известной степени патриотические силы добились своей цели. Тем не менее едва ли может быть признан обоснованным вывод ряда американских историков о том, что в результате отмены Актов Тауншенда освободительное движение оказалось в состоянии кризиса или даже грани банкротства (*Jensen M. The founding of a nation. A history of the American revolution 1763 - 1776. New York - London, 1968, chaps. XIII - XIV; Miller J. C. Origins of the American revolution. Stanford. 1966. chap. XIII.*) .

Затишье было временным, и оно не ликвидировало противоречий, лежавших в основе англо-американского конфликта. В полном объеме возобновилась торговля с Англией. В 1771 г. был достигнут рекордный уровень в 4200 тыс. ф. ст. Купечество, сильно страдавшее от бойкота, встретило эту перемену с удовлетворением. Однако торговые круги и патриотические организации выражали озабоченность по поводу сохранения пошлины па чай. Население стало бойкотировать чай, производимый в британских колониях, который ввозился на судах Ост-Индской компании. Предпочтение отдавалось голландскому чаю, которым торговали контрабандисты. (1 новой силой вспыхнула деятельность «Сынов свободы». Их действия приобрели значительно большие масштабы (*Maier P. From resistance to revolution. Colonial radicals and the development of American opposition to Britain, 1765 - 1776. New York, 1972. p. 275 - 278.*) . Каким бы незначительным пи казался на первый взгляд вопрос о пошлине на чай, именно он стал поводом для дальнейшего углубления конфликта с метрополией. Именно этот вопрос оказался предметом самых острых столкновений.

Другим серьезным поводом, вызвавшим усиление антибританских выступлений в колониях, оказался конфликт по вопросу о том, каким образом будут оплачиваться представители королевской администрации - губернаторы, судьи и другие колониальные чиновники: будут ли они, как прежде, получать свое жалованье с согласия законодательных ассамблей или Англия станет оплачивать их сама.

Этот вопрос уже был предметом острых разногласий между колониями и метрополией. Провозгласив Акты Тауншенда, Англия объявила о намерении выплачивать жалование королевской администрации из средств, собираемых в качестве вновь введенных налогов. Лидеры патриотического движения тогда же оценили эту меру как далеко идущее средство, рассчитанное на лишение колоний дарованных им прав и полное их закабаление. Поэтому Д. Отис заявлял, что деньги, собранные от новых налогов, предпочтительнее выбросить в океан, чем пустить на уплату жалования британским чиновникам (*Miller J. C. Origins of the American revolution, p. 256.*).

Отменив Акты Тауншенда, английское правительство временно сняло этот вопрос с повестки дня. Однако год спустя, в 1772 г., Англия вновь вернулась к первоначальному плану, рассчитанному на то, что губернаторы, судьи и другие чиновники будут оплачиваться из средств королевской казны и смогут, таким образом, совершенно не считаться с решениями законодательных ассамблей. С утратой права вотировать средства на содержание королевских чиновников ассамблеи практически теряли всякое на них влияние. Однако и новая британская акция оказалась тщетной: правительство Англии добилось прямо противоположных результатов, ибо в колониях началось движение за формирование собственных органов власти. Именно решение Англии лишить законодательные ассамблеи права вотировать средства на содержание королевской администрации явилось непосредственным поводом для предложения создать своего рода комитет по восстановлению прав колонистов, инициатива которого принадлежала С. Адамсу. Хотя эта идея и не сразу встретила поддержку, в конечном итоге Адамс добился одобрения своего проекта. В ноябре 1772 г. в Бостоне начал действовать первый Комитет связи.

Для освободительного движения американских колоний против Англии это был весьма важный шаг, а инициатор создания первого Комитета связи, явившегося прообразом новой революционной власти, Сэмюэл Адамс - в высшей степени примечательной фигурой. Адамс представлял собой как бы следующий этап в эволюции взглядов руководства освободительным движением - этап, который характеризовался решительным шагом к разрыву с метрополией и независимости колоний. Как политический деятель он существенно отличался от таких сторонников умеренной доктрины начального периода освободительного движения, как Д. Отис, которые занимались главным образом теоретическим обоснованием прав колонистов, а в практических делах были весьма непоследовательны, придерживаясь консервативных принципов (*Согрин В. В. К идейным истокам войны за независимость США. - Вопросы истории, 1975, № 9, с. 54 - 56; Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. Т. Т. Пер. с англ. М., 1962, с. 304 - 320.*).

С. Адамс являлся представителем левого буржуазного крыла освободительного движения, находясь в его авангарде и выступая в роли застрельщика наиболее радикальных антибританских акций. Еще в 1768 г. он писал в «Бостон газетт», что считает бессмысленным обращение к

британскому парламенту и переговоры с английскими властями. По его мнению, только сила могла избавить американцев от произвола и деспотизма метрополии. В борьбе против колониального гнета он призывал опереться на народ (*The writings of Samuel Adams. V. I. Collected and ed. by H. A. Gushing. New York - London, 1904, p. 240.*) . «Признание народных масс решающей силой сопротивления Англии не означало, впрочем, - пишет В. В. Согрин, - что С. Адамс отождествлял цели патриотического движения с интересами народа... С. Адамс лишь лучше других представителей своего класса понимал, что уничтожения колониального гнета, в чем были заинтересованы и буржуазия, и народ, нельзя добиться без союза с последним и без опоры на него» (*Согрин В. В. Указ. соч.. с. 64.*) . В соответствии с этой политической доктриной он постоянно стремился к тому, чтобы действия масс не переходили определенных границ, считавшихся допустимыми с точки зрения руководства «Сынов свободы», в качестве представителя которого он и действовал. Адамс решительно выступал против верховных прав британской короны. Но не менее решительно возражал он против уравнилельных идей массового движения (*The writings of Samuel Adams, v. III, p. 126.*).

Какими бы радикальными ни были воззрения С. Адамса, как бы решительно он ни действовал во главе массовых выступлений, его постоянная забота заключалась в том, чтобы не допустить «буйства» «толпы» и не дать «низам» выйти за рамки, допустимые с точки зрения таких, как он, буржуазных радикалов. Томас Джефферсон называл Адамса «истинным революционером» (*Miller J. C. Sam Adams. Pioneer in propaganda. Stanford. 1969, p. 343.*) . Французский путешественник маркиз Де Шастелло позднее писал: «В Европе все знают, что он был главным сторонником революции» (*Marquise de Chastellux F.-J. Travels in North America. Ed. by H. C. Rice, Jr. Chapel Hill, 1963. p. 142*) . Американский историк Д. Миллер отмечает, что Адамс «провоцировал кризисы», которые вели к отделению колоний от метрополии, и сознательно направлял их к независимости. Д. Миллер делает, однако, при этом существенную оговорку: во всех случаях массовых выступлений Адамс, оставаясь порой «за сценой», стремился удержать в руках нити, управлявшие действиями «толпы», чтобы не утратить контроля, и остаться во главе (*Miller J. C. Sam Adams, p. 144, 152, 276.*) . К аналогичному выводу пришел представитель «новых левых» У. Э. Уильямс, объясняющий радикализм Адамса тем, что уже в 1769 г. последний «вне всяких сомнений» решил добиваться независимости (*Williams W. A. Samuel Adams: calvinist, mercantilist, revolutionary.- In: Studies on the Left, v. I. New York. 1960, p. 52.*). Другой американский историк Д. М. Бамстед, как бы оспаривая мнение У. Э. Уильямса заявляет, что никто не был «первооткрывателем» американской независимости, ибо вопрос этот якобы был поставлен в повестку дня чуть ли не сразу после образования первых американских поселений и его обсуждением занимались задолго до 70-х гг. XVIII в., начиная со второй трети XVII столетия. Хотя некоторые сракты, приведенные Бамстедом, представляют бесспорный интерес, в целом его трактовка выглядит малоубедительной (*Bumstead J. M. Things in the womb of time: ideas of American independence 1633 - 1763. - William and Mary quarterly, 3d ser.. 1974, v. 31, p. 533 - 564*) .

Вопрос о роли С. Адамса недавно подвергся специальному рассмотрению в статье П. Майер (*Maier P. Coming to terms with Samuel Adams. - American historical review, 1976, v. 81, p. 12 - 37.*) . Несмотря на некоторое преувеличение в оценках и непоследовательность в выводах, ее исследование заслуживает особого внимания, так как отличается от работ многих буржуазных авторов более реалистическим подходом. П. Майер называет Адамса первым, кто занялся поиском путей к независимости и выступил в роли пропагандиста революции (*Ibid., p. 18.*) . В подтверждение своего тезиса американская исследовательница приводит выдержки из газетной статьи Адамса, а также цитирует его частное письмо. В октябре 1769 г. Адамс провозгласил со страниц «Бостон газетт», что столкновение между метрополией и колониями чревато в конечном итоге распадом Британской империи (*Ibid., p. 20.*) . Два года спустя он писал одному из своих друзей: «Отныне у меня уже нет больших надежд. Я считаю, что Америка сама с божьей помощью в конце концов найдет путь к собственному спасению» (*С. Адамс -А. Ли, 31 октября 1971 г. - The writings of Samuel Adams, v. I, p. 387.*) . П. Майер не без оснований считает, что Адамс в совершенстве овладел «техникой» управления массовым движением. «Он ответствен, - пишет она, - за действия толпы и акты массового насилия». Однако и П. Майер вынуждена признать, что Адамс занимал при этом вполне определенную классовую позицию, осуждая «незаконное разрушение частной собственности» (*Maier P. Coming to terms with Samuel Adams, p. 25.*) . Сам он в личной переписке подчеркивал, что считает «народное восстание» оправданным только как крайнюю меру. Адамс допускал разрушение собственности лишь «осмотрительным» и «рациональным» путем, после того как исчерпаны иные средства. Народ вправе действовать, писал он, если поведение власть имущих более ничего не оставляет. Причем он считал это оправданным лишь в интересах «гарантии всеобщей собственности» (*The writings of Samuel Adams, v. III. p. 83 - 84; v. I, p. 59 - 60.*) . Комментируя эти слова, П. Майер отмечает, что «толпа» вовсе не была его излюбленным «средством действия» и что он не был «сторонником насилия», предпочитая мирные демонстрации и полемику в газетах (*Maier P. Coming to terms with Samuel Adams, p. 25 - 26.*) . Такая характеристика дает довольно верное представление о политической позиции С. Адамса, сыгравшего выдающуюся роль в патриотическом движении.

Начало 70-х гг. - период наибольшей активности С. Адамса как деятеля радикального толка. Именно в это время в ноябре 1772 г., по его инициативе и при непосредственном активном участии создается и начинает действовать бостонский Комитет связи. 20 ноября 1772 г. Комитет направил городскому митингу Бостона декларации «О правах колонистов» и «Перечень нарушений этих прав», а также воззвание к другим городам Массачусетса с призывом оказать ему поддержку (*The writings of Samuel Adams, v. II, p. 369 - 374.*) . Документы эти были единодушно одобрены участниками митинга, а призыв Бостона к другим городам нашел незамедлительный отклик. Около 80 городов Массачусетса поддержали инициативу Бостона и создали свои Комитеты связи. Вскоре примеру массачусетцев последовали и другие колонии. В марте 1773 г. был организован Комитет связи в Виргинии, к июлю такие комитеты появились в Род-Айленде, Коннектикуте,

Нью-Гэмпшире и Южной Каролине. Между Комитетами связи установились постоянные сношения. Как сами патриоты оценивали это событие, можно видеть из высказывания одной из колониальных газет того времени. «Союз колоний, который сейчас основан, - писала «Нью-Гэмпшир газетт» 2 июня 1773 г. - имеет важное и очень большое значение для нашего континента. Союз обеспечит нашу безопасность от всех внешних врагов... Объединенные американцы могут бросить вызов всем своим врагам, как открытым, так и тайным. Поэтому каждый должен знать, что необходимо делать, чтобы союз колоний был крепким и долговечным» (*Howard G. E. Preliminaries of the revolution 1763 - 1775. New York - London, 1905, p. 258.*) . Создание Комитетов связи и установление между ними постоянных сношений было действительно важным шагом в деле сплочения патриотических сил и консолидации освободительного движения (*См.: The writings of Samuel Adams, v. II, p. 380, 393 - 395; v. III, p. 28, 42 - 43, 50, 69-70.*). «Все мы, колонии,- писал по этому поводу С. Адамс, - находимся в одной лодке. Наши свободы одинаково попираются одной и той же надменной державой». В условиях борьбы против нее все «должны быть своевременно осведомлены об особых обстоятельствах каждого, чтобы во всех отдельных случаях использовать надлежащим образом общую мудрость и силу». В качестве примера Адамс ссылаясь на гражданскую войну и кровопролитие «у наших братьев в Северной Каролине». «Как странно, - восклицал он, - что наиболее полная информация, которую мы получили об этом происшествии, дошла до нас из Англии!». Количество Комитетов связи в разных городах, отмечал Адамс, «растет изо дня в день» (*Адамс - Г. Ли. 10 апреля 1773 г. - Ibid., v. III, p. 25 - 26.*) . Действительно, Комитеты раскинули сеть своих нелегальных организаций по всей территории колоний. Они выступили как «средство организации революционных сил» (*Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., 1963, с. 168.*) . Создание Комитетов связи происходило в условиях нарастания сопротивления колоний. Борьба против пошлины на чай приобрела характер политической кампании, в которой принимали участие широкие массы колонистов. Население отказывалось потреблять облагаемый пошлиной чай, предпочитая покупать его у контрабандистов. Борьба против чайной пошлины не ограничивалась пассивным бойкотом, а сопровождалась активными действиями. В июне 1772 г. группа патриотов совершила вооруженное нападение на английский восьмипушечный фрегат «Гэспи» и уничтожила его. Капитан «Гэспи», стяжавший себе славу преследователя контрабандистов, был ненавистен жителям Новой Англии. Поэтому, когда стало известно, что «Гэспи» сел на мель вблизи Провиденса, группа вооруженных людей пробралась под покровом ночи к судну, взяла в плен экипаж, тяжело ранив при этом капитана, а затем подожгла судно. Британские власти провели специальное расследование инцидента, но оно не дало никаких результатов (*Schlesinger A. M. The colonial merchants and the American revolution. New York, 1931). p. 252 - 253.*).

В мае 1773 г. английский парламент принял так называемый «чайный закон», согласно которому английская Ост-Индская компания получала право льготной торговли чаем в североамериканских колониях. Изданием этого закона правительство Англии стремилось облегчить финансовое положение Ост-Индской компании.

Долгое время Ост-Индская компания считалась наряду с Английским банком самым могущественным деловым предприятием Великобритании. Она контролировала значительную часть английской внешней торговли, а с середины XVIII в. главным объектом ее коммерческой деятельности стали сделки по продаже чая, приносявшие девять десятых прибыли всех торговых операций (*Labaree B. W. The Boston tea party. London-New York, 1970, p. 58 - 59.*).

Со временем, однако, у компании появились серьезные трудности в результате конкуренции с купцами-контрабандистами, не платившими пошлины и имевшими поэтому возможность про давать чай по более низкой цене. Таким образом, торговая монополия Ост-Индской компании, которую в свое время ей предоставило британское правительство, оказалась подорванной. Даже в самой Англии на ее долю приходилось лишь около половины импортируемого чая, а остальное доставлялось контрабандным путем. Что же касается североамериканских колоний, то там по мере развития политического кризиса в отношениях с метрополией положение Ост-Индской компании резко ухудшилось. Объем торговли сократился и доходы уменьшились. Компания терпела большие убытки, и вопрос о ее дальнейшей судьбе стал предметом специального рассмотрения британским кабинетом и парламентом. К этому времени на складах Ост-Индской компании скопились огромные запасы чая общим весом 18 млн. фунтов (*Ibid., p. 67.*) . Обращаясь с петицией в парламент с просьбой предоставить ей льготные условия торговли чаем в Америке, Ост-Индская компания рассчитывала тем самым выйти из кризиса. В разрешении последнего было непосредственно заинтересовано и британское правительство, ежегодно получавшее отчисление от доходов компании в виде уставовленной крупной суммы (*Ibid., p. 66 - 78; Spsin J. M. Agents and merchants. British colonial policy and the origins of the American revolution 1763 - 1775. Lincoln, 1965, p. 164.*).

Предоставляя Ост-Индской компании право беспошлинного ввоза в Америку, инициаторы «чайного закона» рассчитывали тем самым лишить американских контрабандистов, доставлявших чаи из Голландии, возможности конкурировать с легальной английской торговлей. Между тем торговля чаем была важнейшей статьей дохода контрабандистов. Ежегодное потребление чая в колониях исчислялось суммой в 300 тыс. ф. ст., и почти все то количество доставлялось контрабандистами. Наряду с ликвидацией пошлины па чай новый закон разрешал Ост-Индской компании сбывать чай в Америке через своих собственных агентов непосредственно торговцам в розницу, минуя колониальных купцов-оптовиков. Таким образом, это был удар как по колониальным торговцам контрабандой, так и по купцам-перекупщикам (*Schlesinger A. M. Op. cit. p. 249, 250; Green E. B. The revolutionary generation. New York. 1943. p. 199.*) . Изданием «чайного закона» английское правительство рассчитывало в то же время привлечь на свою сторону широкую массу колониальных потребителей, так как новый закон должен был повлечь за собой снижение цены на чай почти вдвое. И в данном случае руководители британской политики рассчитывали использовать излюбленный прием «разделяй и властвуй»: ударить по купцам и, вместе с тем сделав видимость уступки, попытаться привлечь на свою сторону американских потребителей и внести таким образом раскол в

ряды освободительного движения. Однако и этот новый маневр метрополии потерпел неудачу. Колониальные купцы, особенно те их группы, которые были связаны с контрабандной торговлей, выдвинулись в ряды наиболее активных застрельщиков борьбы против Англии и заняли видное место в руководстве патриотическими силами. Широкие же массы колонистов с негодованием отвергли попытку метрополии подкупить их снижением цены на чай. Британские министры, по словам Б. Франклина, даже «не представляли себе», что «какой-то народ может руководствоваться иными принципами, чем материальные интересы». Они полагали, что более низкая цена чая Ост-Индской компании окажется «достаточным средством, чтобы покончить со всяким патриотизмом в Америке» (Б. Франклин - Т. Кашингу, 4 июня 1773 г. In: *The writings of Benjamin Franklin with a life and introduction*, v. VI. Ed. by A. H. Smith. New York, 1907, p. 57.) . В этом, однако, как показали ближайшие события, они глубоко заблуждались. Кампания бойкота британских товаров получила еще более широкий размах. Что же касается чая, то патриотические организации приняли решение вообще не допускать его выгрузки на американский берег.

В Чарлстоне патриоты заставили агентов Ост-Индской компании отказаться от возложенных на них обязанностей, и партия уже выгруженного чая в течение нескольких лет пролежала в портовом складе, пока не была реквизирована в пользу революции. В Нью-Йорке и Филадельфии в результате выступлений патриотов прибывшие в эти порты с грузами чая суда Ост-Индской компании вынуждены были, не разгрузившись, отправиться обратно в Лондон (*Schlesinger A. M. Op. cit., p. 279 - 281, 290 - 294*) В Бостоне борьбу против ввоза чая возглавил Комитет связи во главе с Самюэлем Адамсом при активном участии местной организации «Сынов свободы». Когда в декабре 1773 г. в Бостонский порт была доставлена крупная партия чая, принадлежавшая Ост-Индской компании, патриоты решили любым путем помешать выгрузке. Стяжавший себе к этому времени широкую популярность герой инцидента с «Либерти», «король» бостонских контрабандистов Хэнкок вместе с Сэмюэлем Адамсом возглавили группу людей, которые, переодевшись в индейское платье, ночью пробрались на суда и выбросили чай в море (*Labaree B. W. Op. cit., chap. VII.*) . Этот новый инцидент, известный в истории под названием «бостонского чаепития», вызвал в колониях прилив революционной активности. Сообщая в частном письме об этом «замечательном событии, какого еще не было со времени начала нашей борьбы за американскую свободу», С. Адамс отмечал, что оно вызвало «всеобщую радость». Повсюду, писал он. «горящие глаза» и «возбужденные лица» (*С. Адамс - А. Ли, 31 декабря 1773 г. In: The writings of Samuel Adams, v. III, p. 73 - 76.*).

'Бостонское чаепитие' 16 декабря 1773 г. Гравюра XVIII в.

Неудивительно, что в Англии известие о «бостонском чаепитии» вызвало иную реакцию. В правящих кругах Лондона оно было встречено приступом бешеной ярости. Несмотря на оппозицию вигов, убеждавших парламент сделать еще одну попытку мирного разрешения конфликта, правительство стало на путь репрессий. Было издано четыре, как их называли в Англии, «репрессивных акта». Комментируя эту меру, С. Адамс писал, что «уничтожение чая - лишь предлог для беспрецедентной жестокости» в отношении американцев. «Подлинная причина» заключалась в «противодействии тирании», которым «прославили себя» жители Бостона (С. Адамс - А. Ли, 25 января 1774 г. In: *Ibid.*, p. 79.).

Согласно первому «репрессивному акту», изданному в марте 1774 г. в наказание за выброшенный в море чай Ост-Индской компании, бостонский порт был объявлен закрытым (*Documents of American history, v. I. Ed. by H. S. Commager. New York, 1948, p. 71 - 72.*) . Бостон был подвергнут блокаде английскими военными кораблями, и всякий подвоз товаров прекратился. Даже мелкие суда, доставлявшие раньше необходимое Бостону продовольствие и топливо, теперь не допускались в гавань. Многие предприятия стали закрываться, росла безработица, недостаток продовольствия вызвал повышение цен. Бостонцы оказались в тяжелом положении. Через полтора с небольшим месяца правительство Англии издало второй акт - постановление, лишавшее колонию Массачусетс конституционной хартии, т. е., по существу говоря, права на самоуправление. Королевский

губернатор, которым стал командующий британскими войсками в Северной Америке генерал Т. Гейдж, получал чрезвычайные полномочия, и корона назначала советников (членов верхней палаты) без согласования с ранее избравшей их палатой представителей (*Ibid.*, p. 72 - 73).

Одновременно с этим английское правительство издало третий акт, согласно которому лица, обвинявшиеся в антиправительственной деятельности, могли быть направлены для суда либо в Англию, либо в любую из колоний по усмотрению британской администрации (*Ibid.*, p. 73 - 74.).

Четвертая репрессивная мера практически представляла собой подтверждение Квартирного акта 1765 г., разрешая размещение британских войск в частных домах. Одновременно парламент принял постановление, известное под названием «Квебекского акта», которым земли, лежащие на северо-запад от Англии, присоединялись к провинции Квебек (Канада) (*Ibid.*, p. 74 - 75.).

По замыслу инициаторов этих мероприятий применение репрессивных мер против колоний должно было охладить горячие головы «американских мятежников» и заставить их подчиниться воле короны. «Они будут львами до тех пор, пока мы будем овцами, - убеждал короля генерал Гейдж накануне принятия «репрессивных актов», - но стоит нам принять решительный тон, как они сразу окажутся кроткими» (*Sosin J. M. Op. cit.*, p. 171.).

Изданные метрополией акты отличались необыкновенной суровостью, по и реакция колоний и свою очередь была резкой и непримиримой. «Нестерпимые акты», как называли в Америке репрессивные меры Англии, вызвали прилив решимости сопротивляться до конца. Недовольство охватило все слои населения. Хотя названные акты преимущественно относились к Массачусетсу, по существу они задевали и все остальные колонии. Закрытие бостонского порта, игравшего в то время важную роль в межколониальной торговле и служившего перевалочным пунктом во внешнеторговых операциях, задевало и южных плантаторов, и купечество, и ремесленников. Еще большее возмущение вызывали акты о порядке управления, судопроизводства и расквартирования войск. Каждый из них создавал прецедент, дававший возможность распространить его на любую из колоний. Наконец, «Квебекский акт» больно ударил по интересам широкой массы фермеров, заинтересованной в переселении на Запад, а также по интересам земельных дельцов, для которых спекуляция западными землями служила источником крупных доходов. Достаточно сказать, что ко времени издания этого акта Виргиния предоставила земельным спекулянтам около 2 млн. акров земли в бассейне р. Огайо и 2.5 млн. акров - в бассейне р. Миссисипи. «Квебекский акт» примирил противоречия ранее соперничавших между собой земельных спекулянтов Массачусетса, Коннектикута, Нью-Йорка и Виргинии и объединил их в ненависти к метрополии. Кроме того, присоединяя к Канаде земли на запад от Аллеган, Англия отдавала обширную территорию под власть официально признанной в Канаде католической церкви и таким образом

восстанавливала против себя духовенство протестантской церкви Новой Англии.

В ответ на издание «репрессивных актов» Комитет связи Бостона совместно с присоединившимися к нему Комитетами восьми городов Массачусетса обратился в мае 1774 г. к Комитетам связи других колоний с предложением полностью прекратить торговлю с Англией. В связи с этим обращением законодательное собрание Виргинии, заседавшее в Джеймстауне, заявило о своей полной солидарности с бостонцами и, используя старую пуританскую традицию, объявило день закрытия бостонского порта - 1 июня 1774 г. - «днем скорби, поста и молитвы» (*The papers of Thomas Jefferson, v. I. Ed. by J. Boyd. Princeton, 1950, p. 105-106.*). Похоронным звоном колоколов, трауром и негодующими демонстрациями был встречен этот день и в других колониях. Люди собирались в клубах, церквях и просто под открытым небом на митинги, выражая свое возмущение репрессиями против Бостона. «Бостон страдает за дело, которое отныне затрагивает всю Америку» - под таким лозунгом шла мобилизация сил в поддержку жертв колониального произвола Англии. В знак солидарности с Массачусетсом повсюду начался сбор пожертвований в пользу жителей Бостона. Виргиния, Северная Каролина, Мэриленд и Нью-Джерси отправили голодающим бостонцам хлеб, Южная Каролина - рис, почти во всех колониях проводился сбор денежных средств (*The writings of Samuel Adams, v. III, p. 125, 126, 136 - 137 etc.*) .

Протест против репрессивных мероприятий короны повлек за собой роспуск законодательного собрания Виргинии. Однако виргинские депутаты собрались нелегально и приняли обращение к другим колониям с призывом сопротивляться нарушению конституционных прав американских колоний. В целях организации совместной борьбы против Англии Виргиния предложила каждой из американских колоний послать своих представителей на всеобщий Континентальный конгресс «Континентальным» предстоящий конгресс был назван в расчете на то, что в нем примут участие все английские колонии, расположенные на североамериканском континенте, в том числе и Канада, что не оправдалось. Раньше всех откликнулся Род-Айленд, послав 15 июня на этот конгресс свою делегацию. Через два дня проведены были выборы делегатов Массачусетса, а затем и других колоний. В одних случаях, как это было в Род-Айленде, Массачусетсе и Пенсильвании, делегаты избирались законодательными собраниями, в других (Нью-Гэмпшир, Мэриленд, Нью-Джерси, Делавэр, Виргиния и Северная Каролина) - провинциальными конвентами и местными собраниями городов или графств, в Коннектикуте - Комитетом связи с санкциями законодательного собрания, в Южной Каролине - митингом жителей колонии, действия которого были затем поддержаны законодательной ассамблеей. Нью-Йорк был представлен неполно из-за вспыхнувших при выборах партийных разногласий, а Джорджия не смогла послать своих делегатов, так как они были задержаны колониальной администрацией. Тем не менее вполне оправдан вывод Г. Аптекера о том, что в созыве Континентального конгресса - нового революционного органа приняла участие «вся страна» (*Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962. с. 103.*) .

Участники похода в Канаду Худ. Н. Уайет

Конгресс открылся в Филадельфии 5 сентября 1774 г. и заседал почти полтора месяца (до 26 октября). Заседания конгресса происходили при закрытых дверях. Присутствовало 56 представителей 12 американских колоний. Среди них были люди, уже известные решительными выступлениями, такие как Патрик Генри и Джордж Вашингтон от Виргинии, Сэмюэл Адамс и Джон Адамс от Массачусетса, Дикинсон от Пенсильвании, а также те, кому еще предстояло выдвинуться на поприще освободительной борьбы, и те, кто отошел впоследствии от борьбы за независимость и примкнул к лагерю контрреволюции. В целом в конгрессе преобладали сторонники примирения с метрополией, рассчитывавшие на возможность достигнуть соглашения по спорным вопросам. Радикальная оппозиция, отвергавшая попытки компромисса, была представлена незначительным меньшинством в лице таких людей, как Патрик Генри, Сэмюэл Адамс и Кристофер Гедсен. Заседания конгресса проходили в острых дебатах (Montross L. *The reluctant rebels. The story of the Continental congress 1774 - 1789.* New York, 1950, chaps. I-III; Плешков В. Н. *Первый континентальный конгресс (1774 г.). - Вопросы истории, 1976, № 6. с. 213 - 218.*) .

Представители радикального меньшинства выступали в конгрессе с революционными речами, призывая к полному разрыву с метрополией и началу военных действий. «Различий между виргинцами, пепсильванцамн, нью-йоркцами и жителями Новой Англии более не существует, заявил на одном из заседаний конгресса Патрик Генри. - Я теперь не виргинец, а американец» (Meade R. D. *Patrick Henry. Patriot in the Making.* Philadelphia - New York, 1967. p. 325.).

Выступления левого крыла несомненно оказали свое воздействие на решения Континентального конгресса. Стороннику крайне консервативного направления Джозефу Галлоуэту не удалось провести предложенный им «План союза между Великобританией и колониями», согласно которому система управления колоний должна была быть реорганизована по новому образцу - во главе с назначаемым короной генерал-губернатором и собирающимся один раз в год общеамериканским Советом представителей всех колоний. Этот план по существу нисколько не менял положения колоний, а имел в виду лишь изменение формы их зависимости от Англии. Правда, противникам плана Галлоуэя, прежде чем отклонить его, пришлось выдержать упорную борьбу. Им удалось провести свое предложение лишь при минимальном перевесе в один голос (*Ibid.*, p. 330 - 331; *Boyd J. P. Anglo-American union. Joseph Galloway's plan to preserve the British Empire 1774 - 1788. Philadelphia. 1941, p. 112 - 114.*).

Конгресс принял «Декларацию прав», в которой осуждал последние акты парламента и заявлял о правах американских колоний «на жизнь, свободу и собственность», а также о том, что колонистам самим принадлежит право осуществлять законодательство через свои собственные законодательные собрания. «Декларация прав» требовала отменить «репрессивные акты» и заявляла о решимости американцев организовать сопротивление метрополии (*Documents of American history, v I. p 82 - 84*). Одновременно в специальных обращениях к населению Англии и Канады конгресс призывал поддержать его требование к королевскому правительству. Кроме того, конгресс принял ряд практических мер для организации сопротивления Англии, утвердив «Соглашение» о полном прекращении торговых сношений с Англией и заявив о своей твердой решимости «содействовать развитию земледелия, ремесел и промышленности в колониях» (*Ibid.*, p. 84 - 87.).

Но конгресс еще не решился стать на путь, вооруженной борьбы с Англией, о чем свидетельствовало новое обращение к королю с верноподданнической петицией (*Ibid.*, p. 87.). Даже радикальные члены конгресса при всей своей решимости сопротивляться метрополии не помышляли о разрыве с ней. Решения конгресса носили половинчатый характер. Тем не менее факт созыва конгресса, не говоря уже о принятых на нем решениях, имел важнейшее значение. В условиях, когда освободительное движение в Америке приобрело широкий массовый характер, созыв Континентального конгресса знаменовал собой важный шаг по пути сплочения всех национальных сил. После создания Комитетов связи, являвшихся зачатком революционной власти на местах, созыв всеобщего конгресса был следующей ступенью в деле распространения этой власти и ее развития в общеамериканском масштабе. Недаром конгресс отметил специально в своих актах, что реализацию принятых им постановлений он возлагает на Комитеты связи (*Ibid.*).

При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на попытки правого крыла свести дело к компромиссу, на конгрессе достаточно сильным было влияние радикально настроенных делегатов, выразивших мнение широкой массы колонистов. Хотя консервативные круги располагали большинством

голосов, они вынуждены были лавировать и идти на уступки радикальным элементам. В еще меньшей степени консервативные деятели способны были помешать развитию революционного движения в стране, в котором участвовали широкие народные массы, требовавшие демократизации колониальных порядков. Демократическое движение сопровождалось усилением классовой борьбы.

Фермеры, рабочие и ремесленники Массачусетса, Пенсильвании, Нью-Йорка, Южной Каролины и других колоний требовали предоставления им равных избирательных прав с купцами и плантаторами. «У группы лиц, занимающих важные посты, - писал в «Пейсильвания газетт» в сентябре 1770 г. один филадельфийский мастерской, - вошло в обычай выдвигать кандидатов и намечать избирательные списки для выборов членов ассамблей, уполномоченных ассессоров и т. д., не считаясь при этом с положительным или отрицательным мнением мастерских... Мы покорно это терпели столь долго, что теперь эти господа заявляют, что с мнением мастерских, которые составляют значительное большинство жителей, совсем не следует считаться, т. е. что мастерские, по существу говоря, не имеют права ни думать, ни говорить от своего имени. Разве мы не имеем такого же права избирать или быть избранными?» (Цит. по: Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX в Пер. с англ., М., 1949, с. 50.) .

В результате народных выступлений в некоторых колониях была произведена демократизация управления и избирательные права населения были расширены. В связи с этим консервативные круги выражали недовольство тем, что революционное движение помогло возвыситься «подонкам общества».

Он нынче каменщик иль плотник, завтра - глядь - Солоном иль Ликургом может стать, - сетовал Галлоуэй (Там же. с. 51 .).

Как справедливо отмечает Ф. Фонер, рабочие и ремесленники являлись «острием движения, направленного на освобождение колоний из-под гнета и на создание более демократического режима в Америке»; они составляли «костяк и питающую силу великих уличных демонстраций тех дней» (Там же.) . И хотя купцы, плантаторы и адвокаты, захватившие руководство движением, стремились поставить выступления масс в определенные рамки, соответствующие их интересам, и старались оказать влияние на массы, они сами испытывали постоянное давление со стороны низов и вынуждены были как-то считаться с их требованиями, чтобы сохранить свою руководящую роль. Тех же, кто упорно сопротивлялся развитию освободительной борьбы, очередная волна революционного движения либо отбрасывала в сторону, либо вынуждала к открытому переходу во враждебный лагерь.

Решения конгресса воспринимались и истолковывались широкой массой колонистов как более радикальные, чем они были на самом деле. Кампания бойкота английских товаров развернулась повсюду. Британский импорт в 1775 г. сократился в целом по всем колониям на 97% по

сравнению с 1774 г. В отдельных случаях картина была еще более разительной. Так, например, в Нью-Йорке ввоз английских товаров за этот же период упал с 437 937 ф. ст. до 1228 ф. ст., а в Мэриленде и Виргинии - с 528 738 до 1921 ф. ст. (Schlesinger A. M. Op. cit., p. 535 - 530. 194). В проведении бойкота большую роль сыграло общественное мнение, под воздействием которого купцы вынуждены были подчиниться решению конгресса и отказаться от торговли с метрополией, хотя проведение бойкота было сопряжено для них с крупными убытками, и отношение значительной части купечества к решению конгресса о новой кампании бойкота было сугубо отрицательным.

*Народ принуждает купцов дать подписку не торговать с Англией
Британская карикатура 1775 г.*

Массы уже не ограничивались бойкотом товаров. Они пошли дальше и стали готовиться к активному вооруженному сопротивлению метрополии: организовали военные учения отрядов добровольцев, создали запасы оружия и военного снаряжения. Особенно активно военные приготовления шли в Массачусетсе. В октябре 1774 г., вопреки запрещению генерала Гейджа, в Бостоне по инициативе С. Адамса был созван конгресс делегатов Массачусетса, который стал органом революционной власти. В своей деятельности конгресс опирался на Комитет связи, преобразованный

теперь, как и во многих других колониях, в Комитет безопасности. В ряды добровольцев вступали сотни и тысячи людей, устраивались тайные склады оружия.

В других колониях также усилилась агитация в пользу активного сопротивления, все чаще стали раздаваться голоса за отделение от Англии. Острый оборот приняли события в Виргинии, которая являлась важнейшим очагом недовольства на Юге. Вернувшись с заседаний Континентального конгресса, виргинские делегаты широко оповестили население колонии о принятых решениях. Вопреки приказу королевской администрации, решено было возобновить работу колониальной ассамблеи, заново избрав ее состав. В самом начале 1775 г. состоялись выборы. Были избраны многие прежние депутаты, но многие получили мандат впервые. В особенности это касалось жителей «внутренней страны», ранее слабо представленной в ассамблее.

Желая смягчить обстановку, губернатор Виргинии устроил по случаю нового года бал в своей резиденции в Унльямсбурге. В числе приглашенных на этот торжественный прием были и лица, находившиеся в оппозиции к политике метрополии. Представители графства Финкэстл прислали письмо с благодарностью в адрес тех делегатов Континентального конгресса, которые пытались «примирить метрополию с колониями» (*Mcade R. D. Patrick Henry. Practical revolutionary. Philadelphia - New York. 1969. p. 10 - 13.*) . Однако примирительные настроения быстро таяли, а силы сторонников сопротивления крепили из месяца в месяц. Вновь избранная ассамблея собралась не в столице колонии Унльямсбурге, а в небольшом городе Ричмонде, ставшем впоследствии новой столицей Виргинии. Это было сделано специально, чтобы не мозолить глаза властям и в надежде избежать роспуска ассамблеи. К 20 марта в Ричмонд съехались делегаты из разных районов Виргинии. Долог и труден был путь в условиях бездорожья даже при сравнительно небольших по нынешним понятиям расстояниях. Некоторым из делегатов потребовалось 5 - 7 дней, чтобы добраться до Ричмонда.

Местом заседания ассамблеи стала церковь Сент-Джон. В том, что для этой цели была выбрана церковь, не было ничего необычного: политические собрания в колониях часто проходили в церквях. В Ричмонде это было самое крупное помещение. Особенность политической ситуации в Виргинии заключалась в том, что в антибританской кампании сплотились различные социальные слои - не только фермеры, но и состоятельная верхушка колоний. В подавляющем большинстве плантаторы занимали по отношению к Англии враждебную позицию (*Tate Th. W. The coming of the revolution in Virginia: Britain's challenge to Virginia's ruling class. 1763 - 1776. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1962, v. 19. p. 323 - 343; Evans E. G. Planter independence and the coming of the revolution in Virginia. - Ibid., p. 423 - 443, 51 ff.*) . В то же время их представители - консервативная группа делегатов вновь избранной ассамблеи - недоверчиво и настороженно следила за тем, кто, по их мнению, действовал слишком радикально. Свежие политические силы, всплывшие на гребне волны антибританских кампаний бойкота, грозили оттеснить господствовавшие прежде группировки. С другой стороны, консервативно

настроенные политики старого толка не решались открыто выступить против представителей новых сил, опасаясь дискредитации в глазах общественного мнения. Объективно обстоятельства складывались явно но в их пользу.

Уолл-стрит - деловой центр Нью-Йорка Гравюра XVIII в.

Заседания виргинской ассамблеи начались 28 марта 1775 г. Был заслушан и одобрен отчет делегатов Континентального конгресса. После этого Патрик Генри внес предложение принять резолюцию об организации вооруженных сил Виргинии, объявив осадное положение.

Участие в конгрессе и созыв распущенной по приказу короля ассамблеи являлись актами неповиновения. Но то, что предлагал Патрик Генри, было откровенной угрозой ответить вооруженным сопротивлением в случае, если британское правительство вознамерится поступить с Виргинией, как с Массачусетсом, куда были посланы войска и применены репрессии. Это был логический шаг вперед в освободительном движении. Хотя все еще действовала инерция примирительных настроений, путь назад был отрезан. Представители консервативных кругов оказались не в состоянии сдержать натиск новых политических сил, центральной фигурой которых в Виргинии стал Патрик Генри. Отт действовал смело и решительно. 23 марта, защищая свой законопроект, Патрик Генри произнес речь, которая по праву считается одним из самых важных выступлений периода освободительной борьбы колоний против Англии.

Обращаясь к депутатам ассамблеи и присутствовавшей на заседании публике, оратор призывал не верить миролюбивым декларациям британского правительства: «Не доверяйте им, господа. Вы попадете в ловушку. Не обольщайтесь ласками. Разве нужны армия и флот, чтобы снискать нашу любовь и добиться примирения? ... Они посланы сюда,

чтобы скрутить нас, чтобы закопать нас в цепи, которые давно куёт британское правительство». «Что мы можем противопоставить им? - задавал вопрос оратор. - Попытаемся выдвинуть ряд аргументов? Но мы уже пытались делать это на протяжении десяти последних лет... Умоляю вас не обманывайте себя дольше. Мы писали петиции..., но наши петиции были отвергнуты, наши жалобы привели к новым актам насилия и оскорблениям, к нашим просьбам отнеслись с пренебрежением, нас презрительно отшвырнули от трона. Теперь уже нет места надеждам. Если мы хотим быть свободными, сохранить неприкосновенными те бесценные права, за которые так долго боролись..., мы должны сражаться! ... Да, я повторяю, мы должны сражаться!». Оратор продолжал: «Они нам говорят, что мы слабы... А когда станем сильнее? На следующей неделе или в будущем году? Может быть, тогда, когда будем совершенно обезоружены и у каждого дома поставят английского солдата? Не станем ли мы сильнее в результате нерешительности и бездействия? Или может быть у нас появятся силы сражаться от того, что будем лежать на спине, крепко прижимая к себе обманчивый призрак надежды, пока наши враги не свяжут нас по рукам и ногам?... Сражение выигрывает не только сильный. Побеждает бдительный, активный и смелый. Кроме того, господа, у нас нет выбора... Уже слишком поздно отступать. Иного пути отступления, чем угнетение и рабство, у нас нет! Цепи для нас готовы. Их бряцанье уже слышно вокруг Бостона. Война неизбежна и пусть она начнется! Я повторяю, господа, пусть она начнется!». В заключение своей речи Патрик Генри обратился со страстным призывом смело вступить в борьбу. «Война, - заявил он, - фактически уже началась. Следующий порыв ветра с севера донесет до нашего слуха звон скрестившихся мечей! Наши братья уже на поле брани! Так почему мы стоим здесь празднично? ... Неужели жизнь так дорога или мир так сладок, что их следует покупать ценой кандалов и рабства?... Я не знаю, что думают другие, но для меня нет иного выбора. Свобода или смерть!» (Цит. по: *Wirt W. The life of Patrick Henry. New York, 1852, p. 120 - 123.*).

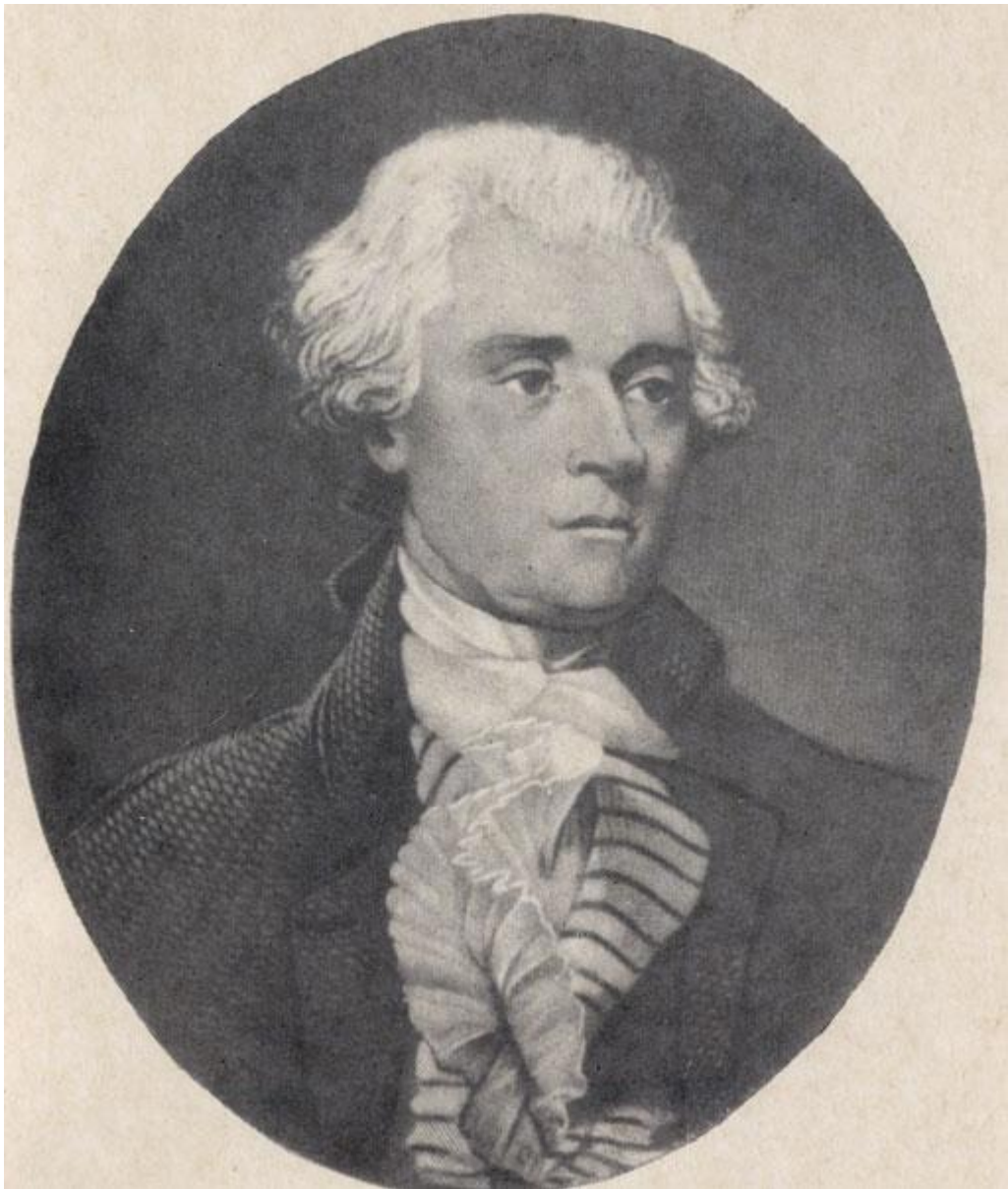
С этими словами оратор покинул трибуну. На некоторое время воцарилась тишина. Делегаты ассамблеи и люди, стоявшие вокруг церкви Сент-Джон, все, кто слышал выступление Патрика Генри, словно в оцепенении, оставались на своих местах. По словам одного из присутствовавших, после «нескольких минут немого восторга» радикально настроенные депутаты повскакали со своих мест и бурно приветствовали оратора.. В ходе дальнейшего обсуждения Р. Ли, Т. Джеф-ферсон и Т. Нельсон решительно поддержали предложение Генри. Огромное впечатление, произведенное речью Генри, обеспечило успех его законопроекту, который, правда, незначительным большинством (65 против 60) был одобрен ассамблеей. Специально созданная комиссия под председательством Генри выработала план вооружения и мобилизации виргинской милиции. С небольшой поправкой этот план спустя два дня был принят единогласно (*Meade R. D. Patrick Henry. Practical revolutionary, p. 35, 37, 40.*).

Речь Генри не была опубликована. Даже в условиях надвигавшейся войны с Англией она звучала слишком крамольно. Можно присоединиться к исследователям, считающим, что отсутствие протокольной записи выступления Генри, видимо, явилось мерой предосторожности (*Campbell N. D.*

Patrick Henry. Patriot and statesman. New York, 1969, p. 135.) . Речь эта, однако, передавалась из уст в уста и призыв «Свобода или смерть!» стал лозунгом освободительной борьбы. С этими словами на устах американцы сражались впоследствии против британских войск, а виргинские волонтеры выводили этот девиз на своей одежде (*Meade R. D. Patrick Henry. Practical revolutionary. p. 43.*) .

Впервые текст речи Генри был опубликован в 1817 г. У. Виртом (*Wirt W. The life of Patrick Henry. New York. 1817.*) . Самого Генри к тому времени уже не было в живых. Он скончался в 1799 г., и текст этой речи, как и некоторые другие документы, был воссоздан У. Виртом, биографом и внуком Генри, на основе опроса оставшихся в живых свидетелей. Эта работа потребовала более 10 лет и проведена была со всей возможной тщательностью (*Meade R. D. Patrick Henry. Practical revolutionary, p. 38 - 40.*) . С тех пор воссозданный У. Виртом текст речи Генри многократно переиздавался.

Публикация Вирта была одобрена многими свидетелями выступления Генри, включая Т. Джефферсона, несмотря на то, что после 1781 г. между ними произошла ссора и переписка Джефферсона содержит немало ядовитых слов в адрес Генри. Тем не менее, когда Вирт отправил Джефферсону рукопись своей книги, содержащей восстановленный им текст речи в церкви Сент-Джон, Джефферсон одобрительно отозвался о книге и рекомендовал опубликовать ее. Незадолго до смерти он говорил Д. Уэбстеру, что Генри отличался не только своим «возвышенным» красноречием, но пкак «наш лидер», а в период революционной борьбы «был много выше всех». «Сейчас трудно сказать, - заключил Джефферсон, - что бы мы делали без Патрика Генри» (*Henry W. W. Patrick Henry: life, correspondance and speeches. V. I. New York, 1891, p. X, 267.*) . Эти слова процитировал американский историк Б. Мэйо, признавая, что легенда, которой окружено имя Генри, имеет под собой твердое основание, ибо если главнокомандующий американской армией Джордж Вашингтон - это меч, а составитель Декларации независимости Томас Джефферсон - перо американской революции, то Патрик Генри - ее горн (*Mayo B. Myths and men. New York, 1959, p. 37.*).

Томас Джефферсон Худ. М. Браун

Речь Патрика Генри способствовала мобилизации революционных сил. События неслись бурным потоком, и его слова о том, что «следующий порыв ветра с севера» донесет до слуха «звон скрестившихся мечей», оказались пророческими.

В колониях создалось положение, которое В. И. Ленин называл революционной ситуацией, «когда низы не хотят старого и когда верхи не могут по-старому». Правящие классы, к каким бы маневрам они ни прибегали, уже не могли удержать массы в повиновении, а угнетенный народ, включая даже самые отсталые его элементы, все более и более втягивался в политическую борьбу. Именно это и создавало «общенациональный кризис», который В. И. Ленин считал неперменным условием всякой революции (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 69, 70.).

Глава шестая. ВОССТАНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

Лозунг - 'Независимость'. Фрагмент гравюры второй половины 70-х гг. XVIII в.

В те самые дни, когда виргинская ассамблея обсуждала вопрос о мерах обороны на случай войны с Англией, в Массачусетсе, продолжавшем играть роль важнейшего центра освободительного движения, вплотную подошли к решению вопроса о создании регулярной армии. Обсуждавший эту проблему конгресс местных представителей, созванный вопреки воле колониальной администрации, как и в Виргинии, проявлял серьезные колебания. В феврале 1775 г. была создана комиссия по выработке правил формирования армии, которая могла быть мобилизована в случае необходимости. В конце марта она представила доклад, который вызвал споры по вопросу о том, что следует считать достаточным поводом для мобилизации милицейских частей и начала военных действий против английских войск, демонстративно устраивавших маневры в предместьях Бостона.

Эти споры, вероятно, могли продолжаться бесконечно, если бы из Лондона не поступили известия о новых мерах, направленных против Массачусетса и других колоний Новой Англии. Согласно сообщению, перепечатанному «Бостон газетт» из английской прессы, правительство Англии намеревалось запретить жителям Новой Англии заниматься рыбной ловлей у берегов Ньюфаундленда и ограничить их торговлю с Ирландией, Британской Вест-Индией и самой Англией. Кроме того, парламент объявил колонию Массачусетс в состоянии мятежа и постановил отправить туда четыре полка ирландских солдат для «поддержания порядка». Оппозиционно настроенный к политике правительства член парламента, лорд-мэр Лондона Джон Уилкс произнес речь против этих мер, защищая действия колонистов и заявив, что им ничего не остается, как вступить в борьбу против Англии и провозгласить свою независимость (*The parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. v. XVIII. Ed. by T. S. Hansard. London, 1813, els. 234 - 240.*).

Одна из причин, по которым до сих пор лидеры патриотической группировки в конгрессе Массачусетса колебались с принятием решений, заключалась в том, что существовало серьезное опасение, последуют ли остальные колонии призыву Континентального конгресса поддержать Массачусетс, если Англия применит вооруженную силу. Хотя после публикации «Бостон газетт» антибританские настроения резко усилились, опасения эти продолжали существовать.

Один из лидеров Массачусетса Д. Хоули, выступавший на протяжении ряда лет с последовательно патриотических позиций, писал в феврале Томасу Кашингу, входившему в состав Комитета безопасности, о необходимости оставить «химерические планы» и посмотреть на вещи, как они есть. В то же время он просил предостеречь членов Комитета против преждевременного приказа милицейским частям начать военные действия, тьма не последует категорического решения других американских колоний выступить с оружием в руках и пока, писал Хоули, «не будет уверенности, что они (другие колонии,- Л. Ф.) нас поддержат» (*Jensen M. The founding of a nation. A history of the American revolution 1763 - 1776. New York, 1968, p. 563 - 564.*).

После сообщения «Бостон газетт» о военных приготовлениях Англии, несмотря на явную или скрытую оппозицию ряда депутатов, конгресс Массачусетса вынужден был приступить к практическим мерам по формированию армии. Был одобрен план мобилизации милицейских частей, а на следующий день конгресс отправил Комитету безопасности Бостона и других городов инструкцию, в которой подчеркивал, что принятое решение носит лишь оборонительный характер, предостерегая от любых шагов, которые могли бы быть истолкованы «нашими врагами» как «начало враждебных действий». Все же под давлением патриотических сил конгресс через несколько дней вынужден был принять постановление, «чтобы эта колония (Массачусетс. - А. Ф.) приступила к мерам по обеспечению своей безопасности и обороны путем мобилизации и организации армии». Было вынесено также решение отправить делегатов в другие колонии Новой Англии, чтобы договориться о совместных действиях (*Ibid., p. 566 - 567.*). Однако эти решения на практике оказались половинчатыми, так как, с одной стороны, была принята резолюция, предусматривавшая организацию армии, а с другой - конгресс отказался одобрить меры по обучению и финансированию милицейских батальонов. Комитету безопасности было поручено сформировать шесть артиллерийских подразделений, но права назначить командиров этих подразделений Комитет не получил. Ему разрешалось лишь подобрать кандидатуры офицеров, которые могли быть назначены конгрессом на эти посты в случае начала военных действий.

Колебания и отсутствие единства среди делегатов объяснялись расхождением в их политических взглядах. Наряду с этим имел место и сознательный саботаж, организованный находившимися в составе конгресса агентами главнокомандующего британскими силами генерала Т. Гейджа. Они поставляли ему регулярную информацию о ходе дебатов и, выполняя его инструкции, дезорганизовали работу конгресса. Особое подозрение вызывала деятельность одного из руководителей бостонского Комитета безопасности, делегата конгресса Б. Черча. Длительное время ему

удавалось скрывать свою шпионскую связь с англичанами. Однако со временем действия Черча стали вызывать подозрение, он был арестован и заключен в тюрьму. Позднее по болезни, а также за недостаточностью улик его освободили, и Черч покинул пределы Массачусетса. С тех пор его никто никогда не видел. Только полтора столетия спустя в личном архиве Т. Гейджа были найдены документы доподлинно подтвердившие шпионскую деятельность Черча (*Van Doren C. Secret history of the American revolution. New York. 1968, p. 20 - 23.*).

Пока конгресс Массачусетса спорил относительно того, создавать ли армию и какие ей давать инструкции, отряды добровольцев продолжали военные приготовления, создавая склады оружия и проводя обучение милицейских частей. Комитеты безопасности эту деятельность поддерживали и поощряли, а лидеры патриотов С. Адамс и Д. Хэнкок выступали в роли вдохновителей и практических руководителей начавшихся по инициативе снизу военных приготовлений. Генерал Гейдж был об этом осведомлен и отдал приказ подразделениям британских войск разоружить добровольческие отряды, арестовав С. Адамса и Д. Хэнкока. Этот приказ был отдан по прямому указанию правительства Англии. Британский государственный секретарь по делам Америки лорд Дартмут переслал Гейджу «Секретный приказ». Сообщая о решении, объявлявшем Массачусетс «в состоянии восстания», Дартмут сообщал, что уже отправлены подкрепления и что Гейджу надлежит немедленно приступить к формированию военного корпуса из местных противников освободительного движения - тори. «При создавшемся положении, - писал Дартмут, - необходимо ответить силой на силу». Он советовал действовать без промедления, не дожидаясь прибытия подкреплений из Англии, чтобы не упустить время и не дать возможности патриотам создать военную организацию. «Первый главный шаг, - писал Дартмут, - арестовать зачинщиков и подстрекателей из провинциального конгресса». Он считал эту меру оправданной даже в том случае, если она вызовет беспорядки. «Сила, которую используют те, кто вооружен в Массачусетсе, - писал Дартмут, - представляется мне действиями черни, толпы, которая не имеет плана, действует неорганизованно и без руководства. Поэтому при помощи даже небольших сил, если их сразу пустить в дело, можно было бы напасть на них неожиданно с большей вероятностью успеха, чем это случится, когда придет подкрепление, и народ сумеет к тому времени сплотиться на более организованной основе». Британское правительство при этом оставляло окончательное решение за самим Гейджем, проявляя даже в этих условиях определенную осторожность (*Jensen M. Op. cit., p. 583.*).

Инструкции были достаточно недвусмысленными. К тому же на следующий день после их прибытия Гейдж получил донесение от Черча, который сообщал из расположенного недалеко от Бостона местечка Конкорд, где проходили подготовку добровольческие отряды патриотов и находились их основные склады амуниции и оружия, что «народ» требует «немедленного начала военных действий» и Континентальный конгресс принял решение к середине апреля провести мобилизацию с тем, чтобы поставить под ружье в Новой Англии до 18 тыс. человек. Местный конгресс, по донесению Черча, прервал свои заседания для консультаций по этому

вопросу и ожидает ответа от других колоний. По мнению Черча, это был самый подходящий момент для выступления. «Внезапный удар, нанесенный сейчас... - советовал он Гейджу, - расстроит все их планы» (*Gros R. A. The minutemen and their world. New York. 1976, p. 113.*).

Инструкции из Лондона и донесение Черча совпадали с планами самого Гейджа. Именно Конкорд с его военными складами был избран в качестве цели, по которой наметили нанести первый удар. Генерал Гейдж начал тайно группировать войска, которым предстояло выполнить эту операцию. Однако представители Комитета безопасности бдительно следили за передвижениями английских войск. К тому времени, когда 18 апреля поздно вечером британские войска численностью от 700 до 800 солдат собрались на центральной площади Бостона, чтобы затем маршем двинуться на Конкорд, эта операция, как отмечает американский исследователь Р. Грос, уже «была обречена на провал» (*Ibid., p. 114.*). Еще накануне Комитет безопасности отдал приказ о срочной эвакуации складов с оружием. Взрослое население - мужчины и женщины - ночью на подводах переправили хранившиеся в Конкорде боеприпасы и вооружение в соседние селения.

Британские войска отправились в Конкорд иод покровом ночи. До последнего момента многие командиры подразделений не знали ни точного пункта назначения, ни того, кто участвует в операции. В целях соблюдения секретности им сообщили об этом лишь перед самым выступлением. Однако в тот самый момент, когда войска отправились из Бостона в Конкорд, с колокольни Северной церкви специально поставленный туда Комитетом безопасности дежурный подал условный сигнал фонарем, и гонец патриотов Пол Ровир отправился в свой легендарный рейс, чтобы сообщить о готовящемся нападении. С той же целью один из лидеров бостонских патриотов - Джозеф Уоррен - отправил в Конкорд собственное доверенное лицо - Уильяма Доуза. Одновременно несколько жителей предместий Бостона пустились в путь, заподозрив неладное в показавшейся им странной активности английских патрулей ночью. По иронии судьбы, согласно приказу Гейджа, этим патрулям было приказано усилить караульную службу, чтобы помешать любому, кто захотел бы сообщить о выступлении английских войск, но их активность в неурочный час послужила предупреждением для патриотов.

Когда Ровир, а затем Доуз и другие гонцы прибыли в расположенный на дороге к Конкорду Лексингтон, где в это время находились С. Адамс и Д. Хэнкок, охранявшие их резиденцию патрули патриотов вначале просили не подымать шума, чтобы не помешать их сну. Но узнав в чем дело, ударили в набат и подняли по боевой тревоге местную милицию (*Ibid., p. 115 - 116; Ровир - Д. Белкнапу, 1798: The spirit of seventy-six. The story of the American revolution as told by participants. Ed. by H. S. Com-mager, R. B. Morris. Indianapolis - New York, 1958, p. 66 - 69.*).

Местом сбора милицейских отрядов была назначена таверна Бэкмана. Подошедшим к этому времени британским войскам был отдан приказ не стрелять, а, окружив патриотов, разоружить их и взять в плен. Когда английский отряд приблизился к месту сбора патриотов, британский

офицер крикнул: «Эй вы, проклятые повстанцы, бросайте оружие и убирайтесь!». По другой версии, он пригрозил: «...иначе все вы - мертвецы». Американцы бросились врассыпную, но не оставили оружия. «Бросайте оружие! - скомандовал офицер. - Черт возьми, бросайте оружие!». В этот момент раздался выстрел. В истории его принято считать первым выстрелом войны за независимость. Существуют разные версии того, как и по чьей инициативе был открыт огонь. Отдал лп командир английского отряда приказ стрелять, или солдаты сделали это без команды, так до сих пор и не выяснено. В результате же 8 американцев было убито и 9 ранено (См. рассказ С. Вуда, записанный Н. Бруксом 17 июня 1826 г.: *The spirit of seventy-six*, p. 82-83, Pearson M. *Those damned rebels. The American revolution as seen through British eyes. New York, 1972, p. 70.*).

Ровира, Доуза и некоторых других гонцов, пустившихся далее к Конкорду, все же задержали английские патрули. Из них кое-кому удалось пробиться. Хотя никто не знал обстоятельств столкновения п числа жертв, весть о том, что в Лексингтоне была пролита кровь патриотов, дошла до Конкорда и молниеносно облетела близлежащие селения. Около четырехсот вооруженных патриотов залегли у Северного моста в Конкорде. После длительного ожидания и переговоров с английскими солдатами, засевшими с другой стороны моста и численно им уступавшими, американцы выступили против британских боевых порядков. Некоторое время они колебались, стрелять ли, но, после того как англичане открыли огонь, сомнения исчезли. Американцы бросились в атаку, обратив английских солдат в паническое бегство. Ссылаясь на описание этого события, содержащееся в воспоминаниях командующего американскими добровольцами полковника А. Бар-рета, Р. Грос отмечает, что выстрелы в Конкорде 19 апреля 1775 г., «которые услышал весь мир», заняли по времени две-три минуты (*Gros R. A. Op. cit., p. 126.*) . В сущности говоря значительного сражения у Северного моста не произошло, но это событие было важным по своим последствиям, непосредственным и отдаленным.

Известие о событиях в Лексингтоне и Конкорде прозвучало как сигнал боевой тревоги. Непосредственной реакцией на них была мобилизация милицейских отрядов, общая численность которых превышала 1100 человек. Небольшие группы повстанцев укрывались за домами п заборами, в лощинах и оврагах. Они обстреливали англичан на всем протяжении их обратного пути от Конкорда до Лексингтона. В этом сражении американцы впервые использовали заимствованную ими у индейцев тактику рассыпного строя, противопоставив малоподвижным британским порядкам неожиданный и стремительный натиск малыми группами и в одиночку, атакуя противника в самых неожиданных местах (*Ibid., p. 129; Из дневника лейтенанта Ф. Маккензи 19 апреля 1775 г. In: The spirit of serenty-six. p. 86 - 87.*) .

Британское отступление стало настоящим бегством, остановить которое оказалось возможным только после того, как на помощь прибыл свежий корпус в составе 900 солдат, подкрепленный солидной артиллерией. Только укрывшись за боевыми порядками присланного Гейджем подкрепления, отступающие британские части смогли остановиться. Солдаты едва держались на ногах, они были разбиты и

обессилены. Как писал один английский историк по свежим следам событий, они «валились на землю и лежали ничком, как собака с высунутым языком» (*Gros R. A. Op. cit., p. 129.*).

События в Конкорде и Лексингтоне были по существу вооруженным восстанием против британского господства, началом американской войны за независимость. Теперь уже ни у кого не было сомнений в том, что американцы готовы воевать (*Ibid., p. 130.*). «Фермеры Массачусетса, - отмечает М. Дженсен, - в отличие от ссорившихся политиков хотели начать войну. 19 апреля 1775 г. они показали, что могут воевать» (*Jensen M. Op. cit., p. 567.*). Сражение при Конкорде и Лексингтоне принесло Англии первую серьезную военную неудачу. 73 солдата и офицера было убито или умерло от ран, 174 - ранено, 26 пропало без вести. Количество убитых и раненых с британской стороны равнялось почти 20%. Американские силы, насчитывавшие в общей сложности около 4 тыс. человек, понесли значительно меньшие потери - от 2 до 3 %: 49 человек убито или скончалось от ран, 39 ранено и 4 пропало без вести (*Gros R. A. Op. cit., p. 130.*).

19 апреля 1775 г. начался новый этап в освободительном движении американских колоний. После того как британские власти попытались нанести массированный удар по силам патриотов, большинству стало ясно, что организация армии, способной защитить население колоний от подобного рода посягательств, является абсолютно необходимой мерой. Анализируя значение событий в Лексингтоне и Конкорде, газета «Ньюпорт Меркьюри» писала 5 дней спустя, что фактически «началась американская гражданская война» (*Jensen M. Op. cit., p. 569.*).

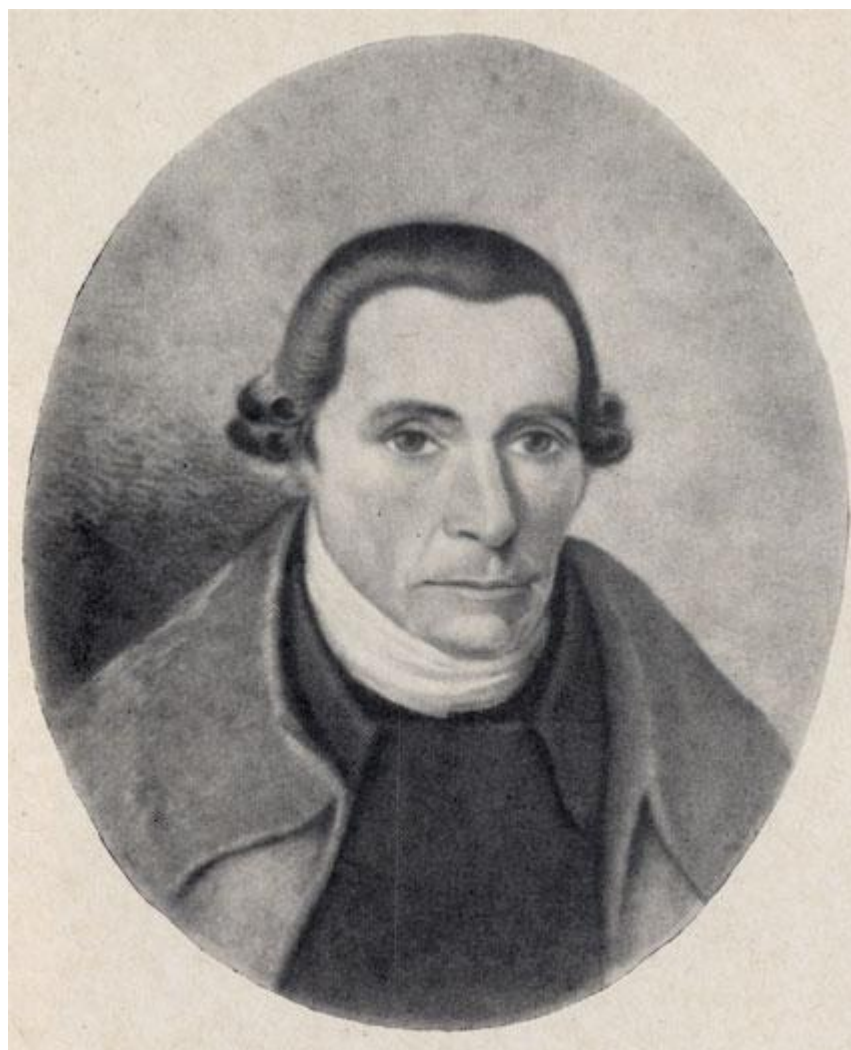
Руководители патриотического движения, даже из числа представителей умеренных кругов, ясно отдавали себе отчет, что если они не хотят утратить своих позиций в руководстве, им надлежит примкнуть к сторонникам военной партии. За короткий промежуток времени стремительно выросло число добровольческих милицейских отрядов. Особенно интенсивно этот рост происходил в Новой Англии. Так, еще до принятия законодательной меры, конституировавшей создание американских вооруженных сил, сформировалась революционная армия, солдаты которой с гордостью именовали себя «парнями свободы». Бостон, откуда посланы были британские войска для расправы с американскими патриотическими силами. был окружен и подвергнут осаде силами вновь созданных партизанских отрядов Новой Англии, которые расположились вокруг города 15-тысячным «лагерем свободы». Теперь призыв к военным действиям и вооруженному отпору политике метрополии воспринимался как нечто само собой разумеющееся даже со стороны тех, кто ранее противился такому курсу. В Нью-Йорке организация «Сынов свободы» руководила захватом арсенала, а затем, организовав милицейский корпус, заняла таможню, склады с различным снаряжением и припасами, а также конфисковала грузы английских судов, доставивших снаряжение для британского гарнизона в Бостоне. В Саванне (Джорджия) местные патриоты напали на лавку, в которой хранились запасы пороха и дроби, затем захватили стоявшее на рейде британское судно, груженное ружьями и порохом. Эти трофеи позволили вооружить полк волонтеров. Против

участников вылазки в Саванне британские власти попытались применить репрессивные меры. Был арестован и посажен в тюрьму один из руководителей «Сынов свободы» Э. Мак-Гарди. Однако вооруженные патриоты освободили его из заключения и демонстративно в полной боевой форме прошли по улицам города. В Филадельфии при участии ремесленников и купцов была создана военная ассоциация. В Нью-Арке (Нью-Джерси) на собрании организации «Сынов свободы» была единодушно принята резолюция, гласившая, что ее участники клянутся «не пощадить ни своего имущества, ни самой жизни для дела освобождения Америки» (Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX в. Пер. с англ., М., 1949, с. 54.).

Многочисленные отряды волонтеров начали партизанскую войну против Англии. В середине мая 1775 г. крупные милицейские силы направились в Канаду, надеясь обеспечить себе поддержку канадских провинций. На пути патриоты заняли две важные крепости Тайкондерогу и Краун-Пойнт, захватив много трофеев, в том числе артиллерийские орудия, в которых так остро нуждались американцы. Британские крепости были демонтированы и находившиеся в них орудия, а также другие военные припасы, спешно, по бездорожью, с большими трудностями переправлены на подмогу сражающимся американским частям. Сама по себе канадская экспедиция была продолжена. В соответствии с решением Континентального конгресса американские силы совершили бросок на север и овладели Монреалем. Однако, забегая вперед, следует сказать, что в конечном итоге эта экспедиция оказалась неудачной. Потерпев поражение под Квебеком, американцы вынуждены были отступить. Все же эта военная операция не была бессмысленной, так как в дальнейшем, опасаясь американского нападения, Англия вынуждена была постоянно держать значительный контингент войск в Канаде, что мешало ей развернуть все свои силы в войне против восставших американских колоний. Таким образом, события в Лексингтоне и Конкорде имели практическое непосредственное продолжение, охватив духом вооруженного восстания остальные колонии.

Ровно три недели спустя после Лексингтона и Конкорда в Филадельфии открылся II Континентальный конгресс. Никогда ранее, за весь период освободительного движения, в колониях не были так сильны радикальные настроения. В особенности решительно настроены были делегаты Массачусетса. Даже такие представители умеренного крыла, как Джон Адамс, стремились всячески подтолкнуть конгресс к немедленным действиям. Только опираясь на поддержку остальных колоний, Массачусетс мог рассчитывать на успех в начавшейся вооруженной борьбе против Англии. Говоря о британской системе колониальной администрации, Д. Адамс считал, что она приобрела явно выраженный злокачественный характер: «раковая опухоль пустила такие глубокие корни, что она не может быть вылечена отсечением какой-либо части». Исходя из этого, Дж. Адамс считал, что «порох и артиллерия - вот наиболее эффективные, надежные и неизбежные при создавшихся условиях средства урегулирования конфликта, которые мы можем принять». Задача Адамса и других делегатов Массачусетса заключалась в том, чтобы убедить конгресс

в необходимости принятия решительных и безотлагательных мер (*Jensen M. Op. cit., p. 604 - 605.*) .

Джон Адамс Худ. Ч. Пил

По своему составу II Континентальный конгресс мало отличался от первого. Большинство делегатов нового конгресса участвовало и в заседаниях предыдущего. Хотя обстановка в колониях изменилась, многие все еще надеялись избежать излишне радикальных действий. Тем не менее ориентация II конгресса существенно отличалась от общего курса и настроений, характерных для прошлого. Под влиянием массового революционного движения делегатам II Континентального конгресса ничего не оставалось, как изменить свою позицию. Представители крайне правого крыла, вроде Джозефа Галлоуэя, в работе нового конгресса вовсе не участвовали. Галлоуэй потерпел жестокое фиаско в местной ассамблее Пенсильвании, пытаясь проташить очередную примирительную петицию, и вынужден был подать официальное заявление о том, что отказывается участвовать в работе II Континентального конгресса. В частном письме он писал, что сделал это по состоянию здоровья, но что было и «много других» мотивов. «Главная причина, - пишет американский исследователь Б. Ньюкомб, - которая сделала Галлоуэя нежелательной фигурой (в конгрессе,- Л. Ф.), заключалась в непопулярности его позиции, лишив его

влияния и престижа» (*Newcomb B. H. Franklin and Galloway: a political partnership. New Haven - London, 1972, p. 278.*) .

Сторонники примирительной позиции порвали с патриотами и перешли во враждебный революции лагерь лоялистов. С другой стороны, часть из тех, кто раньше занимал умеренные позиции, желая сохранить влияние на массовое освободительное движение, стали высказываться в пользу более решительного выступления против Англии. Влияние подобного рода настроений подчинило себе плантаторов, купечество, представителей «образованных слоев» общества. Поэтому в лагере революции и оказались такие далекие от радикализма лица, как виргинский землевладелец Дж. Вашингтон и бостонский юрист Джон Адамс.

Практически II Континентальный конгресс стал своего рода центральным правительством восставших колоний. Конгресс принял ряд важных постановлений, в том числе решение о формировании регулярных вооруженных сил. Этот исторический акт, имевший исключительно важное значение для последующей организации вооруженной борьбы против Англии, после длительных колебаний был принят 14 июня 1775 г. Теперь отряды волонтеров, осадившие Бостон, могли рассчитывать на прибытие в скором времени подкреплений из средних и южных колоний. В первую очередь решение конгресса было адресовано Виргинии, Пенсильвании и Мэриленду. Им надлежало провести набор в новую армию, с тем, однако, условием, что конгресс будет сам платить ей жалованье. В связи с этим последовало еще одно важное решение - о выпуске собственных денег, для начала на сумму в 2 млн. долларов. Конгресс назначил Дж. Вашингтона, отличившегося в ходе военных операций Семилетней войны, руководителем комитета по подготовке, как бы мы сейчас сказали, устава новых вооруженных сил (*Journals of the Continental congress 1777 - 1789. V. II. Ed. by W. S. Ford. Washington, 1905, p. 89 - 90.*) . Одновременно конгресс приступил к обсуждению вопроса о кандидатуре главнокомандующего.

Назначение Вашингтона главой комитета по выработке устава вооруженных сил до известной степени уже предопределило выбор (*Ibid.*, p. 25.). Однако окончательный выбор главнокомандующего оказался не простым делом. На это место претендовало такое влиятельное лицо, как председатель Континентального конгресса Джон Хэнкок, пользовавшийся широкой известностью в качестве одного из лидеров освободительного движения (*Adam J. Autobiography. - In: The Adams papers. V. III. Ed. By L. Butterfield. Cambridge, 1961, p. 321.*) . Хэнкок занял председательское место в конгрессе после того, как председательствовавший до него виргинский делегат Пейтон Рэндольф покинул Филадельфию, чтобы возглавить работу виргинской ассамблеи, которая, по-видимому, представляла для него отнюдь не меньший интерес.

Сам Вашингтон и в целом представители Юга проявили явную заинтересованность в том, чтобы получить пост главнокомандующего. Вашингтон был, пожалуй, единственным делегатом, носившим военную форму. Впоследствии, объясняя факт своего назначения, он отмечал в частной переписке, что стал главнокомандующим благодаря

«расположению конгресса, подкрепленному некоторыми политическими мотивами» (*Jensen M. Op. cit., p. 611*). .

В принципе Вашингтон оказался во всех отношениях наиболее подходящей кандидатурой. Его имя было широко известно во всех американских Гчолониях. Как уже отмечалось, во время Семилетней войны Вашингтон показал себя стойким и находчивым военачальником. Он не принадлежал к числу самых активных участников антибританских кампаний 1765 - 1775 гг., но был известен, как противник английской колониальной политики, которая задевала и его личные интересы. В частности, распространивший юрисдикцию Канады на западные земли так называемый Квебекский акт лишал его десятков тысяч акров земли. Выступив решительным противником британской политики ограничений и репрессий, Вашингтон снискал себе популярность среди участников массовых выступлений против политики Англии. С другой стороны, то, что он был богатым виргинским плантатором, принадлежал к состоятельным аристократическим кругам и придерживался умеренных взглядов, импонировало консервативной части конгресса, опасавшейся радикально настроенных элементов. Поэтому Джон Адаме, которому принадлежала инициатива выдвижения кандидатуры Вашингтона на пост главнокомандующего, прямо заявил, что считает большим достоинством кандидата его солидное состояние (*См.: Adams J. Op. cit., p. 321 - 323.*) .

Кандидатура Вашингтона была выдвинута Джоном Адамсом после предварительного совещания с Сэмюэлем Адамсом. Оба они представляли Массачусетс, и это была продуманная акция, которой руководители освободительного движения Новой Англии рассчитывали скрепить свой союз с лидерами южных колоний. Дж. Адамс так и писал в частном письме, что назначение Вашингтона «окажет огромное влияние на закрепление и обеспечение союза этих (американских, Л. Ф.) колоний» (*Дж. Адамс - А. Адамс 17 июня 1775 г.: Letters of members of the Continental congress, v. I. Ed. by E. Burnett. Washington. 1921, p. 130.*) . В отношениях с Югом у Новой Англии было много трений, и они могли стать серьезным препятствием в борьбе против метрополии. В Англии хорошо понимали несовпадение интересов Севера и Юга. Более того, в определенных кругах существовали даже проекты использовать различие интересов, чтобы разобщить освободительное движение и подавить восстание (*Robson E. The American revolution. London, 1955. p. 90 - 91.*) .

Хэнкок помрачнел, когда Дж. Адамс назвал имя Вашингтона. Дж. Адамс заявил, что хочет назвать имя «джентльмена, который находится среди нас, джентльмена, способности и опыт которого, как офицера, крупное состояние, незаурядный талант и превосходный характер найдут одобрение у всей Америки и приведут к единодушному объединению всех колоний, - джентльмена, который сделает это лучше, чем любое другое лицо». По свидетельству самого Дж. Адамса, Хэнкок слушал его речь с выражением «явного удовольствия на лице», пока оратор не сказал, что этим джентльменом является Дж. Вашингтон. «После того как я стал характеризовать Вашингтона, как командующего, - писал впоследствии Дж. Адамс, - мне никогда до этого не приходилось видеть более разительной

перемены в выражении лица, которое сразу поникло. Обида и негодование выразились на его (Хэнкока, - А. Ф.) лице настолько явно, насколько это вообще возможно». А затем выступил С. Адамс, поддержавший выдвижение Вашингтона. По словам Дж. Адамса, это выступление опять-таки «не смягчило физиономии президента».

Если же отбросить личную обиду и разочарование Хэнкока, то в целом назначение Вашингтона было встречено одобрительно (*Jensen M. Op. cit., p. 610; Freeman D. S. George Washington. Planter and patriot, v. III. New York. 1951, p. 435.*).

Избрав Вашингтона главнокомандующим, конгресс приступил к назначению генералитета новой армии. Этот вопрос тоже оказался непростым и довольно щекотливым. Ибо, с одной стороны, колонии объединяло их общее участие в борьбе за свободу, а с другой - каждая из них продолжала жить своими интересами. Поэтому при решении вопроса о назначении генералитета новой армии, как правило, руководствовались политическими и престижными соображениями, не придавая порой значения тому, что собой представляет то или иное лицо как военачальник. Некоторые из деятелей, чьи кандидатуры предлагались, не имели ни военного опыта, ни малейших военных способностей. Однако каждая колония считала делом чести иметь своего представителя в составе генералитета. Всего было назначено 12 человек. Большинство генеральских должностей досталось колониям Новой Англии: 4 - Массачусетсу, 2 - Коннектикуту, по одному Род-Айленду и Нью-Гэмпширу. Только 2 генерала были назначены из южных колоний - Виргиния и 2 из центральных - Нью-Йорк. Между генералами и офицерами более низких рангов происходили постоянные распри и соперничество. Борьба по этому поводу, по словам М. Дженсена, продолжалась на протяжении всей войны за независимость и порой бывала такой же острой, а часто велась более энергично, чем война против англичан (*Jensen M. Op. cit., p. 613. 218*).

К тому времени, когда конгресс завершил формирование командования вновь организованными вооруженными силами, американская армия уже получила боевое крещение в сражении у Банкер-Хилла. Это произошло 17 июня 1775 г. После событий в Лексингтоне и Конкорде английские отряды были отведены на стратегически выгодные позиции Банкер-Хилла - одну из господствующих над Бостоном высот. Однако спустя некоторое время по совершенно непонятной причине англичане оставили их, чем не замедлили воспользоваться добровольческие отряды. Они заняли Банкер-Хилл и за ночь выстроили там укрепления, чтобы защитить себя от нападения с суши, а также от обстрела артиллерии британских военных судов, стоявших в бостонской гавани. Обнаружив, что американцы захватили высоты, британское командование приказало морской артиллерии обстрелять их позиции. Однако американцы продолжали строить редуты, и тогда решено было взять Банкер-Хилл приступом. Генерал Гейдж собрал около двух с половиной тысяч солдат и офицеров. С полной выкладкой четко построены в боевые порядки английские войска двинулись к Банкер-Хиллу. Каждый солдат нес на себе около 50 кг, включая трехдневный запас продовольствия, военные

припасы, одеяла и т. п. В красно-белой форме, англичане представляли прекрасную мишень. У американцев хватило выдержки подпустить их на 40 - 50 м, так близко, что хорошо видны были лица противника. Тогда был открыт огонь, и англичане с большими потерями откатились назад. Перегруппировав силы, они снова пошли в атаку, но и на этот раз были обращены в бегство. Только после третьего приступа английские войска смогли овладеть Банкер-Хиллом. Американцы вынуждены были отступить, так как кончились боеприпасы. По мнению М. Дженсена, если бы англичане затем решились преследовать американцев, война на том могла бы и окончиться, так как американцам нечем было воевать (*Ibid.*, p. 615.) . Этот вывод представляется, однако, спорным. Во-первых, ресурсы американской стороны были далеко не исчерпаны теми силами, которые защищали Банкер-Хилл. Во-вторых, английские войска сами были обескровлены и деморализованы. Почти половина из тех, кто принимал участие в операции, была убита или ранена. Общее количество жертв с английской стороны составило 1150 человек. В тоже время из 3000 участвовавших в операции американцев были убиты и ранены 441 человек (*Ward Ch. The war of the revolution. V. I. New York, 1952. p. 96.*). Захват Банкер-Хилла дорого стоил англичанам. Это была поистине «пиррова победа». «Еще одна такая победа, - писала по поводу Банкер-Хилла одна из английских газет, - и не останется никого, чтобы принести новость домой» (*Coakley R. W., Conn S. The war of the American revolution. Washington, 1975, p. 29; Всемирная история, т. V. М.. 1958. с. 552.*) .

Британский военный историк Фортеск утверждает, что сражение при Банкер-Хилле, «вероятно, было большей неудачей... для американцев, чем для англичан» (Цит. по: *Boatner III. M. M. Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966. p. 129.*) . Но это утверждение абсолютно голословно. Битва при Банкер-Хилле - одна из самых кровопролитных для английской армии за все годы войны за независимость. Особенно велики были потери среди командного состава. Чаннинг подсчитал, что из общего числа британских офицеров, погибших и раненых в 20 крупнейших сражениях войны за независимость, на долю Банкер-Хилла приходится восьмая часть убитых и шестая часть раненых. Это достаточно внушительные цифры (*Ibid.*). Но сражение при Банкер-Хилле важно прежде всего потому, что оно показало высокий боевой дух американских повстанческих сил. Даже разрозненные по существу партизанские отряды колонистов оказались серьезной силой, справиться с которой не могли обученные, подготовленные и обеспеченные всем необходимым британские войска.

Сражение при Банкер-Хилле укрепило дух патриотов и способствовало переходу многих колеблющихся и либерально настроенных членов конгресса на сторону революции. Некоторых же, наоборот, это событие толкнуло в лагерь противников, так как после Банкер-Хилла стало еще более очевидно, что примирение невозможно. Правда, и теперь среди консервативных делегатов все еще оставалась какая-то надежда на то, что удастся договориться с Англией.

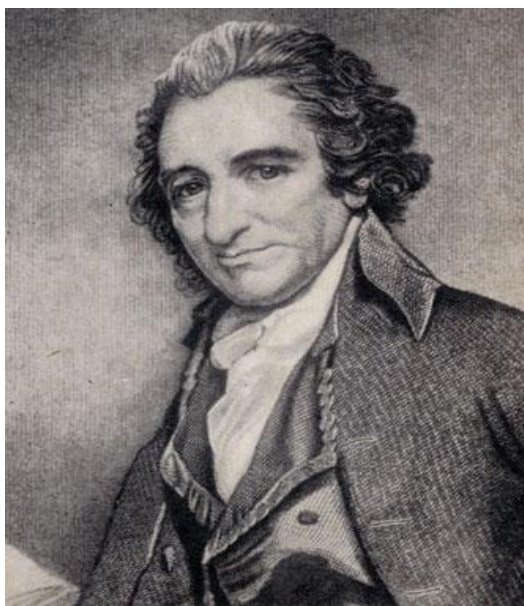
Характерным примером в этом отношении был делегат от Пенсильвании Д. Дпкинсон, прославившийся в конце 60-х гг. антибританским памфлетом «Письма пенсильванского фермера». Для того

времени Дикинсон представлял довольно значительную и популярную фигуру (Согрин В. В. *К идейным истокам войны за независимость США. - Вопросы истории, 1975, № 5, с. 57 - 59.*) . Однако он придерживался сравнительно умеренных взглядов и по мере развития освободительного движения все более и более отходил от него. «Богатый и влиятельный человек, - пишет С. Иоханнесен, автор недавно опубликованной статьи о Дикинсоне, - он чувствовал себя спокойно в семье и в узком кругу знакомых» (*Johannesen S. K. John Dickinson and the American revolution. - Historical Reflections, 1975, v. II. p. 46*) . Там же справедливо отмечается, что «апофеозом» свободы для Дикинсона была гарантия «права собственности» (*Ibid., p. 44.*). Дикинсон не одобрял массовых выступлений, сопровождавшихся насильственными действиями. Он принадлежал к тем элементам колониального общества, которые считали себя патрициями. Выступления народных низов - плебеев - пугали этих людей и постоянно беспокоили. Иоханнесен отмечает, что ко времени революции Дикинсон был «одним из самых богатых людей в Америке, влиятельным и образованным филадельфийским джентльменом-адвокатом» (*Ibid., p. 30.*) В. Паррингтон называет его «джентльменом среди джентльменов» (*Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли, т. I. Пер. с англ. М., 1962, с. 292.*) . Ему же принадлежит наиболее обстоятельная характеристика системы взглядов Дикинсона. «Обычно он мыслил понятиями Британской империи, - отмечал Паррингтон, - и, выступая, всегда исходил из них. Больше всего он опасался, что какое-нибудь недоразумение приведет к разрыву с метрополией» (*Там же, с. 299.*) . Даже в «Письмах пенсильванского фермера», ратуя за свободу, Дикинсон пояснял, что речь идет о конституционном решении вопроса путем верноподданнического обращения американцев к королю, которого он называл «прекрасным государем». «У нас, - писал Дикинсон, - есть великодушное, разумное и гуманное правительство, к которому мы всегда можем обращаться... Давайте вести себя, как подобает послушным детям, получающим от любимых родителей неза заслуженные побои. Давайте пожалуемся нашим родителям, но говорить с ними мы должны почтительно, как подобает нашему положению» (*Там же, с. 295.*) . Более того, Дикинсон предостерегал американцев от выступлений против Англии, выражал свое недовольство действиями патриотов - сторонников активных действий. «Надеюсь, дорогие соотечественники, - писал он, - что в каждой колонии вы оудетс начеку с теми, кто попытается, играя на патриотических чувствах, поднять вас на действия, неуважительные к нашему государю и метрополии» (*Там же, с. 299.*) .

Слова эти, однако, не нашли отклика среди массы колонистов. Времена, когда призывы Дикинсона вызывали энтузиазм, остались далеко позади. Американцы не желали пребывать в роли «послушных детей». Идея независимости в Америке становилась все более популярной, и это сознавало большинство делегатов конгресса. Однако под давлением таких консервативно настроенных деятелей, как Дикинсон и его единомышленники, опасавшихся, что крушение власти Англии приведет к «анархии» в колониях, была предпринята еще одна, последняя, попытка примирения. Конгресс направил королю «Петицию оливковой ветви».

После Лексингтона, Конкорда и Банкер-Хилла колонии находились в состоянии войны с Англией. Окончательный разрыв с метрополией стал неминуем, и руководители освободительного движения приступили к обсуждению вопроса о будущем статусе колоний. Логика развития событий вплотную подвела их к вопросу о независимости. Несмотря на оппозицию консервативно настроенных кругов, руководители освободительного движения оказались не в состоянии далее противостоять нажиму радикально настроенных делегатов, требовавших решительных действий. «Нам не нужна независимость. Мы не хотим революции», - заявлял купец Джозеф Хьюз, делегат от Северной Каролины (См.: Фонср Ф. Указ, соч., с. 55.) . Но большинство делегатов Континентального конгресса склонялось к иному решению. Под влиянием агитации радикалов и под воздействием массового демократического движения сторонники независимости сумели склонить на свою сторону значительную часть колеблющихся элементов.

Решительный перелом в настроениях американцев наступил после опубликования в январе 1776 г. памфлета Томаса Пейна «Здравый смысл». Ни одно другое выступление, ни устное, ни печатное, не сыграло такой большой роли в мобилизации патриотических сил и агитации за независимость, как «Здравый смысл» (См.: Пейн Т. Избранные сочинения. Пер. с англ. М, 1959, с. 21 - 64. В советской литературе анализу произведений и взглядов Т. Пейна посвящены работы: Быховский Б. Э. Философия американского просвещения. - В кн.: Американские просветители, т. I. М., 1968; Баскин М. П. Томас Пейн. - В кн.: Пейн Т. Указ, соч., с. 5 - 20; Гольдберг Н. М. Томас Пейн. М., 1969; Громаков Б. С. Политические и правовые взгляды Томаса Пейна. М., 1960; Гончаров Л. Н. Общественно-политические идеи Т. Пейна. Фрунзе, 1959; Воронов В. Прогрессивные тенденции социологических воззрений Томаса Пейна. - Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1959, № 3; Кислова А. А. Томас Пейн - революционер и демократ. - В кн.: Американский ежегодник. 1975, М., 1975.) . Автор этого памфлета не был американцем - он прибыл из Англии лишь в 1774 г. По н у себя на родине Пейн был известен как сторонник демократических взглядов. В Лондоне Пейн случайно познакомился с Б. Франклином, которого, по словам В. Паррингтона, сразу «покорили его чудесные глаза и тот посоветовал ему испробовать Америку как место, где вероятнее всего можно преуспеть» (Паррингтон В. Л. Указ. соч.. т. I, с. 406.).

Томас Пейн Гравюра В. Шарпа

Томас Пейн переселился в Америку «без каких-либо сознательных революционных целей». (*Там же, с, 410.*) Рекомендательное письмо, которым его снабдил Б. Франклин, открыло возможность работы в качестве редактора одного из влиятельных филадельфийских периодических изданий - «Филадельфия мэгэзин». Наряду с повседневной редакционной работой Пейн выступал с собственными корреспонденциями и статьями. Пост редактора позволил ему познакомиться со многими руководителями освободительного движения, что сыграло немалую роль в его дальнейшей судьбе. Само развитие революционно-освободительного движения в Америке не могло не оказать сильного влияния на судьбу Пейна (*Phoner E. Tom Paine and revolutionary America. New York, 1976, p. 74.*).

Один из лидеров пенсильванских вигов Б. Раш, с которым Пейн поддерживал хорошие отношения, посоветовал ему выступить с памфлетом, который должен был положить начало дискуссии по вопросу о независимости. Раш рекомендовал не называть этого слова и не пропагандировать республиканскую форму правления. Однако, последовав основному совету Раша, Пейн пренебрег его рекомендацией относительно «независимости» и «республиканизма». В течение длительного времени Пейн и Раш были друзьями и единомышленниками. Впоследствии их пути резко разошлись. Стараясь объяснить этот факт, биограф Пейна Д. Хоук ссылается на обстоятельства частной жизни Раша и Пейна, пытаясь выяснить сходство и разницу в их характерах, поведении и даже внешнем облике. «Дружба между Пейном и Рашем, - пишет Хоук, - должно быть, поражала тех, кому приходилось с ними встречаться» (*Hawke D. F. Paine. New York, 1971 p. 39.*). Пейн любил выпить, а Раш проповедовал трезвенность. Хотя оба они одно время были холостяками, Раш вскоре женился, Пейн же остался навсегда одиноким холостяком. Пейн поздно вставал, проводил весь день во встречах и беседах, а вечером отправлялся в таверну, просиживая часами за игрой в вист или шашки, сопровождаемой хорошим бокалом вина. Раш поднимался с восходом солнца, спал не более 4 - 5 часов, потом весь день принимал пациентов - он был врачом, а вечерние часы проводил за столом, сочиняя статьи о медицине либо по политическим вопросам. Вместе с тем, характеризуя Раша и Пейна, Хоук находит у них общие черты. Оба они были связаны дружбой с Б. Франклином, отличаясь «горячим темпераментом, резкостью и уверенностью в себе». И Раш, и Пейн чувствовали себя ущемленными условиями британского колониального режима. Говоря о публицистической деятельности Пейна, Хоук отмечает, что даже небольшой очерк требовал от него немалых усилий. Иногда на это уходило несколько дней или даже недель. А Раш писал легко. Он мог набросать очерк за один вечер, на следующий день в перерывах между визитами пациентов окончательно его отшлифовать и затем напечатать. По подсчетам Хоука производительность Раша втрое превышала возможности Пейна (*Ibid., p. 40.*). Все это было действительно так. К этому лишь следовало бы добавить, что в то время как Пейн являлся идеологом революционно настроенных низов, Раш представлял интересы более состоятельных кругов колониальной буржуазии.

В обстоятельном исследовании, посвященном Т. Пейну как идеологу городских низов, Э. Фонер не без оснований связывает успех его

произведения с социальными сдвигами конца XVIII в., в результате которых ремесленники превратились в революционную политическую силу. Он говорит о пробуждении среди ремесленников «политической сознательности» и о том, что именно они, более чем любая другая группа населения, стали поборниками и носителями радикальных идей (*Phoner E. Tom Paine and revolutionary America, p. 57 - 63.*). Говоря о Филадельфии, где протекала деятельность Пейна и где был написан им его знаменитый памфлет, Фонер отмечает процесс «политизации» «городских ремесленников и низших классов общества» в результате их участия в милицейских отрядах. Известный деятель консервативного толка, а затем участник борьбы за независимость Г. Моррис отмечал в связи с этим: «Толпа начинает думать и рассуждать» (*Phoner E. Tom Paine's Republic: radical ideology and social change. - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Ed. by A. Young. De Kalb, 1976, p. 196. 61.*). Именно Пейну суждено было стать рупором пробудившихся к политической активности народных масс.

Главное же заключалось в том, что Пейн не только выражал интересы низов, но и сумел в своих выступлениях найти понятный им язык. Как отмечает В. Согрин, Пейн олицетворял собой новый этап в развитии революционной общественно-политической мысли Америки (*Согрин В. В. Указ, соч., с. 67 - 68.*) «До Пейна большинство американских публицистов, - пишет Фонер, - сознательно предназначали свои сочинения лишь для чтения образованным классам. Литературный стиль Пейна, его пренебрежительное отношение к авторитетам и его политический эгалитаризм - все это было взаимосвязано» (*Phoner E. Tom Paine's Republic, p. 201.*). Таким образом, не только политические взгляды, но и особенности литературного стиля были составным элементом нового подхода, использованного Пейном. Хотя большинство авторов того времени и считало, что писать для массового читателя означало жертвовать чистотой литературного стиля, впадая в вульгарный и тривиальный тон, Пейн придерживался иной точки зрения (*Ibid.*). Он писал именно в расчете на массы и доказал, что произведение подобного рода может соответствовать самым высоким литературным стандартам.

Памфлет Пейна - страстный призыв к народу. Он звал колонистов к восстанию против метрополии, провозглашая равенство всех людей и их прирожденные естественные права. Пейн отмечал, что вся предшествующая литературная полемика по поводу раздора с Англией оказалась безрезультатной. «Все было бесплодно, - писал он, - и период дебатов закончился. Оружие как последнее средство решает сейчас спор» (*Пейн Т. Указ, соч., с. 34.*). Он заявлял, что нельзя оставаться лояльным в отношении Англии и в то же время вести с ней борьбу за свои права. Пейн решительно выступал против тех, кто утверждал, что связь колоний со страной-матерью, Англией, жизненно необходима для их последующего благополучия.

«Поскольку много говорилось о преимуществах примирения, - писал Пейн, - которое подобно сладостной мечте ушло и оставило нас в прежнем положении, вполне уместно проверить доводы другой стороны и исследовать хотя бы часть того многообразного материального ущерба,

который терпят колонии и всегда будут терпеть до тех пор, пока существует их связь с Великобританией и зависимость от нее. Необходимо изучить эту связь и зависимость в свете законов природы и здравого смысла... Я слышал утверждения некоторых о том, что поскольку Америка процветала при своей прежней связи с Великобританией, то такая связь необходима для ее счастья в будущем и всегда будет приносить те же плоды. Америка процветала бы в такой же степени и, по всей вероятности, гораздо больше, если бы никакое европейское государство не обращало на нее внимания» (*Там же, с. 35.*) . Зависимость колоний от Англии, считал Пейн, противоречит их интересам, вовлекая колонистов в ненужные международные конфликты, чреватые убытками и опасностью для жизни людей. В будущем «связь с Британией» окажется «вынужденной и противоестественной», - писал Пейн. Он призывал американцев действовать смело и решительно, не жалея сил для борьбы против колониального ига. «Не под силу Британии или Европе, - писал Пейн, - завоевать Америку, если Америка сама не даст себя завоевать медлительностью и робостью» (*Там же, с. 39 - 40.*) . Вопреки совету Б. Раша, Пейн призывал Америку утвердить свою независимость.

Автор «Здравого смысла» не только пропагандировал идею независимости, но и подверг решительной критике монархическую форму правления, выступив сторонником республики. Пейн критиковал монархию как жестокий несправедливый режим и, по словам В. Паррингтона, явился «воплощением республиканского духа американской революции» (*Паррингтон В. Л. Указ, соч., т. Т, с. 405; Phoner E. Tom Paine's Republic, p. 226 - 227.*) . «Но где же, говорят некоторые, король Америки?», - восклицал он и отвечал: «...как в абсолютистских государствах король является законом, так и в свободных странах закон должен быть королем». Чтобы впоследствии не возникло угрозы демократической форме правления, Пейн предлагал разбить корону и куски ее рассеять в народе, «которому она принадлежит по праву» (*Пейн Т. Указ, соч., с. 46.*) . Это было очень смело, ибо, несмотря на развитие освободительного движения, монархическая традиция и вера в «добраго короля» были еще очень прочными. Пейн же заявлял, что свободная независимая республика принесет Америке демократическое правление и обеспечит ее народу процветание (*Phoner E. Tot Paine and revolutionary America, chap. III.*).

Биограф Пейна Хоук отмечает медленный темп его писательской манеры. Все, что выходило из-под пера Пейна, рождалось поистине в муках. Но это был новый, совершенно иной стиль, доступный пониманию широких масс, а резонанс, который имело опубликование «Здравого смысла», превзошел по своей силе и размаху эффект, которого до того достигало самое популярное произведение самого известного автора. Обычно политический памфлет выпускался одним-двумя изданиями, количество же изданий произведения Пейна достигло рекордной для того времени цифры - 25, а число людей, прочитавших его, - исчислялись сотнями тысяч человек. «Если эпоха революции продемонстрировала массовую политизацию американского общества, - пишет Э. Фо-нер, - то именно «Здравый смысл» способствовал взрыву страстей и политических

дебатов за пределами узких рамок образованной элиты, среди американцев всех слоев» (*Phoner E. Tom Paine's Republic, p. 199.*).

«Тема разговоров по всей Америке в течение последних нескольких недель, - писала в апреле 1776 г. «Нью-Йорк газетт», - была подсказана памфлетом под названием «Здравый смысл». Несколько позже другая нью-йоркская газета указывала, что памфлет Пейна «обратил в сторонников независимости тысячи людей, которые раньше и слышать об этом не хотели» (*Tyler M. C. The literary history of the American revolution 1763 - 1783, v. I. New York - London, 1897, p. 470, 473.*). Представитель Коннектикута, обращаясь к автору «Здорового смысла», говорил: «Вы выразили чувства миллионов. Ваше произведение можно по праву сравнить с наводнением, которое смело все на своем пути. Мы были слепыми, но, после того как Вы просветили нас, с наших глаз спала пелена и мы прозрели». Одна из филадельфийских газет отмечала, что после опубликования памфлета Пейна идея независимости колоний «получила необыкновенное распространение». При этом отмечалось, что «тысячи и десятки тысяч» простых людей оказались «более разумными», нежели «некоторые из наших признанных юридических консультантов», которые к этому времени «проявили нежелание» участвовать в неприятном для них деле (*Phoner E. Tom Paine's Republic, p. 199 - 200*). Можно согласиться с Э. Фонером в том, что Пейн «сознательно» выступил в роли «пионера нового стиля в публицистике, рассчитанной на вынесение политической дискуссии за узкие пределы «политического мира» XVIII в.» (*Ibid., p. 200.*).

Этот вывод формально разделяет крупнейший специалист по истории идей периода американской революции профессор Гарвардского университета Б. Бейлин. «Здравый смысл», - отмечает он, - это самый блестящий памфлет, написанный во время американской революции и один из самых блестящих памфлетов, написанных когда-либо по-английски» (*Bailyn B. Common Sense. - In: Fundamental testaments of the American revolution. Washington, 1973, p. 7.*). Однако, отдавая должное литературному стилю и публицистической манере Пейна, Бейлин заявляет, что памфлет не оказал значительного влияния на провозглашение независимости. Как представитель консервативного направления в современной историографии США, отрицающего радикально-демократическое начало в американской революции, Бейлин стремится представить Пейна и его памфлет как некий чужеродный элемент. Согласно его точке зрения, решающая роль в американской публицистике принадлежала написанным в традиционной манере произведениям умеренно либерального толка. Таким образом, камуфлируя свою концепцию в отношении Пейна комплиментами относительно литературных достоинств «Здорового смысла», Бейлин стремится перечеркнуть политическое значение этого произведения. Во-первых, говорит он, Пейн был англичанином, а не американцем, и не имел необходимого представления об условиях жизни в колониях. Во-вторых, «чем внимательней изучаем мы обстоятельства дебатов в конгрессе начала 1776 г., тем менее важным представляется нам значение «Здорового смысла». Бейлин избегает категорических суждений, но догадки, предположения, замечания, которые он делает, - все это сводится к одной цели - умалить значение «Здорового смысла». «Мы знаем, с одной стороны,

слишком много, а с другой - слишком мало, чтобы определить степень, в которой «Здравый смысл» повлиял на решения, принятые конгрессом в начале 1776г.», - пишет он. Бейлин находит «логику Пейпа» «в высшей степени несовершенной», ищет недостатки в характере приводимых им аргументов. Не имея возможности отрицать «интеллектуальную силу» «Здравого смысла» и то, что памфлет Пейпа повлиял на рост революционных настроений в стране, Бейлин утверждает, что он не оказал «формального воздействия на провозглашение независимости» и «не определил решения лидеров революции построить лучший мир» (*Ibid.*, p. 14, 22.).

Опираясь на труды Бейлина, представители консервативной школы всячески принижают значение «Здравого смысла» и его влияние на ход борьбы за независимость. В конечном же итоге такая тенденция практически уже привела к исключению Пейна из числа идейных вождей революции, хотя именно ему более чем другим, по справедливости принадлежит эта роль. Прав Э. Фонер, заявляя, что ни один человек из тех, кто участвовал в американской революции, не «совершил столь блестящей карьеры», но ни один из них и не испытал такой трудной судьбы, как Пейн. «После своей смерти, практически даже до этого, - пишет Фонер, - Пейн был исключен из числа вождей революции, которых канонизировала американская культура. Память о нем сохранялась из поколения в поколение только благодаря усилиям радикалов и свободомыслящих американцев, которые вновь и вновь находили в нем символ революционного интернационализма, свободы мысли и неповиновения существующим институтам» (*Phoner E. Tom Paine's Republic*, p. 189.).

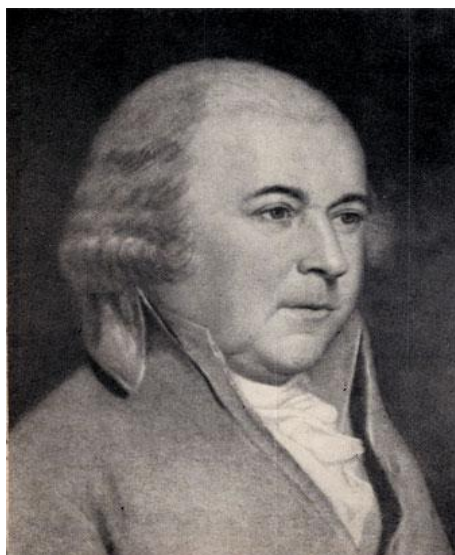
Демократический характер «Здравого смысла» определялся прежде всего конкретными предложениями в сфере политического переустройства, с которыми выступил Пейн. Он предлагал, чтобы каждый американец независимо от того, какой собственностью он владел и имел ли он ее вообще, был наделен правом голоса. Пейн заявил себя решительным сторонником всеобщего избирательного права, противником каких бы то ни было ограничений на основе имущественного ценза.

Эти предложения пришлись явно не по вкусу представителям имущих групп, которые привыкли к мысли о том, что «власть рождается собственностью» (*Ibid.*, p. 207.). Джон Адамс, являвшийся идеологом этих групп (В советской литературе анализу взглядов Джона Адамса посвящена работа Б. А. Ширяева «Джон Адамс в период борьбы американских колоний за независимость» (*Американский ежегодник. 1975, с. 209 - 230.*) , считал предложения Пейна «излишне демократичными» (*Phoner E. Tom Fame's Republic*, p. 207.) В. Паррингтон, характеризуя Дж. Адамса как «реалиста», заявлял, что в годы борьбы за независимость он «принадлежал к левому крылу» (*Паррингтон В. Л. Указ, соч., т. I, с. 383.*). Действительно, впоследствии Дж. Адамс занимал гораздо более консервативные позиции, чем в рассматриваемый период. Однако едва ли это дает основания причислять его к «левому крылу». «Молодой Джон Адамс был стойким защитником прав человека; Джон Адамс в пожилом возрасте оказался стойким защитником прав собственности...», - писал далее В. Паррингтон (*Там же.*) . Это утверждение

нуждается в уточнении. Хотя взгляды молодого Дж. Адамса носили более либеральный характер, а в пожилом возрасте стали заметно клониться вправо, приобретая откровенно консервативный характер, и в том, и в другом случае Дж. Адамс оставался «защитником прав собственности».

Дж. Адамс приветствовал призыв к отделению от Англии. Он выступал сторонником провозглашения независимости и впоследствии решительно настаивал на том, что не Пейну, а ему принадлежит приоритет в выдвижении этой идеи (Дж. Адамс - Б. Рашу, 1 мая 1807 г. - *The spur f fame. Dialogues of John Adams and Benjamin Rush, 1805 - 1813. Ed. by J. A. Schutz, D. Adair. San Marino, 1966, p. 82.*). В ответ на «Здравый смысл» Джон Адамс выпустил памфлет «Размышления относительно правительства», в котором подвергал критике многие положения Т. Пейна. Как отмечает Э. Фонер, он был ничуть не менее республиканцем, нежели Пейн, но «его республиканизм имел безусловную элитарную окраску». Дж. Адамс «был напуган уравнительными идеями «Здравого смысла», - отмечает Фонер, - и искал им противодействия». Он решительно выступил против идеи всеобщего избирательного права. «Весьма опасно, - писал он, - менять избирательное право. Это ведет к путанице и уничтожению всех различий, низводит людей разного положения до одного уровня» (*Phoner E. Tom Paine's Republic, p. 207; Shaw P. The character of John Adams. Chapel Hill, 1976, p. 94.*)

Подход Пейна вызвал отрицательную реакцию не только со стороны Дж. Адамса, но и других сторонников партии вигов. Даже представители «радикалов» Сэмюэл Адамс и Патрик Генри воздержались от поддержки «уравнительных» идей Пейна. В то же время, призыв Пейна к независимости встретил широкий отклик со стороны лидеров освободительного движения, даже среди умеренного крыла. Это было не столько результатом воздействия выдвинутых Пейном аргументов в пользу независимости, сколько следствием того впечатления, которое памфлет «Здравый смысл» оказал на развитие массового движения, пережившего состояние взрыва. Памфлет Пейна сыграл роль своего рода катализатора, стремительно ускорившего уже начавшуюся реакцию. После его опубликования вопрос о независимости перешел из стадии осторожных разговоров в стадию открытых обсуждений и практического решения. К этому вело и дальнейшее развитие событий, способствовавших усилению движения за отделение от Англии.

Патрик Генри Худ. Л. Салли

Посланная королю конгрессом «Петиция оливковой ветви» была фактически отвергнута: британское правительство решило не отвечать на послание мятежных колоний. В Англии по-прежнему считали, что проводимая по отношению к колониям политика правильна и не нуждается в серьезных переменах. Впоследствии Б. Франклин вспоминал, что незадолго до начала войны за независимость он оказался свидетелем разговора, во время которого один британский генерал заявил, что быстро решил бы все американские проблемы, имея он тысячу гренадеров. С ними генерал обещал пройти «из одного конца Америки в другой, кастрировав всех мужчин». «Совершенно очевидно, - писал Франклин, - что он принимал нас за разновидность животных, лишь немногим превосходящих диких зверей... На янки смотрели, как на мерзкое чудовище, и парламент считал, что петиции подобного рода созданий не подобало принимать и читать в таком собрании мудрецов (как британский парламент, - А. Ф.)» (*Jensen M. Op. cit., p. 647-648.*) .

После Банкер-Хилла английское правительство поняло, что ни одной, ни двумя, ни даже пятью тысячами гренадеров колонии усмирить не удастся. Было принято решение отправить в Америку 20-тысячный корпус. Но вербовка проходила медленно. К весне 1776 г. к отправке было готово лишь 5-6 тыс. человек (*Ibid., p. 646.*). Тогда начались переговоры о создании корпуса наемников в немецких княжествах. Сообщение об этом быстро дошло до колоний. Кроме того, стало известно, что британское командование в самой Америке приступило к вербовке негритянских невольников и энергично подстрекало индейцев нападать на фермы и поселения «пограничников». Желая продемонстрировать свою готовность жестоко расправиться с повстанцами, британские войска совершили рейды в Фальмут (в Мэне) и в Норфолк (в Виргинии), которые были разгромлены и сожжены дотла. Король издал указ, объявив колонии в состоянии мятежа. Войска и военно-морской флот получили приказ подавить восстание.

Все это, вместе взятое, способствовало медленной, но неуклонной перемене в настроениях делегатов Континентального конгресса. Чаша

весов стала склоняться в пользу сторонников разрыва с Англией. Весной 1776 г. конгресс, наконец, приступил к осуществлению мероприятий, которые завершились провозглашением независимости.

Сторонники независимости в конгрессе все еще были в меньшинстве. Вернее, многие из делегатов уже осознали необходимость и неизбежность отделения от Англии и создания самостоятельного американского государства. Но даже те, кто осознал это, для того, чтобы проголосовать за независимость, должны были получить полномочия от местных ассамблей, избравших их делегатами на Континентальный конгресс и определивших круг их обязанностей и полномочий. Поэтому нельзя не согласиться с М. Дженсенем, что важнейшим шагом на пути провозглашения независимости стал вопрос о получении делегатами инструкций от соответствующих ассамблей, разрешающих им голосовать за независимость (*Ibid.*, p. 666.) .

Агитационная кампания в колониях, особенно после опубликования «Здравого смысла», достигла широкого размаха. Но, несмотря на массовое движение в пользу независимости, среди влиятельных кругов имущих групп все еще сильны были ее противники, отчаянно сопротивлявшиеся принятию каких-либо радикальных решений. Среди тех же слоев были и решительные сторонники разрыва с Англией. Но до поры до времени им не удавалось овладеть положением. Логика политической борьбы, развитие революционных настроений подтолкнули их к тому, чтобы и на этот раз использовать массовое движение, дабы выбить почву из-под ног своих противников и добиться поставленной цели.

Сторонники независимости рассчитывали также, что британское правительство своими дальнейшими действиями ускорит разрыв с Англией. «Мы не в состоянии делать события, - говорил С. Адамс. - Наше дело с умом подтолкнуть их (в нужном направлении, - А. Ф.)». Все, что можно было сказать критического в адрес метрополии, уже было сказано, и Адамс справедливо считал, что не какие-либо новые доводы или аргументы, а умело направляемый сторонниками независимости ход событий поможет добиться успеха. С. Адамс ссылаясь на эффект, произведенный репрессиями против Бостона, событиями в Лексингтоне и Конкорде, карательными рейдами британских войск и т. п. Он выражал уверенность, что по прибытии английских контин-гентов на Юг неизбежно произойдет сражение, которое сделает «больше для провозглашения независимости, чем длинная цепь самых убедительных аргументов, приводимых в местных ассамблеях или Континентальном конгрессе» (С. Адамс - С. Куперу, 30 апреля 1776 г. - *Writings of Samuel Adams*, v. III, Ed. by H. A. Gushing. New York - London, 1904, p. 284 - 285.) . В этом рассуждении бесспорно была своя логика.

С другой стороны, факторы, влиявшие на поведение лидеров освободительного движения из состава имущей верхушки во все предшествующие годы, включая их тактику в отношении массовых организаций «Сынов свободы» и т. п., полностью сохраняли свою силу и на данном этапе. Как уже не раз отмечалось, тактика эта сводилась к тому, чтобы не выпустить из своих рук контроля и удержать массы в определенных рамках, чтобы не позволять народным выступлениям

перехлестнуть через край, за пределами которого уже трудно было бы что-либо сделать. Поэтому лидеры патриотов выражали озабоченность по поводу того, что Континентальный конгресс в своих решениях слишком сильно отставал от настроений масс. Д. Хоули из Коннектикута писал С. Адамсу, что обеспокоен возможностью нападения разгневанных масс в лице армии и «толпы» на конгресс, разгона его и назначения новых делегатов из «низов», которые станут «диктовать всему континенту», что делать. «Народ сейчас идет впереди вас, - писал он. - Единственный путь предотвратить разлад и установить разумный порядок, это ковать железо, пока горячо. Кровь у народа кипит и медлить нельзя». «Ради бога, - взывал он, - примите меры для выработки какой-либо конституции, ибо в противном случае только всевышний знает, кто может стать нашими лидерами» (*Jensen M. Op. cit., p. 670*).

Примерно те же заботы беспокоили и представителей других колоний, принадлежавших к имущим слоям патриотического лагеря. «Скажите, бога ради, - писал Чарлз Ли из Виргинии, обращаясь к делегату от Пенсильвании известному финансисту Роберту Моррису, - почему конгресс ведет себя таким ужасным и бессмысленным образом? Почему сразу не сделать шага, который вы все равно должны будете сделать скоро?». «Если вы его не сделаете, - предостерегал Ч. Ли, - вы вынудите в конечном итоге народ попытаться сделать его без вас, что неизбежно приведет к невообразимой анархии» (*Ibid.*). Руководители антибританского движения в Виргинии остро чувствовали опасность социальных потрясений и первыми обратились к местной ассамблее с призывом сформировать новую власть и поддержать идею независимости во имя сохранения «общественного порядка» (*Ibid., p. 671.*). Комментируя позицию лидеров патриотического движения в Виргинии, Джон Адамс писал, что повсюду распространился призыв к «здравому смыслу и независимости» (*Ibid., p. 672.*).

Еще ранее ассамблея Южной Каролины приняла резолюцию, обязавшую своих делегатов в конгрессе голосовать за отделение от Англии. Аналогичный вопрос рассматривался ассамблеей Северной Каролины, которая приступила к его обсуждению почти одновременно с Виргинией. Дж. Адамс считал это весьма знаменательным. Как только станет ясно, что Каролина и Виргиния поддерживают независимость, заявлял он, это известие с быстротой молнии облетит другие колонии и станет для них примером (*Ibid.*).

Парадоксально, но Массачусетс, являвшийся важнейшим центром революционного движения, - на его территории уже практически шли военные действия против Англии, - позднее других колоний приступил к обсуждению вопроса о независимости. Это объяснялось внутренними распрями между представителями различных графств и отдельными руководителями патриотического движения. Большинство делегатов местной ассамблеи, как отмечает М. Дженсен, были настолько поглощены внутренней борьбой за власть, что у них уже не оставалось времени заниматься вопросами, выходящими за пределы интересов их колонии (*Ibid.*).

В центре этой борьбы был конфликт между жителями прибрежных районов и «внутренней» страны - традиционный для многих колоний конфликт между фермерами «глубинки» и богатой верхушкой Атлантического побережья. Споры велись по поводу того, на основе какой конституции будет управляться колония, согласно какому принципу будут избираться гражданские власти, как будет формироваться командование милицейских отрядов и т. п. Дискуссия по этому поводу затянулась на долгие месяцы, и тот факт, что Массачусетс, на территории которого прозвучали первые выстрелы войны за независимость, не мог принять решения, позволившего бы его представителям возглавить в конгрессе движение за провозглашение независимости, болезненно воспринимался лидерами освободительного движения колонии - сторонниками разрыва с Англией.

Активную роль в попытке убедить массачусет-скую ассамблею высказаться в пользу провозглашения независимости сыграл Джон Адамс. Сам он являлся делегатом Континентального конгресса и в Бостоне бывал лишь наездами в перерывах между заседаниями конгресса. Но Дж. Адамс был делегатом и местной ассамблеи, вел интенсивную переписку со своими коллегами и всеми мерами пытался убедить других делегатов ассамблеи, лидеров патриотического движения Массачусетса, в необходимости такого рода шага. Заседания конгресса в Филадельфии проходили в бесконечных дебатах: «... разговоры, разговоры и разговоры, - отмечает биограф Дж. Адамса Ф. Рассел, - в то время как осаждавшая Бостон армия Вашингтона оставалась без денег и без надлежащего снабжения» (*Russell F. Adams. An American dynasty. New York, 1976, p. 64.*). По подсчетам внука Дж. Адамса, его дед в период пребывания на посту делегата Континентального конгресса в 1774 - 1777 гг. перебивал членом 90 комиссий и в 25 из них был председателем (*Shaw P. Op. cit., p. 95.*). По словам Дж. Адамса, весь день проходил в бесконечных заседаниях: с 7 до 10 часов утра - в комиссиях, с 10 до 4 - 5 часов - пленум конгресса, а затем до 10 вечера - снова комиссии. «Всю осень, зиму и весну 1775 - 1776 гг., - вспоминал позднее Дж. Адамс, - я постоянно был загружен работой в конгрессе, заседания которого продолжались с утра до ночи, я, безусловно, делал больше, чем любой другой делегат этого собрания» (*Ibid.; Adams J. Op. cit., p. 237.*). Поэтому, возвращаясь в Массачусетс на каникулы, он буквально валился от усталости и спал по 16 часов в сутки (*Russell F. Op. cit., p. 64.*).

Как видно из записок Дж. Адамса, а также из свидетельств других источников, будучи делегатом конгресса, он неустанно добивался провозглашения независимости. По его инициативе в феврале-марте 1776 г. конгресс, отменив Навигационные акты, открыл американские порты для судов всех стран, исключая английские. Для борьбы с установленной Англией блокадой американского побережья было принято решение о снаряжении каперских судов, положивших начало американским военно-морским силам. Конгресс постановил развивать торговые отношения со всеми странами, за исключением Англии и британских доминионов, хотя и возникли разногласия относительно того, с какого времени и каким образом будет осуществляться контроль за введенными ограничениями (*Jensen M. Op. cit., p. 658 - 659.*).

Определение позиции Массачусетса по вопросу о независимости Дж. Адамс считал важным по двум причинам. Во-первых, чтобы сохранить за ним лидирующую роль среди остальных колоний в борьбе против метрополии. Во-вторых, чтобы промедлением и пассивностью не охладить освободительных устремлений, в частности южных колоний, не оттолкнуть их от себя и не лишиться таким образом необходимой поддержки с их стороны. Как уже отмечалось, Джон Адамс принадлежал к умеренному консервативному крылу патриотического лагеря и его политические взгляды существенно отличались от леворадикальных воззрений Томаса Пейна. Но в одном он был согласен с Пейном: у Америки не было иной альтернативы, чем независимость. И так же, как и Пейн, он понимал, что новое независимое государство должно быть республиканским по форме своего правления (*Adams J. Op. cit., p. 333.*) .

Между тем политический спор по вопросу о независимости не обещал простого решения в Массачусетсе. Конфликт принял явно выраженную классовую окраску и все более углублялся. Противоречия между интересами фермеров «внутренних» районов и малоимущих городских слоев, с одной стороны, и зажиточной верхушки Атлантического побережья - с другой, оставались практически неразрешимыми. С. Паттерсон справедливо отмечает, что в Массачусетсе «раскол» происходил «по многим вопросам» и вопрос о независимости имел свой «внутренний аспект», связанный с противоречиями между различными группами патриотов, которых он условно делит на «сторонников реформ» и «умеренных». «Для сторонников реформ, многие из которых до 1774 г. стояли в стороне от революционной борьбы, - пишет он, - независимость была обязательным условием революции. Они знали по опыту, что никакая королевская администрация не допустила бы, чтобы они сами назначали милицейских и гражданских чиновников, по собственной воле распускали суды, устанавливали жалованье чиновникам и судьям... определяли их состав или вводили ограничения на количество занимаемых должностей. Они были уверены, что независимость должна гарантировать им эти права». Паттерсон отмечает, что для этой группы населения Массачусетса «независимость» была синонимом «свободы» (*Patterson J. E. Political parties in revolutionary Massachusetts. Madison, 1973, p. 141.*) .

Другая группа - «умеренные», к которым Паттерсон причисляет главным образом имущие круги прибрежных графств, дольше всех отстаивала планы примирения с Англией. Сэмюэл Адамс критически отзывался об «умеренных, осторожных виггах», которых было немало в Массачусетсе. «Их умеренность, - писал он в частном письме, - является причиной критического положения, в котором мы находимся. Если с ними считаться, то конфликт может продолжаться столетие». Люди, которые занимали умеренные позиции по внутренним вопросам, проявляли, по словам Паттерсона, «умеренность и в вопросе о независимости» (*Ibid., p. 142.*). Разногласия между сторонниками и противниками независимости в Массачусетсе носили классовый характер, и к этому выводу практически склоняется Паттерсон.

Выступая решительным сторонником независимости, Дж. Адамс вовсе не занимал некоей «надклассовой» позиции, как это утверждает П. Шоу. «Теперь стало ясно, - пишет он, - что Адамса нельзя рассматривать ни как представителя западных радикалов, ни как представителя умеренных восточных районов Массачусетса. Он стоял над партиями». По словам П. Шоу, Джон Адамс и его двоюродный брат Сэмгоэл представляли своего рода третью партию (*Shaw P. Op. cit., p. 97. 242*). Этот вывод, однако, не выдерживает критики. По крайней мере Дж. Адамс вполне разделял консервативные убеждения «умеренных». Впоследствии это полностью подтвердилось при выработке отличавшейся крайним консерватизмом массачусетской конституции, отцом которой являлся Адаме.

Что же касается противодействия независимости со стороны «умеренных» Массачусетса, то оно объяснялось политическим недомыслием. Ошибочность подобной позиции, чреватой серьезной опасностью для имущих классов в условиях растущего массового движения, хорошо понимали Адаме и другие массачусетские лидеры. Под их влиянием и в результате их непосредственного вмешательства «умеренные» постепенно пришли к выводу о необходимости голосовать за независимость. К середине июня 1776 г. большинство делегатов массачусетской ассамблеи, объединявшее и «сторонников реформ», и «умеренных», готово было голосовать за инструкции своим представителям на Континентальном конгрессе в пользу независимости. Это вовсе не означало ликвидации прежних разногласий. «Согласие па независимость Массачусетса, - пишет Паттерсон, - представляло собой временный поверхностный союз, так как разные люди видели в этом способ делать разные вещи» (*Patterson S. E. Op. cit., p. 148.*)

Предшествовавшее решению массачусетской ассамблеи собрание графства Эссекс, поддержавшее идею независимости, недвусмысленно продемонстрировало, что «умеренные» прибрежных районов готовы согласиться лишь с самым минимальным внутренним переустройством и не мыслят иного правительства, чем то, которое «контролировалось бы прежним правящим классом» (*Ibid., p. 152.*). Решение голосовать за независимость поставило перед ними в еще более обостренной форме, чем ранее, вопрос о том, «какая часть, какая социальная группа или какие экономические интересы будут управлять (будущим, - А. Ф.) штатом». Купечество, например, по замечанию одного из современников, никогда не согласилось бы подчинить свои интересы общему благу. «У купцов, - писал он, - нет иной цели, кроме собственного, частного интереса» (*Ibid., p. 149.*).

В этом смысле Массачусетс не представлял исключения. Аналогичным образом, хотя и по-разному, развивались события в других колониях. Под нажимом масс представители имущих классов порой шли на решения, которых они не хотели. Но всякий раз такого рода шаги сопровождались мерами, которые должны были гарантировать сохранение их интересов и поддержание их руководящей роли в решении политических вопросов.

К маю - июню 1776 г. большинство делегатов Континентального конгресса уже осознало неизбежность разрыва с Англией. 10 мая конгресс

одобрил внесенную на его рассмотрение Дж. Адамсом резолюцию, рекомендующую всем колониям образовать собственные органы власти, независимые от британской короны. Резолюция эта была дополнена 15 мая специальной преамбулой, гласившей, что всякая власть, исходящая от метрополии, «должна быть полностью ликвидирована» и новому правительству следует опираться только на «власть народа колоний». В то время как резолюция была принята единодушно, преамбула, обсуждавшаяся отдельно, собрала незначительное большинство. Из 11 колоний, принимавших участие в голосовании, 6 подали голоса «за», 4 «против», а делегация Мэриленда покинула зал заседаний, заявив, что не желает связывать себя какими-либо обязательствами до получения инструкций (*Journals of the Continental congress, v. IV. Washington, 1906, p. 352, 357.*) .

Принятие резолюции 10 мая и особенно преамбулы к ней 15 мая явилось важным шагом на пути к провозглашению независимости. Дж. Адаме не без оснований отметил, что, одоблив преамбулу, «конгресс принял самую важную резолюцию из всех, какие до того принимались в Америке». Он склонен был даже рассматривать принятые конгрессом решения, - возможно, потому, что он сам являлся их автором, - как имеющие исключительно важное историческое значение и практически провозглашавшие независимость. Два дня спустя после голосования в конгрессе Дж. Адамс писал жене, что Англия толкнула Америку на крайний шаг - «совершенное отделение от нее, полную абсолютную независимость» (*Дж. Адамс - А. Адамс, 17 мая 1776. - Letters of members of the Continental congress, v. I, p. 453.*)

Вскоре, однако, и Дж. Адамс, и другие сторонники независимости вынуждены были убедиться, что вопрос далеко не решен. Три недели спустя - 7 июня 1776 г. - делегат Виргинии Ричард Генри Ли внес на рассмотрение конгресса резолюцию, которая развивала ранее одобренные предложения Адамса. Проект резолюции Р. Ли состоял из трех пунктов: «1) Колонии должны быть свободными и независимыми штатами, они освобождаются от всех обязательств в отношении британской короны, все политические связи между ними и Великобританией должны быть полностью разорваны. 2) Необходимо немедленно принять самые эффективные меры для заключения союзов с иностранными государствами. 3) Необходимо подготовить и передать соответствующим колониям для рассмотрения и утверждения план создания конфедерации» (*Journals of the Continental congress, v. V. Washington, 1905, p. 425.*).

Предложение Р. Ли вызвало бурные дебаты в конгрессе, продолжавшиеся два дня - 8 и 10 июня. Внесенная резолюция была с энтузиазмом встречена в конгрессе, но далеко не все готовы были за нее голосовать. Во-первых, высказывалось опасение, не приведет ли провозглашение независимости к союзу европейских держав - Франции и Испании - с Англией против Америки. А что, если Англия вернет Франции Канаду, Испании - Флориду и такой ценой получит их поддержку для подавления восстания в Америке? Были посланы специальные представители в Париж, чтобы выяснить, какую позицию займет основной соперник Великобритании в Европе - Франция. При наличии хороших

вестей и сообщения о возможности франко-американского союза, полагали лидеры конгресса, можно смело голосовать за независимость.

С другой стороны, участники дебатов в конгрессе выразили сомнение в том, что Франция, а также Испания станут помогать Америке, если колонии не провозгласят своей независимости. Таким образом, провозглашение независимости требовалось не только для заключения союза с иностранными державами, но и для того, чтобы пользоваться военной помощью Европы, в чем американская армия испытывала крайнюю нужду.

Все эти соображения, однако, отступали на задний план перед лицом того факта, что многие делегации еще не имели от своих колоний четких инструкций, как они должны себя вести. Все помнили, как делегация Мэриленда покинула зал заседаний при предыдущем голосовании резолюции Дж. Адамса. Сторонники независимости опасались аналогичного поведения других колоний. Поэтому решено было не ставить немедленно резолюцию Р. Ли на голосование, а отложить окончательное решение еще на три недели, до 1 июля, чтобы дать возможность делегатам конгресса получить необходимые инструкции. За это предложение голосовало 7 делегаций, против - 5. Желая, однако, придать решению конгресса большую определенность, сторонники независимости добились того, что была создана специальная комиссия в составе Томаса Джефферсона, Бенджамина Франклина, Джона Адамса, Роджера Шермана и Роберта Ливингстона, которой к означенному сроку поручено было «подготовить декларацию независимости». Затем была избрана комиссия по выработке Статей конфедерации во главе с Джоном Дикинсоном и третья комиссия для рассмотрения возможных соглашений с иностранными державами. Дж. Адамс справедливо отметил, что теперь оставалось сделать «последнее решающее усилие». «После этого, - писал он, - ничего не оставалось, кроме войны» (*Jensen M. Op. cit., p. 691. 246.*).

Решения конгресса 10 июня нашли живой отклик в колониях. После «Здравого смысла» и сообщений о дебатах в Континентальном конгрессе по вопросу о провозглашении независимости настроение масс резко революционизировалось. Еще до решения местных ассамблей на различных митингах в графствах и городах принимались многочисленные резолюции в пользу независимости. С каждым днем события принимали все более стремительный оборот и местным ассамблеям следовало торопиться с принятием решений. Самой первой еще в мае резолюцию о независимости приняла Виргиния. «Принципы памфлета Пейна, - комментировал это решение видный виргинский политический деятель Э. Рандольф, - с триумфом одобрены самой крупной, самой богатой и самой влиятельной колонией в Америке». (*Ibid., p. 680 - 681.*) Действительно, наряду с Массачусетсом Виргиния занимала особое место среди других колоний. Ей принадлежал веский голос во всех делах, касающихся взаимоотношений с Англией. Многие политические деятели, ставшие лидерами освободительного движения, были виргинцами. По образному выражению биографа Т. Джефферсона историка Д. Малоне, Виргиния имела две главные статьи экспорта: табак и политических деятелей. Поэтому решение

местной виргинской ассамблеи, поддерживающее провозглашение независимости, имело большое влияние на развитие настроений в других колониях.

Тем не менее только после резолюции Континентального конгресса от 10 июня примеру Виргинии последовали другие колонии. 14 июня ассамблея Коннектикута одобрила резолюцию, рекомендующую своим представителям «провозгласить Соединенные Американские колонии свободными и независимыми штатами». 15 июня аналогичные резолюции, поддерживающие провозглашение независимости, приняли ассамблеи Нью-Гэмпшира и Делавэра. В Пенсильвании местный конгресс, созванный для реорганизации власти и выработки конституции, с энтузиазмом поддержал идею независимости, а противившегося принятию этого решения губернатора объявил «врагом этой страны и лицом, которое может оказаться опасным», постановив подвергнуть его тюремному заключению. К 25 июня только ассамблеи Мэриленда и Нью-Йорка еще не приняли резолюций, одобряющих провозглашение независимости. В результате длительных сложных перипетий Мэриленд в конечном итоге отправил своим делегатам инструкции голосовать «за». Что же касается Нью-Йорка, то его делегаты так и остались без инструкций, не имея полномочий голосовать ни «за», ни «против». Поэтому, когда Континентальный конгресс приступил к обсуждению Декларации независимости, представленной на его рассмотрение 1 июля 1776 г., делегаты Нью-Йорка вынуждены были заявить, что сами они являются сторонниками независимости, уверены, что население Нью-Йорка придерживается такой же позиции, но полномочиями подавать голос за провозглашение независимости не располагают (*Ibid.*, p. 698 - 699.) .

Итак, 1 июля 1776 г. Континентальный конгресс в соответствии с принятой ранее резолюцией приступил к обсуждению вопроса о провозглашении независимости. Хотя для подготовки Декларации независимости создана была целая комиссия, автором документа стал молодой виргинский адвокат и землевладелец Томас Джефферсон. Как оратор он не пользовался известностью ни тогда, ни впоследствии. Но как мыслитель, радикально настроенный философ и политический деятель Джефферсон во многих отношениях не имел себе равных. «Декларация независимости, - отмечают советские историки Г. Н. Севостьянов и А. И. Уткин, - на века прославила Джефферсона, поставив его в один ряд с величайшими идеологами просвещения» (*Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1976, с. 73.*) . Этот вывод представляется бесспорным.

Томас Джефферсон был буржуазным деятелем революционно-демократических взглядов, впитавших в себя идеи французских просветителей XVIII в. и философов английской буржуазной революции XVII в., прежде всего Джона Локка с его теорией «естественного права» на жизнь, свободу и собственность (Подробнее об этом см. главу I настоящей книги.). Американская исследовательница С. Кенион утверждает, что Декларация независимости испытала на себе прежде всего идеи английской буржуазной философии (*Kenyon C. M. The Declaration of independence. - In: Fundamental testaments of the American revolution. Washington, 1973, p. 25 - 48.*) . Однако ее подход в

духе консервативной школы, представители которой стремятся принизить значение внутренних причин американской революции, носит явно тенденциозный характер.

Споры по поводу того, какому влиянию более всего был подвержен Т. Джефферсон и чему в этой связи обязано появление Декларации независимости, имеют достаточно длинную историю. Можно согласиться с американским историком Ф. Детвейлером, что Декларация «воспринималась по-разному в разные времена и разными людьми». В первые десятилетия после ее провозглашения она отнюдь не была канонизирована как некое «священное писание», что случилось позднее, а рассматривалась как документ практической политики, вокруг которого велись постоянные споры и выражались разные точки зрения в зависимости от партийной принадлежности участников этих споров (*Detweiler Ph. F. The changing reputation of the Declaration of independence: the first fifty years. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1962, v. 19, p. 557.*).

Впоследствии появилась большая литература о происхождении взглядов Джефферсона и значении составленного им документа. Автор самой фундаментальной работы, посвященной Декларации независимости, известный историк-«прогрессист» К. Беккер резонно отмечал, что совершенно бесспорно влияние на Джефферсона западноевропейских философов (*Becker C. The Declaration of independence: A study in the history of political ideas. New York, 1940, p. 24 - 25.*). Так же считает и Д. Бойд (*Boyd J. P. The Declaration of independence: the evolution of the text as shown in facsimiles of various drafts by its author Thomas Jefferson. Princeton, 1945.*), усилиями которого вот уже много лет продолжается публикация «Бумаг Томаса Джефферсона», являющая собой беспрецедентный пример предпринимаемых до сих пор в США документальных изданий как по тщательности подготовки, так и по качеству весьма обширного исследовательского комментария (*The papers of Thomas Jefferson. V. I - XIX. Ed. by J. P. Boyd. Princeton, 1950 - 1976.*). По мнению Бонда, Джефферсон впитал в себя все богатства либеральных традиций современной ему западноевропейской и античной литературы (*Boyd J. P. Op. cit., p. 5.*).

Касаясь этой же темы, американский историк Г. Колбурн ссылается на то, что Джефферсон много читал, хорошо знал историю. Это позволило ему стать и видным политическим деятелем, и автором знаменитого документа (*Colbourn H. T. Thomas Jefferson's use of the past. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1958, v. 15, p. 56 - 70.*). Конечно, знание истории - важное условие успешной политической деятельности, но Г. Колбурн излишне преувеличивает значение этого фактора. К. Беккер, Д. Бойд и другие исследователи убедительно показали, что взгляды Джефферсона были не только следствием «начитанности», и не только влияние идей античных авторов, английских философов и французских просветителей, как бы велико оно ни было, определило мировоззрение автора Декларации независимости.

Взгляды Джефферсона, нашедшие выражение в Декларации, в огромной степени отражали опыт самих американских колоний, их собственные демократические традиции, сложившиеся за полтора с лишним

столетия со времени основания первых американских поселений. История и практика американской политической жизни, свидетелем и активным участником которой был Т. Джефферсон, оказали на него колоссальное влияние. Об этом верно сказал В. Паррингтон: «...учение Старого Света он (Джефферсон,- А. Ф.) рассматривал с точки зрения его применимости к существующим американским условиям и сдерживал свою любовь к теоретизированию заботой о практических нуждах момента». «За фигурой Джефферсона, мыслителя с головой аристократа на плечах плебея, - писал Паррингтон, - стояла философия новой эпохи и молодого народа - эпохи и народа, которые еще не достигли зрелости, но уже нащупывали путь от первого опыта к прочным достижениям» (Паррингтон В. Л. Указ, соч., т. I, с. 422.).

Неудивительно, что имя Томаса Джефферсона заняло особое место в американской истории. Автор Декларации независимости уже при жизни был окружен ореолом славы. В то же время Джефферсон вызвал зависть и недружелюбие со стороны тех, кому его лавры не давали покоя. Даже Джон Адаме, который являлся сторонником независимости и входил в состав комиссии по выработке Декларации, пытался умалить заслуги Джефферсона, утверждая, что Декларация не выдвинула ничего нового по сравнению с тем, что он сам предлагал ранее. Видимо, к этой точке зрения склоняется и его биограф П. Шоу, заявляя, что Дж. Адамс «уступил» Джефферсону возможность подготовить текст Декларации, «следуя своей политике использования виргинцев для того, чтобы проводить политику Массачусетса». Сам Дж. Адамс на склоне лет не раз возвращался к этому вопросу. Он говорил, что «всегда относился к Декларации независимости, как к театральному представлению». «Джефферсону, как актеру на сцене, - писал он, - достались аплодисменты... и вся слава» (Дж. Адамс -Б. Рашу, 30 сентября 1805 г. и 1 мая 1807 г. - *The spur of fame*, p. 43, 82; Shaw P. *Op. cit.*, p. 100.)

Этот эпизод весьма характерен для уяснения взаимоотношений между членами конгресса, атмосферы соперничества, раздоров и интриг, господствовавших там. Конечно, Декларация независимости не была театральным представлением, а Т. Джефферсон не был актером, как об этом ЖРЛЧПО писал Дж. Адамс. Просто политические взгляды Дж. Адамса и Т. Джефферсона существенно различались. К тому же сюда примешалась элементарная человеческая зависть.

Как бы там ни было, заслуги Джефферсона в написании Декларации независимости совершенно бесспорны и знаменателен тот факт, что именно он оказался ее автором. Не менее важно и то, что в провозглашении Декларации Джефферсон видел нечто большее, чем независимость. «Он видел в политической независимости, - отмечает Д. Малоне, - не цель, а средство, и был гораздо более заинтересован в том, что должно последовать за формальным отделением, чем в самой по себе акции отделения» (*Malone D. Jefferson and his time. v. I. Boston, 1948, p. 235.*).

Декларация независимости была первым в истории официальным государственным документом, который провозглашал принцип народного суверенитета как основу государственного устройства. В этом заключалось ее прогрессивное значение. Исторически важным положением Декларации

было также то, что она признавала за народом право восстания, революции. «Когда долгий ряд злоупотреблений и попыток узурпации власти, преследующих неизменно одну и ту же цель, свидетельствуют о намерении подчинить народ неограниченному деспотизму, то его право и его долг - свергнуть такое правительство», - эти слова Декларации имели поистине революционное значение.

Многие положения Декларации независимости не утратили своего значения и в наше время. Они остаются актуальными, ибо все еще ожидают своего решения. Именно в этом смысле можно говорить о Декларации как о «хартии американской демократии» (*Detweiler Ph. F. Op. cit., p. 557.*). Не случайно участники демократических движений XIX и XX вв. обосновывали свои политические требования невыполненными обещаниями Декларации независимости. Это относится, в частности, и к аболиционистскому движению кануна гражданской войны, и к событиям недавнего прошлого - движению за гражданские права, и к студенческим выступлениям, участники которых не раз ссылались на Декларацию независимости, требуя выполнения провозглашенных ею принципов. Таким образом, забегая вперед, можно сказать, что на практике Декларация далеко не всегда гарантировала претворение в жизнь того, что она провозглашала. Тем не менее значение этого документа было необычайно велико. Можно без преувеличения сказать, что для Америки это была веха, за которой начинался новый этап в истории страны. «Политическая теория Декларации, - отмечает Г. Ап-текер, - носит ярко выраженный демократический и революционный характер» (*Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962, с. 134.*) .

Декларация независимости обвиняла английского короля в тирании, нарушении элементарных прав человека и заявляла, что отныне колонии считают себя «свободными и независимыми штатами». В качестве таковых «они приобретают полное право объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать любые акты и действия, все то, на что имеет право всякое независимое государство» (*The papers of Thomas Jefferson, v, I. Princeton. 1950, p. 432.*) . Комментируя впоследствии это положение Декларации, Джефферсон писал: «Наши предки были англичанами, жителями маленького острова, расположенного за далекими морями. Страдая от нехватки земли, они приехали сюда и поселились здесь. Пока мы были молоды и слабы, Англия, откуда мы уехали, заставляла отдавать ей все наше богатство. Не довольствуясь этим, американцев стали уверять, что подобно рабам им надлежит подчиняться любым приказам. Но мы повзрослели и почувствовали себя сильными, знали, что так же свободны, как англичане, и что приехали сюда по нашей собственной воле, а не по их приглашению. Мы преисполнились решимости оставаться свободными, пока живы. За это они пошли на нас войной» (*Malone D. Op. cit., v, I, p. 223.*) .

Можно согласиться с Д. Малоне, что это объяснение «звучит очень просто» (*Ibid.*). В действительности дело обстояло гораздо сложнее, и текст Декларации независимости свидетельствует об этом с полной ясностью. В соответствии с философскими воззрениями Джефферсона Декларация провозглашала идеи буржуазной демократии - равенство людей, их

естественное право на жизнь и свободу. В том, что записано в Декларации, Джефферсон пошел дальше мыслителей, идеалам которых он поклонялся. «Все люди сотворены равными, - гласила Декларация независимости, - все они одарены своим создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью» (*The papers of Thomas Jefferson, v. I, p. 429.*). Джефферсон изменил традиционную формулу Локка - «жизнь, свобода и собственность», дополнив ее «стремлением к счастью» (вместо «собственности»). Однако эта фраза в Декларации независимости вызвала острые споры.

Этого вопроса в той или иной форме касались все, кто изучал жизнь и деятельность Томаса Джефферсона. Некоторые американские историки пришли к выводу, что, применяя формулу «стремление к счастью», Джефферсон не был оригинален, а лишь повторял чужие слова (*Ganter H. L. Jefferson's «Pursuit of happiness» and some forgotten men. - William and Mary quarterly, 2d ser., 1936, v. 16, p. 422-434.*). Однако подобного рода высказывания распространялись и на более широкий круг вопросов. Подвергался сомнению даже тот факт, что Джефферсону принадлежит авторство Декларации независимости, некоторые утверждали, что ее текст был заимствован из так называемой, «Мекленбургской декларации» (См.: Плешков В. Н. «Мекленбургская декларация независимости». - *Вопросы истории, 1974, № 8, с. 208- 212.*). Все эти заявления не имеют сколько-нибудь серьезных оснований. Они, как правило, исходят от представителей консервативной историографии, негативно оценивающей деятельность Джефферсона и его философские взгляды. В действительности же не подлежит сомнению ни авторство Джефферсона, ни тот факт, что составленная им Декларация независимости, даже если она и повторяла какие-то формулы, высказывавшиеся ранее, придавала им совершенно иное звучание. Декларация независимости носила безусловно четко выраженный революционно-демократический характер. Что же касается формулы «стремление к счастью», то, как это следует из последнего письма Джефферсона, она была вставлена им в Декларацию совершенно сознательно. Более того, как справедливо отмечает Г. Аптекер, «именно идея о праве человека на стремление к счастью составляет святая святых революционной доктрины Декларации независимости» (*Аптекер Г. Указ, соч., с. 136.*).

Принятию Декларации независимости предшествовало голосование по резолюции Р. Ли, внесенной на рассмотрение конгресса 7 июня. После того как эта резолюция была принята, началось обсуждение Декларации независимости. Подготовленный Джефферсоном и одобренный его коллегами по комиссии проект Декларации был принят 4 июля 1776 г. с небольшими поправками. День принятия Декларации стал национальным праздником американского народа, который традиционно отмечается вот уже более двухсот лет.

Весть о принятии Декларации независимости была встречена населением колоний с энтузиазмом. 8 июля Декларация была официально зачитана в Филадельфии делегатам пенсильванской ассамблеи. Ее чтение сопровождалось пушечным салютом, звоном колоколов и бурными

овациями толп празднично настроенных жителей. Еще ранее представители местного Комитета безопасности, раздобыв текст Декларации, прямо на улицах читали его народу. 9 июля Декларация была оглашена в войсках. В Бостоне чтение Декларации независимости сопровождалось церковными проповедями, город был украшен, а вечером иллюминирован. В знак солидарности штатов был произведен салют из 13 залпов. 10 июля в Нью-Йорке участники уличного шествия, предводительствуемые активистами «Сынов свободы», накинули веревку на конную статую короля Георга III и сбросили ее с пьедестала. Позже было решено переплавить монумент на пули для сражающейся американской армии. Этот эпизод был своеобразной кульминацией в торжествах, посвященных провозглашению независимости, символизировав ниспровержение власти британской монархии в Америке и решимость народа бороться за свое освобождение до полной победы.

Известие о низвержении монумента королю в Америке было воспринято в Европе, как сенсация. В странах Старого Света безраздельно господствовали монархические режимы. Поэтому сообщение из Нью-Йорка получило громкий резонанс, и многие европейские издания тут же напечатали гравюру, показывающую как сбрасывалась статуя Георга III. (Именно эта гравюра воспроизведена на суперобложке данной книги). Рисовавший ее художник не был очевидцем того, как это происходило. Поэтому вместо конной статуи, каковым в действительности был низвергнутый монумент, он нарисовал просто статую короля. Суть происшествия, однако, была изображена верно: народ сбрасывает с пьедестала монарха.

Опубликование Декларации независимости встретило живой отклик не только в американских колониях, но и далеко за их пределами. Передовые демократически настроенные люди с восторгом читали текст Декларации, горячо сочувствовали ее идеям и говорили о необходимости распространения ее принципов на весь мир. Декларация вдохновляла на борьбу с абсолютизмом и феодальными порядками, и в этом заключалось ее величайшее историческое значение.

«Первая декларация прав человека» - так охарактеризовал Декларацию независимости К. Маркс (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17.*) . Принятая в момент наивысшего подъема революции Декларация независимости была порождена этим подъемом и отвечала чаяниям широких народных масс.

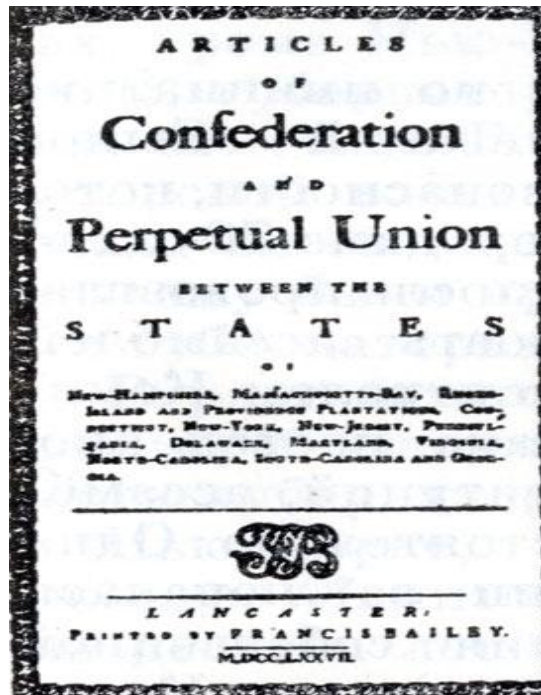
Провозглашенные Декларацией принципы в меньшей степени отвечали и интересам национальной буржуазии, выступавшей в союзе с плантаторами против старых колониальных порядков и господства тесно связанной с метрополией колониальной аристократии. Национальная буржуазия была заинтересована в революционных преобразованиях для того, чтобы смести со своего пути барьеры, мешавшие ее продвижению к власти. В этом отношении показателен и состав депутатов, подписавших Декларацию независимости. Первым этот документ подписал президент конгресса, один из видных контрабандистов Хэнкок. Три четверти подписавших нажили свои состояния на торговле и контрабанде. В целом

из 56 подписей 13 принадлежали купцам, 8 - плантаторам, 28 - адвокатам (некоторые из них одновременно занимались коммерческой деятельностью и являлись плантаторами либо непосредственными представителями тех и других) и 7 - представителям различных свободных профессий. Вместе с тем следует отметить, что некоторые делегаты, как Дж. Дикинсон, Дж. Джей и Р. Лпвингстон, не разделяя принципов Декларации, отказались ее подписать.

Декларация независимости по праву считается документом, свидетельствующим о героических делах и революционных традициях американского народа. Она получила широкую поддержку народа. Но наряду с этим нельзя не отметить, что Декларация, не говоря уже о практическом претворении ее в жизнь, далеко не во всем оказалась последовательной. Декларация независимости оставила в силе позорный институт рабства, отразив тот исторический факт, что американская буржуазия выступала на данном этапе единым фронтом с плантаторами-рабовладельцами. Джефферсон в представленном им проекте Декларации предлагал запретить и рабство, и торговлю рабами. Но по настоянию делегатов Юга, в частности Южной Каролины и Джорджии, угрожавших покинуть заседания конгресса и выйти из войны против Англии в случае, если останется этот пункт, последний был вычеркнут. Делегаты северных колоний уступили, сделав это не только из желания сохранить единство, но и потому, что буржуазия Севера, купцы и судовладельцы сами извлекали из торговли рабами крупные прибыли (*Аптекаер Г. Указ, соч., с. 132 - 133, 140 - 144.*) . Достигнутое соглашение закрепило на длительный период союз буржуазии с плантаторами-рабовладельцами, но, как показала последующая история США, союз этот имел преходящее значение, так как был чреват глубокими противоречиями.

Итак, независимость была провозглашена и власть в Америке перешла в руки блока национальной буржуазии и плантаторов, ставших во главе вновь образованного государства - Соединенных Штатов Америки. Однако дело американской революции еще нужно было отстоять в ходе длительной и напряженной войны за независимость.

Глава седьмая. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Титульный лист 'Статей конфедерации'. Первое издание

Наряду с деятельностью Континентального конгресса важным этапом на пути становления новой государственной власти было избрание местных ассамблей и конвентов взамен распущенных ранее колониальной администрацией. В большинстве колоний произошло расширение контингента избирателей за счет предоставления права голоса тем, кто раньше его не имел в результате снижения имущественного ценза. Хотя в ассамблеях по-прежнему преобладала имущая верхушка, значительное число депутатских мест получили представители внутренних районов, увеличилось количество депутатов, принадлежавших к средним слоям. Если раньше их деятельность регламентировалась губернатором и назначенным при нем советом, то теперь положение изменилось (Main J. T. *The sovereign states 1775 - 1783. New York 1973, p. 201.*) .

Многое в это время решалось по инициативе массовых демократических организаций «Сынов свободы», Комитетов связи или безопасности, которые приобрели особое влияние к середине 70-х гг. (Jensen M. *The founding of a nation. A history of the American revolution 1763 - 1776. New York 1968 chap. XVIII.*)Этого влияния они не утратили и после провозглашения независимости. Деятельность ассамблей протекала в известной мере под контролем Комитетов связи и безопасности. Однако постепенно, по мере выработки местных конституций, ассамблеи стали действовать более самостоятельно. Одна из главных целей имущих групп заключалась в том, чтобы во имя утверждения собственной власти отделаться от контроля и опеки Комитетов связи. Последние по глубокому убеждению господствующих классов лишь приносили элемент анархии, давая слишком много власти «толпе» (Main J. T. *The sovereign states, p. 193.*)

*Переправа отрядов Дж. Вашингтона через р. Делавэр 26 декабря 1776 г.
Худ. Е. Лейтце*

Согласно вновь принятым конституциям, каждая из колоний разработала свою систему управления, которая мало чем отличалась от прежней по своей структуре. Но состав людей, заполнивших различные ее звенья, изменился. Почти во всех штатах главой исполнительной власти остались губернаторы, по прежние королевские ставленники были изгнаны, а их место заняли новые люди, связавшие свою судьбу с освободительным движением и борьбой за независимость. Если раньше губернатора назначал король, а отчетываться за свои действия ему приходилось перед британским правительством, то теперь он стал подотчетен избирающим его законодательным ассамблеям, либо, как это было в Нью-Йорке и Массачусетсе, губернатор избирался прямым голосованием. В этом случае он мог чувствовать себя менее зависимым от ассамблеи. Во всех штатах, кроме Нью-Йорка, Делавэра и Южной Каролины, губернатор избирался сроком на один год. Как отмечает Г. Вуд, сама по себе «идея» губернаторской власти многим представителям левого крыла вигов казалась «слишком монархической». Поэтому были приняты меры к ограничению власти губернаторов (Wood G. *The creation of the American republic 1776 - 1787. New York, 1972, p. 137.*).

В ряде штатов были введены ограничения на срок пребывания одного и того же лица в должности губернатора. Но в некоторых случаях, как в Нью-Йорке, где губернатором был избран Джордж Клинтон, он занимал этот пост без малого два десятилетия (1777-1795 гг.) (Boatner III M. M. *Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966, p. 235-236.*). Последний был весьма примечательной фигурой, представляя, по словам одного из наиболее авторитетных исследователей его деятельности А. Янга, интересы левого крыла вигов (Young A. F. *The democratic republicans of New York. The origins, 1763 - 1797. Chapel Hill, 1967, p. 32.*). Характерно, что в Нью-Йорке, одном из самых

консервативных штатов, главой исполнительной власти стал человек такой политической ориентации. Представитель консервативных кругов вигов Ф. Шайлер отмечал, что «никто не в состоянии одержать победу над Клинтоном» (*Ibid.*, p. 34.) . Сам Шайлер пользовался немалым влиянием в Нью-Йорке и пытался соперничать с Клинтоном на выборах, но потерпел поражение. У Клинтона было, естественно, немало противников среди нью-йоркских консерваторов. Однако он прочно удерживал свой пост. Когда Клинтон впервые баллотировался на эту должность, его рассматривали как кандидата группировки вигов, опиравшейся на поддержку мелких и средних земельных собственников (*Ibid.*, p. 23.). Но много лет спустя он отдавал приказы о беспощадной расправе над участниками фермерских выступлений, пожелав лично возглавить карательную экспедицию (*Ibid.*, p. 55.). Это понятно, ибо сам Клинтон принадлежал к числу крупных собственников, приумножив свое состояние во время революции на земельных спекуляциях. Таким образом, у Клинтона было как бы два лица: одно - руководителя популярного толка, умело использовавшего демагогические приемы для завоевания на свою сторону голосов избирателей, другое - крупного земельного собственника, что в конечном итоге делало его кандидатуру не только приемлемой, но и удобной для имущей верхушки Нью-Йорка.

Биографы Клинтона называют его сторонником «демократии среднего класса» (*Ibid.*, p. 54.). Однако эта ставшая стандартной в американской историографии формулировка ни о чем не говорит. Клинтона называли также «радикалом» за его оппозицию традиционной в Нью-Йорке власти лендлордов, «реформатором» и проводником «уравнительных принципов» за поддержку землевладельцев средней руки. В действительности он не был ни тем, ни другим. В арсенале политических средств, которыми пользовался нью-йоркский губернатор, наличествовали элементы и радикализма, и реформизма. Однако использование их объяснялось тактическими соображениями, продиктованными интересами борьбы за власть. Клинтон являл собой пример политического деятеля-прагматика, весьма характерного и типичного как для того, так и для последующего периода американской истории. Он был защитником «общественных интересов», выступая против лендлордов, отмечает А. Янг, и в то же время не являлся «противником лендлордизма» (*Young A. George Clinton: democratic, middle-class prototype of the revolutionary. The paper prepared for a conference «New York in the new nation». State University College at Oneonta. April 26 - 27, 1974, p. 11 - 17. (Текст этого неопубликованного выступления был любезно предоставлен мне его автором).*). С этим выводом трудно не согласиться. Цитируя самого Клинтона, тот же автор разъясняет: его цель заключалась в том, чтобы сохранить «жизнь, свободу и земельные владения». «Защита собственности, - говорил Клинтон, - составляет одну из важнейших основ общества; для защиты и укрепления этой основы все средства хороши» ((*Young A. F. The democratic republicans of New York, p. 54.*).

В колониальные времена королевские губернаторы, как правило, были выходцами из знатных английских семей. После провозглашения независимости, чтобы стать губернатором аристократического происхождения не требовалось, но иметь крупное состояние было

необходимо. В некоторых штатах это требование было даже зафиксировано в конституциях (Южная Каролина, Мэриленд и Массачусетс), в других - осуществлялось на практике, несмотря на отсутствие конституционных правил. Из 55 человек, занимавших губернаторские посты в 13 штатах на протяжении 1776 - 1788 гг., около половины принадлежало к знатым семьям, владельцам земельных имений и крупных состояний. Наряду с землевладельцами это были главным образом богатые купцы и юристы. По словам Д. Т. Мейна, они «приобрели крупную собственность» и выдвинулись «до начала движения за независимость». Мейн небезосновательно полагает, что «большинство из них выдвинулись бы как политические руководители и без революции» (*Main J. T. The sovereign states, p. 190 - 191.*) .

Непосредственным окружением и опорой губернаторов были специально состоящие при них исполнительные советы, унаследовавшие функции советов при губернаторах колониальных времен. В составе этих советов редко оказывались случайные люди. Хотя в большинстве штатов члены советов избирались законодательными ассамблеями, в них, как правило, попадали лишь именитые и состоятельные люди. Правда, срок их пребывания в губернаторском совете был ограничен от одного до четырех лет (в разных штатах по-разному). Но в период пребывания у власти члены совета были «наделены важными функциями» (*Ibid., p. 192.*) . Губернаторы и состоявшие при них советы обладали достаточно широкими полномочиями, особенно в Массачусетсе, Нью-Йорке и Южной Каролине, где глава исполнительной власти был, согласно конституции, наделен правом вето, позволявшим отклонять решение законодательных ассамблей, если при повторном рассмотрении оно не собирало двух третей голосов. Как известно, это правило впоследствии вошло в федеральную конституцию и действует по сей день.

Условия военного времени требовали, чтобы губернатор, как руководитель местной администрации, был наделен реальной властью, которая позволяла бы ему быстро и оперативно принимать нужные решения. В его подчинении находились силы милиции штата. Конституциями некоторых штатов предусматривалось, что в перерыве между сессиями ассамблей губернатор имел право вводить эмбарго на торговлю сроком до одного месяца. Однако по сравнению с колониальными временами он гораздо больше зависел от законодательных ассамблей. «Они стали в большей степени ответственны перед народом, чем их предшественники в колониальный период, - отмечает Д. Т. Мейн, - стали гораздо больше американцами по своему опыту, мировоззрению и карьере» (*Ibid., p. 195.*) . То же самое относилось к верхней палате ассамблей штатов - сенату. В отличие от нижней палаты - палаты представителей - для тех, кто избирался в сенат, требовался более высокий имущественный ценз. В 10 колониях законодательные ассамблеи состояли из двух палат. В остальных сената вообще не было, и ассамблея была однопалатной. Там, где имелся сенат, он состоял из представителей высших слоев общества - наиболее состоятельных и именитых жителей штатов. В Нью-Джерси, Мэриленде и Южной Каролине это положение было закреплено конституцией.

Представителям социальных низов и даже средних слоев доступ в верхнюю палату был затруднен.

Согласно подсчетам, один из четырех сенаторов (в среднем по 10 штатам, где имела верхняя палата) принадлежал к знатым семьям, утвердившим свое положение и склотившим состояние еще в колониальные времена. Это были разбогатевшие купцы, юристы и крупные земельные собственники, ставшие на сторону освободительного движения. В сенате Нью-Гэмпшира заседали три человека, связанные близким родством с бывшим королевским губернатором Вептвортом. Все они владели солидным состоянием. В Нью-Йорке крупнейшие землевладельцы Ф. Ливингстон и Ван Кортланд, два Шайлера, Джеймс Джей, Тен Брок и другие из состава местной элиты составляли сенат штата. В виргинском сенате каждый член его был известен положением в высшем обществе и крупным владением. В тех штатах, где отсутствовал имущественный ценз, в сенат иногда попадали и представители «средних слоев». Но в целом верхние палаты оставались опорой консерватизма. Д. Мейн отмечает, что, если оценивать место верхних палат в политическом спектре американских штатов, они помещались правее центра (*Ibid.*, p. 197.).

Особенно значительным переменам подверглись нижние палаты законодательных ассамблей. Как уже отмечалось, представители консервативного направления в американской историографии категорически отвергают влияние революции на перестройку законодательных ассамблей, утверждая, что задача заключалась не в том, чтобы изменить, а в том, чтобы сохранить демократические институты, унаследованные с колониальных времен.

Хотя колонисты и защищали привилегии, которыми они пользовались до 1763 г., только в ходе революционно-освободительной борьбы они сумели добиться демократизации политической жизни Америки. Некоторые штаты сохраняли высокий имущественный ценз и после принятия новых конституций, но большинство из них вынуждено было демократизировать свои порядки. В Нью-Гэмпшире, Пенсильвании и Северной Каролине право голоса было предоставлено всем взрослым мужчинам-налогоплательщикам. В Мэриленде, Нью-Йорке и Джорджии имущественный ценз был снижен. Изменен был имущественный ценз не только для избирателей, но и для тех, кто мог быть выбран в состав ассамблеи. В пяти штатах делегатом законодательной ассамблеи мог стать любой избиратель. В Северной Каролине, чтобы стать делегатом нижней палаты, нужно было владеть 100 акрами земли. Для южного штата это был сравнительно небольшой надел. Только в Мэриленде, Нью-Джерси и Южной Каролине кандидат должен был обладать крупным состоянием, не менее 500 ф. ст. (*Ibid.*, p. 200-201.)

Важным признаком демократизации законодательных ассамблей было более пропорциональное представительство в них жителей различных районов штатов. В составе нижних палат законодательных ассамблей увеличилось количество делегатов от фермеров и ремесленников - людей среднего достатка. Д. Мейн отмечает, что в процентном отношении западные «пограничные» области по-прежнему были представлены слабее

прибрежных восточных, по абсолютное количество делегатов внутренней страны в масштабах США увеличилось примерно в шесть раз (*Ibid.*, p. 201-202.) . Еще более показательны приводимые им данные о социальном составе нижних палат законодательных собраний. Число делегатов купцов, юристов и крупных земельных собственников, представителей высшего класса, снизилось с 60 до 35%. В то же время фермеры и ремесленники, ранее располагавшие 20% или одной пятой делегатских мест, в годы революции удвоили свое представительство, доведя его до 40% (*Ibid.*, p. 205; Main J. T. *Government by the people. The American revolution and the democratization of the legislatures.* - *William and Mary quarterly*, 3d ser., 1966. v. 23, p. 397-405). «Люди из средних семей, - пишет Мейн, - слабообразованные, с небольшим политическим опытом добились большинства» (Main J. T. *The sovereign states*, p. 204.) . Этот вывод преувеличивает успехи демократических сил, но бесспорно, что в результате преобразований периода революции произошли определенные сдвиги.

Демократическое движение, давление снизу были важнейшими факторами, влиявшими на ход политических событий. Они, в частности, влияли и на характер конституций штатов, которыми па протяжении войны за независимость в значительной мере регламентировалась политическая жизнь прежних колоний. К тому, что уже было сказано по этому поводу, следует добавить, что конституции эти имели общие черты, но во многом отличались друг от друга, отражая особенности политической обстановки в различных штатах. «После того как королевская администрация перестала существовать в результате вооруженного восстания весной 1775 г., потребность в своего рода новом правительстве в некоторых колониях, - пишет американский историк Г. Вуд, - стала настоятельно необходимой, и радикально настроенные элементы (сторонники независимости,- А. Ф.) максимально воспользовались сложившейся ситуацией» (*Wood G. Op. cit.*, p. 130.). В августе 1775 г. «Вирджиния газетт» отмечала, что отсутствие правительства, денег и вооруженных сил требует употребить усилия для «создания конституции» (*Ibid.*) .

Виргиния первой из американских колоний приняла конституцию, став самостоятельным штатом еще до провозглашения Декларации независимости США. 18 июня 1775 г. виргинский Конвент одобрил Декларацию, провозгласившую право на жизнь, свободу и собственность. Декларация штата установила, что основой новой власти является принцип народного суверенитета, что законы могут приниматься и отменяться только «представителями народа», избранными в ассамблею. Она провозгласила свободу печати, вероисповедания и право решения споров в суде присяжных (*Schwartz B. Bill of rights: a documentary history*, v. I. New York, 1971, p. 234 - 236.) . Проект Декларации был предложен богатым виргинским плантатором и общественным деятелем Джорджем Мейсоном. Составитель документальной публикации «Билль о правах» Б. Шварц, характеризуя автора первой американской Декларации прав, отмечает, что это был «почти необразованный плантатор с небольшим опытом практической деятельности», и тот факт, что именно он составил проект виргинской Декларации, остается «постоянным источником удивления» (*Ibid.*, p. 232). . С этим утверждением трудно согласиться, ибо нет ничего удивительного в

том, что составителем Декларации оказался Дж. Мейсон, в течение многих лет поддерживавший близкие отношения с Дж. Вашингтоном, Т. Джефферсоном и другими лидерами освободительного движения из состава виргинской аристократии. Шварц делает свой вывод, ссылаясь на работу историка прошлого века Х. Григсби, который писал, что, уединившись для составления проекта Декларации, Мейсон не имел под рукой сочинений английских философов А. Сиднея и Д. Локка. Тем не менее составленный им документ пронизан идеями философии Локка, как это верно отмечено в другой работе о происхождении Билля о правах (*Rutland R. A. The birth of the Bill of rights. 1776- 1791. New York, 1962, p. 44.*).

Подобно многим людям его круга, Мейсон получил скромное образование, но был опытным политиком. Он принимал участие в патриотической кампании с самого ее начала, непосредственно участвовал в выработке виргинской резолюции 1769 г., провозгласившей бойкот английских товаров. Как активный деятель Огайской компании (с 1752 по 1773 г.), заинтересованной в спекуляции западными землями, Мейсон приобрел опыт и знания, которыми воспользовался впоследствии в своих выступлениях против Англии. Постоянно общаясь с лидерами освободительного движения, Мейсон многому научился и многое заимствовал, формируя собственные взгляды. Но справедливость требует подчеркнуть, что и сам он оказал на них немалое влияние. Достаточно сказать, что один из самых образованных и философски подготовленных идеологов американской революции Томас Джефферсон тесно сотрудничал с Мейсоном при выработке демократических реформ Виргинии. Более того, некоторые положения, аналогичные положениям виргинской Декларации прав, были включены Джефферсоном в Декларацию независимости США, хотя автор последней и считал виргинскую декларацию во многих отношениях недостаточной.

Сам Джефферсон не смог принять участия в выработке Декларации прав родного штата, так как находился в Филадельфии в качестве делегата Континентального конгресса. Внимательно наблюдая за событиями в Виргинии, он направил па рассмотрение конвента собственный проект конституции штата (*Schwartz B. Op. cit., v. I, p. 243 - 246. - Текст проекта конституции, составленный Т. Джефферсоном, см.: The papers of Thomas Jefferson, v. I. Ed. by J. Boyd. Princeton, 1950, p. 356 - 364.*), но проект этот первоначально был отложен, так как решено было ограничиться пока Декларацией Мейсона (*Malono D. Thomas Jefferson. The Virginian. Boston, 1948, p. 236.*). Впоследствии, однако, некоторые положения проекта Джефферсона были включены в текст виргинской конституции, которая была одобрена 29 июня 1776 г., т. е. менее чем за неделю до провозглашения независимости США (*Ibid., p. 237 - 240. - Дж. Бойд, тщательно исследовавший этот вопрос при издании «Бумаг Т. Джефферсона», пришел к выводу, что в конституцию Виргинии было включено больше положений джефферсоновского проекта, чем это считал даже сам Джефферсон, а также многие исследователи (The papers of Thomas Jefferson, v. I, p. 331, 335-337, 384).*).

Виргинская конституция носила умеренный характер, отражая настроения участников конвента, большинство которых состояло из плантаторов, не имевших «ни малейшего желания вести дело к

политической и социальной революции» (*Malone D. Op. cit., p. 237.*). «Плантаторы-аристократы, - пишет американский историк Д. Малоне, - возглавили восстание против Великобритании, действуя вопреки крайним консерваторам. Однако, разорвав отношения с Англией, они стремились сохранить собственные политические и экономические позиции» (*Ibid.*). Как и в других колониях, в Виргинии господствующая верхушка вынуждена была пойти на некоторые уступки под давлением демократических элементов, но делегаты конвента не приняли предложений Джефферсона, направленных на практическое предоставление избирательного права всем взрослым белым мужчинам (*Ibid., p. 238.*). Джефферсону пришлось потратить немало усилий, чтобы добиться демократизации виргинского законодательства (См.: Плешков В. Н. *Борьба Томаса Джефферсона за демократические реформы в Виргинии. - Американский ежегодник. 1975. М., 1975, с. 67 - 92.*). Принятая же в 1776 г. конституция, хотя и означала определенный шаг вперед по сравнению с колониальными порядками, сохраняла достаточно консервативный строй (*Там же, с. 68.*). Сознвая это обстоятельство, Джефферсон писал: «Злоупотребления монархии настолько поглотили внимание политических деятелей, что мы представляли себе республиканским все, что не было монархическим. Мы еще не сумели усвоить тот главный принцип, что правительства являются республиканскими только в той степени, в какой они воплощают волю народа и исполняют его желания. Поэтому наши первые конституции не отражали на деле основные принципы» (*Malone D. Op. cit., p. 237.*).

Скептицизм по поводу одобренных виргинским конвентом документов выражал не только Джефферсон. Вскоре после принятия Декларации прав представители графства Альбемарль отмечали в письме делегатам конвента, что документ этот будет «достойным памятником его составителям», хотя «подлинный смысл его вообще неясен» (*Wood G. Op. cit., p. 272.*). Тем не менее принятые виргинским конвентом Декларация прав и конституция для своего времени были важным шагом, получившим широкий отклик во всех без исключения бывших английских колониях. Значение этого шага приобрело тем больший резонанс, что первым губернатором Виргинии стал Патрик Генри, имя которого у всех ассоциировалось с борьбой за свободу Америки (*Mead R. D. Patrick Henry. Practical revolutionary. Philadelphia - New York, 1969, p. 122 - 123.*).

Первым штатом, который последовал примеру Виргинии, одобрив наряду с конституцией Декларацию прав, была Пенсильвания. Всего лишь 4 штата провозгласили в 1776 г. Декларацию прав, остальные ограничились принятием конституций, включив, правда, в них положения о правах человека. Пенсильвания была не только первым штатом, который последовал примеру Виргинии. Пенсильванская Декларация прав и конституция были самыми демократичными из всех деклараций прав и конституций того времени. «Именно в Пенсильвании, - отмечает Г. Вуд, - самые радикальные идеи в отношении политики и конституционной власти, провозглашенные революцией, нашли свое выражение» (*Wood G. Op. cit., p. 226.*). Это объяснялось в значительной степени тем, что избранный для выработки конституции пенсильванский конвент по своему составу был гораздо более демократичным, чем в Виргинии и других штатах. В нем достаточно широко были представлены мелкие и средние собственники

«внутренней страны». Члены господствующей верхушки Пенсильвании сетовали в связи с этим, что конвент состоит из «новичков», которые «никогда в своей жизни и часа не провели за изучением принципов закона и управления». Это обвинение, однако, как отмечает Г. Вуд, «было едва ли справедливым». Неопытностью многих делегатов конвента, принимавших участие в выработке конституции, вполне компенсировались такими качествами, как патриотизм и энергия. Участники конвента были решительно настроены действовать, отбросив «старый мусор», чтобы начать строить «заново на чистом месте», естественно, при условии сохранения буржуазных моральных ценностей. «Мы должны подойти к созданию новой формы правления, - заявлял один из делегатов конвента, - таким образом, чтобы не нарушить прав частной собственности». Этот принцип соблюдался свято. Но в рамках буржуазно-демократических норм пенсильванская конституция оказалась «самой радикальной конституцией революционной эры» (*Ibid.*, p. 227 - 228. - Текст конституции см.: *Source and documents illustrating the American revolution 1764 - 1788 and the formation of the federal constitution*. Ed. by S. E. Morrison. Oxford, 1953, p. 162 - 176.).

Пенсильванская Декларация прав повторяла многие положения виргинской Декларации. По мнению Джона Адамса, она была переписана «почти дословно» (*Rutland R. A. Op. cit.*, p. 52.) . Несомненно составители пенсильванской Декларации держали в руках Декларацию прав Виргинии и заимствовали некоторые ее положения. Но бесспорно также и то, что пенсильванская Декларация пошла гораздо дальше виргинской. Это касалось, в частности, таких вопросов, как свобода религиозного вероисповедания, которая в пенсильванской Декларации толковалась значительно шире. Тех, кто по религиозным соображениям не желал поступать на военную службу, Декларация обязывала внести определенную сумму денег в качестве компенсации. Пенсильванская Декларация провозглашала право собраний и свободу слова, право подачи петиций с жалобой на действия властей (*Schwartz B. Op. cit.*, v. I, p. 263 - 266.). Виргинская Декларация не содержала этих пунктов.

Декларация прав Пенсильвании была плодом усилий специально созданной для ее выработки комиссии из 5 человек, среди которых был автор знаменитого памфлета «Здравый смысл» Томас Пейн. Именно его влиянию приписывают наиболее радикальные статьи пенсильванской Декларации прав, хотя справедливость требует отметить, что и остальные участники комиссии принадлежали к числу радикально настроенных деятелей (*Rutland R. A. Op. cit.*, p. 53.) .

Представители умеренных из состоятельных слоев населения Б. Раш, Р. Моррис и Д. Уилсон выступили с решительной критикой пенсильванской конституции и высказались за ее пересмотр (*Burnham R. L. The counter-revolution in Pennsylvania 1776 - 1790. Harrisburg, 1971, p. 18.*) . Б. Раш заявил, что одобренные конвентом документы «абсурдны в своей основе и по могут быть претворены в жизнь без самых опасных последствий для дела свободы» (*Rutland R. A. Op. cit.*, p. 55.). Свобода в понимании представляемых им состоятельных слоев рисовалась иной, чем была зафиксирована в новой

конституции, заменившей, по словам Б. Раша, прежнюю форму правления «правительством толпы» (*Wood G. Op. cit., p. 233.*).

Противники конституции не только подвергли ее нападкам, но и делали все от них зависящее, чтобы затруднить деятельность нового правительства. Они резко критиковали положение конституции об однопалатной ассамблее. Пенсильвания не имела верхней палаты - сената, которая, по их мнению, будь она составлена из именитых представителей, могла бы «уравновесить» влияние избранной в соответствии с нормами новой конституции пенсильванской ассамблеи (*Ibid., pp. 234-235.*). По этому поводу происходили резкие столкновения между сторонниками и противниками конституции, нашедшие свое отражение в филаделфийской прессе (*Ibid., p. 234.*). В итоге деятельность вновь созданной власти Пенсильвании оказалась серьезно затруднена, тем более что действовать ей приходилось в сложных условиях, когда на территории штата развернулись ожесточенные военные действия.

В высшей степени показательная для условий становления новой государственной власти картина сложилась в расположенном между Виргинией и Пенсильванией штате Мэриленд. 21 мая 1776 г. местная законодательная ассамблея приняла резолюцию, согласно которой ее делегатам на Континентальном конгрессе рекомендовалось голосовать против провозглашения независимости (*Hoffman R. Popularizing the revolution: internal conflict and economic sacrifice in Maryland. 1774 - 1780. Paper delivered at the Organization of American historians meeting, April 12, 1973. Chicago, 1973, p. 3.*). Хотя вопреки этой инструкции делегаты Мэриленда поддержали Декларацию независимости, большинство политических лидеров этой колонии было настроено против независимости, опасаясь, что отделение от Англии серьезно осложнит внутреннее положение и приведет к беспорядкам. «Их наихудшие опасения, - отмечает американский историк Р. Хофман, - подтверждались» (*Ibid., p. 1.*). Еще с осени 1775 г. «беспорядки в колонии неуклонно разрастались», а после июля 1776 г. положение стало ухудшаться «особенно быстро». Из разных мест поступали сообщения о росте мятежных настроений среди белых и черных, рабов, мастеровых и фермеров. Командиры милицейских отрядов жаловались на то, что их подчиненные отказываются выполнять приказы. По словам Р. Хофмана, политические лидеры Мэриленда «непосредственно ощутили дыхание ужаса и неопределенности» (*Ibid.*). Угроза народного восстания постоянно маячила перед их взором, а страх перед выступлением низов определял тактику господствующего класса.

Характеризуя принятую в Мэриленде конституцию, Д. Мейп называет ее «противоречивым документом», так как она ставила целью обеспечить «сбалансированное» управление и контроль над «волей народа» в соответствии с политической концепцией виггов (*Main J. T. The sovereign states, p. 161.*). С этим едва ли можно спорить. Но более полной и верной представляется оценка Р. Хофмана, автора фундаментального исследования об эволюции политической жизни Мэриленда (*Hoffman R. A spirit of dissension. Economics, politics and the revolution in Maryland. Baltimore, 1973*). В

результате работы мэрилендского конвента в августе - сентябре 1776 г. была принята конституция, дополненная затем в ноябре Декларацией прав.

По данным Р. Хофмана, при колониальном режиме вследствие высокого имущественного ценза 90% взрослого мужского населения лишены были права занимать выборные должности. Существовали также серьезные ограничения на право участвовать в выборах. Говоря о целях политических лидеров, представителей «народной партии», которая возглавила работу по созданию нового правительства Мэриленда и выработке новой конституции, Р. Хофман отмечает: «Чего они действительно хотели, так это общества порядка, управление которым оставалось бы в руках богатых и знатных людей» (*Ibid.*, p. 169.).

При выборах делегатов в конвент, которому предстояло принимать новую конституцию, политические лидеры Мэриленда были единодушны в том, что участвовать в голосовании могут только лица, имеющие достаточный имущественный ценз. Соответствующие инструкции были разосланы во все графства. Прежний порядок оставался в силе. Однако вопреки инструкциям в ходе выборов явочным порядком в 5 графствах была сделана попытка осуществить всеобщее избирательное право: голосовало все взрослое белое мужское население. Выборы в этих графствах были признаны незаконными и отменены (*Ibid.*, p. 169-170.).

Руководители Мэриленда, представлявшие состоятельные группы населения, добились принятия «в высшей степени консервативной конституции», которая закрепила власть за крупными плантаторами (*Ibid.*, p. 169, 178.). Чтобы стать губернатором, нужно было владеть 5 тыс. ф. ст., членом губернаторского совета - 1 тыс. ф. ст., сенатором - 1 тыс. ф. ст., депутатом нижней палаты ассамблеи - 500 ф. ст. «Никто не мог участвовать в общественной жизни, - пишет Р. Хофман, - не имея крупного состояния» (*Ibid.*, p. 179.) . Все было сделано для того, чтобы не допустить к власти народ - малоимущие слои населения. Именно этой цели служила конституция штата. Ее условия могли быть пересмотрены, но для внесения поправок требовалось квалифицированное большинство в две трети голосов, что практически было недостижимо.

Правящая верхушка отдавала себе отчет в том, что конституция еще не является гарантией общественного спокойствия. По всей территории Мэриленда продолжались волнения. Представители новой власти опасались, что может возникнуть ситуация, которая окажется просто неуправляемой. Поэтому параллельно с обсуждением конституции конвент приступил к рассмотрению Декларации прав, которая, по выражению одного из делегатов, имела «исключительно важное значение для добрых людей этого штата (Мэриленда, - Л. Ф.) и их потомков» (*Schwartz B. Op. cit.*, p. 279.) . «Добрые люди», заседавшие в конвенте, надеялись принятием Декларации прав смягчить народное недовольство.

Наконец, чтобы укрепить свое положение и успокоить недовольство в народе, лидеры Мэриленда провели через некоторое время два законодательных акта, в которых были заинтересованы малоимущие

группы. Ассамблея штата одобрила законы об изменении налоговой системы и правилах оплаты долгов, удовлетворявших в известной мере требования низов. По меткому замечанию современников, эти меры были «ценой революции», которую вынуждена была заплатить правящая верхушка Мэриленда. «Все они понимали, что должны чем-то пожертвовать, чтобы сохранить свое руководящее положение», - пишет Хофман (*Hoffman R. A spirit of dissension, p. 210.*).

Во имя укрепления своих классовых позиций плантаторы Мэриленда пошли на некоторые уступки массам. Часть имущих кругов критически отнеслась к законам, принятым ассамблеей, считая их необоснованной мерой. Однако наиболее дальновидные представители господствующего класса считали, что, пожертвовав незначительным сиюминутным интересом, они сумеют добиться важной долгосрочной цели. Это способствовало стабилизации положения, помогало удерживать власть в своих руках. Едва ли можно согласиться с выводом Хофмана относительно того, что политический контроль в Мэриленде осуществлялся не на основе классовых прерогатив и привилегий, только потому, что внутри правящего класса возникли разногласия по вопросу о принятии указанных законов (*Hoffman R. The «Disaffected» in the revolutionary South: The first American civil war. - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Ed. by A. Young. De Kalb. 1976, p. 312.*) . Дело заключалось просто в том, что в Мэриленде происходил спор различных групп из-за борьбы за власть. Поэтому есть все основания считать, что политика господствующей верхушки Мэриленда была основана на вполне определенных классовых прерогативах и привилегиях, какими бы отклонениями и маневрами она ни отличалась.

Невозможно и нет никакой необходимости в рамках данной работы говорить о становлении новой власти в каждой из бывших американских колоний. Рассмотренные примеры дают достаточное представление о том, как протекал этот процесс в различных частях только что провозгласившей свою независимость американской республики. Следует заметить, что в двух штатах - Род-Айленде и Коннектикуте сохранился прежний порядок, основанный на старых королевских хартиях. В остальных же колониях процесс становления новой государственной власти протекал без существенных отклонений от уже описанных случаев, за исключением Массачусетса, где вокруг вопроса о принятии новой конституции развернулась острая и длительная борьба.

Колония Массачусетс, как мы видели, задавала топ в антибританском движении, а ее столица Бостон по праву считается колыбелью американской революции. Здесь произошли события, ставшие истоком провозглашения независимости. Именно Массачусетс наряду с Виргинией выдвинул тех людей, которые стали во главе США. Их усилиями формировалось правительство и новые политические институты. Однако конституция Массачусетса, как бы это ни было странно, оказалась весьма умеренной. Она отражала прежде всего интересы имущих классов, стремившихся установить контроль над патриотическими организациями и освободительным движением в целом.

В конце 1777 г. специально созданная по выработке конституции комиссия представила проект, который был обсужден конвентом, одобрен им в феврале 1778 г. и разослан всем городам Массачусетса для ратификации. Эта конституция с самого начала вызвала недовольство среди неимущих и средних слоев из-за предусмотренного ею высокого имущественного ценза на право избирать и быть избранным, а также ввиду отсутствия Декларации прав.

В ходе обсуждения проекта конституции на конвенте развернулась острая дискуссия между представителями западных и восточных районов. Хотя по ряду вопросов было достигнуто компромиссное решение, практически ни одну из сторон оно не удовлетворило (*Patterson S. Political parties in revolutionary Massachusetts. Madison, 1973, p. 189.*). Чтобы вступить в силу, новая конституция должна была быть ратифицирована, получив одобрение двух третей городов Массачусетса. В обсуждении принимало участие все белое взрослое мужское население штата, собиравшееся с этой целью на городские митинги или избиравшее специально созываемые местные конвенты (*Ibid.*).

Особенно решительный отпор конституция 1778 г. встретила на Западе. Главным объектом нападков стал пункт, устанавливающий высокий избирательный имущественный ценз, а также отсутствие гарантий оплаты путевых расходов депутатам удаленных западных районов, следовавших к месту заседаний на восточном побережье. В целом результаты были таковы, что при голосовании массачусетские города в соотношении 5 против 1 высказались против ратификации. Конституция 1778 г. вызвала явное разочарование и на востоке, хотя ее условия были более благоприятны для жителей восточных районов. Критические замечания в адрес конституции прозвучали со страниц газет и в залах конвентов. Наиболее четко отрицательное отношение к конституции 1778 г. сформулировали делегаты конвента графства Эссекс, изложившие свои взгляды в специальном документе «Результат Эссекса», принятом в результате состоявшихся двухнедельных дебатов в конце апреля - начале мая 1778 г (*Schwartz B. Op. cit., p. 344-354.*).

«Результат Эссекса» - пространный и в высшей степени показательный документ, в котором отмечалось, что законодательная власть должна опираться как на «аристократию», так и на «демократию». Эта парадоксальная на первый взгляд постановка вопроса отражала сущность положения и политической борьбы в Массачусетсе. Едва ли могут быть сомнения в том, что «Результат Эссекса» был документом, отражавшим настроение консервативных сил восточного побережья. Констатируя факт разделения общества на классы и наличие противоречий между ними, делегаты конвента Эссекса призывали отдать предпочтение людям «состоятельным и образованным», которых они считали наделенными в наибольшей степени «разумом, твердостью и последовательностью характера» (*Ibid., p. 352.*). Перед лицом неуклонного роста демократического движения депутаты Эссекса высказались за принятие Декларации прав, которая гарантировала бы свободу и собственность.

Американский историк С. Паттерсон отмечает, что «Результат Эссекса» был «непоследовательным и противоречивым», отражая непоследовательность и противоречивость самой конституции 1778 г (*Patterson S. Op. cit, p. 192.*) . Это верно, но верно также и то, что причиной отклонения конституции 1778 г. конвентом Эссекса и другими собраниями той же политической ориентации были не размышления о «плюралистическом» характере американского общества, как утверждает Паттерсон (*Ibid.*) , а классовые интересы состоятельных и образованных джентльменов, стремившихся во что бы то ни стало сохранить за собой контроль за политическим положением в Массачусетсе.

После провала конституции 1778 г. было принято решение о созыве нового конвента, который постановил в сентябре 1779 г. выработать новый документ, возложив эту миссию на вновь сформированную комиссию. В основном эту работу выполнили Джон и Сэмюэл Адамс, а также будущий губернатор Массачусетса Д. Боудуан. Решающая роль в подготовке нового проекта конституции принадлежала Джону Адамсу. Он представлял умеренное крыло вигов и придерживался философии «сбалансированного правления», признававшей суверенитет народа при условии, что «непосредственно» власть должна находиться в руках «элиты» (*Main J. T. The sovereign states, p. cc Patterson S. Op. Cit., p. 220.*) . «Все страны при всяком правительстве должны иметь партии, - писал Дж. Адамс, - величайший секрет заключается в том, как их контролировать». По его мнению, для решения этой задачи имелось два средства - «либо монархия с постоянной армией, либо равновесие путем конституционного правления» (*Main J. T. The sovereign states, p. 180 - 181.*) . Боудуан отражал настроения более правых кругов, будучи сторонником сильной исполнительной власти, представляющей интересы различного рода коммерсантов. С. Адамс, наоборот, выражал интересы более левых группировок, хотя справедливость требует отметить, что впоследствии по сравнению с периодом его деятельности в роли предводителя массовых революционных организаций «Сынов свободы», «Корреспондентских комитетов» и др. он значительно поправел. Поэтому, когда в 1780 г. на свет появился новый вариант конституции, и по-прежнему достаточно консервативный, С. Лдамс в беседе с французским путешественником Шастеллю, защищая этот проект, объяснял, что народ подвержен «страстям и экстремизму» и что необходимо «сдерживать его порывы» (*Wood G. Op. cit, p. 218 - 220.*).

Новый проект конституции Массачусетса не был более демократичным, чем проект 1778 г. Имущественный ценз на право выбирать и быть избранным оставался достаточно высоким. Хотя новая конституция содержала уступки жителям западных районов, увеличив их представительство в ассамблее, она в то же время утвердила прерогативы сената и укрепила права исполнительной власти (*Schwartz B. Op. cit., p. 339-344.*). Правда, в отличие от проекта 1778 г. конституция 1780 г. содержала Декларацию прав, провозглашавшую основные гражданские свободы .

В восточных районах Массачусетса конституция встретила поддержку - 42 города одобрили ее безоговорочно, 65 сделали малосущественные замечания (*Patterson S. Op. cit., p. 234; Main J. T. The sovereign states, p. 182.*), а в

западных она вызвала сдержанно-отрицательное отношение. Жители Запада были недовольны привилегиями сената, чрезмерными, с их точки зрения, правами губернатора и системой назначения чиновников, практически исключавшей для «западников» всякую возможность назначения на высшие посты (*Main J. T. The sovereign states, p. 182.*) . Из 290 резолюции массачусетских городов, принятых в результате обсуждения конституции 1780 г., 101 резолюция содержала отказ ратифицировать вследствие ее недостаточно демократического характера. Причем 78 из них приходились на три западных графства - Беркшир, Гемпшир и Вустер, в которых лишь 20 городов высказались в поддержку конституции (*Patterson S. Op. cit., p. 234-236.*) . По оценке Д. Мейна, в целом по штату силы сторонников и противников конституции в численном отношении разделились примерно поровну (*Main J. T. The sovereign states, p. 182.*) . Тем не менее было объявлено, что конституция ратифицирована и вступила в силу.

Малоимущие слои Массачусетса остались недовольны условиями конституции 1780 г., но они не смогли помешать ее ратификации, что объяснялось отсутствием надлежащей организованности. «Их неудачи и разочарования в 70-х гг., - пишет С. Паттерсон, - оказались уроком для некоторых западников, показавшим, что люди их настроения должны объединиться, чтобы достигнуть своих целей... Крушение надежд убедило, однако, иных, что политические задачи могут быть решены только применением насилия» (*Patterson S. Op. cit, p. 247.*). Тем не менее до поры до времени на поверхности все оставалось более или менее спокойно. Принятые в разных штатах различные по своему характеру конституции в той или иной мере стабилизировали положение, заложив основу, на которой действовали местные правительства.

Что же касается центральной власти, то была выработана общеамериканская конституция («Статьи конфедерации»), которая вступила в силу в 1781 г., после того как была ратифицирована всеми штатами. Если говорить об общей оценке «Статей конфедерации», то документ этот не содержал правовых гарантий, не предоставлял центральной власти, т. е. конгрессу, сколько-нибудь серьезных полномочий для проведения реформ, не давал рычагов для действенного управления страной.

В условиях военного времени жизненно необходимыми были мобилизация материальных и людских ресурсов для успешной борьбы с вражеской армией. Для центральной власти - конгресса, на долю которого выпало решение этой проблемы, она оказалась необычайно сложной. Средства и методы, к которым конгресс прибег в своей экономической и финансовой политике, были во многих отношениях показательными для состояния и характера государственной власти США периода войны за независимость. В самом начале войны рыночная конъюнктура в бывших английских колониях сложилась благоприятно, и вплоть до осени 1776 г. продолжался экономический подъем в результате увеличения спроса на целый ряд товаров, в которых нуждалась армия. Однако впоследствии положение стало меняться. Зима 1776 - 1777 г. принесла серьезные

трудности, послужив поворотным пунктом в экономическом положении американской республики (*Main J. T. The sovereign states, p. 229 - 233.*).

Уже в начале своей деятельности конгресс столкнулся с финансовыми проблемами. Новое государство испытывало острую нехватку в средствах, которые в числе прочего нужны были на содержание самого конгресса и других органов центральной власти, образованных при нем. Самые крупные расходы вызваны были необходимостью покупки оружия, военного снаряжения и продовольствия, а также уплаты жалования солдатам и офицерам.

Чтобы получить необходимые средства конгресс прибег к массовому выпуску бумажных денег. Прежняя денежная единица - английские фунты стерлингов - была отвергнута. Решено было выпускать собственные деньги - доллары, стоимость которых приравнивали к стоимости испанского доллара.

Первое решение о выпуске бумажных денег на сумму 2 млн. долларов было принято в июне 1775 г., более чем за год до провозглашения независимости. Стоимость этих денег приравнивалась к звонкой монете, и конгресс заявлял, что гарантирует поддержание твердого курса новых денежных знаков. В следующем месяце конгресс вынужден был прибегнуть к эмиссии еще на 1 млн. долларов. Новые деньги получили название континентальных долларов, и до конца года общая сумма эмиссии достигла 6 млн. долларов. Впоследствии эта практика была продолжена. Выпуск бумажных денег приобрел катастрофический характер. «Война быстро поглотила эти эмиссии, - пишет американский исследователь Д. Фер-посон, - вызывая потребность в новых выпусках» (*Ferguson J. The power of the purse. A history of American public finance 1776 - 1790. Chapel Hill, 1961, p. 26.*). Ко времени провозглашения независимости уже было отпечатано 20 млн. долларов. Процесс выпуска новых денег продолжался поистине галлопирующими темпами. К концу 1776 г. было выпущено 25 млн. долларов, а в 1777 г. еще на 13 млн., в 1778 г. - на 63.4 млн. в 1779 г. - на 124.8 млн. долларов. В результате общая сумма выпущенных конгрессом бумажных денег составила 226.2 млн. долларов. Параллельно с этим выпуск бумажных денег производился штатами, общая сумма выпуска лишь немногим уступала эмиссиям конгресса (*Ibid., p. 26, 30. 8 Ibid., p. 29.*). Нужда в средствах была так велика, что новые деньги выпускались каждый месяц, а иногда и дважды в месяц (*Ibid., p. 40; Main J. T. The sovereign states, p. 245.*). Континентальные доллары наводнили страну, вызвав огромных масштабов инфляцию. К 1778 г. цены на предметы первой необходимости выросли в 8 раз по сравнению с началом 70-х гг. Стоимость бумажных денег так резко упала, что к концу 1779 г. один континентальный доллар стоил в 40 раз меньше серебряного, а полгода спустя - уже в 75 раз (*Ferguson J. Op. cit., p. 35.*).

Чтобы поднять значение бумажных денег, конгресс принял постановление о том, что они обязательно должны приниматься при любых платежах, включая уплату налогов в штатах. Центральное правительство надеялось изъять избыточные бумажные деньги, восстановив финансовый баланс в стране и ликвидировав инфляцию. За бумажные доллары можно

было купить облигации выпускаемых конгрессом займов, по которым уплачивалось сначала 4%, а затем 6% годовых (*Ibid.*, p. 40-42.) . Займы эти достигли внушительных размеров и служили важнейшим источником финансирования правительственных нужд. Кроме того, конгресс прибегал к выпуску сертификатов, шедших в уплату жалования офицерам и солдатам американской армии. Это были своего рода долговые обязательства, поступившие, впрочем, также на денежный рынок и осложнившие в конечном итоге и без того трудное финансовое положение страны.

Пытаясь облегчить финансовые трудности, конгресс обратился к еще одному источнику получения средств - займам за границей. В результате соглашений с Францией, Испанией и Голландией США получили в 1777 - 1780 гг. около 3 млн. долларов в твердой валюте, которые были использованы для закупок вооружения и амуниции, главным образом во Франции. Однако и это не помогло. Опасность экономического краха нарастала как снежный ком. Члены конгресса отдавали себе отчет в возможных катастрофических последствиях. Поэтому в начале 80-х гг. был поднят вопрос о необходимости пересмотра существующей системы финансирования. Раньше основным финансовым обязательством штатов перед центральным правительством был денежный взнос в результате сбора налогов. Теперь каждому штату вменялись в обязанность поставки натурой - продовольствием и снаряжением, а также уплата жалования армейским частям, дислоцированным на территории соответствующих штатов. В случае выполнения этих условий большая часть причитавшихся денег списывалась, а штат должен был внести лишь около трети причитающейся суммы, шедшей на содержание центрального аппарата (*Крючкова О. В. Финансовая деятельность Континентального конгресса (1775 - 1783 гг.). - Американский ежегодник. 1975, с. 56 - 57.*) .

Вопрос о финансовой политике конгресса был одной из причин острых политических разногласий между левым и правым крылом освободительного движения. Широкие слои населения - фермеры и ремесленники - традиционно являлись сторонниками «дешевых» денег. С другой стороны, они больше всех страдали от роста цен и спекуляций. Под давлением этих слоев конгресс пытался провести меры, фиксирующие уровень цен и направленные против спекулянтов. Однако эти попытки успехом не увенчались. В конечном итоге финансово-экономическая политика конгресса оказалась наружу консервативным группам - купцам, плантаторам и крупным земельным собственникам, многие из которых нажили на войне крупные состояния.

В результате постоянной борьбы в конгрессе по вопросу о финансово-экономической политике, отражавшей противоречия между различными социальными группами США, создалась тупиковая ситуация. Непоследовательность действий конгресса и отсутствие твердого курса отрицательно сказывались на общем положении молодой американской республики, переживавшей серьезные трудности в войне с Англией. В этих условиях сторонникам сильной центральной власти удалось провести реформу финансового ведомства США, добившись назначения на пост его руководителя представителя крупного филадельфийского купечества

Роберта Морриса, одного из лидеров консервативной группировки в конгрессе (*Там же, с. 61-63; Ferguson J. Op. cit., p. 125-145.*). Предпринятая им реорганизация, основанная на жесткой экономии, привела к увеличению поступлений от штатов и снижению федеральных расходов, а также заключению новых займов за границей. Моррис стремился устранить дефицит в бюджете и заслужил репутацию умелого финансиста, сумевшего вывести государственные финансы из состояния казалось бы совершенно безнадежного хаоса. Однако выход этот был найден за счет основной массы населения - фермеров, ремесленников и иных представителей мелкой буржуазии, на плечи которых легла главная тяжесть по уплате налогов и погашения части государственного долга. Выигрывали от реформы имущие классы (*Крючкова О. В. Указ, соч., с. 64-65.*).

«Мне кажется, что нынешняя возможность увеличения нашего состояния, - писал еще в 1769 г. Моррис, - не должна быть упущена, в особенности если средства достижения этой цели будут в то же время служить интересам пашей страны» (*Ferguson J. Op. cit., p. 70.*). Господствующие классы всегда отождествляли свои интересы с интересами государства. Поэтому и в США в период войны за независимость, наживаясь на военных поставках и извлекая выгоду из инфляции, они представляли свои действия как направленные на защиту национальных интересов. «Общественное мнение, - писал Д. Фергюсон, - считало, что правительственные чиновники были подвержены коррупции» (*Ibid.*). Это мнение основывалось прежде всего на том факте, что служба заготовок была возложена на купцов, широко использовавших военные поставки в целях личного обогащения. «До сих пор бытует миф, - пишет Фергюсон, - что Моррис финансировал революцию из собственного кармана». В действительности дело обстояло совсем наоборот: «Революция финансировала Р. Морриса» (*Ibid., p. 76.*). Еще находясь на посту председателя Тайного комитета, занимавшегося покупкой необходимых для американской армии товаров за границей, Моррис основательно зпустил руку в государственный карман. В период с 1775 г. по 1777 г. комитет потратил на заграничные закупки 2 млн. долларов. Примерно четверть этой суммы была переведена фирме Морриса. Почти все представители Тайного комитета в Европе являлись партнерами его фирмы (*Ibid., p. 77, 81.*). Между представителями различных фирм, естественно, шла постоянная борьба за контракты, но, став главой финансового ведомства, Моррис легко утвердил свою победу.

Сложность положения центральной власти и трудности осуществления курса, задуманного Моррисом, заключались в том, что общественное мнение и прежде всего масса малоимущего населения с подозрением относились к их деятельности. К тому же действия центральной власти не имели под собой прочной законной опоры. Конституционный порядок, созданный «Статьями конфедерации», был таков, что консервативное крыло не могло окончательно закрепить своего господства, постоянно подвергаясь давлению со стороны демократических элементов. Такое положение сохранялось на протяжении всей войны.

Д. Фергюсон отмечает, что «Статьи конфедерации» подчеркивали прерогативы местных властей, в частности их право вводить налоги,

которое было «самым главным» (*Ibid., p. 111.*). Это важное замечание подчеркивает также зависимость конгресса от штатов, которая серьезно затрудняла его действия по мобилизации материальных ресурсов для ведения войны. Центральное правительство имело определенные полномочия, которыми оно пользовалось для регулирования экономической и финансовой жизни США, но они были явно недостаточны и постоянно приходили в столкновение с политикой штатов. «Статьи конфедерации» во многих отношениях были непоследовательны и носили двусмысленный характер. Первая общеамериканская конституция явилась плодом компромисса, продиктованного условиями военного времени и рассчитанного на поддержание определенного баланса между центральной и местными властями.

Впервые план «Статей конфедерации и постоянного союза» был предложен представителем революционных сил конгресса Б. Франклином еще в июле 1775 г. Однако под влиянием депутатов консервативного крыла, выступивших тогда против провозглашения независимости, предложение Франклина было отвергнуто. Вторичная безуспешная попытка поставить на обсуждение конгресса «Статьи конфедерации» была сделана полгода спустя, в январе 1776 г. Положение изменилось лишь после провозглашения независимости.

Уже в июле 1776 г. конгресс приступил к обсуждению «Статей конфедерации», которые частично включали в себя план Франклина и были выработаны специальной комиссией, состоявшей из представителей всех 13 штатов. Соотношение сил в конгрессе к этому времени коренным образом изменилось. Депутаты правого крыла, выступавшие прежде против объединения колоний и принятия единой конституции, вынуждены были занять теперь совершенно иную позицию. После того как независимость стала фактом и власть британской короны, охранявшая при всех ее минусах положение имущих классов, была ликвидирована, представители этих классов проявили озабоченность в том, чтобы создать ей равноценную замену в виде центрального правительства, обладающего достаточной «силой принуждения» (*Jensen M. The Articles of Confederation. An interpretation of the social-constitutional history of the American revolution. 1774-1781. Madison, 1940, p. 163.*) . Наоборот, левое радикальное крыло конгресса теперь считало, что после провозглашения независимости необходимость в объединении отпала и централизация будет препятствием на пути демократизации политической власти и ликвидации деспотического правления. Существенным также было то, что между штатами имели место противоречия, подчас приводившие к серьезным трениям. Прежде всего это были противоречия между южными рабовладельческими штатами и Новой Англией. «Все наши несчастья, - писал в одном из писем к американскому генералу Гейтсу Джон Адамс, - проистекают из одного источника - из отрицательного отношения южных колоний к республиканскому правительству» (*Ibid., p. 118.*) .

Отношения между штатами осложнялись также их соперничеством из-за западных земель и конкуренцией между различными группами буржуазии. Наконец, оппозиция централизации проистекала из глубоко укоренившегося сепаратизма, обусловленного нежеланием правящих групп

в ряде штатов поступиться даже частицей своей власти в пользу центрального правительства. Кроме того, несмотря на достигнутую к этому времени экономическую и культурную общность колоний, жизнь каждой из них была еще в значительной мере обособлена, оставаясь источником центробежных тенденций. Иллюстрацией этому может служить характерная запись в дневнике Джона Адамса. «Филадельфия со всей ее торговлей, богатством и правильностью, - писал он, - все-таки не Бостон. Мораль наших жителей много лучше; их манеры более изящны и приятны; они больше похожи на англичан; у нас правильный язык, лучше вкус, более красивые люди; мы превосходим других духовно, наши законы более разумны, наша религия более возвышенна, у нас лучшее образование». Свою колонию Массачусетс Джон Адамс называл не иначе, как «наша страна», а ее делегацию в конгрессе «нашим посольством». И в этом отношении он не представлял исключения. Например, Сэ-мюэл Адамс, придерживавшийся различных со своим кузеном политических взглядов, считал, что каждая колония «должна обладать в пределах границ собственной территории суверенной и никем не контролируемой властью». Еще более определенно высказывался один из известных федералистов Фишер Эймс. «Мы смотрим на другие штаты, - говорил он, - с безразличием, часто с ненавистью, страхом и антипатией» (*Ibid.*, p. 118, 163, 164. 292.).

Однако наряду с факторами, тормозившими развитие сильной центральной власти, был и ряд факторов, которые благоприятствовали этому. Успешное завершение войны против Англии, борьба с контрреволюционными элементами, необходимость поисков союзников на международной арене - все это требовало создания сильного центрального правительства. Под давлением этих обстоятельств конгресс после напряженных, тянувшихся более года дебатов принял в ноябре 1777 г. «Статьи конфедерации», которые стали первой конституцией Соединенных Штатов Америки. Предстояла ратификация этой конституции каждым из штатов. Процедура эта сильно затянулась, заняв около трех с половиной лет. Только 1 марта 1781 г. «Статьи конфедерации» обрели силу закона.

Согласно «Статьям конфедерации», конгресс состоял из одной палаты, депутаты которой избирались ежегодно. Должности президента как главы исполнительной власти эта конституция еще не учредила.

Принятие конституции имело положительное значение, знаменуя собой шаг вперед по пути сплочения сил независимости. Однако шаг этот был явно недостаточным. Объединение штатов носило пока в значительной степени символический характер, так как центральная власть оставалась крайне слабой. «Статьи конфедерации» сохранили за отдельными штатами полный суверенитет по многим вопросам. Конгресс не имел права вводить пошлины и налоги, его попытки в 1781 и 1782 гг. добиться расширения своих прав в этой области успехом не увенчались. Решение ряда важных вопросов, которые входили в компетенцию конгресса, было обусловлено необходимостью согласия не менее 9 штатов из 13 (*Documents of American history*, v. I. Ed. by H. S. Com-mager. New York, 1948, p. 111 - 116.).

По существу власти штатов оставались во многих отношениях полноправными хозяевами и решения конгресса носили для них часто лишь консультативный характер. Насколько малоавторитетной и слабой была центральная власть, показывает тот факт, что когда вскоре после окончания войны конгресс обратился за займом к английскому правительству, то последнее согласилось его предоставить не конгрессу, а персонально Вашингтону.

Слабость центральной власти пагубно сказывалась на состоянии вооруженных сил. Как отмечал У. Фостер, «при наличии сильной централизованной армии войну можно было бы выиграть не за несколько лет, а за полгода» (Фостер У. З. *Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., 1953, с. 252.*).

К числу серьезнейших недостатков конституции 1777 г. следует отнести и то, что она не вносила каких-либо перемен в положение трудящихся масс, оставляла бесправными негров и индейцев. Противники американской независимости не замедлили воспользоваться этим обстоятельством. Играя на том, что английское правительство запрещало жителям колоний переселяться за Аллегань, англичане убеждали индейцев, что только они якобы заботятся об их интересах, а правительство США будет захватывать индейские земли и не остановится перед полным уничтожением индейцев. Эта агитация оказалась ненапрасной; Англия сумела склонить большинство индейских племен выступить на ее стороне. Особенно же показательным в этом отношении был негритянский вопрос.

«Объективно уничтожение рабства, - пишет Фостер, - было одной из центральных задач революции 1776 г. Это объясняется тем, что становление капитализма в Соединенных Штатах - основной процесс, поставленный в порядок дня революцией, - не могло происходить успешно на базе рабовладельческой системы» (Фостер У. З. *Негритянский народ в истории Америки. Пер. с англ. М., 1955, с. 65.*) . Однако на деле рабство не было уничтожено. Отмена рабства шла вразрез с интересами плантаторов-рабовладельцев и тех кругов американской буржуазии, которые были связаны с работорговлей. Буржуазия Севера, как уже указывалось, исходя из интересов поддержания единства с южными колониями, уступила в этом вопросе и не настаивала на отмене рабства.

В самом начале войны английское командование объявило, что те из негров, которые будут сражаться на стороне Англии, получают свободу. Правда, для самой Англии это была игра с огнем, так как отмена рабства в североамериканских колониях могла бы неблагоприятно отразиться на се колониях в Вест-Индии, хозяйство которых было целиком основано на эксплуатации рабов негров, составлявших более 9/10 населения (Маркс К. *Соч., т. 23, с. 769.*) . Поэтому политика Англии в вопросе об отмене рабства отличалась крайней осторожностью, и на самом деле правящие круги Англии вовсе не собирались ликвидировать систему рабства. Тем не менее обещание свободы вызвало приток негров в английские войска. Как отмечает Фостер, во время войны «дух сопротивления рабов проявлялся в

массовых побегах на сторону англичан» (Фостер У. З. *Негритянский народ в истории Америки, с. 63.*) .

Под влиянием мер, принятых английским командованием, и последовавшего затем притока негров в английские войска, а главное в связи с необходимостью пополнения армии США конгресс и американское командование вынуждены были пересмотреть свое отрицательное отношение к участию негров в Континентальной армии и объявить об их наборе в солдаты. Правда, и до решения конгресса негры принимали участие в борьбе за независимость. Многие из них с самого начала добровольно взялись за оружие и примкнули к борцам за свободу Америки. Негры приняли участие в самых первых сражениях с английскими войсками у Конкорда, Лексингтона и Бэнкер-Хилла и входили в состав многих партизанских отрядов. С исключительным героизмом дрались и сформированные в ходе войны регулярные негритянские полки (Фонер Ф. *История рабочего движения в США. Пер. с англ. М., 1949, с. 57; Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962, с. 276 - 283.*) . Негры сами обращались к конгрессу с петициями об освобождении, в которых отмечали, что они наделены «теми же самыми способностями», что их хозяева, и что рабство несовместимо с Декларацией независимости.

Прогрессивные круги американской буржуазии еще задолго до войны за независимость выступали против системы рабства. Активным сторонником отмены рабства был Б. Франклин, явившийся участником первого организованного в 1775 г. в Филадельфии общества по борьбе с рабством (Jordan W. D. *White over Black. American attitudes toward the Negro 1550-1812. Baltimore, 1968, p. 343- 344.*) . Аналогичные общества возникали и получили широкое распространение после войны за независимость. Выступая с позиций буржуазного демократа, Франклин доказывал, что рабство мешает развитию производства. Однако единомышленники Франклина составляли меньшинство, и война не принесла негритянскому населению свободы, за которую оно сражалось. Хотя часть ветеранов войны и была впоследствии выкуплена правительством у бывших хозяев, институт рабства, как мы увидим, остался в неприкосновенности, и даже многие участники войны - негры - были после ее окончания возвращены в положение рабов.

Негритянский вопрос является одним из наиболее показательных примеров того, как из-за нежелания встать на путь решительной демократизации конгресс, т. е. правительство буржуазии и плантаторов, сам препятствовал росту боеспособности американской армии.

Война с Англией выдвинула перед правительством молодой американской республики целый ряд сложных проблем. Война за независимость была не только войной против Англии, но и в равной степени борьбой против внутренних врагов американской свободы, которые в той или иной мере были связаны с британской короной и олицетворяли собой контрреволюцию. Таким образом, эта война одновременно была направлена и против внешнего врага, и против врагов внутри самих США.

Еще накануне войны между патриотами, с одной стороны, и сторонниками метрополии, с другой, разгорелась ожесточенная полемика и борьба по вопросу о колониальной политике Англии, действиях британской администрации, правах и обязанностях колонистов. Постепенно она переросла в дискуссию по вопросу о независимости. После провозглашения независимости пропагандистская кампания уступила место вооруженной борьбе. Когда патриоты вступили на путь открытой войны с Англией, тори, или лоялисты, как стали называть тех, кто остался лояльным в отношении Англии, оказались в противоположном лагере. Они саботировали решения революционных властей, развернули враждебную террористическую деятельность против сторонников независимости, организовали вооруженные соединения, выступившие на стороне Англии.

Вопрос об отношении к лоялистам, оценке их роли и деятельности по праву считается одной из главных тем в исследованиях, посвященных американской революции. За последние годы в США опубликован целый ряд работ, авторы которых заняты не столько изучением причин и характера лоялистского движения или изысканием его социальных и классовых корней, сколько реабилитацией действий лоялистов.

Выступая в марте 1971 г. на симпозиуме в Уильямсбурге, Б. Бейлин в докладе о «Главных темах американской революции» подверг решительной критике негативные концепции в отношении лоялистов. Он отрицательно отозвался о сложившейся за полтора предшествующих столетия в американской литературе традиции, вследствие которой лоялисты оказались, по его словам, объектом «самого злобного и безрассудного пристрастия» (*Bailyn B. The central f the American revolution. An interpretation. - In: Essays on American revolution. Ed by. S. G. Kurtz, J. H. Hutson. New York, 1973, p. 15.*) . Бейлин призвал пересмотреть прежний подход, и сам не замедлил на это откликнуться, выпустив фундаментальное биографическое исследование о Томасе Хатчинсоне, который был одним из самых высокопоставленных королевских чиновников колониальной Америки в канун революции и снискал репутацию злейшего врага патриотического движения. Хотя Бейлин замечает в предисловии к своей книге, что выбор темы не объясняется его симпатией к лоялистам, все последующее изложение может убедить лишь в обратном. Томас Хатчинсон не только главное действующее лицо книги, но и ее герой, непонятый современниками и несправедливо обвиненный ими. Наградив его всеми атрибутами добродетели, Бейлин изобразил Хатчинсона жертвой «насилия» и «экстремизма» (*Bailyn B. The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge, 1974.*) . Хотя книга посвящена судьбе одного лица - Т. Хатчинсона, в действительности замысел автора выходит далеко за рамки биографического сочинения. Как верно отметил В. А. Тишков, это не история трагической судьбы одного лоялиста, а американского лоялизма вообще (*Тишков В. А. Американские лоялисты: новые интерпретации. - Вопросы истории, 1976, № 1, с. 180.*) .

Американский историк Л. Лабаре, на труды которого ссылается Б. Бейлин, отмечал, что задолго до революции политическое развитие колоний испытало столкновение двух тенденций - «консервативной», из которой вырос лоялизм, и «либеральной или даже радикальной», давшей

импульс освободительному движению (*Labaree L. The nature of American loyalism. - American antiquarian society proceedings, 1944, v. 54, p. 57.*). С этим положением можно вполне согласиться, но конечный вывод Лабаре относительно мотивов поведения лоялистов вызывает возражение. «Они понимали опасность, - писал Лабаре, - которая угрожала будущему государству, основанному на насилии и беспорядках, под руководством людей, многие из которых были совершенно неопытны в искусстве управления» (*Ibid.*). Он подчеркивает, что выпавшие на долю лоялистов лишения последние переносили «с достоинством и стойкостью, заслуживающими самого высокого восхищения», а говоря о разнице, отличавшей их от «революционеров», утверждает, что лоялисты обладали просто «иным сортом мужества и вдохновения» (*Ibid.*) Мимоходом Лабаре называет некие «особые факторы», определившие преданность идеям лоялизма со стороны представителей королевской администрации и англиканской церкви, а также «экономические и политические соображения», влиявшие на поведение купцов, крупных земельных собственников и иных представителей имущей верхушки. Он признает, что лоялистов объединяли «некоторые общие черты их образа мысли» - «идеология тори» (*Ibid., p. 55.*). Однако, ставя на первый план идейные мотивы размежевания сил в американской революции, Лабаре практически сбрасывает со счетов факторы социального и экономического характера. Именно такая трактовка и делает концепцию Лабаре приемлемой для Бейлина, который в уже упомянутых трудах, а также в докладе на конгрессе историков в Сан-Франциско (*Ballyn B. Lines of force in recent writings on the American revolution. San Francisco, 1975.*) доходит до прямой апологии лоялизма.

Нельзя сказать, что проблема лоялизма является однозначной и что имеется точный критерий, позволяющий определить, какие социальные группы принадлежали к лагерю противников революции. Выше уже отмечалось, что оба лагеря - и патриоты, и лоялисты представляли собой сложный конгломерат, состоявший из самых различных группировок. Тем не менее есть все основания считать, что при размежевании сил в американской революции решающим было влияние факторов социального и экономического характера, каким бы сложным и подчас трудно уловимым ни был механизм этого влияния.

Многие современные исследователи подчеркивают, что социальный состав лагеря лоялистов был неоднородным. С этим выводом трудно спорить. Важно, однако, хотя бы в общих чертах определить, из каких социальных групп состояли силы противников революции. В свое время Джон Адамс заявлял, что треть населения выступала на стороне революции, треть оставалась нейтральной и треть сохранила верность короне. Эта оценка впоследствии была пересмотрена и, согласно распространенной ныне точке зрения, на лоя-листских позициях оставалась значительно меньшая часть населения США. Трудно сказать, насколько верными являются нынешние оценки, так как и они не имеют под собой серьезных статистических данных. Можно согласиться в принципе с Д. Мейном, что «значительная часть» населения бывших колоний стремилась оставаться «в стороне» от борьбы за независимость (*Main J. T. The sovereign states, p. 269.*).

Убедительной представляется и данная им общая характеристика социальных сил, из которых состоял лагерь лоялистов. «Большинство этих людей были очень богатыми, - пишет он. - После войны около 5 тыс. лоялистов потребовали возмещения убытков на 8 млн. ф. ст.... Видимо, они преувеличивали размеры своего состояния, но в целом как бы то ни было так примерно оценивалась захваченная штатами собственность» (*Ibid.*, p. 269-270.) . Самую значительную группу лоялистов составляла, по словам Мейна, «городская элита». В городах проживали и «менее состоятельные» сторонники короны - главным образом эмигранты из Англии, «которые были связаны с ведущими лоялистами», принадлежавшими к классу крупных собственников, таких как филадельфийское купечество или крупные земельные собственники, как например семейство Делансе в Нью-Йорке, сторонники Вентворта в Нью-Гэмпшире, окружение губернатора Белла в Южной Каролине и т. д. В лагере лоялистов оказались также мелкие и средние собственники из сельскохозяйственных районов. Они, по словам Мейна, «напоминали во многих отношениях основную массу лагеря патриотов». Но в силу целого ряда причин не выражали энтузиазма в отношении повстанцев, так как не хотели себя связывать присягой в верности, платить налоги, снабжать армию продовольствием и служить в милиции (*Ibid.*, p. 271.) . При всей расплывчатости формулировок Мейна, далеких от марксистского анализа, следует отметить, что именно Мейн является одним из тех буржуазных исследователей, который ближе всех подошел к реальному пониманию соотношения сил и их размежевания в период революционной войны за независимость.

Особый интерес, естественно, представляет оценка, данная лоялизму представителями марксистской науки. Наиболее развернутая характеристика по этому поводу содержится в работе Г. Аптекера, который также подчеркивает, что «в основном» тори-лоялисты «рекрутировались из числа более богатых элементов колониального общества». «Это не значит, что не было бедняков, остававшихся - с большим или меньшим рвением - верными короне; в отношении ничтожного процента это справедливо. Не значит это и то, что представители богатой верхушки колониального общества были лояльстами - о большинстве этого не скажешь. Но это значит, что в большинстве своем тори принадлежали к числу состоятельных элементов или их непосредственных слуг» (*Аптекер Г. Указ, соч., с. 160.*).

Набор рекрутов в английские войска Американская карикатура XVIII в.

Исследование проблемы лоялизма и определение того, кто принадлежал к лагерю контрреволюции, а кто оставался в стороне, не желая связывать себя ни с одной из борющихся сторон, является важнейшей темой при изучении истории войны за независимость США. Но в те времена, о которых идет речь, вопрос этот имел отнюдь не академическое значение, ибо как справедливо отметил американский историк К. Хаскет, «армия Вашингтона еще могла бы кое-как существовать перед лицом английских войск, но если бы рухнуло гражданское управление, стоявшее за ней, тогда не осталось бы ничего» (См.: Там же, с. 159.) . Хаскет имел при этом в виду тот факт, что патриотам постоянно приходилось бороться с внутренними врагами-лоялистами. В этой борьбе очень важно было знать, кто является союзником, а кто врагом. Необходимы были эффективные меры против врагов революции.

В ответ на саботаж и враждебные действия лоялистов патриоты начали беспощадную борьбу со сторонниками Англии и всеми, кого подозревали в симпатиях к врагу. Еще до провозглашения независимости, в марте 1776 г., конгресс принял решение о разоружении лоялистов (*Journals of the Continental congress 1774-1789, v. IV. Ed. by W. C. Ford. Washington, 1906, p. 205.*). Сторонников метрополии лишили также гражданских и некоторых общественных прав. Конвенты и законодательные собрания штатов приняли законы, лишавшие лоялистов права голоса, запрещавшие им занимать государственные должности, исполнять обязанности священников, адвокатов, врачей и учителей, а также налагавшие целый ряд других ограничений. Тех, кто отказывался принести присягу на верность новой власти, обвиняли в измене и подвергали преследованиям. Как верно отмечает Д. Мейн, политика разных штатов в отношении

лоялистов имела некоторое отличие, определявшееся тем, насколько сильны были в каждом из них контрреволюционные силы, каково было военное положение штата, а также рядом других факторов местного значения (*Main J. T. The sovereign states, p. 277.*) . Но в политике штатов по отношению к лоялистам были и общие черты. Совершенно бесспорно, например, что повсеместно репрессивные меры властей становились все более жесткими. Если вначале прибегали главным образом к штрафам, запретам и мерам, преследующим цель нейтрализовать лоялистов, то впоследствии власти на местах перешли к арестам и высылкам, конфискации имущества, заключению в тюрьму и даже казням.

В литературе широко обсуждается вопрос о том, какое число людей подверглось репрессиям в результате законов и мер, направленных против лоялистов. Основным источником в этих изысканиях служат документы британской парламентской комиссии по расследованию понесенных лоялистами убытков и заявленных ими претензий на компенсацию. Документы составляют 58 томов и хранятся в Нью-Йоркской публичной библиотеке. В 1965 г. американский историк У. Браун выпустил труд, в котором подверг анализу состав и мотивы поведения лоялистов, эмигрировавших или высланных из США, а затем обратившихся к британскому парламенту за содействием в получении компенсации за принадлежавшую им собственность, конфискованную во время революции. Этот вопрос У. Браун рассматривал применительно к каждому штату в отдельности, а его общий вывод сформулирован в заключительной главе книги. Наиболее достоверные цифры о числе лоялистов, эмигрировавших из Соединенных Штатов и приводит М. Браун - 100 тыс. человек. Эту же цифру называл в свое время Ф. Бонд, пенсильванский тори и британский консул (*Brown W. The King's friends. The composition and motives of the American loyalist claimants. Providence, 1965, p. 249.*) . Браун считает неверной и заниженной оценку американского историка Р. Палмера, определявшего численность лоялистов-эмигрантов в 60 тыс. человек (*Palmer R. R. The age of the democratic revolution. Princeton. 1959. p. 188.*). Согласно У. Брауну, от 30 до 50 тыс. лоялистов в разное время, с 1775 до 1783 г., сражались на стороне Англии. Например, в 1780 г. в лоялистских частях служило 8 тыс. человек, в то время как регулярная армия Вашингтона насчитывала лишь 9 тыс. солдат.

Что касается активных сторонников Англии в колониях, то, по мнению У. Брауна, опирающегося как на результаты собственных исследований, так и на данные других историков, их общее число может быть определено весьма условно - от 6.4 до 15.3% всего населения США (*Brown W. The King's friends, p. 250.*). «Эти цифры,- пишет Браун, - носят гипотетический характер и касаются только активных лоялистов» (*Ibid., p. 251.*) . Он добавляет, что в ряде случаев активная часть составляла лишь половину лоялистов. Что же касается географии лоялизма, то в наибольшей степени контрреволюционные настроения получили распространение в Нью-Йорке, Джорджии и Южной Каролине. Довольно сильно, но «значительно слабее», они были характерны для Нью-Джерси и Массачусетса, затем следуют Род-Айленд, Северная Каролина, Коннектикут, Пенсильвания и Нью-Гэмпшир. Небольшой процент

лоялистов насчитывался в Виргинии и Мэриленде. Совсем немного их было в Делавэре (*Ibid.*, p. 256).

В 1968 г. журнал «Уильям энд Мэри Куортерли», наиболее авторитетный орган по ранней американской истории, посвятил сразу две статьи вопросам численности и организации лоялистского движения, оспаривающие некоторые положения У. Брауна. Первая из этих статей, принадлежащая перу Ю. Фингерхата, посвящена частному аспекту темы и не представляет особого интереса (*Fingerhut I E. R. Uses and abuses of the American loyalists' claims: a critique of quantitative analyses. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1968, v. 25, p. 245 - 258.*). Более значительна другая статья - П. Смита. В ней отмечается относительная достоверность данных, которыми располагают исследователи лоялизма. «Историки, - пишет он, - страдают из-за отсутствия многих видов точных демографических данных за весь XVIII в.». Смит считает недостаточными имеющиеся цифры, чтобы точно судить о числе лоялистов в Америке. Однако, по его мнению, их общее количество не превышало 16% населения, а в воинских частях служило лишь 19 - 20 тыс. человек. Последнюю цифру он считает более или менее точной (*Smith P. H. The American loyalists: notes on their organization and numerical strength. - Ibid., p. 268 - 269.*), хотя в своей ранней работе Смит называл другие цифры. Он считал, что в английских войсках служило немногим более 15 тыс. человек и еще около 10 тыс. входило в состав временных отрядов контрреволюционной милиции (*Smith P. H. Loyalists and redcoats. A study in British revolutionary policy. Chapel Hill, 1964, p. 60 - 61.*).

Действительно, существовали целые армейские части, целиком сформированные из лоялистов. Такие соединения действовали в Нью-Йорке, Виргинии, Коннектикуте, Северной Каролине и других штатах. Лоялистские отряды сражались с особым ожесточением. Это вполне понятно, если учесть, что для прибывших из-за океана английских солдат война была совершенно ненужной, в то время как для лоялистов она была борьбой за насущные интересы. У. Браун отмечает, что по своим боевым качествам отряды лоялистов не уступали патриотам (*Brown W. The good Americans. The loyalists in the American revolution. New York, 1969, p. 98.*). Кроме регулярных частей, составленных из сторонников короны, на всем протяжении войны за независимость в тылу патриотических сил действовали контрреволюционные банды, отличавшиеся особой жестокостью по отношению к патриотам. Наибольшее распространение бесчинства лоялистских банд получили на юге. Главарь одной из таких банд в Южной Каролине Уильям Канингхэм, прославившийся свирепыми расправами с жителями «внутренней страны», был известен под кличкой «кровавый Билл». Вожак аналогичной банды в Джорджии Т. Браун заслужил прозвище «кровавого». В Северной Каролине сторонники патриотов были терроризированы разбоем банды Д. Фаннинга (*Ibid.*, p. 100.).

Тем не менее в целом в масштабах англо-американского конфликта всего периода вооруженной борьбы действия лоялистов мало повлияли на ее исход. Во-первых, лоялисты не сумели стать самостоятельной силой, а действовали лишь как придаток британской армии. Во-вторых,

британское командование не сумело по-настоящему заинтересовать лоялистов воинской службой (*Ibid.*, p. 124; *Smith P. H. Loyalists and redcoats*, p. 62 - 63.). В-третьих, - и это было, видимо, самым главным - контрреволюционные действия лоялистов повлекли за собой ответную реакцию - террор со стороны патриотов. А поскольку последние пользовались более широкой поддержкой в массе населения, ответные меры оказались крупномасштабными и достаточно решительными.

Одним из важнейших мероприятий по борьбе с лоялистами была конфискация их собственности, начатая еще в 1776 г. Позднее в ноябре 1777 г. конгресс принял специальное постановление по этому вопросу (*Journals of the Continental congress*, v. IX, Washington. 1907, p. 971.) . Экспроприировались земли короны, государственной англиканской церкви, а также латифундии бывших собственников колоний. Потерял свои владения в Мэриленде лорд Балтимор, предки которого получили их от английского короля на правах феодального пожалования (До войны за независимость Балтиморы дважды лишались прав на колонию в результате выступлений арендаторов, но каждый раз добивались восстановления своей власти.). Та же судьба постигла и семейство Пеннов в Пенсильвании, конфисковано было крупное имение Уильяма Пепперела в Мэпе. В Виргинии конфискованные революционными властями земли лорда Ферфакса составляли около 5 млн. акров; в Северной Каролине были экспропрированы владения лорда Гренвилля, занимавшие одну треть всей земельной площади колонии. В Нью-Гэмпшире конфискации подверглись 29 имений, в Массачусетсе была конфискована собственность 300 семей аристократии, в Нью-Йорке - 59, в Пенсильвании - 36, в Делавэре - 46, в Южной Каролине - 170. В Северной Каролине наряду с собственностью 65 семей лоялистов было конфисковано имущество 4 купеческих фирм, сотрудничавших с англичанами. Общая сумма конфискованной собственности составила 40 млн. долларов (*Jameson J. F. The American revolution considered as a social movement*. Boston, 1956, p. 31, 34; *Shannon F. A. America's economic growth*. New York. 1947, p. 104.).

Конфискация собственности контрреволюционных элементов была важнейшей экономической и политической мерой, лишившей имущества тех, кто выступил против независимости в поддержку короны. Последующая распродажа конфискованной собственности дала в руки революционной власти значительные средства, которые явились важным источником доходов федерального правительства и властей штатов. В результате этой меры Нью-Йорк получил, например, 4 млн. ф. ст., Мэриленд - 2 млн. ((*Аптекер Г. Указ, соч.*, с. 162 - 163.)).

В борьбе против контрреволюционных элементов огромную роль сыграли и чисто политические меры. Многие тысячи противников революции были подвергнуты суровому преследованию. Г. Аптекер отмечает, что «первоначальная основа» этому «была заложена революционным захватом власти местными и общепровинциальными конвентами и комитетами» (*Там же*, с. 164.). Именно Комитеты безопасности на местах явились главным орудием преследования лоялистов, отдавая приказ об аресте контрреволюционных элементов и их наказании.

Недаром лоялисты злобно сетовали на то, что колонии «подчинены юрисдикции... комитетов, которые не только без каких-либо известных законов, но прямо вопреки всем каким бы то ни было законам издают списки, судят и налагают наказания и штрафы на всех, кого им удобно будет посчитать виновным» (*Van Tyne C. H. The American revolution. New York - London, 1905, pp. 52 - 53.*) . В составляемые комитетами «черные списки» заносились все, кого подозревали в сотрудничестве с Англией. Их подвергали различным видам наказания.

Говоря о характере преследований лоялистов по сравнению с тем, что имело место во Франции в период буржуазной революции 1789 г У. Браун отмечает их умеренный характер. «Не было массовых казней, не было гильотины, но жестокость и террор совершенно определенно имели место»,- пишет он (*Brown W. The good Americans, p. 133*) . Касаясь того же вопроса, Г. Аптекер отмечает необоснованность утверждений сторонников теории «согласия», будто американская революция была свободна от «неистовства и безумства» (*Аптекер Г. Указ, соч., с. 165.*) Она «была отмечена жестокостью», - пишет Г. Аптекер, хотя «черта эта была несколько приглушена» (*Там же.*) . Кроме того, следует иметь в виду, что в разных районах и разных штатах борьба с контрреволюцией протекала по-разному. В Нью-Йорке и Южной Каролине вследствие предшествовавших войне за независимость социальных конфликтов она приобрела наиболее острую форму. В Массачусетсе, Нью-Джерси и Пенсильвании она также проходила достаточно остро. В других колониях - более спокойно. «Самыми легкими» были, по словам У. Брауна, меры против лоялистов в Нью-Гэмпшире, Делавэре, Мэриленде и Джорджии (*Brown W. The good Americans, p. 129.*) .

Разнообразными были и формы революционного террора. 9 штатов приняли законы об изгнании активных сторонников короны. В Массачусетсе на городских митингах каждый мог назвать лицо, которое подозревал в пособничестве врагу. Если большинство собравшихся считало, что обвиняемый действительно предал дело революции, его немедленно отдавали под суд и, как правило, затем высылали за его же счет в Англию. Массовой высылке подверглись сторонники короны и в других штатах. Нередко в случае самовольного возвращения из ссылки лоялисту грозила смертная казнь. Один из сторонников короны в Нью-Йорке отмечал, что патриоты «стали практиковать казнь через повешение по малейшему поводу» (*Ibid., p. 138.*) . Это заявление, однако, звучит явным преувеличением, хотя Комитеты безопасности и иные органы революционной власти на местах вынуждены были прибегать к высшей мере наказания за шпионаж, предательство, помощь врагу и участие в военных действиях на стороне англичан (*Ibid.*) .

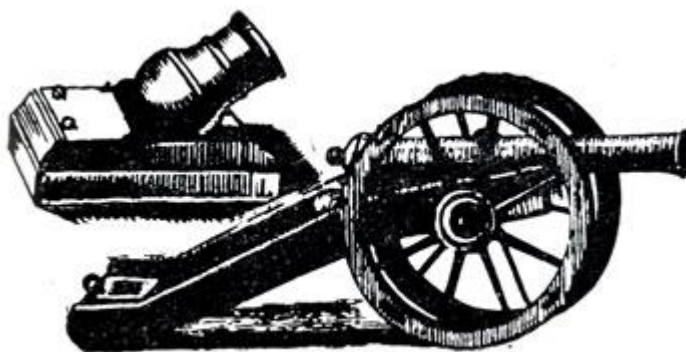
Во всех штатах в качестве меры наказания использовались аресты и заключение под стражу. В некоторых случаях это был просто домашний арест и запрещение выезжать за пределы места жительства. Иногда арестованные работали в обычных условиях вместе с теми, кто находился на свободе, и только ночь проводили в тюремных стенах. Как правило, для заключения в тюрьму и лишения свободы сторонников короны

достаточно было распоряжения Комитета безопасности или иного органа революционной власти. Заключение отказывали в суде присяжных, а срок пребывания в тюрьмах определялся до окончания конфликта (*Ibid.*, p. 143; Аптекер Г. Указ, соч., с. 163.) . Самыми суровыми были тюремные условия в так называемых «катакомбах лоя-лизма» - медных рудниках Симсбери в штате Коннектикут, где содержались наиболее опасные преступники, свезенные сюда из всех северных штатов (*Brown W. The good Americans*, p. 141-142.) .

Лоялисты постоянно жаловались на то, что с ними обходятся несправедливо. Они обвиняли патриотов в том, что, арестовывая сторонников короны, последних заковывают в цепи и гонят в отдаленные провинции, сажают в тюрьмы, конфискуют их имущество, расстреливают и вешают - все это лишь за то, что они «не пожелали отречься от своего законного сюзерена и поднять против него оружие» (*Ibid*, p. 133-134.). Однако меры революционного террора были неизбежны и необходимы для успешной борьбы с контрреволюцией. У. Браун говорит об «охоте за ведьмами», когда людей наказывали за то, что они крестили детей именем, совпадающим с именем того или иного члена английской королевской семьи, давали двусмысленную кличку собаке или произносили подозрительный тост (*Ibid.*, p. 130.). Вероятно, иногда это имело место. Но это было неизбежно в условиях жестокой борьбы, которую пришлось вести сторонникам независимости против превосходящих сил британской короны.

Борьба с контрреволюцией была одной из важнейших задач новой государственной власти. Комитеты безопасности совместно с другими органами власти на местах вели беспощадную борьбу со всеми проявлениями контрреволюции. Комитеты безопасности практически выполняли функцию диктатуры. Свою повседневную деятельность по борьбе с контрреволюцией, а также входившие в круг их функций сбор налогов для военных целей, снабжение оружием и обмундированием войсковых частей, поощрение местной промышленности и т. п. - все это Комитеты безопасности каждого штата осуществляли через широкую сеть своих организаций на местах. Как органы революционной власти народа Комитеты безопасности сыграли исключительно важную роль в борьбе с контрреволюционными силами. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо без деятельности Комитетов безопасности не могут быть поняты характер и структура государственной власти в США, действовавшей в период войны за независимость (*Аптекер Г. Указ, соч., с. 164 - 165.*).

Глава восьмая. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1776-1781 ГГ.

Мортира и полевое орудие. Гравюра XVIII в.

Война за независимость была длительной и трудной. Британское правительство полагало вначале, что сумеет легко справиться с повстанческими силами. В Лондоне все еще считали, что восстание в Америке - «дело рук хорошо организованной и решительно настроенной группы, представляющей меньшинство населения» (Mackesy P. *British strategy in the war of American independence. - The Yale review. A national quarterly. New Haven, 1963, p, 547.*) . Хотя либеральная пресса, выражавшая интересы партии вигов, предостерегала против подобного рода заблуждений, консервативные органы печати поддерживали позицию правительства.

Война за независимость английских колоний в Северной Америке 1776-1783 гг.

Оппозиционно настроенная пресса вигов заявляла еще в 1775 г., что Англия «может проиграть борьбу со своими решительно настроенными

колонистами». Газеты «Мидлэссекс» и «Морнинг пост» полагали, что в общей сложности милицейские отряды колоний насчитывают несколько десятков тысяч хорошо обученных вооруженных людей, которые «могут и будут воевать». Но пресса, представлявшая интересы партии тори, игнорировала эти предостережения, заявляя, что не существует «ни финансовых, ни военных сложностей на пути подавления восстания» (Lutnick S. *The American revolution and the British press 1775-1783*. Columbia. Missouri, 1967, p. 78-79, 87.).

Занявший в ноябре 1775 г. пост государственного секретаря по делам колоний лорд Джермейн считал, что вся операция должна занять не более полугода. Некоторые члены правительства еще надеялись на мирное решение. Но точка зрения Джермейна победила: «Только меч может поставить непокорных американцев на колени» (*Higginbotham D. The war of American independence. Military attitudes, policies and practice. 1763- 1789. New York. 1971, p. 115-119.*) .

Вооруженным силам молодого вновь образованного государства предстояло вести войну с хорошо обученной, превосходящей численностью и вооружением армией великой державы. Что же могла Америка противопоставить британской мощи? 3 июля 1775 г., когда Вашингтон после избрания главнокомандующим, прибыл в находившуюся в предместье Бостона Кембридже штаб-квартиру новой армии, он увидел, по его словам, «разрозненную массу людей», которая была «плохо дисциплинирована, не подчинялась ни приказам, ни правительству» (*Coakley R. W., Conn S. The war of the American revolution. Washington, 1975, p. 30.*).

Перед тем как отправиться в Ставку, Вашингтон осведомился о количественном составе вооруженных сил. Никто не мог назвать точной цифры, но полагали, что в осаде Бостона участвует 18- 20 тыс. человек. При проверке на месте оказалось, что в действительности имелось около 14 тыс. добровольцев. Хотя в их распоряжении было 585 орудий, немногие умели обращаться с ними. Инспекция, проведенная Вашингтоном, убедила его в том, что солдаты готовы сражаться, но в военном отношении плохо подготовлены. В первом же донесении конгрессу он писал, что «недостаточное количество войск, плохая дисциплина, нехватка припасов могут привести лишь к выводу о том, что боевой дух (войск, - А. Ф.) сильнее военной мощи» (*Freeman D. S. George Washington. A biography, v. III. New York, 1951, p. 494-495.* - В советской литературе военная и государственная деятельность Дж. Вашингтона подробно освещена в кн.: Яковлев Н. Н. Вашингтон. М., 1976.). Ричарду Генри Ли генерал заявил, что считает положение «исключительно опасным». А одному из своих друзей писал спустя два дня после прибытия в Кембридж: «Мы увидели, что здесь все обстоит наоборот по сравнению с тем, что нам говорили раньше. Нас заверяли в Филадельфии, что армия обеспечена инженерами. Мы не нашли ни одного. Нас заверяли, что есть специалисты, способные обучить стрельбе из пушек. У них нет ни одного артиллериста и т. д.» (*Ibid., p. 486-487.*).

Надо отдать должное Вашингтону и его сподвижникам. В сравнительно короткий срок они исправили положение. Это была трудная и

ответственная задача, от решения которой во многом зависел дальнейший ход военных действий. В итоге напряженных усилий в ближайшие месяцы была создана регулярная Континентальная армия, которой во взаимодействии с отрядами милиции предстояло продолжить единоборство с британскими войсками.

После сражения при Банкер-Хилле, где силы фермеров и горожан, едва ли имевшие представление о том, что такое военная организация, вступили в бой и сражались на равных с профессиональной британской армией, в военных действиях наступило затишье. Операции под Бостоном возобновились лишь весной 1776 г. К этому времени на ассигнованные конгрессом средства было приобретено обмундирование и закуплено оружие, производство которого стало одной из главных забот американской промышленности. Ввиду ограничений, введенных ранее метрополией, выпуск металлических изделий в Америке практически пришлось налаживать заново. В колониальные времена американцы лишь плавил чугун, производство которого составляло 30 тыс. т - седьмую часть мировой продукции чугуна (*Higginbotham. D. The war of American independence, p. 91.*). Однако изделия из железа были английской монополией. На экспорте этих изделий в Америку британские купцы наживали целые состояния. В условиях войны армия испытывала острую нужду в пушках, ружьях, различных видах железных изделий, производство которых быстро развивалось и было очень прибыльно.

К весне 1776 г. британская армия в Америке была значительно пополнена за счет вновь прибывших контингентов, главным образом наемников из германских княжеств. У американского побережья курсировали военно-морские суда, составлявшие половину британского флота. К этому времени и под началом Вашингтона уже находилась регулярная армия, составленная в значительной мере из вновь набранных солдат и офицеров. На всем протяжении войны за независимость вопрос о пополнении рядов Континентальной армии был одним из самых сложных, так как, несмотря на единый фронт борьбы против Англии, американские колонии оставались в достаточной мере разобщенными. Строительство вооруженных сил протекало с большими трудностями. Американцам прежде всего не хватало опыта. Из 12 генералов, назначенных конгрессом в июле 1775 г. руководить войсками, только трое имели профессиональную подготовку (*Ibid., p. 91.*). К тому же они постоянно между собой ссорились, руководствуясь не столько общими интересами борьбы с Англией, сколько престижными соображениями личного и местного характера. «Они ссорятся, как кошки с собаками», - писал Джон Адамс (*Higginbotham D. Military leadership in the American revolution. - In: Leadership in the American revolution. Washington, 1974, p. 101.*). На это же жаловался и Вашингтон, говоря о «поистине тревожных» разногласиях среди своих подчиненных, которые приняли характер «эпидемического заболевания» (*Ibid.*). Каждый генерал стремился прежде всего соблюсти интересы своей колонии (после июля 1776 г. - штата), и это соответствовало настроению подчиненных ему отрядов местной милиции. Понимание общенациональных задач, формирование национальных взглядов находилось еще в зачаточном состоянии. Поэтому, объективно оценивая обстановку, Вашингтон колебался как поступить:

создавать ли одну или тринадцать армий. В конечном итоге он пришел к твердому убеждению в необходимости создания единой Континентальной армии и просил конгресс принять соответствующие решения. Впоследствии Вашингтон отмечал: «...практика показала, что обязательный набор давал более ощутимые результаты при пополнении батальонов Континентальной армии» (курсив мой, - А. Ф.). Срок службы в армии составлял от одного до полутора лет. Что же касается милиции, то там порядки были еще менее определенными. В интересах укрепления боеспособности вооруженных сил Вашингтон просил, чтобы конгресс установил для милиции срок службы в один год. Сам главнокомандующий со своей стороны принимал все возможные меры, чтобы укрепить дисциплину в войсках и поднять их боевой дух (*Higginbotham D. The war of American independence, p. 81, 392; Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 11, 26 - 27.*) .

Конгресс, приняв решение о создании армии, назначении главнокомандующего и ассигновании средств на содержание вооруженных сил, проявлял нетерпение в ожидании военных действий. Под давлением конгресса Вашингтон принял решение выступить. В ночь на 4 марта 1776 г. он приказал атаковать занимающие господствующее положение над Бостоном Дорчестерские высоты. Чтобы отвлечь внимание противника, решено было открыть артиллерийский огонь на других участках. Эта операция завершилась успехом: американские войска заняли Дорчестерские высоты, окопались там и установили артиллерию. Когда английское командование спохватилось, уже было поздно. Британские войска атаковали американские позиции и попытались выбить повстанческие отряды, но эта операция им успеха не принесла. Опасаясь, что Вашингтон предпримет дальнейшие операции и станет развивать наступление в невыгодных для англичан условиях, британское командование спешно эвакуировало войска из Бостона. Английские войска погрузились на корабли и отступили, оставив победителям 200 пушек, несколько тонн пороха и большое количество других припасов. Таким образом, длительная осада Бостона увенчалась успехом. Учитывая роль, которую играл этот город как центр антибританских выступлений на всем протяжении освободительной борьбы, победа Вашингтона имела большое значение как военное, так и политическое. Это был действительно успех, и известие о нем встречено ликованием. Конгресс принял постановление выбить в честь Вашингтона золотую медаль и послать ему ее в качестве награды. «Джорджу Вашингтону, возглавлявшему войско, защитнику свободы. Американское народное собрание» - эти слова по-латыни обрамляли барельеф героя победы под Бостоном на выбитой в его честь медали (*Froeman D. S, Op. cit., v. IV, chap. II. 316.*).

Хотя успех этот действительно был большим, военное положение США оставалось весьма непрочным. В ближайшие же месяцы американской армии пришлось пережить неудачи, в результате которых молодая республика оказалась в очень трудном положении. После провозглашения независимости Вашингтон обратился с речью к солдатам и офицерам. Зачитав текст Декларации независимости, он подчеркнул, что страна переживает серьезное время и что грозный противник - это главное препятствие на пути к ее благополучию. «Каждый офицер и каждый солдат,

- заявил он, - должен понять, что мир и безопасность нашей страны полностью зависят от успеха нашего оружия» (*Higginbotham D. The war of American independence, p. 119.*).

Соединенные Штаты продолжали вести интенсивные военные приготовления, но и Англия не теряла времени даром. Видимо, вначале британское командование не имело четко разработанного плана военных действий в Америке. Но постепенно оно пришло к выводу, что такой план необходим. Командование приступило к разработке плана, накапливая тем временем силы для его реализации. Как уже отмечалось, английское правительство энергично наращивало численный состав войск и вооружение. После эвакуации Бостона британская армия и флот сосредоточились в канадском порту Галифаксе, ожидая приказа о проведении военных операций.

В 1775 г., когда начались военные действия, в Америке насчитывалось лишь 8 тыс. британских солдат (*Curtis E. E. The organization of the British army in the American revolution. New Haven, 1926, p. 2 - 3.*) С тех пор из Англии были переправлены значительный контингент войск и дополнительное вооружение. Сменено было и командование британской армии. Отозвав генерала Гейджа, британское правительство отправило за океан «триумвират» из видных военачальников-генералов У. Гоу, Г. Клинтона и Д. Бур-гойна. Командование военно-морскими силами было поручено брату генерала У. Гоу - адмиралу Р. Гоу. По мнению военных историков, братьям Гоу принадлежало веское слово при разработке плана военных действий в Америке (*Anderson T. The command of the Howe brothers during the American revolution. New York, 1936.*).

Во время войны за независимость общая численность британской армии резко возросла. В 1775 г. она насчитывала 48 тыс. человек (включая 8 тыс. человек, находившихся в Америке), а к 1781 г. численность сухопутных сил Англии увеличилась более чем вдвое, составляя 110 тыс. человек, из которых половина - 56 тыс. человек, находилась в Америке (*Curtis E. E. Op. cit., p. 51.*).

Численность Континентальной армии была значительно меньшей. Армия Вашингтона сильно страдала от текучести состава. Отслужив положенный срок, солдаты покидали ее ряды, а порой дезертировали и до истечения срока в тех, в частности, случаях, когда армейские подразделения покидали пределы штата, в котором они проживали. Особенно это касалось фермеров, для которых посевная кампания или уборка урожая представлялись важнее, чем ход и исход военных операций. На получаемое за военную службу жалование было невозможно содержать семью. Именно в виду сильной текучести американской армии, исследователи колеблются в определении ее численности, полагая, что под началом Вашингтона в общей сложности за все время войны служило от 100 до 396 тыс. человек (*Higginbotham D. The war of American independence, p. 391-392.*) . Последняя цифра кажется маловероятной. Но даже если это было и так, то одновременно в армии Вашингтона под ружьем находилось едва ли многим более 20 тыс. солдат (*Curtis E. E. Op. cit., p. 51.*) .

Помимо Континентальной армии, в каждом штате в соответствии с постановлением конгресса формировались свои вооруженные силы, состоявшие из милицейских отрядов. Если военные действия проходили на территории штата, эти подразделения, как правило, в них участвовали. Но передвинуть их за пределы того района, где проживали бойцы милиции, было делом довольно трудным, а иногда просто невозможным. В условиях серьезной военной опасности стихийно, по инициативе снизу, создавались партизанские отряды. Но и они предпочитали не удаляться далеко от дома и были недолговечны. После завершения операций, ради которых люди вступали в партизанские отряды, они расходились по домам.

Отсутствие сильной Континентальной армии и слабая дисциплина по-прежнему оставались уязвимым местом американских вооруженных сил. По настоянию Вашингтона конгресс ввел обязательную систему набора войск, согласно которой каждому штату определялась квота на поставку солдат Континентальной армии. Но правила набора строго не соблюдались, и это тоже не способствовало укреплению дисциплины. Американский исследователь Д. Хиггинботам приводит пример, иллюстрирующий, каким был порядок мобилизации во время войны за независимость. Некий Д. Сейл получил повестку о призыве в армию следующего содержания: «Сэр! Сообщаю, что Вы призываетесь для службы в Континентальной армии. Сегодня Вам надлежит явиться в штаб-квартиру генерала Вашингтона. Однако за Вами сохраняется право подыскать себе замену - годного для военной службы человека, который пожелал бы служить вместо Вас. В противном случае Вам придется в течение 24 часов уплатить штраф в сумме 20 ф. ст.» (*Higginbotham D. The war of American independence, p. 393.*) . Следовательно, призыв в армию не был обязательным, так как можно было выставить замену либо отделаться штрафом. Этим довольно широко пользовались в особенности на Юге, где вместо членов семей плантаторов на военную службу отправляли негров. Таким образом, установленная конгрессом система квот для каждого штата позволяла постоянно пополнять Континентальную армию. Но сама по себе система была довольно зыбкой.

Британские войска в этом отношении находились в лучшем положении, и командование спешило воспользоваться имеющимся преимуществом, чтобы нанести Вашингтону решающий удар. Разработан был общий план военных операций, согласно которому сухопутная армия должна была действовать совместно с военно-морскими силами. Направлением главного удара решено было сделать Нью-Йорк и долину р. Гудзон. Британское командование рассчитывало захватить Нью-Йорк, который был идеальной гаванью, и затем развернуть наступление в долине р. Гудзон. Захватив этот район, англичане планировали отрезать американский Юг от Новой Англии. Далее предполагалось отправить корпус войск из Канады, чтобы оккупировать Новую Англию, считавшуюся оплотом мятежа, и соединиться с войсками, которым предстояло занять долину Гудзона. Разработка этого плана была начата Т. Гейджем и затем завершена У. Гоу и Д. Бур-гойном (*Mackesy P. Op. cit., p. 549. 320*) .

Намерение англичан захватить Нью-Йорк было известно американскому командованию. Конгресс обсуждал вопрос, предавать ли

Нью-Йорк огню или же оставить его неприятелю неразрушенным. «Нужно ли уничтожить город, - спрашивал Вашингтон, - или предоставить в руки неприятеля хорошо укрепленную базу и убежище для лоялистов?». После непродолжительных дебатов решено было сдать Нью-Йорк, не уничтожая его. Иное решение было невозможно, так как оно восставило бы против конгресса крупных собственников, владевших значительной недвижимостью в городе. «В Америке, — пишет в связи с этим Д. Хиггинботам, — это было движение людей, которые хотели скорее "иметь", чем "не иметь", а понятие "иметь" в такой революции всегда выше понятия "потерять"». До сих пор остается невыясненным, как и по чьей вине, но вопреки решению конгресса, еще до отступления американских войск из Нью-Йорка, 21—22 сентября, город оказался во власти огненной стихии. В результате грандиозного пожара в Нью-Йорке сгорело около 500 зданий. Англичане обвиняли в поджоге американцев. Специально предпринятое позднее Нью-Йоркским историческим обществом расследование не подтвердило этой версии. Вашингтон не без удовольствия отмечал: «Провидение или какой-то добрый честный человек сделали для нас больше, чем то, что мы собирались сделать сами» (*Iligginbotham D. The war of American independence, p. 159—160; Boatner III M. M. Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966, p. 801—802.*) .

1 ноября 1776 г., не выдержав натиска почти вдвое превосходящих сил противника, Вашингтон оставил Нью-Йорк. Город был сдан после жестокого сражения. Американская армия вынуждена была также сдать два важных форта — Вашингтон и Ли, понесла большие потери в живой силе и вооружении. Английские войска стремительно продвигались вперед и вскоре захватили долину Гудзона, оккупировав Нью-Джерси. Стремясь закрепить успех, британское командование отдало приказ войскам направиться к столице США Филадельфии. Известие об этом вызвало панику среди членов конгресса, и они перенесли заседания в Балтимору. «Конгресс уже здесь... Вы спросите почему и как мы оказались здесь..., — писал С. Адамс. — Дело в том, что враг был в 17 милях от нас и выражались опасения, что население Пенсильвании, находясь в состоянии страха и боясь предательства, сдаст столицу» (*С. Адамс - Д. Уоррену, 25 декабря 1776 г. - The writings of Samuel Adams. V. III. Collected and ed by W. A. Gushing. New York - London, p. 329 - 330.*) . Действительно, спустя некоторое время английские войска вступили в Филадельфию (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 56.*) .

Превосходство англичан было неоспоримым, но даже в этих условиях американская армия сохраняла волю к победе, проявляя чудеса героизма. Ни крупные контингенты прибывающих британских солдат, ни грозные морские фрегаты, курсировавшие у побережья, не сломили решимости американцев сражаться за свободу. Американская армия, по словам С. Лдамса, сохраняла «высокий боевой дух» (*С. Адамс - Д. Уоррену, 15 июля 1776 г. - The writings of Samuel Adams, v. III, p. 297.*) .

В конце 1776 г. Вашингтон получил подкрепление. С ним соединились ранее действовавшие самостоятельно части регулярной армии под командованием генералов Салливана и Гейтса. С особым нетерпением он ожидал подхода свежих милицейских частей. После того как прибыла

пенсильванская милиция, Вашингтон решил выступить и попытаться перехватить инициативу у неприятеля (*Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 297.*).

Военные историки отмечают, что американское командование не имело разработанного плана ведения войны с Англией. Однако в создавшихся условиях иметь такой план было невозможно. Поэтому Вашингтону и другим американским военачальникам приходилось принимать решения от случая к случаю. Наблюдая за действиями английских войск, они использовали тактику активного сопротивления, изыскивая слабые места противника и контратакуя его.

К концу 1776 г. британские войска добились немалых успехов, к рождественским праздникам 1776 г. англичане отмечали в предвкушении скорой окончательной победы. Однако именно в этот момент Вашингтон преподнес британскому командованию сюрприз, показавший, что торжествовать было рано. В ночь под рождество, когда ничего не подозревавший неприятель веселился, две с половиной тысячи американских солдат переправились через р. Делавэр и нанесли сильный удар по численно превосходящим силам англичан и немецких наемников у Трентона.

Дошедшая до нас запись в дневнике очевидца рисует картину благодушного настроения в лагере неприятеля. Немцы, писал он в канун операции, «как следует попьют пива и вечером потанцуют, а утром будут спать. Вашингтон сыграет им подъем на рассвете».

Английские войска ожидали, когда река покроется льдом, чтобы переправиться и продолжить наступление, начатое генералом Гоу у Нью-Йорка (*Europeans observe the American revolution. Ed. By M. P. and R. A. Brown. New York. 1976, p. 96.*) . Меньше всего командование могло предполагать, что американцы сумеют форсировать еще не ставшую реку и проникнуть в расположение англичан. Переправа через Делавэр была исключительно трудной. «Ужасно холодно и сыро, - писал один из участников этой операции, - снежная вьюга. Северо-восточный ветер хлещет в лицо. Эта ночь была ужасной для солдат, не имеющих обуви. Некоторые из них замотали ноги старыми лохмотьями, другие были босиком. Но я не слышал жалоб. Они готовы перенести любые страдания и умереть, но не откажутся от свободы». Мужество и героизм в этой сложной и дерзкой во всех отношениях операции были беспримерны. Вашингтон, стоя на берегу, лично руководил переправой войск и орудий, а с последней лодкой переправился сам (*Freemant. S. Op. cit., v. IV, p. 301.*) . Когда рано утром американцы обрушились на английские позиции, они без труда сломали беспорядочное сопротивление противника, захватив около тысячи человек в плен. Потери американцев составляли всего 4 убитых и 4 раненых ((*Coakley R. W., Conn S. Op. cit. p. 51.*)).

В тот же день американская армия вернулась на исходные позиции, желая обезопасить себя от ответных действий неприятеля. Опасения эти, однако, оказались напрасными, так как нападение Вашингтона вызвало панику среди англичан, и командование отдало приказ отступать к Прин-

стону. Тогда американская армия снова, уже в третий раз, переправилась через Делавэр и заняла Трентон. К этому времени известие о поражении достигло штаба английских войск в Нью-Йорке и верховное командование распорядилось о посылке подкрепления против Вашингтона. Направленные из Нью-Йорка английские войска остановились у Трентона и стали ждать подхода остальных сил, чтобы дать сражение американцам. Но Вашингтон уклонился от генерального сражения.

Сражение у Трентона 3 января 1777 г. Худ. Д. Трамбел

Ночью, сохранив лагерные огни и поддерживая у неприятеля различными шумами ложное представление о продолжении оборонительных работ, американская армия совершила стремительный бросок к Принстону и рано утром 3 января 1777 г. атаковала английские позиции. Вашингтон непосредственно руководил сражением, появляясь в наиболее трудных местах боя и личным примером воодушевляя солдат. Американским войскам пришлось преодолевать упорное сопротивление врага, но оно было сломлено и противник обратился в бегство. Так была одержана еще одна блестящая победа (*Ibid.; Freeman D. S. Op. cit., v. IV, chap. XII.*) . После этого американские войска отошли на зимние квартиры в Морристауне (Нью-Джерси), где были практически недосягаемы для англичан. «Трентон и Принстон не только ликвидировали неблагоприятные воспоминания об ужасных поражениях в Нью-Йорке, - пишут военные историки Р. Ко-укли и С. Кон, - по и восстановили престиж Вашингтона как среди его друзей, так и среди врагов» (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 52.*).

Наряду с победами на сухопутном театре военных действий американцам удалось добиться значительных успехов на море, серьезно осложнив проблему снабжения английских вооруженных сил. Главная заслуга в этом принадлежала сооруженному по решению конгресса флоту

каперских судов (Создание военно-морских сил США освещено в работе: Грибникова И. И. Первые шаги по созданию американцами регулярного флота в годы войны за независимость. - Американский ежегодник 1975. М., 1975, с. 124 - 141.) . К началу 1777 г. под американским флагом плавало уже несколько сот таких кораблей, и только за первые полтора года войны каперы захватили более 700 английских судов, стоимость которых составляла около 2.5 млн. ф. ст. Английские агенты в Америке бомбардировали Лондон сообщениями о захвате английских судов и настаивали на необходимости усиления защиты последних. По сообщению с Ямайки, только за одну неделю англичане потеряли 14 судов, а из 60 кораблей, отправленных из Ирландии в Гренаду, дошло до места назначения только 25. Каперские экспедиции совершались на частнопредпринимательской основе, и участие в них, естественно, сопряжено было во всех отношениях с большим риском. Однако экспедиции эти давали необходимое вооружение и амуницию для армии, а также в равной степени и возможность их организаторам путем конфискации грузов извлекать значительные доходы. В 1778 г. один из коннектикутских купцов нажил на каперстве 9600% прибыли.

Распространялись призывы к мужскому населению принять участие в каперстве с обещанием, что это позволит им в короткий срок приобрести крупное состояние. В одном из таких призывов, опубликованном в 1776 г. в «Бостон газетт» в связи с вербовкой моряков на каперское судно «Дин», говорилось: «Все Веселые Ребята, которые любят свою страну и хотят одним взмахом составить себе состояние, должны отправиться па свидание к главе верфи его превосходительства губернатора Хэнкока, где они будут встречены сердечными приветствиями собравшихся там Бравых Парней. Их угостят превосходным эликсиром под названием грог, который считается всеми истинными моряками «эликсиром, жизни»».

С развитием каперства во флот завербовалось около 100 тыс. человек, а общее число судов доходило до 1,5-2 тыс. Среди них были такие, команда которых состояла из 150 - 200 человек, а вооружение из 15 - 20 пушек, но были и совсем небольшие, на вооружении которых находились всего лишь 1 - 2 пушки (*Augur H. The secret war of independence. New York, 1955, p. 94 - 96.*). Многие каперы совершали самоотверженные экспедиции в Европу и захватывали английские суда у самых берегов Англии, конфискованные грузы они затем распродавали в близлежащих европейских портах. В результате экспедиций «дюнкерского пирата» капитана Конингхэма и капитана Уикса, рейдов Дж. П. Джонса, отличавшихся особой дерзостью операций в английских территориальных водах, англичане потеряли не один десяток судов. Действия каперов на море были существенным вкладом в дело борьбы против Англии.

После успехов, одержанных у Трентона и Принстона, боевой дух американских войск резко поднялся, укрепив их веру в конечную победу. «Мы не получаем никаких сведений из расположения американских войск, - писал в это время Дж. Адамс, - но генерал (Вашингтон, - А. Ф.) и армия находятся в боевом настроении и почувствовали свою силу» (*Дж. Адамс - Т. Джефферсону 26 мая 1777 г. - The Adams - Jefferson letters. The complete correspondence between Thomas Jefferson and Abigail and John Adams, v. I, Ed. by L, J, Cappon, Chapel Hill, 1959,*

р. 6.) . Успехи Вашингтона не были случайными. Хотя американская армия, как уже неоднократно отмечалось, численностью и вооружением значительно уступала англичанам, она обладала по сравнению с ними многими преимуществами. Решающим из них было то, что американцы сражались на своей земле против иноземных поработителей и были спаяны энтузиазмом революционной освободительной борьбы, в то время как английские солдаты участвовали в войне, цели которой были им чужды и непонятны. Уклоняясь по возможности от крупных сражений, американская армия изматывала силы противника небольшими внезапными ударами. Как ни пытался генерал Гоу после поражения при Трентоне в Принстоне вызвать Вашингтона на открытое сражение, ему это не удалось, и, несмотря на явный перевес в силах, английские войска вынуждены были в июле 1777 г. полностью очистить территорию штата Нью-Джерси (*Ward Ch. The war of the revolution. New York, 1952, p. 317-318.*) . Надо отдать должное С. Адамсу - он заранее предсказал исход этой операции. «Я искренне убежден, - писал Адамс в январе 1777 г., - что вторжение противника в Нью-Джерси обернется к нашей большой выгоде и кампания эта закончится победой на нашей стороне» (*С. Адамс -Д. Уоррену. 8 января 1777 г. - The writings of Samuel Adams, v. III. p. 341.*).

Вымуштрованные и нарядно одетые английские солдаты строго подчинялись приказам командования, следовавшего традиционным европейским правилам военного искусства. Англичане предпочитали проводить операции на открытой ровной местности, дабы генерал, руководивший сражением, мог наблюдать за его ходом, переставляя по мере надобности выстроенные ровными линиями войсковые подразделения из одного места в другое, подобно игре в шахматы (*Higginbotham D. The war of American independence, p. 2.*) . Британская тактика отличалась косностью и догматизмом, в то время как американцы быстро приспосабливались к условиям в зависимости от обстоятельств. Не обладая крупными силами, они выработали собственную тактику ведения боя, которая позволяла воевать с численно превосходящим и лучше вооруженным противником (*Weher J. Irregular but effective: partizan weapons tactics in the American revolution, Southern theatre. - Military affairs, 1957, v. 27, p. 118 - 119.*) . В период войны за независимость американцы впервые в истории применили заимствованную ими у индейцев тактику рассыпного строя в бою. Касаясь этого обстоятельства, Энгельс писал, что американцы «не имели любезности выстраиваться линиями и вступать в бой с англичанами в открытых местностях, но, наоборот, нападали на них в лесах, рассыпаясь мелкими подвижными отрядами стрелков», что англичане «встретились в американской войне за независимость с толпами повстанцев, которые, правда, не учились маршировать, но прекрасно стреляли из своих винтовок», и что в отличие от своих противников они «сражались за свое собственное дело» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20. с. 172.*).

К сказанному следует добавить, что некоторые недостатки американской армии и милицейских сил имели свою положительную сторону. Как уже отмечалось, среди командного состава было мало людей, знающих военное дело. Однако в отличие от английских знатных офицеров, прошедших специальную подготовку, в Континентальной армии было

немало выходцев из низшего сословия - фермеров, ремесленников и других, одаренных, способных людей, оказавших огромные услуги своей стране (*Higgin both am D. Military leadership in the American revolution, p. 100.*). «Мне нравится основной состав офицеров нашей армии, - писал С. Адамс еще в самом начале военных действий. - Они в равной степени и патриоты, и солдаты» (*С. Адамс - Д. Уоррену, 7 января 1776 г. - The writings of Samuel Adams, v. III, p. 250.*). В ходе войны американские офицеры приобрели опыт и преданно боролись за дело независимости.

Местнические настроения милицейских сил имели н обратный эффект. В том случае, когда военные действия приближались к границам штата или происходили на его территории, мужчины, женщины, старики, молодежь - все, кто способен был носить оружие, вступали в добровольческие отряды и спешили па помощь регулярным частям Континентальной армии. «Все население (включая женщин), - пишет Г. Аптекер, - владело огнестрельным оружием, в каждом доме американца имелось ружье» (*Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962, с. 155.*). Это было так еще с колониальных времен (*Jameson H. Equipment for the militia of the Middle States, 1775 - 1781.- Journal of American military institute, 1959, v. III, p. 26 - 27.*) , но в период войны за независимость стало обязательным правилом. Порывы местного патриотизма имели исключительно важное значение для исхода многих решающих сражений войны за независимость.

Недостатком американских вооруженных сил была их распыленность. Но в этом заключался н определенный плюс: британские войска оказались не в состоянии добраться до них. Преимущество состояло также в том, что в Америке было мало крупных населенных пунктов, где находились бы значительные гарнизоны. Тактика американцев заключалась в быстром передвижении. Они внезапно атаковали англичан и также внезапно исчезали. «Американцы..., - пишет военный историк П. Маккизи, - были многочисленны, хорошо владели оружием. Они защищали страну бескрайних просторов н ограниченных ресурсов. У них не было городов, потеря которых явилась бы фатальной для них в политическом, моральном или промышленном отношении. Они избегали невыгодных для себя сражений, исчезая с такой быстротой, что англичане оказывались не в состоянии их настигнуть и атаковать» (*Mackesy P. Op. cit., p. 541.*). Это не значит, что американским войскам не приходилось терпеть серьезных поражений и что они не несли больших потерь. Например, захвату Нью-Йорка предшествовало жесточайшее сражение па Лонг-Айленде, где из 8 тыс. американских солдат и офицеров было убито, ранено и захвачено в плен три четверти - 6 тыс (*Higginbotham D. The war of American independence, p. 159.*) . А сражение при Чарльстоне в мае 1778 г. закончилось пленением 5.5 тыс. американцев (*Аптекер Г. Указ. соч.. с. 111.*) .

После успехов, одержанных у Трентона и Принстона Вашингтону удавалось избегать столкновения с неприятелем. Англичане вплотную подошли к Филадельфии, и, как уже отмечалось, конгресс перенес свои заседания в Балтимору, а город был сдан. Это произошло 29 сентября 1777 г. Потеря столицы явилась жестоким ударом, подорвав моральный дух американцев и ослабив их позиции на международной арене. Это особенно

сказалось на переговорах с Францией - основным поставщиком оружия армии Вашингтона. В этих условиях Соединенным Штатам, как никогда, нужна была военная победа. Изучив дислокацию британских войск, Вашингтон решил нанести удар по английскому корпусу, находившемуся в районе Джермантауна, в 5 милях от Филадельфии. В случае успеха этой операции американцы могли рассчитывать на то, что удастся освободить затем и захваченную неприятелем столицу.

План операции был тщательно продуман и одобрен Вашингтоном. Как отмечают военные историки, план этот во многом напоминал операцию у Трентона, отличаясь лишь иными масштабами и большей сложностью (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 57 - 58.*). Суть операции у Джермантауна заключалась в том, чтобы с четырех сторон внезапно напасть на британские части, насчитывавшие 9 тыс. человек, разбить их и, развивая успех, двинуться дальше. Американские силы, состоявшие из двух колонн Континентальной армии, одна под командованием генерала Салливапа на северо-западе от Джермантауна и другая под командованием генерала Грина на северо-востоке, должны были при поддержке милицейских отрядов, находившихся к югу от города, рано утром 4 октября одновременно атаковать англичан и зажать их в тиски.

Американские силы насчитывали 8 тыс. регулярных войск и 3 тыс. милиционеров. Однако в результате того, что колонны регулярных войск прибыли в разное время, а милицейские отряды (за исключением одного) практически вообще не появились на поле боя, операция 4 октября 1777 г. была обречена на неудачу. Отряды Континентальной армии сбились с заранее намеченного маршрута и, не распознав своих в утреннем тумане, начали перестрелку между собой. Затем они атаковали британские части в различных пунктах. В целом операция не удалась, и Вашингтон вынужден был отдать приказ об отступлении, так как началась неразбериха и паника (*Ibid.; Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 504 - 511.*). К месту сражения уже прибыл трехтысячный британский корпус генерала Корнуэллеса из Филадельфии, который пустился было преследовать части генерала Грина. Но вскоре Корнуэллис повернул назад, так как британское командование было серьезно напугано нападением американцев. Американские войска потеряли 673 человека убитыми и ранеными, 400 человек попало в плен. Английские потери составили 537 человек убитыми и ранеными, а в плен попало только 14 человек (*Ward Ch. Op. cit., v. I, p. 371; Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 517.*).

Историки по-разному расценивают итоги сражения при Джермантауне. Одни считают его поражением американцев (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 57 - 58.*). Другие - почти победой (*Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 517; Ward Ch. Op. cit., p. 371.*). Биограф Вашингтона Дж. Фримен заявляет, что как раз в тот момент, когда американцы ослабили натиск, генерал Гоу уже приготовился отступить. Только начавшаяся паника среди американских войск якобы остановила англичан от этого шага (*Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 517.*). Никаких документальных данных, подтверждающих данный факт, не приводится. Скорее всего версия эта распространялась в свое время, чтобы

поддержать боевой дух в американских войсках, а затем она переключалась в сочинения историков.

Видимо, командование сумело внушить войскам, что дело обстояло именно так. Во всяком случае современники отмечали, что сражение при Джермантауне придало уверенность американцам. Вашингтон выразил благодарность частям генерала Салливана, четко действовавшим в соответствии с разработанным им планом. Конгресс направил приветственное послание армии и главнокомандующему. Вашингтон, конечно, отдавал себе отчет в истинном итоге. Как отмечал Т. Пейн в письме к Б. Франклину, войска переживали именно «разочарование, но не поражение». Один из близких сподвижников Вашингтона считал, что хотя «предприятие не удалось, решение было правильным». Сам главнокомандующий заявлял, что «в целом можно сказать, что день был скорее неудачным, чем вредным». Эта оценка дошла и до войск. Описывая исход сражения при Джермантауне, один из офицеров отмечал, что противник «не сумел извлечь никакой выгоды». «Мы, - писал он, - не потеряли ни амуниции, ни артиллерии, а противник остался на тех же самых позициях, на каких он был до того. С другой стороны, наши люди убеждены теперь, что они могут справиться с отборными частями противника, с их пехотой и гренадерами, если они решительно пойдут в атаку. Они удовлетворены тем, что могли бы одержать победу, если бы у них не кончились припасы и если бы они по ошибке не приняли своих людей за противника. Сейчас у них хорошее состояние духа, и они с нетерпением ждут следующей операции» (*Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 517 - 519.*) Хотя сражение при Джермантауне не принесло успеха американским войскам, оно показало, что американцы в состоянии вести на равных войну с опытными и хорошо обученными английскими частями. Это невыигранное сражение действительно принесло Континентальной армии и в целом Соединенным Штатам политический дивиденд как в глазах общественного мнения самих США, так и на международной арене (*Ward Ch. Op. cit., v. I, p. 371.*)

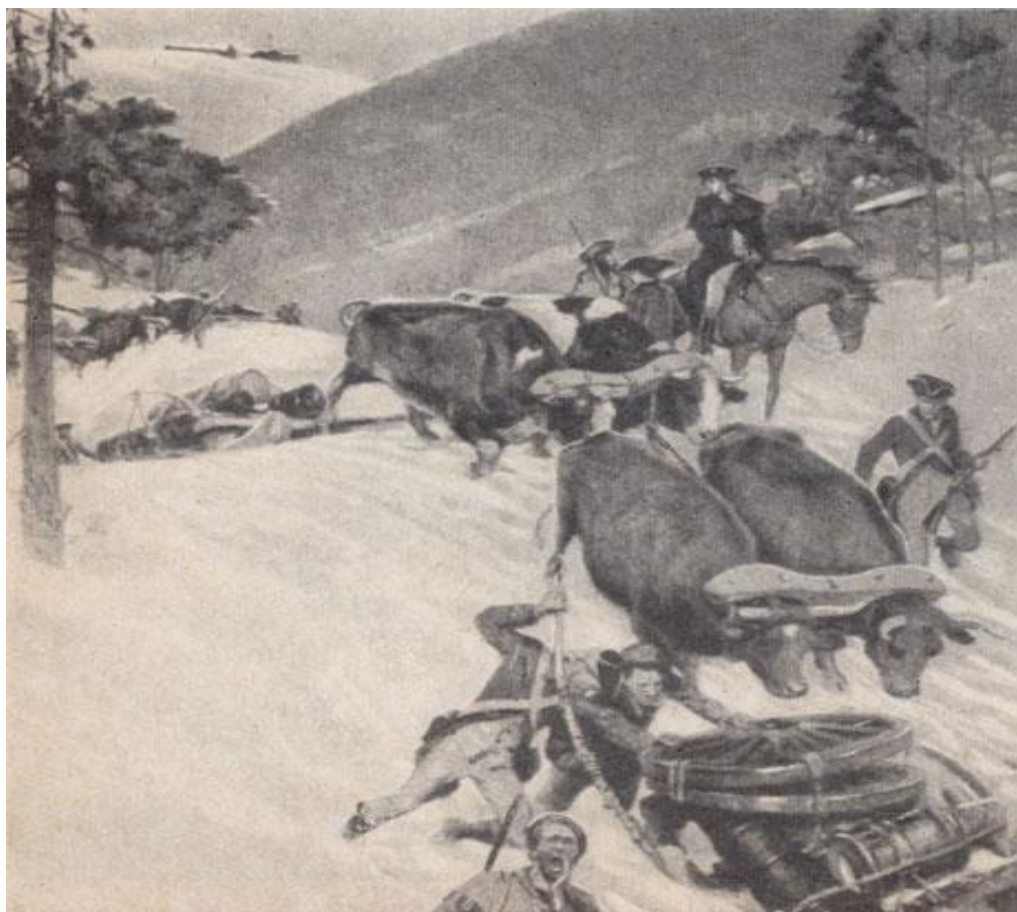
Резонанс, вызванный военной операцией при Джермантауне, был существенно усилен победой американских войск в другом крупном сражении - при Саратогге, которое по праву считается поворотным пунктом в войне за независимость (*Nickerson H. Turning point of revolution. New York, 1928.*). Как уже отмечалось, английская армия оказалась плохо подготовленной к условиям войны в Америке. Действия британских войск скорее напоминали отдельные военные экспедиции, нежели продуманную планомерно осуществляемую военную кампанию. Они не учитывали специфики войны в Америке, были малоподвижны и потому заранее обрекли свои действия на провал. Английское командование оказалось не в состоянии приспособиться к условиям ведения войны в Америке и не могло понять побудительных мотивов беспримерной отваги, с которой сражались американцы. Поэтому можно присоединиться к выводу военного историка П. Маккизи, автора статьи о британской стратегии в американской войне за независимость, считающего, что неудачи англичан объясняются причинами как стратегического, так и политического характера (*Mackesy P. Op. cit., p. 539 - 540.*) .

Одной из главных военных операций англичан являлась уже упоминавшаяся экспедиция по захвату долины Гудзона, взятию Филадельфии и последующей оккупации Новой Англии при помощи корпуса, который должен был подойти с Севера, из Канады. Казалось бы, противник добился некоторых успехов. Однако завершение этой операции натолкнулось на непреодолимые трудности. Опасаясь оказаться отрезанной от своих главных сил, английская армия, расквартированная в Филадельфии и ее предместьях, была вскоре отозвана. Британским войскам пришлось очистить территорию Нью-Джерси. Саратога была последним ударом по этому плану (*Ward Ch. Op. cit., v. I, p. 317 - 318.*) .

Еще в июне 1777 г. из Канады выступила семитысячная армия генерала Бургойна, которому было предписано оккупировать территорию Нью-Йорка, чтобы соединиться с действовавшими против Вашингтона войсками генерала Гоу и таким образом полностью окружить и изолировать Новую Англию, как это и предусматривалось первоначальным планом военных действий. В первых числах июля Бургойн захватил на границе с Канадой занятую американцами еще в самом начале войны крепость Тайкондерогу. Уже сообщение об этом было встречено в Лондоне как торжество победы. «Я разбил их! Я разбил американцев!», - с таким криком ворвался Георг III в будуар королевы, получив известие о захвате Тайкондероги (*Augur H. Op. cit., p. 218.*) . Однако торжествовать было рано. Бургойн вынужден был значительную часть своих сил оставить в крепости для ее защиты, и, таким образом, уже в самом начале силы англичан оказались рассредоточенными. Кроме того, большие трудности ожидали Бургойна на пути дальнейшего следования. Продвигаться приходилось через болота и лесистые местности, где партизанские отряды устраивали лесные завалы и засады, всевозможными способами стараясь задержать противника. В начале августа 1777 г. один из английских отрядов, продвигавшийся параллельно основным силам и насчитывавший около тысячи солдат и офицеров, потерпел жестокое поражение при встрече с американцами у форта Стэнвикс. Спустя еще две недели Бургойна постигла новая неудача. Англичане испытывали острую нехватку в продовольствии, и их командующий, получив известие о том, что в расположенном неподалеку от пути их следования американском форту Бен-шштон имеются запасы провианта и вооружения, направил туда отряд в 700 с лишним человек. Однако английский отряд неожиданно наткнулся на американскую воинскую часть и был почти полностью взят в плен. Это была серьезная неудача, еще более подорвавшая силы Бургойна.

Между тем весть о падении Тайкондероги подняла на ноги революционно настроенное фермерство Новой Англии. Были созданы многочисленные отряды добровольцев, которые устремились на помощь действующей армии. По мере дальнейшего продвижения англичан ряды добровольцев все более росли и через два с половиной месяца после захвата англичанами Тайкондероги уже насчитывали несколько тысяч человек. В результате противостоявшие англичанам американские войска значительно превзошли своего противника численностью, они были обеспечены продовольствием и находились под командованием одного из выдающихся военачальников революционной армии генерала Гейтса.

Понимая, что в дальнейшем положение его армии может еще более ухудшиться, и не рассчитывая на скорую помощь от Гоу, Бургойн решил дать генеральное сражение. 19 сентября 1777 г. между силами англичан и американцев произошла первая ожесточенная схватка, в которой ни одна из сторон не смогла добиться решающего успеха. Но в ближайшие дни американским войскам удалось окружить армию Бургойна у Саратоги. Английские войска, на которые была возложена задача окружения Новой Англии, теперь сами очутились в плотно сжатом кольце. Они предпринимали тщетные попытки вырваться из окружения, но, видя их безнадежность, 17 октября капитулировали. Если бы армия Бургойна продержалась дольше, исход сражения при Саратоге мог оказаться иным, так как на помощь ему уже спешила другая армия под командованием генерала Клинтона. Но Клинтон запоздал и напасть на американскую армию не решился. Между тем капитуляция Бургойна имела далеко идущие военные последствия. «Поражение при Саратоге, - пишет Маккизи, - было в конечном итоге крушением плана по захвату долины Гудзона» (*Mackesy P. Op. cit, p. 550.*).

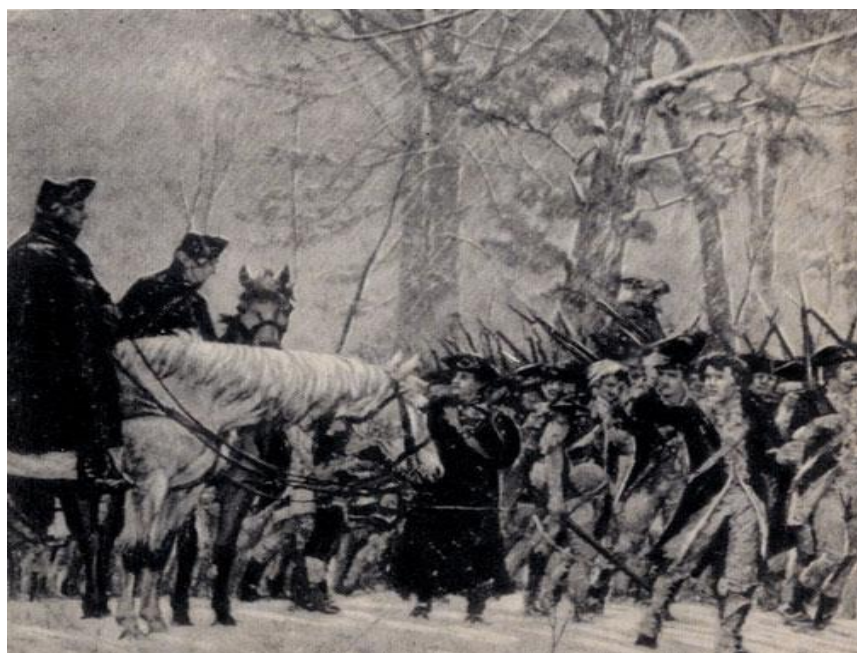
Перевозка орудий из Тайкондероги в Бостон Худ. Т. Ловел

Победа при Саратоге доставила американцам богатые трофеи оружия и несколько тысяч пленных. Это был крупный успех, значение которого выходило далеко за рамки чисто военной победы. Обе стороны придавали исходу операции Бургойна большое значение, так как понимали, что от этого во многом будет зависеть развитие международных отношений, в частности переговоров с Францией, которая помогала американцам

вооружением и вскоре официально признала США, заключив с ними союзный договор (Подробнее об этом см. следующую главу.).

Победа при Саратоге и последующие изменения в международной обстановке способствовали укреплению позиций Соединенных Штатов. Однако положение армии все еще оставалось тяжелым. Особенно большие лишения пришлось пережить солдатам Вашингтона зимой 1777/78 г. во время исключительно трудной зимовки в Валлей-Форж. Место это было тактически выгодно в случае нападения неприятеля, но крайне неудобным для стоянки в зимнее время. Солдатам приходилось жить в палатках, лишь со временем были построены бревенчатые хижины и бараки, в которых разместилось 6 тыс. человек (*Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 555 - 556; Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 62 - 64.*) .

Армия испытывала острый недостаток в продовольствии, многие не имели обуви и теплой одежды. Солдатам ничего не оставалось, как спать по очереди, так как нечем было укрыться. Ряды патриотов косили болезни и эпидемии. Касаясь состояния армии в Валлей-Форж, Вашингтон писал, что у солдат «нет ни хорошей одежды, чтобы прикрыть свою наготу, ни одеял, чтобы подстлать под себя, ни башмаков, от чего пути всех их походов отмечены кровавыми следами их ног». Люди, говорил он, которые «в стужу и в снег идут, как это нередко бывало, без провианта, а на рождественские праздники занимают „квартиры" па расстоянии одного дня пути от неприятеля (Валлей-Форж расположен в 4 - 5 милях от находившейся тогда в руках англичан Филадельфии.), не имея ни шалаша, ни хижины, где бы укрыться до того, как готовы будут бараки, переносящие все это совершенно безропотно, - это, по-моему, есть пример выдержки и повиновения, которые не знают себе подобных» (*Цит. по: Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX в. Пер. с англ. М., 1949, с. 57.*) .

Смотр Дж. Вашингтоном войск в период голодной зимы в Валлей-Форж 1777 - 1778 г. Худ. У. Трего

Между тем в конгрессе нашлись люди, критиковавшие Вашингтона за бездействие. Это вызвало гневную реакцию главнокомандующего. «Смею заверить джентльменов, - писал он по этому поводу, - что гораздо легче и менее мучительно выразить негодование, сидя в комфортабельном доме у камина, чем жить на холодной голой горе, спать при морозе и снегопаде без одежды и одеял». Не только Вашингтон, но и веете, кто находился в Валлей-Форж, поражались стойкости солдат. «Такое терпение и скромность, - писал генерал Грин, - какое проявили они при всех лишениях, свидетельствуют о высочайшей чести и великодушии американских солдат. Не получая продовольствия, они на седьмой день пришли к офицерам и говорили о своих лишениях в такой почтительной форме, как будто это были скромные податели петиции, испрашивающие себе какие-то привилегии. Они сказали, что без продовольственной помощи оставаться в лагере дольше не смогут» (*Freeman D. S. Op. cit., v. IV, p. 568, 577.*) . Однако солдаты выдержали и это испытание. Более того, голодные и полуодетые они продолжали выполнять боевые задания и с весны 1778 г. начали интенсивную строевую подготовку под руководством генерала Ф. Штойбена, ранее служившего офицером прусской армии и специально привлеченного Вашингтоном для обучения американских войск военному делу (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 63 - 64.*) .

Во имя достижения победы и торжества революции народ самоотверженно переносил лишения. А тем временем буржуазия, используя благоприятно сложившиеся условия, приумножала свои богатства с помощью казенных поставок и всевозможных спекуляций. Наряду с фактами патриотических действий - крупными пожертвованиями в пользу революции - многие представители американской буржуазии, хотя и принадлежали к сторонникам независимости, по существу занимались антипатриотической деятельностью. В погоне за прибылью колониальные купцы не останавливались даже перед установлением торговых отношений с англичанами, если те предлагали лучшие условия, чем патриоты. В этой торговле принимали участие даже «наилучшие виги». Многие купцы и промышленники сколотили на войне целые состояния (*Рочестер А. Американский капитализм. 1607 - 1800. Пер. с англ. М., 1950, с. 104 - 107; Green E. B. The revolutionary generation. New York, 1943. p. 268 - 269.*) .

Американский солдат Рисунок XVIII в.

Спекуляция и последовавший в результате нее рост цен усугубляли трудности положения армии. Снабжение войск продовольствием и снаряжением резко ухудшилось. «Спекулянты, различного рода взяточники и биржевики, - писал Вашингтон, - губят наше дело». В войсках росло недовольство, которое всячески подогревалось проникшими в армию английскими агентами и той частью командного состава, которая стояла в оппозиции к Вашингтону. Еще в 1776 г. состоялся заговор, организованный лоялистскими элементами Нью-Йорка и ставивший своей целью пленение Вашингтона и передачу его в руки англичан. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону некоторых лиц из личной охраны Вашингтона. Но заговор был раскрыт и его участники казнены. Имели место и факты прямой измены со стороны высших представителей командования. Особенно чувствительным ударом для американцев было предательство генерала Б. Арнольда, отличившегося во многих сражениях и получившего награды от конгресса. «Люди сильно напуганы дезертирством генерала Арнольда», - отметил в своем дневнике британский офицер Т. Хьюз (*Europeans observe the American revolution, p. 227.*).

Арнольд был близок к Вашингтону, и его измена произвела на последнего потрясающее впечатление. Генерал Арнольд был действительно храбрым и способным военачальником. Однако безмерное честолюбие и жажда власти, приводившие его к ссорам и столкновениям с конгрессом и командованием, толкнули Арнольда на путь измены. В начале мая 1779 г. он предложил свои услуги англичанам, которые были незамедлительно приняты. В сентябре следующего года Арнольд перешел на сторону англичан, щедро наградивших предателя. Они сохранили Арнольду генеральское звание и отдали под его начало соединение британских войск, отличавшееся особой жестокостью в борьбе с американцами.

Вашингтон настаивал на расправе с Арнольдом. Была предпринята попытка похитить его, но она не удалась (*Van Doren C. Secret history of the American revolution. New York, 1968, p. 392 - 394.*).

Акты измены и заговоры, естественно, вносили разлад и мешали успехам американской армии. Вместе с тем нельзя не упомянуть о том, что Вашингтон подвергался серьезным нападкам и критике со стороны тех кругов генералитета и членов конгресса, которые считали, что армия не может одержать решающего успеха из-за недостаточной ее демократизации. Сторонники этой точки зрения выступали против Вашингтона, надеясь поднять боеспособность американских солдат путем демократических реформ в армии. Во главе этой демократической оппозиции стоял один из крупнейших военных деятелей периода борьбы за независимость генерал Гейтс. Однако Гейтс не смог получить достаточной поддержки в конгрессе и оказался не в силах противостоять Вашингтону. Между тем в армии росло недовольство и устранить его было нелегким делом. Совсем не считаться с требованиями солдат было просто невозможно.

Рост цен на предметы первой необходимости и разгул спекуляции вызвали волнения в войсках, а также среди населения, главным образом городских ремесленников и рабочих. Массы требовали установления контроля над распределением продуктов и ценами на них. Население негодовало, что оно становится жертвой «ненасытной жажды накопления», и заявляло, что не для того проливает кровь, «чтобы заменить власть одной олигархии другой, не менее деспотичной и своекорыстной». В ряде штатов были приняты законы о максимуме цен и сделаны попытки добиться осуществления принятых законов. В Беверли (Массачусетс) работницы напали на торговые лавки и принудили владельцев отпускать товары по установленным законом ценам. В Филадельфии по народной инициативе был создан специальный комитет, который следил за реализацией принятого в октябре 1778 г. закона о максимуме цен. В наказе комитету массы напоминали, что в их руках оружие и они знают, как с ним обращаться: «Мы не сложим его до тех пор, пока не добьемся своего» (*Фонер Ф. Указ. соч. с. 58.*) . Но достигнуть существенных результатов в области ограничения цен, даже несмотря на решительное вмешательство Комитетов безопасности, так и не удалось.

Власти штатов и конгресс несомненно были заинтересованы в том, чтобы улучшить дело снабжения армии и общее продовольственное состояние страны. Однако они самым решительным образом пресекали выступления масс и в особенности волнения в армии. Так, в начале 1779 г. правительственные войска подавили в Филадельфии выступление матросов, требовавших улучшения материальных условий жизни, а в октябре 1779 г. - выступление филадельфийской бедноты, осадившей помещение, в котором собрались купцы и чиновники, хорошо нажившиеся на спекуляциях и поставках армии. В следующем 1780 г. был усмирен мятеж Коннектикутского полка, вызванный тем, что солдаты в течение нескольких месяцев не получали причитающегося им жалованья.

Английское командование пыталось использовать недовольство масс, особенно в войсках, обещая солдатам, что, если они выступят против Вашингтона, это «принесет им почет и щедрое вознаграждение в будущем вместо неизвестности и нищеты в настоящем» (*Там же.*). В начале 1781 г. волнения в американских войсках приняли весьма широкий размах. Солдаты Пенсильванского полка, расправившись с неугодными офицерами, во главе с вновь избранными из своей среды командирами двинулись в боевом порядке на Филадельфию для того, чтобы заставить конгресс принять меры к улучшению их положения. Осведомленное об этом английское командование послало к солдатам своих агитаторов. Но солдаты схватили английских агентов, часть из них казнили, а часть передали в руки Вашингтона. Так велика была преданность широких масс делу революции, что, несмотря на серьезное недовольство, попытка англичан склонить их на свою сторону окончилась провалом.

Воспользовавшись стесненным положением американской армии, английский генерал Клинтон разработал план наступательных операций, осуществление которого должно было начаться на Юге. Новый план исходил из того, что на Юге англичанам легче было бы добиться успеха, так как здесь сравнительно меньше распространены были революционные настроения и английским войскам была обеспечена более или менее широкая поддержка со стороны контрреволюционно настроенных слоев населения, главным образом земельной аристократии, заинтересованной в сохранении своей власти и постоянно опасавшейся восстания рабов. Британское командование считало Юг наиболее уязвимым местом американских сил (*Mackesy P. Op. cit, p. 551.*). Оно рассчитывало, вырвав здесь победу, перебросить затем свои силы на Север и там до-решить разгром Континентальной армии.

План английского командования правильно учитывал слабые места противной стороны: весной и летом 1780 г. англичанам удалось одержать на Юге ряд крупных побед. 12 мая 1780 г. английская армия захватила Чарльстон, взяв в плен несколько тысяч американских солдат и офицеров. Американцы мужественно отражали атаки противника, но, окруженные с суши превосходными силами англичан и блокированные с моря, вынуждены были сложить оружие (*Alden J. R. The South in the revolution. Baton Rouge, 1957, p. 239 - 241.*). Победа под Чарльстоном имела тем большее значение, что теперь английские войска открыли себе путь к наступлению на Южную Каролину и Джорджию.

Неудачи американской армии на Юге потребовали от конгресса посылки туда новых контин-гентов войск. Падение Чарльстона оживило происки противников Вашингтона, что обнаружилось, в частности, при решении вопроса о назначении нового командующего американскими силами на Юге. Конгресс отклонил предложенную Вашингтоном кандидатуру близкого к нему генерала Грина и по настоянию демократической оппозиции назначил командующим генерала Гейтса. Сторонники Гейтса рассчитывали, что в случае его успеха им нетрудно будет сделать и следующий шаг, - добиться смещения Вашингтона с поста главнокомандующего. Планам этим, однако, не суждено было сбыться.

Эвакуация британских сил из Чарльстона в декабре 1782 г. Худ. Г. Пайл

Опьяненный славой победителя при Саратогге, Гейтс переоценил свои возможности. Грубейшей ошибкой, которую он допустил, был отказ направить войска по западной части Северной Каролины, населенной революционно настроенным фермерством. Гейтс избрал более краткий, но чреватый, как оказалось, роковыми последствиями путь через области, в которых трудно было рассчитывать на поддержку. Войскам приходилось продвигаться, не имея достаточных запасов продовольствия и без какой бы то ни было надежды на их пополнение. Местность была труднопроходимой. Стояла сильная жара. В войсках распространилась эпидемия дизентерии. Дисциплина расшаталась. При первом же столкновении с частями английского генерала Корнуэллеса 16 августа 1780 г. у Кэмдена Гейтс потерпел поражение, которое, по словам Д. Фримена, «открыло двери противнику» в Северную Каролину и Виргинию (*Freeman D. S. Op. cit., p. 195.*) . Отступление американских войск приняло панический характер. За первые сутки армия откатилась на 100 км, а когда 10 днями позже Гейтс попытался собрать ее остатки, то из 3 тыс. солдат и офицеров налицо оказалось лишь 700. Оценивая результаты сражения при Кэмдене, один из современников отмечал, что никогда еще до сих пор победа англичан «не была такой всеобщей», а поражение американцев «таким полным» (*Ward Ch. Op. cit., v. II, p. 731.*).

Американская армия снова оказалась в критическом положении. Но и на этот раз исход дела решила революционная инициатива масс. Неудачи американских войск летом 1780 г. и, в частности, поражение при Кэмдене (как это было и в Новой Англии во время вторжения Бур-гойна в 1777 г.)

подняли на ноги окрестных фермеров. Было создано множество партизанских отрядов, которые все чаще нападали на английские войска и причиняли им серьезный урон. «Патриотические силы южной милиции и партизанские отряды, - пишет военный историк Д. Уэллер, - действуя самостоятельно или в контакте с Континентальной армией, спасли положение американцев» (*Weller J. Op. cit., p. 119.*) .

Назначенный по настоянию Вашингтона командующим регулярными частями на Юге генерал Грин начал активные действия против неприятеля. Выходец из низов, в прошлом кузнец, Грин показал себя талантливым военачальником. Он изменил тактику ведения военных операций, разбив свою армию на автономно действующие отряды (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 76.*) . Грину приходилось терпеть и поражения, но они его не сломили. «Чем больше его бьют, - писал о Грине один британский офицер, - тем дальше он продвигается вперед» (*Mackesy P. Op. cit., p. 539.*) . Неукротимая энергия в сочетании с приобретенным военным опытом помогли Грину умело организовать действия против неприятеля. 17 января 1781 г. части армии Грина, предводительствуемые генералом Морганом, наголову разбили у Коупенса один из прославленных английских отрядов Тарльтона. Это сражение оказалось переломным. В нем американцам удалось блестяще организовать взаимодействие регулярных войск и партизан, проявивших исключительный героизм и военную находчивость (*Weller J. Op. cit., p. 128 - 131.*) .

Битва при Коупенсе было началом краха всей английской операции на Юге. Напрасно генерал Корнуэллис пытался взять реванш. Грин уклонялся от сражения до тех пор, пока не соединил вместе все части американской армии. 15 марта 1781 г. у Гилфорд-Куртхауза произошло сражение. Обе стороны понесли большие потери, но практически победа была за американцами (*Coakley R. W., Conn S. Op. cit., p. 76.*) . Как и при Коупенсе, американские регулярные части действовали в тесном контакте с милицией и партизанами, причем главной атакующей силой были милицейские отряды и партизанские части. Регулярная армия следовала за ними (*Weller J. Op. cit., p. 76.*) .

После поражения у Коупенса и Гилфорд-Куртхауза англичане вынуждены были полностью очистить территорию Джорджии, Северной и Южной Каролины. Таким образом, план Клинтона потерпел крушение. Английское командование учло слабые места противника, но недооценило возможностей революционной армии, сражающейся за освобождение своей страны.

К лету 1781 г. армия Корнуэллиса переместилась в Виргинию, заняв укрепленные позиции у Йорктауна. Тем временем основная часть английских войск во главе с Клинтонем сосредоточилась в Нью-Йорке, готовясь к сражению, которое, как было известно английскому командованию, Вашингтон планировал дать совместно с недавно прибывшим французским подкреплением. Но Вашингтон и на этот раз обманул ожидания англичан, изменив первоначальный план военных операций. Оставив часть войск у Нью-Йорка, он во главе отряда,

численностью в 2500 человек, двинулся к Йорктауну. Подоспевшая к этому времени из Сан-Доминго сильная французская эскадра под командованием де Грассе доставила крупный десант французских солдат и отрезала Корнуэллису возможность отступления морем. А с суши англичане оказались зажатыми в тиски прибывшими из штата Нью-Йорк и находившимися на Юге американскими и французскими войсками. Всего в операции под Йорктауном участвовало около 20 тыс. американских и французских солдат и офицеров (более 11 тыс. американцев - регулярных войск и милиции, а также около 9 тыс. французов). Английские силы насчитывали около 9 тыс. человек, т. е. в два с лишним раза меньше. Общее командование операцией под Йорктауном принадлежало Вашингтону, но важную роль сыграли также французские военачальники - Рошамбо, Лафайет, Сен-Симон и де Грассе. Операция закончилась блестящей победой объединенных американских и французских сил. 19 октября 1781 г. Корнуэллис капитулировал. В плен попало более 7 тыс. английских солдат, захвачено множество трофеев. Американо-французские морские силы овладели также частью английской эскадры (*Freeman D. S. Op. cit., v. V, p. 378 - 393, 513 - 515; A Id en J. R. Op. cit., p. 294 - 299.*) .

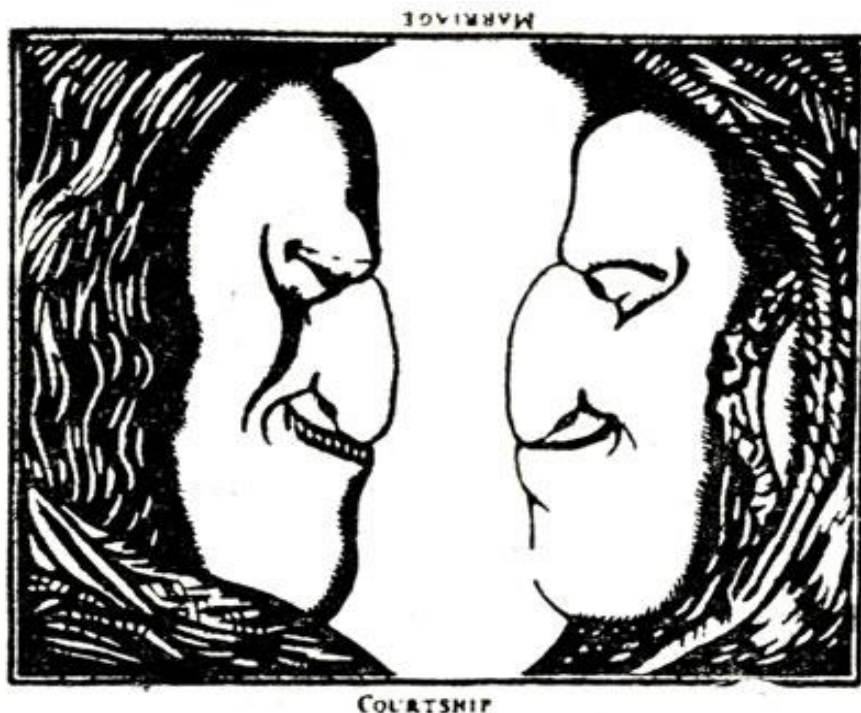
Уже упоминавшийся П. Маккизи, оценивая исход этой операции, отмечает, что Йорктаун «все изменил». «Это явилось результатом стратегического сюрприза на море, - пишет он, - который совершенно опрокинул расчеты государственных деятелей» (*Mackesy P. Op. cit. p. 556 - 557.*) . Вряд ли можно согласиться с такой узкой трактовкой причин поражения при Йорк-тауне, которое практически решило судьбу войны. Действия англичан были обречены на провал, а провал этот объясняется не столько военными факторами, сколько причинами исторического характера, справиться с которыми не могли никакие государственные умы. Дело американской революции было непобедимо.

Торжественное вступление Дж.-Вашингтона в Нью-Йорк 25 ноября 1783 г.
Худ. Е. и Л. Рестейн

Как победа при Саратогге, капитуляция при Йорктауне имела далеко идущие последствия. После Саратогги английское правительство заявило о своей готовности отменить изданные с 1763 г. парламентские акты и помиловать повстанцев при условии, что они прекратят сопротивление и заявят о своей преданности британской короне. Однако посланная для переговоров с конгрессом комиссия парламента вернулась ни с чем, так как конгресс предварительным условием всякого соглашения выставил признание политической независимости США. Теперь же после Йорктауна английский парламент высказался в пользу мира, и война фактически прекратилась. В феврале 1782 г. английская палата общин приняла резолюцию, в которой говорилось: «Палата полагает, что дальнейшие наступательные действия против Америки... поведут к ослаблению усилий страны против ее европейских врагов и будут при данных обстоятельствах содействовать усилению взаимной вражды, столь губительной для интересов как Великобритании, так и Америки» (*The parliamentary history of England. V. XXII. Ed. by T. E. Hansard. London, 1814. cl. 1085.*). Спустя месяц в правящих кругах Англии произошли перестановки, в результате которых к власти пришел новый кабинет, почти целиком состоявший из вигов (*Jensen M. The new nation. A history of the United States during the confederation. 1781 - 1789. New York. 1967, p. 12*) . На протяжении всего конфликта партия вигов в парламенте выступала с критикой политики правительства тори по отношению к колониям, доказывая необходимость мирного урегулирования всех споров. Во главе вновь созданного кабинета стал лорд Рокингэм, который в 1766 г. провел постановление об отмене гербового сбора. Начались переговоры о мире.

Глава девятая. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ США

Американская карикатура XVIII в., изображающая двуличие политики. В нормальном положении - период флирта; в перевернутом - после заключения брака

Еще до провозглашения независимости Континентальный конгресс поднял вопрос о необходимости начать переговоры с другими странами, чтобы добиться их поддержки в борьбе против метрополии и помешать Англии заключить союз с какой-либо из европейских держав против колоний. При этом выражалось опасение, что Англия готова будет вернуть Франции и Испании захваченные у них территории в случае, если те согласятся оказать ей поддержку в подавлении восстания американских колоний. Эти опасения мотивировались тем, что обе страны побоятся американской независимости, каковая могла обернуться созданием в Западном полушарии сильного самостоятельного государства, которое в дальнейшем не пожелает считаться с присутствием Франции и Испании в Америке и приберет к рукам все те владения, которые у них оставались.

Однако при обсуждении этого вопроса возобладали голоса тех, кто считал, что только при условии провозглашения независимости западноевропейские державы станут вести дипломатические переговоры с Америкой и пойдут на оказание ей военной помощи. В этой помощи американские колонии, а после провозглашения независимости новое государство США, испытывали острую необходимость. Тем более, что Англия, потерпев неудачу в попытках набрать у себя в стране нужное количество войск для посылки в американские колонии, обратилась к германским княжествам Гессен-Кассель, Гессен-Ханау, Бруйсвик, Вальдек и др. с предложением подписать контракт о поставке наемников для участия в военных действиях в Америке. Наиболее значительным было подписанное в январе 1776 г. соглашение с ландграфом Гессен-Кассельским, поставившим в общей сложности около 17 тыс. наемников (*Boatner III M. M. Encyclopedia of the American revolution. New York, 1966, p. 424 - 426.*).

Конгресс был осведомлен о переговорах с немецкими княжествами и о том, что Англия подписала с ними соответствующие соглашения. Делегаты Континентального конгресса знали также, что британское правительство обратилось с аналогичной просьбой к царской России. За несколько лет до того велись переговоры относительно возможности заключения англо-русского договора о дружбе и торговле. Этот вопрос подробно обсуждался британской прессой, которая называла Екатерину II не иначе, как «преданным другом» британского короля (*Lutnick S. The American revolution and the British press. 1775 - 1783. Columbia, Missouri, 1967, p. 175.*). Поэтому в Лондоне были почти уверены, что Россия пошлет Англии столько солдат, сколько ей потребуется. Осенью 1775 г. Георг III обратился к Екатерине II с просьбой послать солдат для подавления мятежа в Америке. Одновременно посланнику Англии в Петербурге был отправлен проект соответствующего договора и велено было добиваться соглашения о посылке 20 тыс. русских солдат. Но Екатерина, как ни велика была ее неприязнь к повстанцам, поднявшим оружие против «законного» монарха, не собиралась играть на руку Англии. Она мечтала вершить судьбами Европы и была непрочь использовать трудную для Англии ситуацию.

Русская императрица желала поражения Англии, хотя внешне и выражала ей свое сочувствие. «От всего сердца желаю, - писала она, - чтобы мои друзья англичане поладили со своими колониями; но сколько

моих предсказаний сбывалось, что боюсь, что еще при моей жизни нам придется увидеть отпадение Америки от Европы». Год спустя в одном из частных писем она возвращалась к этой теме: «Что скажете Вы об этих колониях, которые навсегда прощаются с Англией?». А еще позднее, касаясь политики Георга III, отметила: «В дурных руках все становится дурным». Поэтому, несмотря на настойчивые попытки британского посланника добиться положительного решения вопроса и его обращения к приближенным императрицы Н. Н. Панину и А. Г. Орлову, просьба Англии была отклонена (Болховитинов Н. Н. *Становление русско-американских отношений*. М., 1966, с. 53 - 55.) . Екатерина II ответила, что посылка русских войск в Америку «выходит за пределы возможного» (Там же; Екатерина II - Георгу III, 23 сентября 1775 г. - *Сборник императорского русского исторического общества*. Т. 19, СПб., 1876, с. 500 - 501; Ефимов А. В. *Очерки истории США*. 2-е изд. М., 1958, с. 126 - 127.).

Неудача эта была болезненно воспринята Англией. К идее привлечения русских войск, славившихся своими боевыми качествами, возвращались и позднее. Британское командование вполне устроил бы даже сокращенный вариант первоначального проекта договора. «Корпус из 10 тыс. боеспособных русских солдат, - писал в июле 1777 г. главнокомандующий английскими силами в Америке, - мог бы гарантировать Великобритании военный успех в предстоящей кампании» (Curtis E. E. *The organization of the British army in the American revolution*. New Haven, 1926, p. 52.) . Все попытки англичан, однако, оказались тщетными.

Забегая вперед, следует сказать, что Россия отвергла предложение Англии заключить с нею союз и что провозглашенный позднее Екатериной II «вооруженный нейтралитет» на морях был наруку тем, кто, вопреки угрозам и мерам преследования со стороны британских военно-морских сил, осуществлял военные поставки американской армии. Сама Россия, естественно, не участвовала в перевозках оружия повстанческими силами Вашингтона. Но «вооруженный нейтралитет» являлся серьезным предупреждением и препятствием карательным мерам британского адмиралтейства. «Действия России, - делает вывод Н. Н. Болховитинов, - имели немалое значение для улучшения международного положения Соединенных Штатов, подрыва морского могущества Англии и ее дипломатической изоляции» (Болховитинов Н. Н. *Становление русско-американских отношений*, с. 73.) . Так обстояло дело в отношении позиции России, с которой Америке в дальнейшем еще предстоял длительный процесс установления дипломатических отношений. Ни для России, ни для Соединенных Штатов эти отношения не имели решающего, существенного значения, если их рассматривать с точки зрения масштабов развития международной политики того времени. Важным было лишь то, что в силу целого ряда обстоятельств, в том числе и тех, которые связаны были с соперничеством великих держав между собой, стадия становления русско-американских отношений проходила благоприятно. Как бы то ни было, это послужило импульсом для их последующего позитивного развития.

К этому следует добавить, что передовая общественная мысль России с сочувствием комментировала известия из Америки. Из далекой России прозвучали голоса приветствия американскому народу. Известный

просветитель Н. Новиков через редактируемую им газету «Московские ведомости» знакомил русского читателя с событиями за океаном, выражая свои симпатии восставшим против угнетения и несправедливости ((Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1951, с. 389-394.) . Успехи американских повстанцев вдохновляли передовых людей России на борьбу против крепостничества. Под непосредственным впечатлением от восстания американских колоний А. Радищев написал оду «Вольность», которая была предъявлена царским правительством знаменитому автору «Путешествия из Петербурга в Москву» в числе обвинений, едва не стоивших ему жизни. Выражая настроение передовых умов русского общества, Радищев писал:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится гнетом, где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.

(«Радищев А. Н. Избр. произв. М.-Л., 1949, с. 280.»).

Следует присоединиться к выводу Н. И. Болховитинова о том, что сочинения Радищева «могут быть отнесены к наиболее выдающимся откликам современной мировой литературы на американскую революцию XVIII в.» (Болховитинов Н. И. Россия и война США за независимость. 1775 - 1783. М., 1976, с. 175.)

Жизненно важное значение для США в тот период имели отношения с Францией и Испанией, которые являлись главными соперниками Англии в борьбе за колониальные владения. В особенности важна была позиция Франции, которая не могла простить англичанам своего поражения в Семилетней войне 1756 - 1763 гг., в результате которой французы лишились своих владений в Америке. Впервые вопрос о возможности франко-американского соглашения был поднят еще до провозглашения независимости. Делегаты Континентального конгресса отмечали, что в случае успеха переговоров с Францией это во многом способствовало бы укреплению позиций американских повстанцев в их борьбе против Англии. Американцы остро нуждались в помощи и обратились к Франции за поддержкой.

Как и у царского правительства, восстание американских колоний отнюдь не вызывало симпатий французского двора. Но жажда реванша за поражение и навязанный Франции унижительный договор оказались сильнее. Сразу после окончания Семилетней войны Франция начала подготовку к новой войне (Впервые в советской историографии вопрос о франко-американских отношениях этого периода был освещен А. В. Ефимовым (История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941, с. 303-309).)События в Америке давали удобный повод выступить. Английские силы были разбросаны и ослаблены

напряженной борьбой за океаном. В Париже внимательно следили за ходом этой борьбы, выжидая подходящего момента.

Подготовка к войне с Англией была начата вскоре после подписания Версальского договора 1763 г. Вдохновителем и организатором политики реванша был министр иностранных дел герцог Шуазель. По его инициативе началось ускоренное строительство военно-морского флота и приняты меры к усилению сухопутной армии (*Sagnac Ph. La fin de l'ancien regime et la revolution americaine (1763 - 1789). Paris, 1947, p. 117 - 118.*). Уже самое начало англо-американских разногласий по вопросу о налогообложении колоний в середине 60-х гг. привлекло внимание французского двора. В Америку были отправлены агенты для получения более детальной информации о ходе конфликта, донесения которых сообщались лично королю. Внимательно наблюдая за ходом событий в Америке, Шуазель считал в конце 60-х гг., что время выступить еще не пришло (*Bemis S. F. The diplomacy of the American revolution. London, 1957, p. 16 - 18.*). Тем не менее в 1770 г. он зондировал почву в Испании относительно возможности совместного выступления против Англии. Связанный династическими узами и общими интересами с французским двором испанский монарх разделял глубокую ненависть к Англии, однако начинать войну считал рискованным.

С началом вооруженного восстания колоний в 1775 г. интерес Франции к американским делам еще более возрос. В записке французского Министерства иностранных дел отмечалось, что значение событий в Америке настолько велико, что они способны «изменить характер мировой торговли и повлиять на политику ведущих стран». «В особенности это касается Франции и Испании», которые, по мнению автора записки Малоне, должны были принять незамедлительные меры, дабы обеспечить свои интересы (*Записка Малоне. Январь 1776 г. - Ministere des affaires etrangeres. Archives diplomatiques. Paris (в дальнейшем - Archives). Memoires et documents. Etats-Unis, v. I, p. 79.*). Эти соображения находили надлежащий отклик во французских правящих кругах. Партия реванша с нетерпением ожидала подходящего момента для выступления.

В конце 1775 г. в Америку из Франции были тайно доставлены первые партии вооружения. К этому времени министром иностранных дел стал граф де Верженн. Он полностью разделял взгляды и планы своего предшественника (*Corwin E. S. French policy and the American alliance of 1778. Hamden, 1962, p. 62.*). Верженн продолжал курс на подготовку войны против Англии, хотя и заверял британских представителей в обратном. «Его цель, - отмечал американский историк Д. Менг, - заключалась в том, чтобы убедить Англию, будто ей не следует бояться неожиданного нападения со стороны Франции» (*Meng J. J. Historical introduction. - In: Despatches and instructions of C. A. Gerard. Baltimore, 1939, p. 44.*).

Составитель современной антологии, посвященной истории внешней политики США, А. Раппопорт, касаясь франко-американских отношений того периода, ставит вопрос, как оценивать политику Франции в отношении американских повстанцев. «Почему, - спрашивает он, - французское правительство сначала тайно, а потом открыто стало помогать Америке?».

Диктовалась ли французская политика соображениями «обороны» или «агрессии»? Раппопорт публикует выдержки из книг историков, представляющих разные точки зрения. Сам он склоняется к тому, что французская политика носила агрессивный характер (*Issues in American diplomacy, v. I. Ed. by A. Rappoport, London. 1969, p. 53-54.*) . К этому выводу можно присоединиться, но необходимо подчеркнуть, что агрессивная политика Франции была политикой реванша. Она развивалась в рамках международного колониального соперничества и, как уже отмечалось, являлась ответом на захват Англией французских владений в результате Семилетней войны.

Чтобы получить поддержку короля, Верженн пытался убедить его в необходимости военных приготовлений в целях «обороны» на случай войны с Англией. Подобного рода аргументация традиционно использовалась для оправдания политики захватов. В августе 1775 г. было принято важное решение о посылке в Филадельфию неофициального французского представителя А. Бонвуалера.

По прибытии на место он сразу вступил в контакт с Комитетом секретной корреспонденции, которому Континентальный конгресс поручил вести сношения с иностранными государствами. Члены комитета поставили перед Бонвуалером ряд вопросов: 1) Можно ли рассчитывать на благожелательное отношение Франции? 2) Согласна ли Франция поставлять Америке оружие и военное снаряжение? 3) Готова ли она открыть для американских судов свои порты? Французский представитель ответил, что уверен в добром отношении своего правительства к американцам, но посоветовал обратиться по этому поводу официально. Покупка оружия, сказал он, вопрос чисто коммерческий. А допуск американских судов во французские порты официально будет затруднен, так как вызовет взрыв враждебности со стороны Англии. Однако выход имеется - Франция может просто закрыть глаза на заход американских судов в ее порты (*Meng J. Op. cit, p. 45 - 47*) , Отчасти этот ответ представлялся удовлетворительным. Ясным было одно - необходимы дипломатические переговоры, чтобы склонить Францию запясть нужную для США позицию.

Задача эта не являлась чрезмерно трудной, по и не была простой. В правящих кругах Франции понимали выгоды создавшегося положения, но проявляли колебания. 12 марта 1776 г. Верженн впервые в пространной записке королю изложил свои соображения по поводу американских дел. Он писал, что Франции ни на минуту не следует забывать о возможности войны с Англией и предлагал всемерно содействовать углублению англоамериканского конфликта, дабы затянуть его по крайней мере на год. Это, по его словам, обескровит Англию и даст французам время для дальнейших военных приготовлений. Каким путем министр иностранных дел хотел добиваться этой цели? С одной стороны, он считал необходимым оказывать тайную помощь деньгами и оружием американским повстанцам, подталкивая их к более решительным действиям и обещая заключить формальный союз в случае провозглашения независимости и создания самостоятельного американского государства. С другой стороны, чтобы сбить с толку Англию, Верженн предложил сделать все возможное, чтобы

рассеять подозрения англичан в подлинных намерениях Франции и убедить их в дружеских чувствах. Главный вывод записки Верженна заключался в том, что Франции необходимо вести форсированные приготовления к войне (Doniol H., ed. *Histoire de la participation de la France a l'etablissement des Etats-Unis d'Amerique. v. I, Paris, 1886, p. 273 - 278.*) Этот документ был передан Людовиком XVI на заключение четырем членам королевского совета - премьер-министру графу де Морена, министру финансов Сгорго, морскому министру де Сартин и военному министру графу Сен-Жермену. За исключением Тюрго, все члены совета поддержали предложения Верженна. Министр финансов отверг их, посчитав неосуществимыми из-за бедственного состояния государственного казначейства. Он считал, что войны необходимо избежать во что бы то ни стало, ссылаясь на дефицит в 20 млн. ливров. «Армия и флот были, - по его словам, - настолько слабы, что даже трудно себе представить» (Van Tyne C. H. *Influences which determined the French government to make the treaty with America (в дальнейшем - Van Tyne C. H. Influences...)- American historical review, 1915 - 1916, v. 21, p. 530.*).

Отсутствие согласия министра финансов затрудняло дело. Была и другая трудность - Людовику XVI нужна была поддержка его союзника испанского монарха. Обе ветви Бурбонов, французская и испанская, были единоклассны в стремлении нанести удар своему сопернику - английскому королю. Но испанский монарх по-прежнему проявлял большую осторожность. Поэтому Вержени решил подойти с другой стороны, так, чтобы это предприятие не было сопряжено с политическим риском. Он предложил испанскому правительству тайно выделить деньги на оказание помощи американцам. Но и этот вариант не был принят сразу, только три месяца спустя испанское правительство передало Франции миллион ливров (Doniol H. *Op. cit.*, v. I, p. 485.). Двумя месяцами раньше такая же сумма была выделена французским правительством (Van Tyne C. H. *The American revolution. New York - London, 1905, p. 210*). Эти деньги поступили тоже тайно. Их получила подставная фирма «Родериг Горта-лез э К°», специально организованная для оказания помощи американским повстанцам (Ibid., p. 212 - 213; Corwin E. S. *Op. cit.*, p. 79; Bemis S. F. *The diplomacy of the American revolution. p. 36-37*).

Расположенная в самом центре Парижа, она стала неофициальным посредником французского правительства, важным источником снабжения американской армии оружием и припасами. Своим возникновением и успехами эта фирма, как и в целом организация помощи американцам, была обязана инициативе и напористости Карона Бомарше, соединившего в себе талант всемирно известного драматурга - автора «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», искусного мастера-часовщика, виртуозного музыканта и увлекающегося коммерсанта. Участие Бомарше в кампании по оказанию помощи американским повстанцам, однако, отнюдь не было простым увлечением. Его выступление в поддержку американцев в меморандумах Верженну и обращениях к королю, участие в переговорах с американским представителем в Лондоне, куда Бомарше совершал тайные поездки, решающая роль в создании и деятельности «Родериг Горталез э К°» - все это не было только личной инициативой, а отражало настроение определенных кругов французского общества.

Высадка французских войск, прибывших в Америку Гравюра XVIII в.

Бомарше не был одинок в своих устремлениях. В это самое время двадцатилетний маркиз Лафайет, представитель либерального дворянства, впоследствии участник французской революции (на начальном ее этапе), вопреки запрету короля, снарядил на свои деньги корабль, символически названный им «Виктория» («Победа»), и во главе отряда французских добровольцев отплыл в Америку. Он сражался в войсках Вашингтона, оставив, как любят отмечать французы, молодую жену, друзей и возможность блестящей карьеры у себя дома (*Sagnac Ph. Op. cit., p. 333; Bemis S. F. The diplomacy of the American revolution, p. 51.*). За дело американской независимости воевал и молодой Сен-Симон, впоследствии один из основоположников утопического социализма, а также многие другие.

В отношении французского общества к американским повстанцам парадоксально соединились два противоположных по существу направления. С одной стороны, интересы придворных дворянских кругов, с другой - солидарность третьего сословия, демократических и либеральных слоев с освободительной борьбой американцев. Разница в настроениях этих общественных группировок определяла и различие в их позиции по вопросу о помощи Америке. Если Бомарше и его единомышленники выступали за смелые, решительные действия, то придворная верхушка действовала предельно осторожно.

Придавая большое значение развитию отношений с Францией и прежде всего получению от нее военной помощи, Комитет секретной корреспонденции решил направить в Париж своего эмиссара Сайласа Дина (*Bemis S. F. The diplomacy of the American revolution, p. 36-37.*). Прибыв в Бордо и

встретившись с тамошними торговыми представителями, ведавшими отправкой грузов в Америку, Дин проследовал в столицу, где вскоре состоялось его негласное свидание с Верженном. Дина заверили в общих словах, что поставки вооружения будут продолжены. Практические переговоры по этому поводу рекомендовали вести с частной фирмой «Родериг Горталез». Дин был озадачен таким ответом и поведал об этом ученому Б. Дюбуру, к которому в случае надобности ему рекомендовал обратиться Б. Франклин, поддерживавший с Дюбуром дружеские отношения. Узнав, что компанию возглавляет Бомарше, Дюбур выразил сомнение в коммерческих способностях драматурга. Американский эмиссар был совершенно обескуражен и поспешил за разъяснением к министру иностранных дел. Разыскав К. Жерара, служившего переводчиком во время его первой беседы с Верженном, Дин попросил новой аудиенции. Он изложил Верженну свои опасения, но в ответ услышал, что может «положиться» на «Родериг Горталез», «каковы бы ни были коммерческие методы г-на Бомарше». После этого американский представитель решил сам познакомиться с Бомарше, и встреча с ним рассеяла всякие сомнения. Вслед за тем Дин сообщил Жс-рару, что предпочитает иметь дело только с Бомарше и «ни с кем иным больше» (*Mong, T. .1. Op. cit. p. 61 - 63.*).

Вид Нью-Йорка. Гравюра XVIII в.

Во время первой аудиенции с Верженном Дин задал ему вопрос, как отнесется Франция к провозглашению независимости американских колоний и примет ли она в Париже их посла (*Ibid., p. 62.*) . Этот разговор состоялся 10 июля 1776 г. 4 июля, за 6 дней до этого конгресс уже принял Декларацию независимости, провозгласив создание нового государства -

Соединенных Штатов Америки. Но известие об этом пришло в Европу лишь к середине августа. По тем временам самая быстрая почта из-за океана поступала лишь через полтора-два месяца. Провозглашение независимости американских колоний соответствовало целям и желаниям французского правительства. Однако Верженн воздержался от каких-либо официальных обещаний, заявив лишь, что по «его личному мнению» Франция не позволила бы силой лишить американцев независимости, если они отделятся от Британской империи: они могут быть уверены в «единодушной поддержке правительства и народа Франции» (*Ibid.*, p. 63.).

Низвержение статуи британского короля Георга III в Нью-Йорке 10 июля 1776 г. Американская гравюра XVIII в.

13 августа французский поверенный в делах в Лондоне сообщил в Париж, что из-за океана пришло известие о провозглашении независимости. Официальное заявление Сайласа Дина по этому поводу было сделано французскому правительству лишь в ноябре, отправленное Дину ранее сообщение не дошло. Зато теперь американский эмиссар смог сообщить Верженну, что конгресс США назначил специальную дипломатическую миссию во главе с Б. Франклином, в состав которой входил также он и находившийся в Лондоне А. Ли. Цель этой миссии заключалась в подписании договора о дружбе и торговле (*Bemis S. F. The diplomacy of the American revolution*, p. 45 - 49).

Низвержение статуи Георга III. Гравюра, опубликованная в Европе

Как только известие о провозглашении независимости достигло Парижа, Верженн обратился к королю с призывом ускорить военные приготовления против Англии. 31 августа он представил королевскому совету записку, в которой предлагал признать США, вступить с ними в союз и затем вместе с Испанией объявить войну Англии. На этот раз совет единогласно одобрил предложение министра иностранных дел. Однако в Мадриде все еще опасались поспешных решений, и только 8 октября оттуда был получен весьма уклончивый ответ. К этому времени стали поступать известия о неудачах американских войск, падении Нью-Йорка и захвате англичанами Лонг-Айленда. Известия эти охладили пыл сторонников войны (Stinchcombe W. C. *The American revolution and the French alliance*. New York, 1969, p. 9; Stourzh G. *Benjamin Franklin and American foreign policy*. Chicago, 1954, p. 132-133)

Тем не менее переговоры о франко-американском договоре уже начались. Первые предложения по этому поводу были внесены С. Дином на основе им самим разработанных условий. Они были продолжены по прибытии во Францию Б. Франклина. 22 декабря американская дипломатическая миссия в полном составе собралась в Париже, а 28 декабря она была принята министром иностранных дел (Stourzh G. *Op. cit.*, p. 132 - 135.).

Назначение Франклина в качестве руководителя дипломатической миссии США во Францию получило широкий резонанс. Выдающийся американский ученый и общественный деятель, он был известной и популярной фигурой. Со дня своего вступления на французский берег Франклин привлек всеобщее внимание. Передовые слои французского

общества с восторгом приветствовали прославленного деятеля американской революции. По свидетельству Джона Адамса, посланного в 1777 г. в помощь американской дипломатической миссии, во Франции «едва ли был такой крестьянин или горожанин, камердинер, кучер или лакей, горничная или судомойка, которые не знали бы о нем и не считали бы его другом человечества» (*Van Tyne C. H. The American revolution, p. 218 - 219; История дипломатии, т. I, с. 306.*).

Франклина с почетом принимали в литературных и философских салонах Парижа. С ним поддерживали знакомство французские просветители и крупнейшие ученые. Его популярность и воздействие на общественное мнение были важным элементом деятельности американской дипломатической миссии. В официальных кругах Франклин встретил более прохладный прием, хотя и там ему не было отказано в гостеприимстве. Министерству иностранных дел пришлось выдержать атаку британского посла лорда Стормонта, настороженно следившего за связями французского правительства с американцами и заявившего резкий протест по поводу деятельности Франклина в Париже (*Van Tyne C. H. The American revolution, p. 218.*) . Во время свидания с Верженном французский министр заверил Франклина, что он и члены его миссии могут рассчитывать на расположение двора, хотя попытка добиться официальной аудиенции у короля оказалась безуспешной. Верженн заявил, что Франция должна еще выработать общую линию поведения с ее союзнице. Испанией и предложил американцам изложить свои конкретные пожелания относительно поставок вооружения. Эти пожелания были незамедлительно переданы французскому правительству. Они содержали, в частности, просьбу обеспечить конвоирование судов с грузами для США, чтобы предотвратить их возможный захват британским флотом. Верженн отклонил эту просьбу, сославшись на то, что может возникнуть война с Англией. Он отметил, что имеется перспектива создания союза Франции и Испании с Соединенными Штатами, но до поры до времени открытая связь Франции с американцами была бы, по его словам, нежелательна. Вместе с тем министр иностранных дел сообщил американским представителям, что французское казначейство выделит дополнительно два миллиона ливров для приобретения необходимых для США припасов и вооружения (*Meng J. J. Op. cit., p. 69 - 70; Doniol II. Op. cit., v. II, p. 120 - 122.*).

С прибытием Франклина деятельность американской дипломатии резко активизировалась. Однако сношения с французским правительством были серьезно осложнены английским шпионажем. Британские шпионы буквально наводнили Париж, выслеживая каждый шаг американских представителей (*Van Doren C. Secret history of the American revolution. New York, 1968, p. 61; Van Tyne C. H. The American revolution, p. 213.*) . Даже среди ближайшего окружения Франклина находился британский агент. Еще когда Сайлас Дин отправлялся в Париж, Франклин посоветовал ему привлечь в качестве помощника англичанина Банкрофта. Он его знал со времени пребывания в Англии в качестве представителя американских колоний при королевском дворе. Дин написал Банкрофту и пригласил его в Париж, но уже через месяц его завербовала британская разведывательная служба. Через Банкрофта британское правительство получало самую точную информацию

о действиях американских представителей в Париже и их переговорах с французским правительством (*Bemis S. F. British secret service and the French American alliance. - American historical review, 1923- 1924, v. 29, p. 475-476.*). Франклин ни в чем не подозревал Банкрофта, но, оценивая сложность обстановки, держал в секрете от всех, кроме Сайласа Дина, свои переговоры с Верженном. В интересах конспирации аудиенции Франклина с министром иностранных дел, а также с Жераром устраивались ночью. Это послужило даже поводом для сплетен о том, что Франклин занимается по ночам не подходящими для его лет развлечениями (*Augur H. The secret war of independence. New York, 1955, p. 250*).

Отступление британских сил из Бостона 17 марта 1776 г. Гравюра XVIII в.

Несмотря на меры предосторожности, британское правительство было хорошо осведомлено о франко-американских связях. В 1776 - 1777 гг. Соединенные Штаты получили из Франции крупные партии военного снаряжения, что имело, по признанию американского историка У. Стинкомба, «решающее значение для продолжения военных действий» (*Stinchcombe W. Op. cit., p. 9.*). Английский посол Стормонт заявлял Верженну протесты, обвиняя Францию в нарушении нейтралитета. Однажды посол потребовал конфискации груза американских кораблей, находившихся во французских портах, ссылаясь на то, что груз этот был захвачен американцами в результате нападения в открытом море на английские суда. Министр отказал. «Не рассчитывайте, - ответил ему Верженн, - что вам удастся переложить бремя войны, которую ведете Вы, на наши плечи. Всякое разумное государство гарантирует свои интересы мерами собственной безопасности». Стормонт парировал: «Даже если бы мы обладали зрением (многоглазого великана, - А. Ф.) Аргуса, мы были бы не в

силах уследить за тем, что происходит». Верженн отметил: если бы у англичан были глаза Аргуса, они могли бы убедиться только в одном - в «нашем искреннем желании мира». Посол заявил, что ему известно об отъезде французских офицеров в Америку. «Да, - согласился Верженн, - французы любят приключения» (*Van Tyne C. H. Influences..., p. 531.*) . Словесные перепалки подобно этой происходили регулярно.

«Родериг Горталез» снаряжала корабли и организовала массовую отправку в США пороха, ружей, амуниции, медикаментов и даже пушек, на которых значилась монограмма Людовика XVI (*Ibid., p. 530 - 531.*) . Располагая достоверной информацией, британский посол заявлял протесты Верженну. Ему неизменно отвечали, что Франция продолжает придерживаться нейтралитета. Чтобы не раздувать конфликта, иногда министр иностранных дел давал распоряжения соответствующим службам задержать отправку судов. Не зная подоплеки этих распоряжений и не понимая, что происходит, Бомарше обращался к Верженну с отчаянными призывами о помощи в осуществлении им же санкционированных мер (*Meng J. J. Op. cit., p. 72.*) . В конечном итоге запреты снимались, и суда следовали намеченным курсом. Британские представители были осведомлены и об этом. Но ни французская, ни британская сторона не желали войны. Поэтому конфликт ограничивался дипломатической сферой.

В переговорах с французским правительством Франклин настаивал на официальном признании США и на том, чтобы Франция оказывала им более активную помощь. Однако в Париже предпочитали выжидать. В правительстве преобладала умеренная партия. Ее сторонники далеко не во всем соглашались с Вержешюм, считая необходимым избежать войны с Англией. В связи с прибытием Франклина в Париж один из представителей этой партии в записке на имя короля заявлял, что Соединенные Штаты, видимо, хотят «прямого участия» Франции в войне, но «с точки зрения наших финансов» это совсем нежелательно. Он соглашался с тем, что необходимо объединить интересы Америки и Франции, используя создавшееся положение, чтобы заставить Англию пересмотреть условия подписанного в результате Семилетней войны договора. Однако автор записки полагал, что Франции следует соблюдать нейтралитет, добиваясь лишь, чтобы Англия за это хорошо заплатила. «Каково бы ни было наше желание видеть разбитой Англию, - настаивал он, - мы не должны принимать участия в войне непосредственно» («*Соображения одного француза о повстанцах Америки*». Январь 1777 г. - *Archives. Correspondance politique. Etats-Unis, v. I, p. 76 - 79.*) . Эти настроения особенно усилились вследствие неудач американской армии. По мере того как поступали известия о новых поражениях армии Вашингтона идея открытой поддержки американских повстанцев становилась менее популярной. После падения столицы США Филадельфии, которое под влиянием пропагандистских усилий лорда Стормонта многие рассматривали как чуть ли не конец американской независимости, умеренные настроения во французских правящих кругах еще более укрепились (*Ефимов А. В. Указ, соч., с. 125.*) .

С другой стороны, французское правительство опасалось, что сама Англия может пойти на примирение с американцами, признает

независимость США и объединится вместе с ними против Франции. Это опасение постоянно преследовало Вер-женна и к тому имелись веские основания. Еще в ноябре 1776 г. французский посол в Лондоне Ноай сообщил, что лорд Рокингем обратился к парламенту с призывом любой ценой добиться примирения с Америкой, признав независимость США, чтобы затем вступить с ними в союз и совместными усилиями ответить на военные приготовления Франции и Испании. В Париже было известно и заявление лорда Кэмдена: «Пусть нам придется воевать со всеми, но мы должны заключить мир с Америкой». Подобные заявления, конечно, вызывали беспокойство французского правительства. Это беспокойство переросло в настоящую тревогу, когда вслед за известием о победе американских войск в сражении у Саратоги в октябре 1777 г. поступили сведения о том, что представители различных политических группировок в Англии решительно поддержали идею признания США и англо-американского союза против Франции (*Van Tyne C. H. Influences...*, p. 535 - 539; *Clark D. M. British opinion of Franco-American relations, 1775 - 1795. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1947, v. 4, p. 306 - 307.*).

Исход сражения при Саратоге имел исключительно важное значение. Англичане были настолько уверены в успехе, что Стормонт заранее нанес визит во французское Министерство иностранных дел и посетил представителей дипломатического корпуса, уведомив их о полной победе английских войск. Том ошеломительнее было известие о поражении англичан. 4 декабря Франклин сообщил об этом Верженну и опроверг версию Стормонта. Победа американцев при Саратоге вызвала во Франции бурный восторг. Передовые слои французского общества с огромным воодушевлением приветствовали успехи революционных войск. В отчете конгрессу американские представители в Париже сообщали, что известие это «вызвало такую всеобщую радость во Франции, как если бы это была победа ее собственных войск над ее собственными врагами». Победа при Саратоге произвела нужное впечатление и на французский двор. Подвергнув анализу создавшееся после Саратоги положение, военные эксперты пришли к выводу, что Франции необходимо вступить в союз с Америкой («*Размышления по поводу недавних событий. Военный аспект*». 10 января 1778 г. - *Archives. Correspondence politique. Etats-Unis, v. 3, p. 12-17; Van Tyne C. H. Influences...*, p. 531 - 533.).

Уже через два дня после известия о победе при Саратоге Верженн с санкции Людовика XVI заявил Франклину, что Франция готова признать независимость США и подписать с ними союзный договор (*Doniol H. Op. cit., v. II, p. 626.*) . Были начаты переговоры, хотя и теперь продолжались проволочки. Между тем английские представители перешли от слов к делу. Агенты британского правительства установили контакты с американской дипломатической миссией и попытались нащупать пути к соглашению. Французская секретная служба следила за каждым шагом британских представителей. Впрочем, Франклин не делал секрета из своих переговоров с англичанами, сознательно подогревая французов и подталкивая их к скорейшему подписанию договора. Эта тактика полностью себя оправдала. 6 февраля 1778 г. были подписаны союзный и торговый франко-американские договоры. Франция признавала американскую

независимость, обязывалась поддержать США в их претензиях на континентальные владения Англии в Северной Америке, включая Канаду, и на Бермудские острова, а Соединенные Штаты - претензии Франции на английские колонии в Вест-Индии.

Заключение франко-американского союза было крупным успехом молодой американской дипломатии и лично Б. Франклина. В ходе длительных и сложных переговоров он добился международного признания США и во многом способствовал изоляции Англии. Франклин сумел установить хорошие отношения с послами ряда иностранных держав, аккредитованными при французском дворе, и помог привлечь на сторону США общественное мнение Европы. Договор 1778 г. явился как бы заключительным аккордом его сложной и ответственной миссии.

Выдающийся ученый, просветитель и политический деятель, представитель революционно-демократического крыла американской буржуазии, Б. Франклин показал себя как блестящий дипломат. В течение нескольких лет он являлся представителем колоний в Англии, где не раз в сложных условиях добивался успеха. Назначенный послом США во Францию, он сумел и здесь оказать большие услуги своей стране. В результате переговоров Б. Франклина с французским правительством и его постоянному контакту с Бомарше поставки американской армии стали регулярными и достигли внушительных размеров. Разные существуют точки зрения по этому поводу. Одни считают, что французские поставки имели решающее значение для победы в войне за независимость, что «без Франции американцы были бы совершенно беспомощны» (*Van Alstyne R. W. Empire and independence: the international history of the American revolution. New York, 1965, p. 133.*), что 90% вооружения и амуниции американских войск, разбивших англичан у Саратоги, были французского происхождения (*Van Tyne C. H. French aid before the alliance of 1778. - American historical review, 1925, v. 1, p. 37 - 40.*). Другие не согласны с этой точкой зрения. Признавая, что французская помощь была «существенной», они отрицают, что она имела решающее значение (*Morris R. B. The American revolution reconsidered. New York, 1968, p. 98.*).

В последние годы в американской историографии наметилась тенденция принизить роль Франции в войне за независимость США. Эта линия, по-видимому, связана с нынешним охлаждением франко-американских отношений. Подвергнут пересмотру договор 1778 г., характер переговоров о его подписании и роль участников этих переговоров, включая Б. Франклина. Автор нескольких работ, посвященных дипломатической деятельности Франклина, профессор С. Каррей дошел до того, что поставил под сомнение репутацию Франклина как патриота, обвинив его не более, не менее, как в связях с британской разведкой (*Currey C. B. 1) Road to revolution: Benjamin Franklin in England, 1765 - 1775. New York, 1968; 2) Code Number 72: Ben Franklin, patriot or spy. Englewood Cliffs. New York, 1972.*) . Каррей заявляет, что Франклин специально рекомендовал Дину Банкрофта, что, находясь в Париже, он сам поддерживал контакты с британскими агентами, а назначения во Францию добивался, дабы окунуться в богатую развлечениями жизнь французской столицы, и бездумно расходовал государственные средства на эти развлечения (*Currey C. B. Ben Franklin in France: a*

maker of American diplomacy. - In: Makers of American diplomacy. v. I. Ed. by F. J. Merli, Th. A. Wilson. New York. 1974, p. 1-23.)

Подобные обвинения, однако, выглядят бездоказательными и абсурдными. Как уже отмечалось, Франклин рекомендовал Банкрофта до того, как последний был завербован британской разведкой. Что же касается собственных связей Франклина и его встреч с английскими представителями во время пребывания в Париже, то они являлись составной частью дипломатических переговоров и были успешно использованы им в интересах США. Когда Франклин был назначен послом в Париж, ему исполнилось 70 лет. Жалуясь на нездоровье и усталость, он вскоре после подписания договора 1778 г. подал прошение об отставке, чтобы вернуться на родину. Однако конгресс США отклонил эту просьбу. Обвинение в том, что престарелый ученый и дипломат вел расточительный и легкомысленный образ жизни также носит голословный и клеветнический характер. Все, что нам известно, свидетельствует как раз об обратном. Франклин покорило французское общество своей подчеркнутой скромностью.

Каррей упрекает Франклина в том, что его слова расходились с делом (*Ibid., p. 19-20.*). Он критикует биографов Франклина за слишком доверчивое отношение к его письмам, нотам и заявлениям. Эта критика отчасти обоснована. Однако произвольное обращение с фактами и документами, как и вся концепция Каррея, не выдерживают критики. Его собственный подход отличается крайней тенденциозностью. Поэтому нет никаких оснований пересматривать оценку дипломатической деятельности Франклина и его роль в заключении франко-американского союза.

Признание Францией независимости США и подписание союзного договора 1778 г. имели важное международное значение. После того как Франция объявила войну Англии, к ней присоединилась Испания, а затем и Голландия. «В своей трудной войне за освобождение, - отмечал В. И. Ленин, - американский парод заключал... «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах массы угнетенных» (*Ленин В. 11. Поли. собр. соч., т. 37, с. 56.*) . Таким образом, в результате международного соперничества держав за раздел колониальных владений на стороне США оказалась целая коалиция держав, оказавшая им существенную помощь в борьбе за независимость.

Этой же тактикой дипломатия США воспользовалась и позднее в переговорах с Англией, когда решался вопрос о выработке мирного договора. В ходе войны парламент и британский кабинет не раз возвращались к обсуждению возможного соглашения со своими бывшими колониями в Америке. Этот вопрос, неоднократно подымавшийся до подписания франко-американского союза, всплывал при различных обстоятельствах и позже. Однако переговоры с Англией начались только после Йорктауна.

В 1781 г. Россия и Австрия предложили выступить посредниками между Англией и Францией. В дипломатических кругах Петербурга вопрос о русском посредничестве обсуждался еще с 1778 г., и на протяжении последующих лет царское правительство неоднократно возвращалось к этому вопросу. «В своих честолюбивых планах Екатерина II, - пишет П. П. Болховитинов, - не прочь была стать арбитром дел при заключении мира, который «будет обнимать все части обитаемого света»» (*Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, с. 77.*). Впоследствии идея русского посредничества вылилась в посредничество русско-австрийское. Англия и Франция приняли это предложение. Состоялись переговоры. Однако судьба мирного договора в конечном итоге решена была без посреднических услуг в результате непосредственных переговоров между воюющими сторонами (*История дипломатии, т. I. с. 396-397.*).

В состав американской делегации, которой поручено было вести переговоры о мире, вошли Б. Франклин, Дж. Адамс и Дж. Джей. Они должны были руководствоваться договором 1778 г. с Францией и действовать совместно с ней. Согласно инструкциям, которые конгресс вручил американским делегатам, они могли подписать договор только при условии признания Англией независимости и суверенитета США. Остальные пункты могли быть включены в состав договора по усмотрению американских делегатов. Инструкция со всей определенностью подчеркивала, что переговоры надлежит вести с «ведома и согласия» французского правительства и что представителям США необходимо «в конечном счете руководствоваться его (французского правительства, - А. Ф.) советом и мнением» (*Stinchcombe W. C. Op. cit., p. 153-169.*).

Как раз эта рекомендация была американскими представителями нарушена, и именно это позволило им, совершив дипломатический маневр, заключить выгодный для США договор с Англией. Адамс и Джей с подозрением наблюдали за поведением французского правительства, которое вовсе не было заинтересовано в быстром подписании договора. Ради своих эгоистических целей оно готово было поступиться интересами США. Американским представителям, в частности, стало известно, что, сговорившись с Испанией, Франция обязалась поддержать ее претензии на земли западнее р. Миссисипи (*Morris R. B. The peace-makers. The great powers and American independence. New York, 1970, p. 307 - 309.*). Франклин, который ко времени начала переговоров в октябре 1782 г. уже прожил в Париже около пяти лет, считал, что американцы не могут пренебречь своим союзническим долгом перед Францией и в соответствии с инструкциями конгресса обязаны вести переговоры «с ведома и согласия» французских властей. Однако под давлением обстоятельств и энергичным нажимом своих коллег Адамса и Джея он присоединился к мнению последних и вместе с ними вступил в сепаратные переговоры с Англией. Американский историк Р. Б. Моррис приводит беседу Джея с Франклином, воспроизведенную им на основе переписки Джея.

- Имеем ли мы какое-либо основание сомневаться в доброй воле короля Франции? - спросил Франклин.

- Мы можем зависеть от Франции только в той мере, - ответил Джей, - в какой это необходимо, чтобы убедиться, что мы отделились от Англии. Но не в интересах Франции, чтобы мы стали великой и сильной страной. Поэтому они не захотят помогать нам в этом деле...

- Не собираетесь ли вы сознательно нарушить инструкции конгресса?
- нажимал Франклин.

- Если мы не нарушим этих инструкций, - ответил Джей, - достоинству конгресса будет нанесен ущерб. Я не считаю, что мы должны совершенно отказаться от обязанностей по договору с Францией. Честь и интересы нашей страны требуют, чтобы мы не нарушали договора и следовали его условиям, но если мы станем полагаться на ее (Франции, - А. Ф.) любовь к свободе, ее восхищение в отношении американцев или ее заинтересованность и великодушие, мы будем опираться на предмет, чреватый поломкой, который рано или поздно порежет нам руки. Если вы сомневаетесь в этом, посмотрите на судьбу Женевы и Корсики!

- Следовательно, - настаивал Франклин, - Вы готовы нарушить инструкции...

- Да, если инструкции вступают в противоречие с честью и достоинством Америки, я бы их нарушил! - не колеблясь, ответил Джей (*Ibid.*, p. 310.) .

Вступая в полемику с Франклином, Джей знал, что его представление о «чести», «достоинстве» и «интересах» Америки получит поддержку в конгрессе. В письмах из Филадельфии от таких влиятельных делегатов, как Роберт Моррис, Роберт Ливингстон и других он черпал свою уверенность и смелость. Один из самых могущественных тогда представителей американского правительства Р. Моррис писал Джейу: «...позвольте заявить о моем полном удовлетворении и одобрении Вашего поведения в Европе. Все, кто имел возможность узнать, что случилось, преисполнены восхищения тем терпением, которое Вы проявили перед лицом трудностей и той твердостью, которая помогает Вам их преодолевать» (*Р. Моррис - Д. Джейу 3 января 1783 г. - Correspondence and public papers of John Jay 1763-1826. v. III. Ed. by H. P. Johnston. New York, 1971, p. 13.*) .

Таким образом, нарушая инструкции, Джей, а вместе с ним и активно его поддерживавший Дж. Адамс (*Shaw P. The character of John Adams. Chapel Hill. 1976, chap. VII.*), чувствовали за собой прочный тыл. Они добились того, что Франклин согласился вести переговоры независимо от французов непосредственно с английским представителем, специально присланным для этой цели в Париж. «Американские участники переговоров о мире, - пишет Р. Б. Моррис, - воспользовались факторами времени и пространства, чтобы оставить инициативу в своих руках и даже пренебречь унижительными инструкциями, которые, по их мнению, противоречили национальным интересам» (*Morris R. B. The treaty of Paris of 1783. - In: Fundamental testaments of the American revolution. Washington, 1973, p. 102.*) . Не вполне ясно, что «унижительного» было в инструкциях действовать совместно с Францией,

но то, что начатые делегацией США сепаратные переговоры были разумны и оправданы, не подлежит сомнению.

Следует признать, что американские делегаты умело воспользовались англо-французскими противоречиями и добились подписания выгодного для США договора. Англия была крайне заинтересована в том, чтобы договориться со своими бывшими колониями без участия Франции и пошла на значительные уступки. В конце октября 1782г. были начаты сепаратные англо-американские переговоры, а уже 30 ноября стороны подписали предварительное соглашение (*Morris R. B. Peace-makers, p. 441 - 442.*) . В Америке это известие было встречено ликованием.

Англия признавала независимость США и обязалась «как можно скорее» отозвать свои войска. Она сохранила за собой в Америке лишь Канаду, Ньюфаундленд и Вест-Индию. Англия пошла на уступки американцам, предоставив им право вести рыбную ловлю в прибрежных районах Канады и Ньюфаундленда, ранее закрытых для судов колонистов. Для Франции и Испании заключение англо-американского соглашения явилось неприятным сюрпризом, но им ничего не оставалось, как признать его, поставив под договором свои подписи. «Верженн был страшно зол на американцев за нарушение инструкций, - пишет У. Стинчкомб, - но реалистически подходя к делу, считал, что выгоды, получаемые Соединенными Штатами, были слишком велики, чтобы им могла что-либо противопоставить дипломатия» (*Stinchcombe W. C. Op. cit., p. 196.*).

Англия вынуждена была вернуть Испании о. Минорку и Флориду. Но она отклонила испанское требование о возвращении Гибралтара. Что же касается Франции, то ей пришлось удовольствоваться лишь восстановлением своего престижа в результате победы над Англией. Никаких территориальных претензий она реализовать не сумела.

20 января Англия, Франция и Испания подписали предварительное соглашение, а 4 марта Англия объявила о прекращении военных действий. В Америке текст соглашения был получен 13 марта, а 1 апреля конгресс США провозгласил прекращение войны. При обсуждении соглашения в конгрессе США Дж. Джей, Дж. Адамс и Б. Франклин подверглись критике со стороны ряда делегатов за то, что они нарушили инструкции и вступили в сепаратные переговоры с Англией (*Ibid., p. 197-198.*) Однако в этой критике было не столько недовольство поведением делегатов, сколько дань вежливости американскому союзнику - Франции. После внесения незначительных поправок в предварительное соглашение 3 сентября 1783 г. в Париже был подписан текст окончательного договора (*The shaping of American diplomacy, v. I. Ed. by W. A. Williams. Chicago, 1970, p. 35-36.*). Он был ратифицирован конгрессом 14 января 1784 г. и после обмена ратификационными грамотами 12 мая 1784 г. вступил в силу. Мирный договор с Англией юридически закрепил независимость США.

Глава десятая. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ

*Аллегорическое изображение победы США в войне за независимость.
Рисунок Б. Франклина*

Американская революция была неразрывно связана с преобразованиями конца XVIII в., происходившими также на европейском континенте. По времени она почти совпала с французской революцией, и исторически ее происхождение во многом объясняется теми же причинами. Поэтому в литературе часто сравнивают эти революции, и следует признать, что для такого рода сравнений имеются основания. Сопоставление американской и французской революций позволяет резче оттенить характер и особенности освободительного и революционного движения в Америке, лучше понять итоги, к которым оно привело.

Прежде всего следует подчеркнуть, что американская революция протекала в иных исторических условиях, чем французская. В то время как Франция была страной с глубокой исторической традицией и многовековой культурой, молодая Америка, или, вернее, английские колонии в Америке, были сравнительно недавно заселены, еще не успели обзавестись традициями и только начали создавать собственную культуру. Занимая территорию, приблизительно равную Франции, они имели в 10 раз меньшее население.

На протяжении 4 - 5 столетий, предшествующих революции, численность населения Франции держалась приблизительно на том же уровне - около 18 млн. человек. С середины XVIII в. она стала быстро увеличиваться и к 1789 г. достигла 26 млн. человек. Население возросло, появилась безработица, вводились новые налоги. Страна переживала серьезные экономические трудности. Одним из их проявлений был рост цен.

Французский историк Ж. Годшо утверждает, что в Америке существовала аналогичная ситуация и так же, как во Франции, важнейшей предпосылкой революции был так называемый «демографический пресс» (Codechot J. *La prise de la Bastille. Paris, .1965, p. 20.*) . Действительно, темпы роста населения здесь были гораздо выше, чем в любой европейской стране. За одно столетие население увеличилось в несколько раз и к началу революции составляло 2.2 млн. человек (Wells R. V. *The population of the British colonies in America before 1776. A survey of census data. Princeton, 1975, p. 283 - 285.*) . В каждом поколении численность населения удваивалась, отчасти за счет притока новых иммигрантов, а отчасти за счет высокой рождаемости. «Американцы женятся рано, - отмечал французский дипломат Барбе де Марбуа, - и заводят как можно больше детей». Поэтому в семьях бывало по 5- 7 детей, а потомство одного человека нередко достигало 50 или даже 100 человек (Записка Барбе де Марбуа 1783 г. - *Ministere des affaires etrangeres, Archives diplomatique. Paris (в дальнейшем - Archives). Memoires et documents. Etats Unis, v. 8, p. 29.*).

Население быстро росло. Однако демографического пресса не существовало. За исключением кратковременного периода застоя, вызванного британскими репрессиями против Бостона, Америка в отличие от Франции не знала безработицы. Представители французской дипломатической службы отмечали, что в Америке, «несмотря на удивительный рост населения, постоянно слышны жалобы на недостаток рабочих рук» (*Ibid., p. 29-31.*) . Впоследствии этот вывод был подтвержден в обстоятельном исследовании Р. Морриса, показавшего, что на протяжении первых двух столетий своей истории Америка постоянно испытывала нехватку рабочей силы (Morris R. B. *Government and labor in early America. New York, 1946.*).

Медаль в честь победы под Бостоном в 1776 г.

В отличие от Европы в колониях не было и продовольственной проблемы. Французский дипломат, посетивший в те годы Америку, писал: «В других странах половина населения умирала от голода, здесь страдают только те, кто вынужден платить фиксированную ренту в деньгах» (К. Жерар-Ш. *Верженну, 29 VII 1778. - Archives. Correspondence politique. Etats-Unis, v. 6, p. 20.*) . Но таких было немного. Накануне революции общая сумма фиксированной

ренты в колониях составляла 100 тыс. долларов. Для большинства американских колоний институт фиксированной ренты не имел реального значения и носил символический характер (*Jameson J. The American revolution considered as a social movement. Boston, 1956, p. 33; Tolles F. B. The American revolution considered as a social movement: a re-evaluation. In: Causes and consequences of the American revolution. Ed. by E. Wright, Chicago. 1966, p. 263; Morris R. B. Government and labor in early America, p. 45.*) . Зарплата американского рабочего на 30-100% превышала заработок рабочего в Англии. Уровень жизни в колониях в среднем был значительно выше, чем в Европе.

Годшо утверждает, что так же, как во Франции, американской революции предшествовал рост цен (*Godechot J. La prise de la Bastille, p. 20.*) . Он ссылается на усиление налогового гнета в колониях после Семилетней войны и удорожание таких товаров, как патока, бумага, стекло, свинец и чай. Однако это утверждение сомнительно. Во-первых, недовольство в колониях было вызвано не столько тяжестью новых налогов, сколько самим фактом их введения. В среднем общая сумма налогов на душу населения в колониях были в 26 раз меньше, чем в метрополии (*Palmer R. Social and psychological foundations of the revolutionary era. - In: The new Cambridge modern history, v. VIII. Cambridge, 1968, p. 438.*) . Во-вторых, какими бы важными статьями торговли ни были перечисленные товары, они все же не являлись предметами первой необходимости. Одним словом, экономическое положение в американских колониях было сравнительно благополучным и не напоминало того кризиса, который переживала Франция накануне революции.

Важный аспект происхождения обеих революций - их социальные корни, движущие силы. Что касается Америки, то эта страна не знала феодализма как системы. Ф. Энгельс отмечал, что история Америки началась «на более благоприятной почве... где нет никаких преграждающих путь средневековых развалин ... при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 347.*). Поэтому, хотя и предпринимались попытки насадить феодальные отношения и созданы были феодальные институты, серьезного значения они все же не имели. В отличие от Франции, где размежевание сословий, обострение классовых и социальных противоречий носило классически выраженный характер, в Америке классовые конфликты были выражены слабее. Это обстоятельство связано с социальной пестротой населения, «эластичностью» классов и социальных групп. Кроме того, американская революция была антиколониальной. Поэтому размежевание сил за океаном происходило не только между различными классами и социальными группами, но и внутри их (*Tolles P. B. Op. cit., p. 261-262.*) , что характерно также для более поздних революций антиколониального типа.

Американская революция подняла на борьбу «низшие классы» - не имеющих собственности мастеровых, мелких ремесленников и бедных фермеров, составлявших многочисленную группу колониального населения (*Main J. T. The social structure of revolutionary America. Princeton, 1965, p. 271-272.* - Значительную часть этой группы составляли негры-рабы. В 1770 г. негритянское население колоний насчитывало 460 тыс. человек. Негры были лишены каких бы то ни было прав и в силу специфики своего положения, несмотря на активное участие в войне за независимость, сыграли

ограниченную роль в революционных преобразованиях. (Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. Пер. с англ. М., 1965, с. 63-65; Аптекер Г. Американская революция 1763 - 1783. Пер. с англ. М., 1962, гл. 13).). Именно «низы», враждебно настроенные по отношению к «владельцам собственности» и «джентльменам», занимавшим административные посты, были главной движущей силой революции. Важным проявлением политической активности масс стали разнообразные формы массового действия. Различные комитеты и массовые собрания принимали решения, шедшие гораздо дальше любых законодательных предложений. Это были органы народного правотворчества, в которых участвовали и неимущие, и лишенные права голоса. «Использование толпы и массовых собраний в качестве политического средства, - пишет М. Дженсен, - привело к серьезным изменениям в традиционной модели политического действия» (*Jensen M. The American people and the American revolution. - The journal of American history, 1970, June, p. 15.*) . Наряду с «низшими слоями» активное участие в революции принял «средний класс» - фермеры, купцы, ремесленники и лавочники. Эти люди - собственники средней руки - составляли около 2/3 белого населения (*Main J. T. Op. cit., p. 273.*) .

Американская революция была восстанием против власти метрополии. Лозунг «Никаких налогов без представительства!», положивший начало движению в колониях, выражал протест против господства Англии. Это была война за независимость. Тем не менее следует решительно подчеркнуть, что в ходе войны с Англией население колоний разделилось. Это размежевание происходило по социальному признаку, в соответствии с интересами различных групп по таким насущным вопросам, как развитие торговли и промышленности, аграрная проблема и т. п. Редакция известного документального сборника «Формирование американской демократии» отмечает, что участники революции выступили решительно против политики Англии. «Но их побуждения только отчасти носили патриотический характер. В национально-освободительном движении они увидели счастливо подвернувшуюся возможность улучшить свое социальное и экономическое положение» (*The making of American democracy, v. I. Ed. By R. A. Billington, J. B. Loewenberg. S. Brookinier New York, 1960, p. 72.*) .

Существенной чертой в поведении господствующей верхушки, захватившей контроль над освободительным движением, был тот факт, что американская буржуазия действовала в тесном союзе с земельной аристократией. Отношения этих двух групп были далеки от единодушия, но на данном историческом этапе их больше объединяло, чем разъединяло. В связи с этим Ж. Лефевр справедливо отмечал, что в Америке революция осуществилась «в общих интересах объединившихся аристократии и буржуазии». В этом, по его словам, американская революция была скорее похожа на английскую. «Французская революция, - писал Лефевр, - была совсем другой» (*Lefebvre G. Revolution francaise dans Fhistoire du monde. - In: Etudes sur la revolution francaise. Paris, 1954, p. 321.*) .

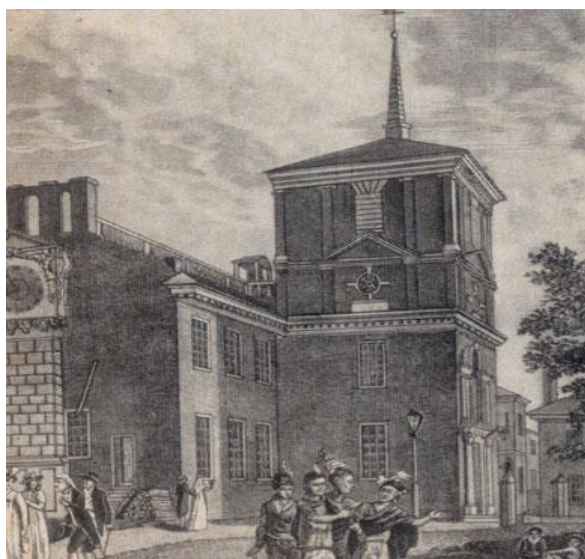
Действительно, американская и французская революции сильно отличались друг от друга. Они происходили на разных и весьма удаленных друг от друга континентах. Что бы ни говорили теперь сторонники доктрины «атлантизма» в стремлении обосновать историческую общность

стран Западной Европы и Америки, в те времена Атлантический океан - гигантское водное пространство - скорее разъединял, чем сближал. Достаточно сказать, что французскому посланнику в США потребовалось тогда 65 дней, чтобы добраться до места своего назначения (*Л. ОТТО - А. Монморану, 18 I 1788. -- Archives. responce politique. Etats-Unis, v. 33, p. 11.*). Более того, именно географический фактор сыграл немалую роль в том, что Америка добилась независимости и революция смогла победить. В то же время обе революции объединяла эпоха, основным содержанием которой было бурное развитие буржуазных отношений, смена феодального строя более прогрессивной капиталистической системой. Пользуясь выражением К. Маркса, «победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 115.*) .

Каждая революция несет в себе двойное начало. Она разрушает и создает. Обе революции знаменовали рождение новых буржуазных наций. Вместо разгороженных различными барьерами провинций и областей во Франции, разъединенных и плохо связанных друг с другом отдельных колоний в Америке возникли новые нации. Французская нация сложилась в XVI - XVIII вв., т. е. в основном до революции, которая сыграла роль заключительного аккорда в этом процессе. В Америке - скорее наоборот. Американский историк Е. Морган говорит, что «не нация родила революцию, а революция родила нацию» (*Morgan E. S. The birth of republic. 1763-1789. New York, 1956, p. 101.*). Действительно, для образования американской нации существовали предпосылки, но только война за независимость превратила их в реальную возможность. Появилась новая нация, но процесс ее дальнейшего формирования продолжался, и ему предстояло занять еще несколько десятилетий. Американская революция носила ярко выраженный национально-освободительный характер, освободив колонии от гнета Англии и устранив тем самым препятствия на пути дальнейшего прогресса страны.

По тому, какую работу выполняет революция, судят о ее результатах и характере. Французскую революцию недаром называют Великой. Это название соответствует гигантским преобразованиям, которые она совершила. «Франция, - писал Ф. Энгельс, - разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 259.*) . Для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией потребовались колоссальные усилия. Нужно было разрушить старую систему и расчистить почву для нового строя. Эту задачу выполнила французская буржуазия, опиравшаяся на поддержку всего народа (*Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция 1789 - 1794. М., 1956, с. 99 - 104, 282 - 284; Lefebvre G. Op. cit., p. 323.*) . Она встретила отчаянное сопротивление старых классов, и, чтобы сломить его, потребовалась беспощадная диктатура якобинцев. Якобинская диктатура и выступления плебейских масс были вершиной революционного подъема во Франции. Американская революция не знала подобного рода явлений, ибо разрушение старого не требовало столь значительных усилий.

На смену якобинской диктатуре во Франции пришла термидорианская реакция. Американская революция не знала таких амплитуд. Но она тоже имела свой небольшой «термидор» - конституцию 1787 г. Аккредитованные при правительстве США представители французского двора с чувством удовлетворения отмечали, что это событие «бесконечно благоприятно для интересов королевства (т. е. Франции, -А. Ф.)». По мнению посланника Мустье, значение новой конституции было так велико, что он назвал ее «второй революцией». «Тот призрак демократии, которым прельстился народ, - писал Мустье, - сейчас иоценивая тенденции политического развития США, другой французский дипломат отмечал, что американская система все более и более приближается по своему типу к «выборной аристократии или даже смешанной монархии» (Л. Отто - А. Монморану, 20 X 1787; 25 XII 1789; 13 III 1790; Э. Мустье - А. Монморану, 2 II 1788; 25 V 1789; 5 VI 1789. - Archives. Correspondance politique. Etats-Unis, v. 32, p. 375 - 380; v. 33, p. 238; v. 34. p. 112, 158, 353; v. 35, p.66.) . Новый правопорядок игнорировал интересы «низших классов». В противоречие с Декларацией независимости, провозгласившей право каждого «на жизнь, свободу и стремление к счастью», конституция 1787 г. обходила молчанием вопрос об элементарных гражданских свободах. Только несколько лет спустя, под давлением массовых выступлений и под влиянием начавшейся революции во Франции, она была дополнена Биллем о правах, провозгласившим свободу слова, печати, собраний, вероисповедания, право на неприкосновенность личности, жилища и т. д. Конституция 1787 г. была шагом назад, она противоречила практике революционных лет, когда большинство политических решений предварительно широко обсуждалось. Конституционный конвент заседал при закрытых дверях, и выступления его участников не подлежали огласке. В свое время Ч. Бирд, анализируя состав конвента, показал, что он целиком состоял из представителей «высшего класса». Из 56 делегатов 50 были земельными и иными собственниками. Они были лично заинтересованы в организации новой системы власти и извлекли из нее максимальную выгоду, что же касается неимущих масс, то их отстранили от участия в подготовке конституции (Beard Ch. An economic interpretation of the constitution of the United States. New York, 1913, p. 149, 151. 324.) .

Филадельфия. Здание, где была принята конституция США Гравюра XVIII в.

Вот уже несколько десятилетий оценка конституции является предметом жестоких сражений между историками. Эти споры заняли центральное место в дискуссиях о характере американской революции, ее роли и месте в мировой истории. Господствующая ныне в американской буржуазной историографии теория «согласия» утверждает, что и сущности в Америке вообще не было революции. Фактически это разновидность теории «исключительности» американского капитализма. Сторонники этого направления отрицают значение выводов Бирда. Они утверждают, что в отличие от Европы американская история, развиваясь под знаком «преемственности» и «согласия», никогда не знала классовых и социальных противоречий, свойственных Старому Свету, и поэтому ей не приходилось переживать социальных «коллизий». Сглаживая классовые конфликты в эпоху американской революции, сторонники теории «согласия» заявляют, что она вообще не имела «социальных целей». А раз так, заключают они, значит, по могло быть и «термидора» (*Brown R. Reinterpretation of the formation of the American constitution. Boston, 1963, p. 21, 40.*).

Характеризуя революции XVIII в., К. Маркс отмечал, что они развивались по восходящей линии (*См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.. т. 8, с. 122.*). Во Франции это оказалось возможным в результате стремительного нарастания активности масс. Американская революция не знала подобного рода темпов и острых ситуаций, но она также шла вперед благодаря усилиям народа. Победа в войне, освобождение от колониального гнета и утверждение независимой буржуазной республики явились важнейшим итогом американской революции. Однако с окончанием войны революционное движение не прекратилось. Послевоенный период ознаменовался экономическим кризисом, вызвав глубокое разочарование в массах. Резко ухудшилось положение «низов» - фермеров, ремесленников, рабочих. Огромное количество людей влачило нищенское существование. Многие попали в тюрьму за долги, погашения которых займодавцы требовали в звонкой монете, а не «дешевыми» бумажными деньгами. В то же время крупная буржуазия и плантаторы основательно нажились па войне, сколотив солидные состояния, пущенные теперь на покупку земель, создание торговых, промышленных предприятий и банков. Возросло имущественное неравенство, обострились классовые конфликты, усилилось массовое недовольство, стремление народа продолжить и углубить революцию. Это нашло выражение в усилении социального протеста народа, уравнительных требованиях масс и вооруженных выступлениях, наиболее значительным из которых было восстание Д. Шейса в Массачусетсе. Одна из главных целей конституции заключалась в том, чтобы положить конец этим явлениям. Вопреки утверждению сторонников теории «согласия», принятие конституции было обусловлено классовым конфликтом и отвечало интересам имущих классов. В этом смысле она и была «термидором». Как справедливо отметил М. Дженсен, члены конституционного конвента единодушно усматривали «основное зло» в демократии, и их цель состояла в том, чтобы остановить развитие демократического движения (*Jensen M. The American people and the American revolution, p. 5 - 6.*).

*Расстрел повстанцев Д. Шейса у арсенала в Спригфилде в январе 1787 г.
Гравюра XVIII в.*

Говоря о важности изучения событий, связанных с принятием конституции 1787 г., французский историк А. Каспи отмечает, что кардинальный вопрос заключается в том, «остались ли Соединенные Штаты верны духу 76-го года». Сам он отвечает на этот вопрос утвердительно, ибо те, кто выступал за принятие конституции, представляли, по его словам, «новое поколение», сознававшее ответственность перед будущим Америки, а противники конституции были «сторонниками общества прошлого». Конституция, по мнению Каспи, соответствовала представлениям американцев о демократии, «основанной на собственности и защите свобод», и «совершенно не противоречила духу 76-го года» (*Kaspi A. La naissance des Etats-Unis. Paris. 1972, p. 23, 24. 26.*). Однако, рассуждая так, французский исследователь практически присоединяется к утверждениям сторонников теории «согласия» о том, что лозунгом американской революции была «свобода и собственность», а не «свобода и демократия» (См.: *Morgan E. S. The American revolution. - William and Mary quarterly, 3d ser., v. 14, 1957. p. 3 - 15.*). Между тем именно борьба за демократию являлась одним из важнейших компонентов войны за независимость. Как отмечал У. Фостер, американская революция «была буржуазной революцией, в которой был очень силен демократический элемент» (*Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М.. 1953, с. 177.*) .

Чтение Декларации независимости. Гравюра XVIII в.

Умалая значение демократического движения как передовой силы революции, изображая политическое развитие США от Декларации независимости до принятия конституции как некий гармонический процесс, Каспи льет воду на мельницу тех, кто отрицает наличие классов и классовых противоречий в американском обществе. Желая того или нет, он поддерживает сторонников теории «согласия», изображающих дело так, будто конституция была принята не в интересах господствующих классов, а всего народа. Между тем цель конституции заключалась как раз в обратном. Она была призвана упрочить власть буржуазии и плантаторов, избавиться от «ужасов неконтролируемой демократии», «найти своего рода убежище от демократии» (*Jensen M. The new nation. New York, 1967, p. 426.*).

В докладе о «правах человека» на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско 1975 г. видный американский историк Р. Палмер признал, что конституция 1787 г., как, впрочем, и законодательство штатов, носили ограниченный характер, отмечая с сожалением, что противники революции - лоялисты оказались в неравном положении с ее сторонниками. Эти сожаления, однако, звучат по меньшей мере странно. Революция не могла бы победить, если бы ее враги пользовались равным правом с ее сторонниками. Кстати говоря, те лоялисты, которые впоследствии вернулись в США или заявили о поддержке новой власти, пользовались всей полнотой конституционных гарантий. Более того, они активно примкнули к консервативному блоку «федералистов», сторонников конституции 1787 г., составив оплот нового правопорядка. Сожаления Палмера по поводу того, что противники революции испытывали ограничения, представляют собой прямой отзвук той критики, которой в свое время новый строй подвергался со стороны

свергнутых классов или групп населения, в представлении которых новая власть нарушала «права человека».

Палмеру и его единомышленникам следовало бы обратиться к более существенной проблеме - дала ли революция права народу - беднякам, неграм, огромной массе неимущего или малоимущего населения, уравнивала ли она в правах женщин, все они рассчитывали, что революция внесет в их жизнь перемену к лучшему. По подсчетам Д. Мейна, около трети населения США приходилось на белый и черный «пролетариат» (*Main J. T. The social structure of revolutionary America, p. 272.*). Конечно, этот термин применительно к социальной структуре американского общества того времени очень условен. Но действительно треть американского населения составляли угнетенные и обездоленные рабы, бедные фермеры, ремесленники и т. д.

Представитель «новых левых» в современной историографии США С. Линд заявляет, что американская революция не выполнила важнейших социально-экономических преобразований. В этом смысле «Америка, - по его словам, - не имела буржуазной революции, сравнимой с французской революцией». Линд справедливо отмечает, что кардинальным вопросом революции была отмена рабства. Но для того, чтобы выполнить эту задачу, потребовалась еще одна революция (*Lynd S. Beyond Beard. - In: Towards a new past. Ed. by B. J. Bernstein. New York, 1969, p. 50-51.- В оценке американской революции критика «новых левых» перекликается со многими положениями «прогрессистов», а также историков-марксистов (У. Фостер, Г. Аптекер, Г. Морейс). Многие положения «новых левых», которые привлекли к себе в 60-е гг. широкое внимание, задолго до этого были плодотворно разработаны американскими марксистами. Однако буржуазная историография США сознательно замалчивала эти достижения марксистской мысли.*). Как уже отмечалось, при составлении проекта Декларации независимости Т. Джефферсон включил в нее пункт об отмене рабства, но под давлением представителей южных колоний этот пункт был исключен. Однако положение о том, что каждый американец имеет право «на жизнь, свободу и стремление к счастью», распространялось в теории на всех без исключения. Поэтому впоследствии лидеры аболиционистов, выступавшие за отмену рабства, ссылались на Декларацию независимости. Между тем конституция США узаконила институт рабовладения, зафиксировав это в специальном постановлении. В этом заключалось ее принципиальное отличие от Декларации независимости.

В 1790 г. негритянское население США составило 750 тыс. человек. Из этого числа 9/10 проживало на юге, где рабы составляли 90% населения. Поэтому отмена рабства, если бы она осуществилась, сопряжена была с преобразованиями колоссального масштаба. Тем не менее ликвидация рабовладения объективно являлась важнейшей задачей буржуазной революции, и если в США этого не произошло, то причиной тому был контрреволюционный сговор участников конституционного конвента, узаконивший расизм (*Levin J. P. Racism and the constitution: 200 years of inequality. - Intellect, 1976, July - August, p. 23 - 26.*). Хотя северная буржуазия, сыгравшая руководящую роль в революции, выступала против системы рабовладения, она была вынуждена по политическим соображениям пойти на компромисс с южными плантаторами. Эта сделка получила решительную поддержку со стороны имущих богатых слоев населения, и знаменательно,

что к ним примкнули сумевшие избежать репрессий и уцелевшие после войны за независимость контрреволюционеры-лоялисты (*Morris R. The emerging nations and the American revolution. New York, 1970, p. 9.*). Образованный таким образом реакционный политический блок добивался создания сильной центральной власти, чтобы установить барьер на пути развития демократического движения.

Скептически оценивая современную историографию «новых левых», рассматривающую американскую революцию в свете классовой борьбы, Каспи задает вопрос: «Не ищут ли они в истории революции ответа на вопросы, которые стоят перед американцами сегодня?» (*Kaspi A. Op. cit., p. 24.*). Однако такая постановка вопроса выглядит малоубедительно. Во-первых, нет ничего противоестественного в попытках найти корни современности в событиях прошлого. Во-вторых, если подвергается сомнению правомерность позиции «новых левых», то почему безоговорочно принимаются утверждения сторонников теории «согласия», прагматически оценивающих историю в зависимости от политических задач сегодняшнего дня?

Апологетический характер этой теории вызвал критику даже со стороны представителей ортодоксального направления в буржуазной историографии США. Критикуя концепцию «согласия», известный американский историк Д. Дауд заметил, что «научный подход требует, чтобы ни один общественный институт не принимался как раз навсегда данный и ничего не должно оставаться вне поля критики» (*См.: The state of American history. Ed. by H. Bass. Chicago, 1970. p. 265.*). Видимо, Каспи не разделяет этого подхода. Он, как и некоторые другие французские историки, занимающиеся американской революцией, отрицает социальный характер конфликтов американской революции, следуя теории «согласия» (*Heffer J. Kaspi A. Autour de la revolution americaine (Note critique). - Annales, 1975, N 1, p. 219-226.*)

Бесспорно, классовые противоречия во Франции были несравненно более острыми, чем в Америке. Однако этот факт не умаляет значения классовых конфликтов и противоречий в американской революции. Что бы ни заявляли теперь представители апологетической школы, американское общество состояло из разных имущественных слоев, положение которых было неодинаковым во всех отношениях. Цель конституции 1787 г. заключалась в том, чтобы закрепить права и власть в США за богатым меньшинством вопреки демократическому большинству. Об этом прямо говорили создатели конституции. «Те, кто владеет собственностью, и те, кто ее не имеет, всегда представляли различные интересы в обществе, - писал Мэдисон. - То же самое можно сказать о кредиторах и должниках. Земельные, промышленные, торговые и денежные интересы, а также интересы меньших групп неизбежно проявляются в цивилизованных нациях и разделяют их на различные классы, руководствующиеся в своих действиях различными чувствами и взглядами. Регулирование этих разных и противоречивых интересов представляет собой главную задачу современного законодательства» (*Цит. по: Jensen M. The new nation, p. 427.*) .

Решающее значение имел тот факт, что осуществление этой миссии взяли на себя представители имущих классов, которые присвоили себе право выработки нового законопроекта, регулируя интересы различных слоев населения в совершенно иной манере, чем в годы войны за независимость. По сравнению с военным временем в политике правящего класса произошли заметные перемены. Это обстоятельство отмечал французский поверенный в делах в США Отто. Характеризуя политику военных лет, он писал, что «в те грозные времена необходимо было соглашаться с тем, что всякая власть должна исходить только от народа, что все должно быть подчинено его верховной воле и что должностные лица являются не более, чем его слугами». Однако после того, как война за независимость окончилась, «класс людей, известных под названием джентльменов», стал, по словам Отто «претендовать на господство, с которым народ не хочет согласиться». «Почти все они, - писал французский дипломат, - опасаются стремления народа лишить их имущества, к тому же они являются кредиторами и поэтому заинтересованы в том, чтобы усилить правительство и обеспечить исполнение законов» (*Л. Отто - Ш. Верженну, 10 XI 1786. - Sources and documents, Illustrating the American revolution. 1746- 1788. Ed. by S. E. Morison. Oxford, 1953, p. 233-234.*) .

Таким образом, принятие конституции 1787 г. было продиктовано интересами утверждения власти крупной буржуазии и земельной аристократии. Если говорить об общей ее оценке как политического документа, то нельзя не признать, что для того времени это была передовая конституция, в особенности после принятия Билля о правах, который также следует рассматривать как определенный итог классовой борьбы. Именно ввиду отсутствия Билля о правах конституция встретила массовую оппозицию. Представлявшие интересы малоимущих слоев населения противники конституции решительно настаивали на принятии поправок к ней и критиковали ее за отсутствие в ней гарантий элементарных политических свобод. Создатели конституции были, по свидетельству французского посланника Мустье, «абсолютно не расположены заниматься поправками, пока не будет полностью организовано правительство». Однако в конечном итоге они вынуждены были это сделать. Обнаружив, что «их противники подготовили длинный список дополнений, способных ослабить или вообще ниспровергнуть всю новую систему, они решили предложить сами то, что не могло ей повредить и взять под контроль дебаты с тем, чтобы сделать их для себя более благоприятными». Таким образом, сторонники конституции достигали двойного эффекта. С одной стороны, они выбили козырь из рук оппозиции, а с другой - сформулировали дополнения к конституции в приемлемом для себя виде. «Эти поправки, - писал Мустье, - были составлены господствующей партией в такой манере, чтобы не нанести никакого ущерба духу конституции и унять чрезмерное беспокойство» (*Э. Мустье - А. Монморану, 12 IX 1789. - Archives. Correspondence politique. Etab-Unis, v. 34, p. 256.*). Вместе с тем принятие Билля о правах было принципиально важным успехом демократических сил.

История не знает ни одного подлинно революционного движения, в котором народу не принадлежала бы роль основной движущей силы.

Вместе с тем из опыта истории явствует, что ни одна буржуазная или буржуазно-демократическая революция не принесла народу подлинной свободы, а «права человека» гарантированы в ней исключительно в узкоклассовых рамках буржуазной демократии. Эти закономерности прослеживаются и в американской революции, хотя ее апологеты и заявляют, что преобразования, начатые буржуазной революцией в Америке, были и остаются беспрецедентным, неповторимым примером в истории. «Успех американской революции, - пишет один из основоположников школы «согласия» Д. Бурстин, - означал, что народ теперь контролировал правительство» (*Boorstin D. J. The Americans. The democratic experience. New York. 1973, p. 252.*) . Этой же мыслью проникнута и опубликованная в связи с 200-летием США статья Д. Грина, в основе которой лежит его лекция, прочитанная в ряде стран в связи с юбилейной кампанией. Утверждая, что американская революция отличалась «резким контрастом фактически по отношению ко всем последующим революциям», он ссылается на апологетическое высказывание историка XVIII в. С. Уильямса, будто итоги революции превзошли ожидания самых выдающихся умов своего времени, что революция в Америке создала условия для возникновения «более естественной формы правительства, более совершенной системы свободы и более процветающей общественной системы». Отстаивая это положение, Грин солидаризируется с представителями консервативного направления в американской историографии, обходя молчанием труды историков критического направления, выступающих против подобного рода идеализированных построений (*Green J. P. Values and society in revolutionary America. - The annals of the American academy of political and social sciences, 1970, July, p. 55-57.*) .

Не случайно в связи с этим, что сторонник теории «согласия» Э. Морган, удостоенный похвалы в статье Грина, выступил с резкими нападениями на попытки некоторых американских историков пересмотреть идеализированную схему представляемой им школы (*Morgan E. S. The American revolution: who were «the people»? - The New York review of books, 5 VIII. 1976, p. 29. Williams W. A. America confronts a revolutionary world: 1776-1976. New York, 1976, p. 38-40. 45 Kristel I. The American revolution as a successful revolution. - In: The American revolution. New York. 1975, p. 33.*) . Характерно, в частности, его выступление против новой книги известного американского историка У. Уильямса. Не отрицая значения американской революции для разрушения «прошлого», Уильямс подчеркнул, что, утвердив «настоящее», господствующие классы США всеми силами противодействовали революционным переменам «будущего».44 Это положение и вызвало резкую критику Моргана. Между тем тезис Уильямса находит полное подтверждение в действительности.

В период войны за независимость и в ходе последующего мирного развития американская «элита» использовала сложный арсенал политических средств для того, чтобы избежать радикальных перемен и сохранить свое господство. Французский историк XIX в. А. Токвиль утверждал, что в отличие от французской американская революция была будто бы проникнута «любовью к порядку и закону». Ныне эта мысль Токвиля взята на вооружение апологетами капиталистической системы. В одном из недавно опубликованных в США откровенно пропагандистских

изданий, подготовленных к 200-летию независимости, высказывание Токвиля поставлено в прямую связь с усилиями современных блюстителей «закона и порядка». Ретроспективно оценивая революцию в Америке, это издание подчеркивает ее отличие от французской и других революций. Бесспорно, американская революция носила сравнительно умеренный характер. Тем не менее и она имела социальную программу, а установленная в результате войны за независимость политическая система определялась отнюдь не «любовью к закону и порядку». Новая власть опиралась на диктатуру имущих классов, интересы которых и были поставлены во главу угла при формировании политической системы США.

В силу ряда особенностей исторического развития в Америке XVIII в. было больше свободы, чем в странах Старого Света, прошедших через эпохи рабовладельческого и феодального строя. Однако положение низов в Америке постоянно ухудшалось, следствием чего был рост недовольства масс. Это обстоятельство наглядно раскрывается в статьях Г. Нэша, показавшего на примере трех крупнейших американских портовых городов - Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка, что неуклонно продолжавшийся на протяжении XVIII в. рост имущественного неравенства привел ко времени революции к усилению социального расслоения в колониях и обострению классовых противоречий (*Nash G. 1) Urban wealth and poverty in pre-revolutionary America. - The journal of interdisciplinary history, 1976, v. VI; 2) Social change and the growth of revolutionary urban radicalism. - In: The American revolution. Explorations in the history of American radicalism. Do Kalb, 1976.*)

Массовые выступления в период освободительной борьбы, предшествовавшей разрыву с метрополией, носили в Америке умеренный характер по сравнению с развитием революционного движения в других странах. Тем не менее и в североамериканских колониях Англии они «имели решающее значение при каждом сколько-нибудь важном повороте событий, который вел к войне за независимость» (*Schlesinger A. M. Political mobs and the American revolution. 1765 - 1776. - Proceedings of American philosophical society, v. 49, Philadelphia, 1955, p. 244.*). Это положение, выдвинутое в свое время историком-прогрессистом А. М. Шлезингером, встретило затем решительную критику сторонников теории «согласия», стремящихся нивелировать социальные конфликты американской революции. В последние годы тезис «прогрессистов» был развит и подкреплен новыми материалами в трудах М. Дженсена и его учеников.

Критикуя теорию «согласия», Дженсен настаивает на том, что народ - массы - являлся авангардом революции, сыгравшим в ней решающую роль, хотя в конечном итоге и лишенным плодов победы. Отмечая, что в Америке собственность «была распределена более равным образом, чем в Европе», Дженсен подчеркивает, что, хотя «большинство владело мелкими фермами, многие из них задолжали за приобретенные участки». Кроме того, часть фермеров оставалась на положении арендаторов и не надеялась стать собственниками обрабатываемых ими участков. «Сотни городских жителей, - пишет Дженсен, - не владели никакой собственностью» (*Jensen M. The American revolution within America. New York, 1974, p. 9, 70-71.*) . Эти люди активно участвовали в массовом движении. Господствующим классам приходилось

идти на уступки, лавировать, с тем, чтобы в сложных условиях антиколониальной борьбы не оттолкнуть народ и, сохранив за собой руководящую роль и контроль, использовать в своих интересах его революционную активность (Maier P. 1) *Popular uprisings and civil authority in XVIII century America. - William and Mary quarterly, 3d ser., 1970, v. 27, p. 3-4; 2) From resistance to revolution. New York, 1972, chap. I; Main J. T. Political parties before the constitution. Chapel Hill, 1973, p. XIX; Longley R. S. Mob activity in revolutionary Massachusetts. - New England quarterly, 1933, v. 6, p. 98-130*). . Надо признать, что «элита» - купцы, земельная аристократия и юристы, выступавшие на стороне революции, - успешно справилась с этой задачей. Поэтому в отличие от европейских стран в Америке те люди, которые играли руководящую роль в революционном движении в самом начале, практически сохранили ее за собой до конца и даже после революции.

Американская исследовательница П. Майер отмечает, что уже при первых массовых выступлениях правящие круги стали думать о средствах обуздания «толпы». Но до поры до времени им приходилось терпеть. Зато после войны за независимость терпимость в отношении массовых выступлений исчезла (Maier P. *Popular uprisings and civil authority in XVIII century America, p. 19-34.*) . Попытки низов углубить революцию, добиться демократизации экономических и политических порядков, участвовавшие нападки на крупных собственников и власть имущих привели к серьезному беспокойству в верхах. Особую тревогу вызвало восстание Д. Шейса, которое послужило одним из непосредственных поводов созыва конвента и принятия конституции 1787 г.

Те самые солдаты, которые сражались в войсках Вашингтона за независимость, теперь требовали, чтобы завоеванная свобода была материализована применительно к их насущным интересам - нуждам малоимущих и неимущих слоев населения. Капитан Шейс во время войны проявил себя доблестным офицером. Он не отличался образованностью и не обладал талантом организатора, но снискал популярность у солдат своей честностью и смелыми действиями. Когда поднялось восстание в Массачусетсе, Шейс возглавил его. Повстанцы требовали отмены судебных приговоров о взыскании денежных долгов военного времени, осаждая здания судов и принуждая судей идти на уступки. «Они, - писал руководитель военного департамента США генерал Г. Нокс Дж. Вашингтону, - исполнены решимости добиться ликвидации всех долгов - общественных и частных, а также принятия земельных законов, которые разрешали бы использовать дешевые бумажные деньги в качестве средства платежей (за землю, - А. Ф.)...» (Freeman D. S. *George Washington. Patriot and president, v. VI, New York, 1954, p. 72.*) Вначале власти проявили растерянность, которая вскоре, однако, уступила место твердому решению подавить восстание. В январе 1787 г. повстанческие силы атаковали арсенал в Спрингфилде, где хранилось большое количество оружия. К этому времени туда были стянуты регулярные армейские части, встретившие повстанцев градом пуль и отбившие их атаку.

Восстание Шейса было быстро подавлено, но оно вызвало глубокую тревогу в правящих верхах. По мнению Т. Джефферсона, оно оказало

«слишком большое воздействие» па работу конвента, который принятием конституции «выпустил коршуна для наведения порядка на птичьем дворе». Джефферсон исходил из того, что «дух сопротивления правительству» нужен и «полезен». «Я считаю, - писал он, - что небольшое восстание сейчас и потом - это хорошая вещь. Для политики это так же необходимо, как гроза для очищения атмосферы» (Т. Джефферсон - У. Смит, 13 XI 1787. - *The papers of Thomas Jefferson*, v. XII. Ed. by J. Boyd, Princeton. 1955, p. 356-357; Т. Джефферсон - Дж. Мэдисону, 30 I 1787. - *Ibid.*, v. XI, p. 93.).

Многие, однако, придерживались совершенно иного взгляда. Даже такие радикальные деятели, как Сэмюэл Адамс, считали, что повстанцы должны быть примерно наказаны. Что же касается Дж. Вашингтона, то, по его мнению, восстание Шейса показало необходимость создания сильной централизованной власти, дабы ликвидировать «беспорядки». «Если не хватает силы, чтобы справиться с ними, - писал он Д. Мэдисону, - какая гарантия, что человеку обеспечена жизнь, свобода и собственность?» (*Freeman D. S. Op. cit.*, v. VI. p. 72 - 73; *Butterfield R. The American past. New York, 1951, p. 11.*) . Подобно Дж. Вашингтону, который стал председателем конвента, выработавшего конституцию, большинство других его участников придерживалось такой же точки зрения. Не будет преувеличением сказать, что среди тех, кто участвовал в работе конвента, проходившего в Филадельфии, в зале законодательной ассамблеи штата, не было расхождений в вопросе о том, какие решительные и безотлагательные меры необходимо принять против растущего протеста «низов». Причины, вызвавшие восстание в Массачусетсе, продолжали оставаться в силе, и не было никакой гарантии, что не произойдет нового взрыва где-нибудь в другом месте.

Хотя для своего времени конституция 1787 г. считалась передовой, она была все же отступлением от ранее данных обещаний. Следует согласиться с М. Дженсенем, что в известном отношении она означала шаг назад даже по сравнению со «Статьями конфедерации», и уже по одному этому может рассматриваться в качестве своего рода термидора американской революции (*Jensen M. The American revolution within America, chaps. 3-4.*). Представители школы «согласия» оспаривают это.

Конституция 1787 г. утвердила новую систему власти и новый правопорядок. Соединенные Штаты Америки объявлялись республикой во главе с президентом. Последний, однако, был наделен такими широкими полномочиями, что его положение не так уж существенно отличалось от положения монарха. Как глава исполнительной власти, президент назначался верховным главнокомандующим вооруженными силами. И неслучайно, видимо, первым президентом США (в 1789 г.) стал Дж. Вашингтон. Законодательная власть была оставлена за конгрессом, хотя и в этой сфере президенту принадлежало веское слово. Высшей судебной властью был наделен Верховный суд. Созданный таким образом государственный порядок полностью удовлетворял интересы господствующих классов - крупной буржуазии и плантаторов, утвердив их безраздельную диктатуру. Сторонники школы «согласия», изображающие конституцию 1787 г., как образец демократического решения вопроса,

опровергают это положение (*Commager H. S. The revolution as a world ideal. - Saturday review, 1975, September 13, p. 13-19.*). Но их аргументация отличается непоследовательностью и малоубедительна. Одни утверждают, что конституция логически продолжила и закрепила основные положения Декларации независимости (*Kauper P. G. The higher law and the rights of man. - In: America's continuing revolution. Washington, 1975, p. 51-52.*). Другие, наоборот, считают, что как юридический документ иного характера конституция 1787 г. и не должна была повторять сказанное в Декларации независимости. Что бы ни говорили сторонники школы «согласия», бесспорным остается факт, что конституция 1787 г. не гарантировала равных прав и одинаковой свободы всем американцам. Провозглашенная ею свобода была по своей классовой сути буржуазной, а упомянутые в ней «права человека» стояли в прямой связи с обладанием собственностью.

В уже упоминавшемся докладе на конгрессе 1975 г. в Сан-Франциско американский историк Р. Палмер признавал, что «среди всех прав выделялось право собственности» (*Palmer R. Les droits de l'homme. San Francisco, 1975.*) Оно и составляло стержень нового правопорядка. Однако, следуя своей ранее выработанной концепции, Палмер квалифицировал американскую революцию как демократическую, хотя в действительности это была буржуазная революция со всеми характерными для нее чертами ограниченности.

Американская революция существенно продвинула вперед процесс демократизации политической жизни. По разным поводам и в силу разных обстоятельств, но во всех случаях под давлением массового движения в законодательство штатов были внесены статьи и положения, менявшие старый порядок в сторону его демократизации. «Люди получили больше власти и больше свободы, чем они имели до обретения независимости, - пишет М. Дженсен. - По крайней мере некоторые из них заразились новым духом и заняли новую позицию в отношении общества, в котором они жили. Они дали явно понять, что хотели бы в будущем больше власти и больше свободы» (*Jenson M. The American people and the American revolution, p. 35.*).

Включение в 1789 г. Билля о правах в текст американской конституции способствовало некоторой демократизации этого документа. Однако Билль о правах отнюдь не был естественным продуктом рутинного конституционного процесса, как это утверждает, например, Р. Палмер. Чтобы обосновать свою позицию, он заявляет, что «за период с 1770 по 1790 г. революционный энтузиазм ослабел». Но кто же в этом случае были люди, сражавшиеся за свободу в войсках Вашингтона и завоевавшие победу в войне за независимость, а после окончания ее настойчиво добивавшиеся демократических преобразований? Разве в Америке не произошло столкновения по вопросу о принятии конституции, в ходе которого противники «федералистов» обвиняли создателей конституции в отсутствии демократических свобод? «После того как правительство приступило к своей деятельности, - пишет Р. Палмер, - первый конгресс, опираясь на статью конституции, позволявшую ему вносить в нее изменения, предложил около дюжины поправок, десять из которых были ратифицированы». Это правда, но не вся. Мало сказать, что конгресс

принял Билль о правах, важно отметить, почему это произошло. Следует подчеркнуть, что принятие Билля о правах явилось непосредственным результатом нажима «снизу».

Провозглашение демократических свобод, даже в их ограниченном буржуазном толковании, как это было в Америке, являлось важным итогом революции. Господствующие классы вынуждены были пойти на уступки. Они сделали это и при решении других вопросов. Как уже отмечалось, важнейшей проблемой революции был вопрос о земле. Если сравнивать конечные итоги, достигнутые в результате революции при решении аграрной проблемы в Америке и во Франции, нельзя не признать, что в США развитие пошло более демократическим путем. Французская революция приложила несравненно большие усилия для ликвидации старого порядка, но во Франции процесс демократизации земельных отношений и их перестройка на капиталистический лад были гораздо сложнее. Впрочем, и в Америке демократизация земельных отношений носила ограниченный характер. Она проходила под знаком укрепления крупной собственности на землю в ущерб интересам мелких производителей.

Феодальные институты в США, носившие, как уже отмечалось, в значительной мере символический характер, были полностью упразднены. Многие крупные земельные имения поделены и распроданы по частям. Однако значительная часть экспроприированных земель оказалась в руках земельных спекулянтов, хотя кое-что досталось мелким и средним собственникам. Западные земли были превращены в национализированный общественный фонд и пущены в свободную продажу, но условия распродажи были таковы, что это приносило выгоду лишь крупным собственникам. Только после Гражданской войны 1861 - 1865 гг. п принятия Гомстедакта земли стали раздаваться мелкими участками. Правда, сам по себе акт национализации западных земель, открывший их для свободного приложения капитала, демократизировал аграрные отношения. Частная собственность на землю возникала там на новой капиталистической основе, а это, как указывал В. И. Ленин, явилось важнейшим условием передового фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 129.). Решение аграрной проблемы имело также важное значение для промышленного капитализма, ибо «предопределило создание в ближайшем будущем внутреннего рынка для развивающейся промышленности городов» (Куропятник Г. П. 1) О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху. - Новая и новейшая история, 1958, № 4, с. 41; 2) Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США. - Вопросы истории, № 8, 1976.) . Однако сохранение системы рабства в огромной степени сводило на нет значение буржуазных аграрных преобразований. Система рабства была тормозом не только для развития капитализма в сельском хозяйстве США, но и экономического развития страны в целом.

Американская революция предшествовала французской. Пример победоносного восстания окрылял французских революционеров и укрепил их веру в успех революции (Fohlen C. The impact of the American revolution on France. -

In: The impact of the American revolution abroad. Washington, 1976, p. 21-38.) . К. Маркс отмечал, что американская война за независимость дала «первый толчок европейской революции XVIII века» и «прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17; т. 23, с. 9.) Однако иногда делаются необоснованные попытки приписать американской революции роль, которую она не играла. Например, Мак-Дональд объяснял крестьянские восстания во Франции влиянием французских солдат, воевавших в Америке. Это утверждение было опровергнуто Ж. Годшо (McDonald F. *The relation of the French peasant veterans of the American revolution to the fall of feu clalism in France. 1789 - 1792. - Agricultural history. 1951, October, p. 151 - 161; Godechot J. Les combat-tants de la guerre d'Independence des Etats-Unis etles troubles agraires en France de 1789 a 1792. - Annales historiques de la revolution francaise, 1956, p. 292 - 294.*). Программные документы американской революции, Декларация независимости и конституции отдельных штатов, в особенности Пенсильванская, конечно, оказали влияние на французскую Декларацию прав человека и гражданина, а также на конституции 1791 и 1793 гг. Но не следует забывать, что творцы американских и французских революционных деклараций, а также конституций пользовались одним источником - идеями английских буржуазных философов и французских просветителей.

Интерпретация американской революции в значительной степени определяется политическими соображениями. Это отражается и в спорах, которые ведутся вокруг вопроса о том, каково было ее влияние на последующее историческое развитие. Даже те, кто в принципе подвергает нападкам «социальные революции», решительно настаивают на достоинствах американской революции. К. Боулдинг по этому поводу заметил: «Мы чувствуем некоторую обязанность любить революцию в принципе, так как мы сами родились в результате революции. С другой стороны, мы боимся и относимся к революциям с подозрением... Наше отношение к революции состоит из смешанного чувства любви и ненависти. С одной стороны, мы умиленно взираем на наши первые шаги, а с другой - в нас сидит подсознательная боязнь разбиться» (Boulding K. E. *The United States and revolution. Santa Barbara, 1961, p. 4*).

Показательно, что сторонники теории «согласия», подвергая сомнению или даже отрицая социальный характер войны за независимость, в том случае, когда речь заходит о сопоставлении американской революции с другими революциями, настаивают на ее приоритете. Представители апологетической школы не замечают при этом или сознательно закрывают глаза на то, что они впадают в неразрешимое противоречие. Ибо, с одной стороны, при обосновании тезиса о «бесконфликтном» характере развития США они настаивают на «исключительности» американской революции, а с другой, - желая изобразить ее в роли эталона демократического развития и образца для развивающихся стран, доказывают ее «универсализм». Очевидно, что «исключительность» и «универсализм» - понятия взаимоисключающие.

Между тем в литературе последних лет все чаще и все настойчивее делаются попытки увязать рассмотрение американской революции и ее сравнительную характеристику с политическими задачами сегодняшнего

дня. «Создала ли американская революция прецедент в истории западного мира, призваны ли Соединенные Штаты выполнить историческую миссию и не показывают ли они своим примером образец для всех?». Этим вопросом заключает свою работу французский историк Каспи (*Kaspi Op. cit., p. 26*). Американский историк Р. Моррис высказывается по этому поводу более решительно. Подчеркивая преимущества американской революции, Моррис прямо заявляет, что получившие независимость страны колониального мира должны следовать примеру США. Этой теме целиком посвящена его работа «Развивающиеся нации и американская революция». Свои рекомендации Моррис пытается, в частности, подкрепить сопоставлением революции в США с социалистическими революциями и прежде всего с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917г. в России. Для Морриса этот вопрос решается однозначно - в пользу американской революции. Но для мирового революционного движения, как это вынужден признать американский историк, он отнюдь не решается таким образом (*Morris R. The emerging nations and the American revolution, p. 128.*).

Известный социолог Арендт в книге «О революциях» также отводит этому вопросу центральное место. Автор не скрывает, что проблема приоритета американской революции интересует ее с точки зрения престижа США на международной арене. Она говорит об Атлантическом сообществе как о «последнем оплоте западной цивилизации» и сожалеет о том, что американская революция до сих пор не получила должного признания. «В последнее время, когда революция стала одним из самых распространенных явлений всех стран и континентов, - пишет она, - отказ включить американскую революцию в революционную традицию ударил бумерангом по внешней политике США. Даже революции на американском континенте говорят и действуют так, будто они заучили опыт революций во Франции, России, Китае и никогда не слышали ничего подобного о такой вещи, как революция в Америке» (*Arendt H. On revolution. New York, 1963, p. 217-218.*). Другой американский историк Д. Лэси, подчеркивающий в своей книге «Значение американской революции» ее «универсализм», также сожалеет, что XIX и XX вв. оказались «разочаровывающими», поскольку американизм не удалось распространить на остальной мир (*Lacy D. The meaning of the American revolution. New York, 1964, p. 284-285.*).

Нет никаких оснований умять значение американской революции, сыгравшей исключительно важную роль в истории США. В 1918 г. В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим» писал, что борьба за независимость в Америке показала в то время «образец» революционной войны. Он отмечал, что восстание американских колоний против Англии было «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.*). Однако, если говорить о вкладе американской революции и ее заслугах перед историей по сравнению с той ролью, которую сыграла близкая к ней по времени французская революция, необходимо признать, что значение последней было неизмеримо большим. «Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, - говорил В. И. Ленин, - она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру

всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...» (Там же, т. 38, с. 367.). Этим и объясняется тот факт, что опыт революционной борьбы во Франции оказал сильное влияние на последующее развитие мирового революционного движения, несравненно большее, чем революция в Америке. Что же касается Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. и других более поздних революций социалистического типа, то огромное влияние, оказанное ими на историческое развитие XX в., определяется тем, что революции эти знаменовали собой переход от капитализма к новой более передовой социально-экономической формации - социализму. Поэтому историческое значение и роль американской буржуазной революции и революций социалистических совершенно несопоставимы. Объективно социалистические революции явились следующим этапом по пути прогресса человеческого общества!. Подобно революционным движениям в других странах, американская революция сопровождалась ломкой и перестройкой старой системы. Если же говорить о глубине совершенных ею преобразований, то следует отметить, что характер американской революции зависел от исторических условий, в которых она происходила, прежде всего - от соотношения классовых сил. Эти факторы определяли степень свободы, характер «прав человека» и другие отмеченные выше ее особенности. Перемены, к которым привела революция в Америке, были обусловлены рамками буржуазных преобразований, чем и объясняется их исторически ограниченный характер.

'Сыны свободы', подняв мост, предотвратили карательную операцию английских войск против американских повстанцев. Карикатура худ. Э. Сореля